

**МИХАИЛ ГЕЛЛЕР
АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ**

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

**История Советского Союза
с 1917 года до наших дней**

I

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

Об авторах

МИХАИЛ ГЕЛЛЕР родился в 1922 году. Историк по образованию. С 1969 года живет в Париже, преподает в Сорбонне. Доктор исторических наук. Автор книг: *Концентрационный мир и советская литература* (Лондон, Овэрсис пабликэйшнс, 1974), *Андрей Платонов в поисках счастья* (Париж, Имка-Пресс, 1982).

АЛЕКСАНДР НЕКРИЧ родился в 1920 году. Историк по образованию, доктор исторических наук. С 1950 г. по 1976 г. старший научный сотрудник Института Истории Академии Наук СССР. В 1976 г. эмигрировал в США. С этого времени научный сотрудник Русского исследовательского центра Гарвардского университета, преподает также в университетах США и Европы. А. Некрич — автор многочисленных работ по истории Великобритании, СССР, международных отношений и второй мировой войны, в том числе:

Внешняя политика Англии. 1939—1941. Москва, Изд-во АН СССР, 1964; *1941, 22 июня.* Москва, Изд-во «Наука», 1965; *Наказанные народы*, Нью-Йорк, Хроника-Пресс, 1978; *Отрешись от страха.* Воспоминания историка. Лондон, Овэрсис пабликэйшнс, 1979.

А. Некрич принимал участие в издании *Всемирной истории*, *Большой Советской энциклопедии*, *Дипломатического словаря*, *Истории внешней политики СССР* в качестве автора и редактора.

**MIKHAIL
HELLER
ALEKSANDR
NEKRICH**

UTOPIIA U VLASTI

**Istoriia Sovetskogo Soiuza
s 1917 goda do nashikh dnei**

I

Overseas Publications Interchange Ltd.

**МИХАИЛ
ГЕЛЛЕР**

**АЛЕКСАНДР
НЕКРИЧ**

УТОПИЯ У ВЛАСТИ

**История Советского Союза
с 1917 года до наших дней**

I

Overseas Publications Interchange Ltd.

Mikhail Heller, Aleksandr Nekrich: UTOPIIA U VLASTI.
Istoriia Sovetskogo Soiuzs s 1917 goda do nashikh dnei

First Russian edition published in 1982
by Overseas Publications Interchange Ltd
40, Elsham Road, London W14 8HB, England

Copyright ©M. Heller and A. Nekrich, 1982
Copyright © Russian edition Overseas Publications
Interchange Ltd, 1982

All rights reserved

No part of this publication may be reproduced,
in any form or by any means, without permission.

ISBN for complete set of 2 volumes: 0 903868 44 X
ISBN for this volume: 0 9500215 6 3

Printed in Germany
by Polyglott-Druck GmbH
Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt/Main 80

Главы 1-6: Михаил Геллер,
главы 7-10: Александр Некрич,
11 глава написана совместно

*Александр Некрич благодарит
Русский исследовательский центр
Гарвардского университета
за предоставление ему возможности работать
над этой книгой.*

ВВЕДЕНИЕ

Человек будущего – это тот, у кого окажется самая долгая память.

Фридрих Ницше

„Горе побежденным”, – говорили еще древние римляне. Горе побежденным означало, и означает, не только истребление побежденных или превращение их в рабов. Оно означало, и означает, что победитель пишет историю победоносной войны, овладевает прошлым, овладевает памятью. Джордж Орвелл, единственный, быть может, западный писатель, понявший глубинную суть советского мира, создал формулу четкую и беспощадную: тот, кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее. Но английский писатель не был первым. До него первый русский историк-марксист М. Н. Покровский утверждал: история есть политика, опрокинутая в прошлое.

С древнейших времен историю писали победители. История Советского Союза не просто еще один пример, подтверждающий правило. Здесь в наивысшей степени история сознательно и последовательно была поставлена на службу власти. После Октябрьского переворота происходит не только национализация средств производства, национализируются все области жизни. И прежде всего – память, история.

Память делает человека человеком. Лишенный памяти, человек превращается в бесформенную массу, из которой те, кто контролирует прошлое, могут лепить все, что им угодно. Граф Бенкендорф писал: „Прошедшее России было удивительно, ее настоящее более, чем великолепно, что же касается ее будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое смелое воображение”. Именно с этой точки зрения, полагал он, „русская история должна быть рассматри-

ваема и писана”. Первый шеф корпуса жандармов был твердо убежден в справедливости этой точки зрения. А. М. Горький, учивший: „Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина”¹ – был твердо убежден в необходимости этой точки зрения. Фундаментальное учение Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина, как бы опираясь на благие пожелания графа Бенкендорфа, сумело лишить народ памяти. На протяжении нескольких после-революционных лет была разработана техника манипулирования прошлым, контроля над историей, неизвестная ранее человечеству. Манипулируется и контролируется, как российское прошлое – история России и входивших в состав империи народов, так и советское прошлое – история СССР. Впрочем, история СССР, государственного объединения, возникшего в 1922 г., начинается в советских учебниках с истории государства Урарту. Таким образом, судя по этим учебникам, триумфальное шествие к сияющим вершинам зрелого социализма началось у подножья озера Ван в 9-м веке до нашей эры.

Многие западные историки, на словах отвергающие официальную точку зрения советской историографии, в действительности принимают ее. Истоки 1917 г. они ищут в неурядицах киевских князей, в татарском иге, в жестокости Ивана IV и беспощадности Петра I, в разорванных Анной Иоановной в 1730 г. „кондициях”, ограничивающих монархическую власть, или в подписании Петром III в 1761 г. манифеста о дворянской вольности. Уход в далекое прошлое позволяет советским историкам доказывать, что мечту о социализме лелеяли еще смерды Юрия Долгорукого, а московский князь Иван Калита готовил будущий расцвет столицы первой в мире страны победившего социализма. Уход в далекое прошлое позволяет западным историкам тянуть прямую линию от Ивана Васильевича к Иосифу Виссарионовичу, от Малюты Скуратова к Юрию Андропову, легко доказывая таким образом, что Россия – со скифских времен – неудержимо шла к Октябрьской революции и советской власти. Ибо – таков национальный характер русского народа. Нигде больше, по мысли этих ученых, подобное невозможно.

Не подлежит сомнению, что исторические события сказываются на жизни народов не только непосредственно, но и много, иногда столетия, спустя. Совершенно очевидно, что при изучении истории необходимо учитывать географию, климатические условия, характер почв, национальные черты жителей, формы правления. Сходны для всех современных обществ такие постоянные факторы, как индустриализация, урбанизация, демографические циклы.

Учет всех этих факторов оказывается недостаточным при изучении истории советского государства. Специфическая особенность — тотальное воздействие правящей партии на все области жизни в размерах никогда в прошлом неизвестных — определило характер всех советских институтов и характер Homo Советикус, советского человека. Это тотальное воздействие исказило ход нормальных процессов, присущих современным обществам, и привело к возникновению небывалого в истории общества и государства.

Переход от дооктябрьской России к СССР был, как выразился А. Солженицын, „не продолжением, но смертельным изломом хребта, который едва не окончился полной национальной гибелью”. История Советского Союза это — история превращения России, страны не лучше и не хуже других, со своими особенностями, но сравнимой во всех отношениях с другими европейскими государствами, в СССР — явление неизвестное ранее человечеству.

25 октября 1917 г. начинается новая эпоха. История России кончилась. Ее место заняла история СССР. Новая эпоха начинается для всего человечества, ибо последствия Октябрьского переворота ощутил — и ощущает — весь мир. „История Homo Сапиенс, напишет Артур Кестлер, — началась с нуля”. И, можно добавить: отсюда же началась и история Homo Советикус.

Глава первая КАНУНЫ

1. Первая мировая война

Октябрьская революция – детище первой мировой войны. Десятилетие, предшествовавшее войне, было временем бурного экономического развития России. Развитие это, начавшееся после освобождения крестьян, приобретает особый размах после поражения в войне с Японией. Необходимость постройки нового флота, вместо погибшего, необходимость перевооружения армии, вынуждают правительство ассигновать значительные суммы, идущие прежде всего в индустрию.

Французский экономист Эдмонд Тэри, выпустивший книгу *Экономическое преобразование России* за полгода до начала войны, приводит красноречивые цифры: в пятилетие 1908–1912 гг., по сравнению с предыдущим пятилетием, производство угля возросло на 79,3%, чугуна – на 24,8%, железа и железных изделий – на 45,9%.¹ Прирост продукции крупной промышленности составил за 13 лет – 1900–1913 – с поправкой на рост цен – 74,1%.² В 1890 г. в стране было 26,6 тысяч верст железных дорог, в 1915г. – 64,5 тысяч верст.³ Успехи русской промышленности вели к значительному сокращению зависимости от иностранного капитала. Правда, в *Истории СССР*, учебнике для студентов исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов, утверждается, что к 1914 г. удельный вес иностранных капиталов составлял 47%,⁴ но советский же историк Л. М. Спириин полагает, что удельный вес иностранных вложений составлял „около одной трети”.⁵ Английский

историк Норман Стоун отмечает сокращение доли иностранных вложений с 50% в 1904–5 гг. до 12,5% накануне мировой войны.⁶

Эдмонд Тэри подчеркивает, что сельское хозяйство в России не отстает от промышленности: в пятилетие 1908–1912 по сравнению с предыдущим пятилетием производство пшеницы возросло на 37,5%, ржи – на 2,4%, ячменя – на 62,2%, овса – на 20,9%, кукурузы – на 44,8%.⁷ Французский экономист комментирует: „Нет нужды добавлять, что ни один народ в Европе не может похвастаться подобными результатами. Этот рост сельскохозяйственного производства... не только позволяет удовлетворить новые потребности населения, численность которого возрастает ежегодно на 2,7% и которое питается лучше, чем раньше, но и значительно увеличить экспорт...” В годы хорошего урожая (например, в 1909–10) русский экспорт пшеницы составлял 40% мирового экспорта, в годы плохого урожая (например, в 1908 и 1912) он сокращался до 11,5% мирового экспорта.

Население российской империи, составлявшее в 1900 году 135600 тысяч человек, насчитывало в 1912 году – 171100. Исходя из этого роста, Э. Тэри составил демографический прогноз и предположил, что в 1948 году население России достигнет 343900 тысяч человек.⁸

Бурное экономическое развитие страны сопровождалось коренными социальными изменениями. Население городов за последние полвека существования империи выросло с 7 до 20 миллионов. Разрушалась иерархическая структура государства. Крошились и падали преграды, отделявшие сословия. Теряло свое значение дворянство – бывшая основа российского государства. В. Шульгин, со свойственной ему лаконичностью и выразительностью, вынес приговор: „... класс, поставлявший властителей /.../ их больше не поставляет... Был класс, да съездился”.⁹ Значительных успехов достигло народное просвещение. В 1908 году был принят закон о введении обязательного начального обучения. Его осуществление прервала революция. (Заметим, что советской властью он был реализован лишь в 1930 году.) Об усилиях государства свидетельствовал рост ассигнований на просвещение: с 1902 до 1912 года они увеличились на 216,2%.¹⁰ В 1915 году 51% всех детей в возрасте 8–11 лет получил начальное образование, а 68% рекрутов, призванных на военную службу умели читать и писать.¹¹ По сравнению с передовыми западными странами Россия еще отставала. Но цифры роста числа школ, увеличения ассигнований на просвещение свидетельствовали о значительных усилиях государства и немалых успехах. Английский наблюдатель отмечает важную особенность русской школы – высокие моральные и профессиональные качества учителя: „Наиболее распространенный тип среди русских преподавателей – тип идеалиста. Преданный своему

делу и неутомимый, когда нужно помочь ученикам, это подлинный учитель молодежи. И хотя его жалование ниже, чем в большинстве других стран, энтузиазмом своим он значительно превосходит преподавателей в передовых странах”.¹²

Первое десятилетие 20-го века — время замечательного расцвета русской культуры, ее Серебряный век.

Государственная структура России менялась несравненно медленнее, чем структуры экономические, социальные, культурные. Революция 1905 года, результат неудачной войны с Японией, вынудили царя согласиться на проведение целого ряда государственных реформ, на введение конституции. Россия стала конституционной монархией с представительным собранием — Государственной Думой, с гарантированными свободами печати, собраний, союзов. Эти права, как и права Думы, были более ограниченными, чем в европейских демократических странах, но они существовали. В Думе были представлены самые разные политические течения — от сторонников неограниченного самодержавия до большевиков, но выборы в нее были многоступенчатыми и цензовыми. В 1906 году председатель Совета министров П. А. Столыпин проводит закон, предоставлявший каждому крестьянину (главе каждой крестьянской семьи) право закреплять в собственность приходящуюся на его долю часть общинной земли. Значение этой реформы кратко и ясно выразил Троцкий: если бы она была завершена, „русский пролетариат не смог бы прийти к власти в 1917 году”.¹³

За короткий период между революцией 1905 года и кануном мировой войны Россия переживает политическую эволюцию, подобной которой она не знала в своей истории. Но все слои населения недовольны. Крестьяне, несмотря на значительное улучшение их положения, не перестают мечтать о земле, твердо веря, что ликвидация помещичьего землевладения решит все их проблемы. Рабочие, положение которых постепенно улучшается, которые получили право (с некоторыми оговорками) на экономические забастовки, и — с 1912 года — страхование на случай болезни и несчастных случаев, добиваются сокращения рабочего дня и повышения жизненного уровня. Расширения политических прав добивается молодая русская буржуазия, требующая для себя участия в политическом аппарате страны. Русская интеллигенция мечтает о революции, которая принесет свободу, и составляет ядро многочисленных революционных партий.

В оппозиции к власти находились все нерусские народы, входившие в империю. Особенно остро проявляли свое недовольство поляки, финны и евреи.

В России накануне первой мировой войны подтвердилось наблюдение, сделанное великим французским историком Алексисом де Токвилем, анализировавшим причины Французской революции: самый опасный момент для плохого правительства — это время, когда оно приступает к реформам. „Очень часто, — заметил историк, — народ, который безропотно выносит наиболее суровые законы, силой сбрасывает их, когда они легчают... Феодализм в период своего расцвета никогда не вызывал у французов такой ненависти, как накануне своего исчезновения. Мельчайшее проявление самовластия Людовиком XVI казалось гораздо невыносимее абсолютного деспотизма Людовика XIV”.

Дело Бейлиса, еврея, обвиненного в ритуальном убийстве христианского мальчика, отразило как в капле воды положение в стране накануне войны. Несмотря на открыто выраженное желание царского правительства и суда добиться осуждения обвиняемого, присяжные заседатели — малограмотные украинские крестьяне — оправдали Бейлиса.¹⁴ Процесс Бейлиса стал как бы подсчетом сил, — антиправительственных и проправительственных. Оправдательный приговор Бейлису верно отражал слабость последних.

17 января 1906 года министр сельского хозяйства А. С. Ермолов, встревоженный революционными событиями и прежде всего расстрелом петербургских рабочих 9 января, имел очень откровенный разговор с Николаем II. „Необходимо думать о фундаменте, на который должно опираться самодержавие. Оно не может опираться только на вооруженную силу, только на армию...”, — сказал министр. „Я понимаю, что это невозможное положение”, — ответил царь. „Несколько лет назад, — добавил министр, — основой правительства было дворянство. Но теперь положение существенно изменилось”.

Россия вступила в мировую войну в эпоху бурного, необычайно быстрого развития, в эпоху ломки и строительства, в условиях всеобщего недовольства и всеобщих надежд, вступила со слабым правительством, не умевшим обеспечить себе поддержку народа. Предупреждений об опасности войны для династии и страны было достаточно. Граф Коконцев, способный и энергичный государственный деятель, уволенный царем с поста председателя Совета министров в январе 1914 года, после поездки в Германию осенью 1913 года, предупреждал Николая II о том, что война окончится катастрофой для династии. „Все в воле Божьей”, — ответил император.¹⁵

Петр Дурново, министр внутренних дел в правительстве Витте, а затем член Государственного совета, направил Николаю II знаменитый меморандум, в котором пророчески предсказывал: „Всеобщая европейская война смертельно опасна для России и Германии не-

зависимо от того, кто ее выиграет... В случае поражения, возможности которого с таким врагом, как Германия нельзя исключить, социальная революция в ее наиболее крайней форме неизбежна..." Меморандум Дурново был обнаружен в царских бумагах после революции. Никаких отметок на нем нет. Возможно, что он не был прочитан.¹⁶ Предупреждал об опасности войны и Григорий Распутин, злой гений царской семьи, влияние которого на судьбы страны росло, начиная с 1906 года.

О причинах и виновниках первой мировой войны историки спорят и сегодня. Сегодня, однако, забывается то, что летом 1914 года было в Европе самым распространенным чувством: убежденностью в невозможности войны между цивилизованными странами. Вторая мировая война, вспыхнувшая через 20 лет после окончания первой, ожидалась европейскими народами как нечто естественное, в качестве неизбежного результата первой.

В первую же мировую войну Европа вступила после 45 лет мира, если считать франко-прусскую войну последней войной „белых людей". Война казалась невысказанной, но она пришла. К ней готовились, но все страны были захвачены врасплох. Для России война стала испытанием, проверкой на прочность всех частей ее гигантского государственного, экономического и социального организма.

Первое сражение и первое поражение русской армии в августе 1914 года отразило в себе состояние русского государства, позволило увидеть причины гибели царской России весной 1917 года. Мемуаристы-участники сражения в Восточной Пруссии, историки первой мировой войны, русские и советские, объясняли поражение русской армии преждевременным ее выступлением для спасения Франции и ее неподготовленностью в результате преждевременности выступления.

В действительности, еще в августе 1911 года тогдашний начальник Генерального штаба генерал Жилинский дал обещание союзникам-французам бросить против Германии 800-тысячную армию „на пятнадцатый день после мобилизации".¹⁷ После начала войны французская армия сразу же перешла в наступление и несла тяжелые потери. Русский военный атташе в Париже граф Игнатъев сообщал, что в некоторых французских полках потери составляют 50% и добавлял: „Стало ясно, что исход войны будет зависеть от того, что мы сможем сделать для того, чтобы оттянуть немецкие войска на нас".¹⁸ Совершенно очевидно, что поражение Франции неминуемо влекло бы за собой поражение России. Материальное оснащение русской армии было недостаточным, но стало это очевидно лишь позднее. На 12-й день мобилизации 1-я армия ген. Рененкампа имела по 785 снарядов

на орудие, а 2-я армия ген. Самсонова – по 737 снарядов.¹⁹ Это было ничтожно мало, но масштабов первой мировой войны еще никто в то время не представлял. 1-я манчжурская армия израсходовала за год русско-японской войны – по 1 тысяче снарядов на орудие, а другие две армии – по 708 и 944. Все воюющие армии в 1914 году исходили, в первые дни мировой войны, из опыта русско-японской войны. Причиной поражения русских армий в Восточной Пруссии было прежде всего плохое командование армиями, в особенности на уровне генерального штаба и ставки верховного командования.

Начало мировой войны все воюющие страны встретили с твердым убеждением, что продлится она каких-нибудь 5-6 недель, и к тому времени „когда опадут листья” солдаты вернутся домой. Надежды эти развеялись быстро. Воюющие страны начинают перестраиваться – технически и психологически – для ведения длительной, позиционной войны.

После первых же боев русская армия начинает испытывать нехватку снарядов, патронов, винтовок. Как и в других странах это объяснялось прежде всего убеждением в краткосрочности будущей войны. В *Большой программе* развития русской военной промышленности и армии прямо говорилось, что политическое и экономическое положение в Европе исключает возможность длительной войны.¹⁹

Когда нехватка снарядов стала одной из причин сокрушительного поражения русских войск в 1915 году, поражения, потрясшего страну огромными жертвами, необходимостью отступить из Польши, техническая проблема – снабжение армии, становится государственной проблемой. Необходимость перестройки экономики страны для удовлетворения военных нужд порождает множество экономических и политических вопросов, затрагивающих самую суть царской России.

Нехватка снарядов не была единственной (как пыталась представить Ставка), не была даже основной причиной поражения 1915 года. Советские историки утверждают, что Россия была неспособна на ее стадии промышленного развития удовлетворить нужду современной войны.²⁰ Но подлинные события 1916 года опровергают и алиби Ставки, и подобного рода мнение: несмотря на изобилие снарядов, поставляемых в необходимом количестве русской промышленностью, сумевшей перестроиться на военный лад, русская армия добивается успеха лишь однажды – в Брусиловском наступлении. „Нехватка” снарядов была внешним проявлением глубокой болезни государственного организма.

Едва прошел патриотический энтузиазм первых недель войны, как начинает нарастать „кризис власти” в армии. Ее численность возрастает до такой степени, что административная машина оказывается

не в состоянии с ней сладить. К июлю 1915 года было призвано 9 миллионов человек. Численность офицеров, недостаточная даже для двухмиллионной армии мирного времени, резко упала в связи с тяжелыми жертвами первого года войны. За год войны офицерские потери составили 60 тысяч человек. Это значит, что из 40 тысяч довоенных офицеров не осталось почти никого. Офицерские школы выпускали в год 35 тысяч человек. К сентябрю 1915 года редкие фронтовые полки — 3 тысячи солдат — имели более 12 офицеров. Только в конце 1915 — начале 1916 годов стало практиковаться в значительных масштабах производство в офицеры отличившихся солдат. Еще больше, чем нехватка офицеров ощущалась нехватка унтер-офицеров, которые служили связующим звеном между офицерами и солдатами.

„Кризис власти” в армии был самым ярким симптомом кризиса власти в государстве. Убеденный монархист В. В. Шульгин, один из талантливейших хроникеров революции, выразил свои претензии к верховной власти: „Не может же в самом деле совершенно рамольный Горемыкин быть главою правительства во время мировой войны... Не может, потому что он органически, и по старости своей, и по заскорузлости не может стать в уровень с необходимыми требованиями...”²¹ На место Горемыкина Николай II в январе 1916 года назначает премьером — Штюрмера. О нем тот же Шульгин пишет: „Дело в том, что Штюрмер маленький, ничтожный человек, а Россия ведет мировую войну. Дело в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас „святочный дед” премьером. Вот где ужас... И вот отчего страна в бешенстве.”²²

Страна была в бешенстве ибо русские армии терпели поражения, отступали. Росли цены. В городах начались перебои с доставкой продовольствия, хотя продовольствия в стране было достаточно. Страна была в бешенстве ибо устала от войны, а причиной несчастий в сознании народа, всех слоев населения, становится царь, царица и Распутин.

Можно составить библиотеку из книг, посвященных Григорию Распутину, его неизъяснимому влиянию на императрицу, а через нее на Николая II. Переписка императорской четы дает обильный материал для самых разных предположений, гипотез, объяснений: мистицизм царицы, чудотворные способности старца Григория, трехкратно спасавшего от смерти наследника престола, страдавшего гемофилией, гипнотизм, колдовство и т. д. Важно, однако, другое. Как пишет Шульгин: „Кто не знает этой фразы: „Лучше один Распутин, чем десять истерик в день”. Хроникер революции совершенно справедливо добавляет: „Не знаю, была ли произнесена эта фраза в действи-

тельности, но в конце концов это безразлично, потому что ее произносит вся Россия”.²³

Миф о Распутине — темном сибирском мужике, околдовавшем царскую семью и бесстыдно властвующем в Петрограде, — несмотря на отсутствие современных средств связи распространился по всей России. И нанес смертельный удар престижу императора.

Разрыв между властью и обществом становится физическим, когда Николай II в августе 1915 года принимает на себя верховное главнокомандование. Пребывание в Ставке — в Могилеве — удаляет его из столицы: последствия этого станут очевидными в феврале 1917 года, когда царь, оказавшись как бы в западне, не сможет даже доехать до Петрограда. В то же время возрастает влияние царицы на политическую жизнь в стране. А следовательно — для всей России — влияние Распутина.

Став Верховным главнокомандующим, Николай II взял на себя полную, безраздельную ответственность за все, что происходит в стране. И вина за все поражения, беды, несчастья падает теперь только на него — и его окружение.

Страна живет сама по себе, а власть сама по себе — в безвоздушном пространстве. Несмотря на войну, можно бы сказать — в связи с войной — продолжается быстрое экономическое развитие России. В 1914 году русская экономика составила — по сравнению с 1913 годом — 101,2%, в 1915 — 113,7%, в 1916 — 121,5%.²⁴ Добыча угля возросла за это время на 30%, возросла добыча нефти, значительно увеличился выпуск машиностроительной и химической промышленности. Резкое сокращение импорта заставило русских промышленников начать производство отечественных машин. По данным на 1 января 1917 года русские заводы выпускали больше снарядов, чем французские в августе 1916 года и вдвое больше, чем английские. Россия производила в 1916 году 20 тысяч легких орудий и импортировала 5625. Производство гаубиц было на 100% отечественное, а тяжелых орудий — на 75%.²⁵ Запасов царской России хватило на три с лишним года гражданской войны.

Для обуздания бурного стихийного процесса развития экономики, для ликвидации возникающих в его ходе узких горл, необходимы структурные изменения, реформы. Николай II хочет лишь одного: сохранить страну в том виде, в каком он застал ее, вступив на престол после смерти отца. Все действия царя, а в еще большей степени его бездействие были направлены на эту цель. Шульгин дает краткую и красноречивую характеристику состояния, в каком оказалась Россия в разгар тяжелейшей войны: „самодержавие без Самодержца”.²⁶ „Власть, — писал Александр Блок, — раздираемая различными

влияниями и лишенная воли, сама пришла к бездействию; в ней /.../ не было уже ни одного „боевого атома“, и весь „дух борьбы“ выражался лишь в том, чтобы „ставить заслоны“.²⁷

Даже советский историк вынужден отметить: „В 1917 году в России почти все классы имели партии“.²⁸ К этому следовало бы добавить, что возникли эти партии задолго до 1917 года и что большинство из них действовало легально, имело своих представителей в Думе. Только в ноябре 1914 года представители партии большевиков в Думе, открыто выступившие за поражение России в войне, были арестованы и после суда сосланы.

К середине 1915 года все партии, представленные в Думе, оказались в оппозиции к царю. Ядром парламентской оппозиции стал Прогрессивный блок, созданный в августе 1915 года. В него вошли конституционно-демократическая партия (кадеты), „Союз 17 октября“, прогрессисты и националисты. Главной силой этого объединения, включавшего либералов, центр и правых (кроме крайне правых), была единственная в истории России либеральная партия — кадеты. В ее программе подчеркивался внеклассовый и всенародный характер партии. Высшей ценностью партия объявила Россию, сильное русское государство. Свою оппозицию царской власти она объясняла желанием укрепить русское государство. Прогресс определялся для кадетов в значительной степени способностью России защищать свое международное положение. Они провозглашали необходимость подчинения „всех без исключения“ закону, обеспечения „основных гражданских свобод“ для всех граждан страны, введения 8-часового рабочего дня, свободы профсоюзной деятельности, обязательного государственного страхования по болезни и старости, распределения среди крестьян монастырской и государственной земли и выкупа помещичьей. Кадеты были категорически против федерализма или других изменений государственной структуры, которые могли бы ослабить империю. Они считали своей задачей подготовку России к „парламентской системе и власти закона“.²⁹ Главной базой конституционно-демократической партии было земское движение, земские учреждения, созданные в России после реформ шестидесятых годов 19-го века. Возникшие в начале войны всероссийские союзы — земский и городской, — ставившие задачей привлечение широкой общественности к совместной с правительством деятельности по укреплению обороны государства, значительно расширили сферу влияния партии кадетов.

„Октябристы“ и „прогрессисты“, вошедшие в Прогрессивный блок, выражали либерально-монархические взгляды. Они надеялись, примкнув к парламентской оппозиции, с одной стороны, канализи-

ровать недовольство, а с другой, побудить Николая II прислушаться к предостерегающим голосам, изменить состав правительства, дать „министерство общественного доверия”.

Революционные партии – социалисты-революционеры, социал-демократы (большевики и меньшевики) – старались сочетать революционную деятельность с легальной оппозицией в парламенте. В первые годы войны революционная агитация находит слабый отклик в народе. Особенно непопулярны пораженческие лозунги большевиков. Арест участников большевистской конференции, собравшейся в ноябре 1914 года в Финляндии под председательством Каменева с участием депутатов Думы, лишил большевистские организации в стране руководства.

Руководство из-за границы осуществлялось с большим трудом, на виду охраны, пронизавшей партию провокаторами. С. Гусев-Драпкин вспоминал, что в 1908-9 годах петербургская организация большевиков почти полностью развалилась: „К этому времени относится чрезвычайное развитие провокации. Свердлов был в ленинградском комитете еще с четырьмя членами комитета, и он тогда подозревал, что *один* из них провокатор. А после февральской революции, когда открыли архивы Департамента полиции, оказалось, что все четверо были провокаторами, а Свердлов был единственным большевиком в этом комитете.³⁰ Примерно так же обстояло дело и в других городах: „По части провокаторов Москва в 1912-14 годах можно сказать побила рекорд... все, бравшие на себя инициативу восстановить Московский Комитет нашей партии, неизменно запутывались в трех основных, чисто московских провокаторах, как в трех соснах: Романов, Поскребухин, Маракушев, не говоря уже о Малиновском”.³¹ Малиновский, руководитель большевистской фракции в Думе, фактически руководитель партии в России, любимец Ленина³² – был ценнейшим агентом охраны.

Провокаторство, внедрение своих агентов в ряды революционных партий, было излюбленным оружием охранного отделения. С помощью Азефа охранке удалось нанести тяжелейший удар партии эсеров. Но отношение тайной полиции к партии большевиков было особенным. Главной ее заботой было недопущение объединения социал-демократов в единую организацию. Такое объединение представлялось ей серьезнейшей угрозой режиму. Поэтому фракция Ленина, ставшая с 1912 года партией, делавшая все, чтобы объединения не допустить, высоко ценилась Департаментом полиции. Политика хронического раскола, которую вел Ленин, полностью совпадала с планами охраны. В особом циркуляре предлагалось начальникам всех „розыскных учреждений безотлагательно внушить под-

ведомственным им секретным сотрудникам, чтобы они, участвуя в разного рода партийных совещаниях, неуклонно и настойчиво проводили и убедительно отстаивали идею полной невозможности какого бы то ни было органического слияния этих течений (в РСДРП), и в особенности объединения большевиков с меньшевиками”.³³ На этой позиции, начиная с 1903 года, стоял Ленин.

Особое отношение к большевистской партии выражается даже в словесном портрете Ленина в Департаменте полиции, закончившемся словами: „наружностью производит впечатление приятное”. Полиция настолько проникается духом революционной борьбы, что начинает широко использовать партийный жаргон. Об одном из течений РСДРП Департамент полиции неодобрительно замечает: „склонно к оппортунизму”. Недовольство вызывают у полиции и нарушения партийной дисциплины. 24 июня 1909 года Департамент полиции сообщает начальнику московского охранного отделения: „Члены Большевистского центра Богданов, Марат и Никитич (Красин) перешли к критике Большевистского центра, склонились к отзовизму и ультиматизму и, захватив крупную часть похищенных в Тифлисе денег, начали заниматься тайной агитацией против Большевистского центра вообще и отдельных его членов в частности. Так, они открыли школу на острове Капри, у Горького”.³⁴ Создается впечатление, что похищение в Тифлисе денег волнует Департамент полиции гораздо меньше, чем „отзовизм и ультиматизм”, а также „критика Большевистского центра”, т. е. Ленина. Жандармский генерал А. Спиридович, отмечая пользу, которую приносили полиции секретные агенты, признавал, однако, что их работа „нередко служила на пользу партии и шла во вред правительству”.³⁵ Ленин, давая 26 мая 1917 года показания по делу Малиновского следователю Чрезвычайной комиссии, утверждал что польза, принесенная провокатором партии, была больше причиненного им вреда.³⁶ Ленин был несомненно прав. Малиновский произносил в Думе антиправительственные речи, написанные Лениным и отредактированные вице-директором Департамента полиции Виссарионовым.³⁷ Редактор Виссарионов не мог изменить смысла текста автора Ленина.

2. Весна 1917

В конце 1916 года всеобщее недовольство, вызванное усталостью от войны, неудачами на фронте, ростом цен, усиливается в связи с сокращением поставок продовольствия в Петроград и Москву. 19 января 1917 года „Отделение по охранению общественной без-

опасности и порядка в столице” доносило в „совершенно секретном докладе”: „Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства...”³⁸

Продовольственные трудности, которые начинают испытывать города в 1916 году, были вызваны прежде всего неумением правительства организовать закупку сельскохозяйственных продуктов и их транспортировку. В годы войны собиралось даже больше зерна, чем до войны (если вычесть занятую немцами территорию): в 1914 году — 4304 миллионов пудов, в 1915 — 4659 миллионов, в 1916 — 3916 миллионов пудов.³⁹ Армия брала больше чем до войны: 85 миллионов пудов в 1913-14 годах, 485 в 1916-17 годах. Но в это же время экспорт зерна, составлявший в 1913-14 годах 640 миллионов пудов, упал в 1916-17 годах до 3 миллионов. Причиной продовольственных трудностей в городах было нежелание крестьян продавать зерно по ценам, которые не переставали падать по мере роста инфляции.

Правительство не понимало причин трудностей: попытки контролировать цены сводились нередко к мерам, применяемым ташкентским генерал-губернатором, который по субботам ходил по базару и приказывал пороть торговцев, превышавших „нормальные” с его точки зрения цены; попытки организовать заготовки с помощью уполномоченных провалились. Правительство не знало, что предпринять, меняло политику, колебалось. Не понимали причин трудностей и общественные деятели, — правые объясняли их происками евреев и немцев: Союз русского народа открыл свои „русские хлебные лавки”, левые объясняли происками помещиков и кулаков. Все сходились на том, что виноваты железные дороги, не успевающие перевозить хлеб. В действительности же трудность состояла не в отсутствии железнодорожного транспорта — в 1918 году в стране имелось 18757 паровозов и 444 тысячи вагонов по сравнению с 17036 паровозов и 402 тысячами вагонов в 1914 году — а в отсутствии зерна: поезда гонялись за зерном, а не зерно за поездами.⁴⁰

Доклад охранного отделения о положении в столице от 19 января 1917 года кончался выводом: общество жаждет „найти выход из создавшегося политически ненормального положения, которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее”.⁴¹

Парламентская оппозиция все более проникается убеждением, что необходимо добиться от царя „ответственного министерства”, в котором ключевые посты должны занять представители Прогрессивного блока. Группа депутатов Думы во главе с А. И. Гучковым, убежденным монархистом, лидером умеренных либералов, начинает

готовить заговор с целью свержения Николая II для сохранения династии.

Революционные партии, антивоенные и антицарские, лозунги которых находят все более широкий отклик в стране, оценивают тем не менее ситуацию, как еще не созревшую для переворота. Член Думы, один из лидеров меньшевиков Николай Чхеидзе, сторонник Циммервальда и Кинталя, утверждает в начале января 1917 года: „В настоящее время нет никаких надежд на удачную революцию. Я знаю, что полиция пытается инсценировать революционные вспышки и вызвать рабочих на улицу, чтобы с ними расправиться”.⁴² Полностью оторванный от России Ленин, до которого в Цюрих доходят редкие и неясные сведения, говорит в январе тоже самое, что и Чхеидзе: „Мы, старое поколение, не увидим будущей революции”. Представитель Ленина в Петрограде, руководитель русского Бюро ЦК Александр Шляпников констатирует: „Все политические группы и организации подполья были против выступления в ближайшие месяцы 1917 года”.⁴³

Все в стране ждут неминуемых перемен, кроме революционеров. Как скажет В. Шульгин: революционеры еще не готовы, но революция готова.

19 февраля председатель Думы М. В. Родзянко приезжает в Царское Село с докладом о положении в стране и предупреждением, что в случае роспуска Думы, который намечал Николай II, вспыхнет революция. Революция эта, предупреждал Родзянко царя, „сметет вас и вы уже не будете царствовать”. „Ну, Бог даст”, — ответил последний русский самодержец. И услышал в ответ: „Бог ничего не даст, вы и ваше правительство все испортили, революция неминуема”.⁴⁴

Волнения в Петрограде начались даже раньше, чем предвидел их председатель Государственной Думы — через две недели после его доклада. 23 февраля в разных районах Петрограда стали собираться группы людей и требовать хлеба. Рабочие бросают работу и присоединяются к демонстрантам. 26 февраля 4-ая рота Павловского полка открыла огонь по конной полиции. Солдаты начали переходить на сторону демонстрантов.

Парламентская оппозиция надеется, что создание „ответственного министерства” может спасти положение, „В столице анархия, — телеграфирует Родзянко царю. — Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно.

Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца". Николай II, ознакомившись с телеграммой, сказал министру двора Фредериксу: „Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать".⁴⁵ Единственным ответом царя на предупреждения парламентской оппозиции о грозящей стране и династии революционной опасности было решение о роспуске на два месяца Думы.

Революционная оппозиция, захваченная врасплох нарастающим стихийным движением, не знает что следует предпринять и ограничивается разговорами. На квартире Керенского, где собрались представители всех революционных партий — меньшевики всех тенденций, эсеры, трудовики, большевики (большевиков представлял Александр Шляпников) — энтузиазм присутствующих погасил близкий к большевикам И. Юренев. Революции нет и не будет, — заявил он. — Реакция нарастает. У рабочих и солдат разные цели. Следует приготовиться к длительному периоду реакции. Мы должны занять позицию наблюдателя и выждать.⁴⁶ Для всех присутствующих было очевидно, что Юренев выражает точку зрения партии большевиков. Воспоминания петроградского рабочего В. Каюрова, члена городского комитета партии, свидетельствуют о неожиданности событий для партии. Никаких указаний из партийного центра не было, — вспоминает Каюров. — Петроградский комитет был арестован и представитель ЦК Шляпников оказался не в состоянии давать директивы на следующий день. Вечером 26 февраля для Каюрова не было сомнений: революция ликвидируется. Демонстранты разоружены, никто не может больше ответить правительству, принявшему решительные меры.⁴⁷ Большевики оставались в позиции наблюдателей не только потому, что были захвачены врасплох демонстрациями в Петербурге, не только потому, что был арестован Петроградский комитет, но и потому, что Ленин еще осенью 1916 года строго-настроено запретил Шляпникову какое бы то ни было сотрудничество с другими социалистическими партиями.

Революционное движение в столице российской империи нарастало без руководства не потому, что оно было так сильно — профессиональным революционерам движение это казалось слабым, обреченным на провал, — а потому, что противник, царский строй, был так слаб. „Дело было в том, — объясняет В. Шульгин, — что во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти..."⁴⁸

К полудню 27 февраля на сторону демонстрантов перешло около 25 тысяч солдат. Это составляло немногим более 5% войск и полиции, сконцентрированных в Петрограде и его окрестностях. Но

этого оказалось достаточно для превращения бунта в революцию. Правда, победители еще не знают, что они — победители, как не знают побежденные, что они побеждены. Вечером 27 февраля около 30 тысяч солдат приходят в Думу в поисках власти, в поисках правительства. Дума, которая так мечтала о власти, с трудом нашла в себе мужество создать Временный комитет Думы, заявивший (28 февраля манифест этот был расклеен по городу), что берет на себя „восстановление правительственного и общественного порядка”.

За несколько часов до создания Комитета Думы организуется первый Совет. Он обращается к рабочим Петрограда с предложением прислать к вечеру депутатов — по одному на тысячу рабочих. Вечером Совет избирает председателем меньшевика Н. Чхеидзе, заместителями — левых депутатов Думы, А. Керенского и М. Скобелева. Большевиков в Совете так мало, что они не в состоянии организовать фракцию. Избранный в Исполком А. Шляпников, рассказывает, что на первом заседании Совета было сделано сообщение о продовольственном состоянии в Петрограде. Выяснилось, что оно „отнюдь не было катастрофическим”.⁴⁹ Повод, вызвавший волнения в столице, приведший к свержению царя, оказался несуществовавшим.

В то время когда в Петрограде возникли две власти — Комитет Думы и Исполком Совета — российский император ехал из ставки в Могилеве к столице. Задержанный на станции Дно восставшими солдатами, Николай II подписывает 2 марта отречение от престола. Он принимает это решение после того, как генерал Алексеев, подержанный командующими всех пяти фронтов, заявляет царю, что отречение является единственной возможностью продолжать войну с Германией. Только два командира корпусов — граф Келлер и Хан Нахичеванский — заявили о своей поддержке Николая II. Комитет Думы направил на станцию Дно двух монархистов, А. Гучкова и В. Шульгина, — принять отречение.

Так, при общем согласии революционеров, либералов, монархистов, пала в России монархия. Россия стала демократической республикой.

Произошло это быстро, малопонятным для участников образом, с небольшим — по позднейшим масштабам — числом жертв. Всего в феврале было убито 169 человек и ранено около 1000.⁵⁰

Начиная с 1916 года в России, в особенности в столице, не переставали говорить о различного рода заговорах — революционных, либеральных, монархических, — которые должны были выправить положение. Единственным удачным заговором оказалось убийство Распутина в декабре 1916 года. Причем удачным заговор против Распутина можно назвать лишь потому, что, хотя и с трудом, старец

Григорий был убит. Последствия этого убийства для монархии оказались катастрофическими. Убийство близкого к царской семье Распутина показало стране, что все дозволено.

Когда революция передала власть в стране тем, кого называли „заговорщиками” и кто в действительности, сознательно или бессознательно, разрушал царский строй, оказалось, что программы у них не было.

Созданное Комитетом Думы Временное правительство во главе с князем Г. Е. Львовым, бывшим председателем Земского союза, включавшее представителей бывшей парламентской оппозиции, объявило своей целью продолжение войны и созыв Учредительного собрания для решения будущего устройства России. Революционные партии, твердо знавшие, что по учению Маркса, в России на очереди была буржуазно-демократическая революция, не претендовали на власть: буржуазия должна была выполнить предназначенную ей историей задачу, а потом только наступала очередь социалистов. Не поверил в Февральскую революцию и Ленин, увидевший из Цюриха, что события в Петрограде – результат „заговора англо-французских империалистов”.⁵¹ Первая его директива звучала знакомо: никакого сближения с другими партиями.⁵²

Слабость Временного правительства, проявившаяся с первых же дней его существования, отсутствие ясной программы, неуверенность в себе, позволили Совету стать второй властью в стране. Но и Совет не имел ясной линии поведения. 1 марта Совет подписал знаменитый „приказ № 1”, введший в частях петроградского гарнизона выборные комитеты, в распоряжении которых находилось оружие, не выдаваемое офицерам, отменявший традиционные армейские формы дисциплины. Приказ этот был немедленно распространен на всю русскую армию, несмотря на разъяснения Совета, что касается он лишь тыловых частей. Приказ № 1 стал важнейшим фактором разложения армии, на которую Совет рассчитывал для продолжения войны с Германией, не ответившей на предложение заключить „мир без аннексий и контрибуций”. Колебались и большевики. 12 марта прибыли из ссылки в Петроград бывший депутат Думы М. Муранов, член старой редакции *Правды* Л. Каменев и член ЦК И. Сталин. Они немедленно захватили руководство *Правдой*, в которой 15 марта была опубликована статья Каменева, гласившая, в частности: „Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам... Свободный народ будет стойко стоять на своем посту, на пулю отвечать пулей...”⁵³

3 апреля в Россию приезжает Ленин. Значения этого приезда для судеб страны и мира никто еще не подозревает. Вождь большевистской партии удивлен, что его, вернувшегося на родину с помощью германских властей, не арестовывают, а торжественно встречают, в том числе и представители новой власти. Всех, в том числе и членов большевистской партии, несказанно удивляет речь Ленина, объявившего о необходимости начать борьбу за власть.

Спор об отношениях Ленина с Германией в годы войны и революции продолжается и сегодня. Начался он в апреле 1917 года. „Тогда, — писал близкий сотрудник Ленина В. Бонч-Бруевич, — этот способ путешествия (в так называемом plombированном вагоне) вызвал бешеный вой со стороны злобствующей буржуазии и ее подпевал-эсеров и меньшевиков. Очень многие даже в нашей партии находили этот способ неудобным, некорректным”.⁵⁴ Сила Ленина заключалась в том, что он считал любой способ, приближавший победу революции, которой он руководил, удобным и корректным. Нужно, учил он большевиков, уметь идти на „всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды”.⁵⁵ Ленин прекрасно понимал, что Германия заинтересована в помощи русским революционерам, борющимся за поражение своей страны. Людендорф напишет после войны, что русская революция была с давних пор его страстным желанием: „Сколько раз мечтал я об его осуществлении... Вечная химера”. Химера совершенно неожиданно становится действительностью, спасительным чудом: „В апреле и мае 1917 года, — пишет немецкий генерал, — несмотря на наши победы на Эн и в Шампани, нас спасла только русская революция”. Спасение кайзеровской Германии не было целью ленинской деятельности, но тот факт, что революция в России спасла Германию от поражения в 1917 году нисколько не смущал вождя большевистской партии, стремившегося любой ценой прийти к власти.

„Апрельские тезисы” — программа, с которой Ленин выступил 4 апреля на заседании Петроградского совета, поразила своей неожиданностью всех, в том числе и большевиков. Быть может, члены партии были бы менее изумлены, если бы они могли прочитать высланные Лениным из Швейцарии „Письма издадека”. Однако, *Правда* опубликовала первое письмо с купюрами, а следующие три не напечатала вообще. Руководители *Правды*, Л. Каменев и И. Сталин, имели свой план: объединение с меньшевиками и, в определенных формах, сотрудничество с Временным правительством. Плеханов, на которого выступление Ленина произвело впечатление бреда, полагал, что „тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин.

Числа не помню. Месяца тоже не было. Было черт знает, что такое.”⁵⁶ *Правда*, опубликовавшая тезисы 7 апреля, 8 апреля напечатала редакционный комментарий, который, если не считать формы, совпадал с оценкой Плеханова: „Что же касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит из признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую”.

Трудно лучше выразить разницу между редакторами *Правды*, которые были руководителями партии в отсутствие вождя, и Лениным: для Каменева, Сталина и других большевиков марксизм был учением, от которого нельзя отступить, для Ленина не существовало доктринальных истин, — он был одержим одной идеей — идеей власти. На заседании в Таврическом дворце 4 апреля Ленин, по свидетельству Бонч-Бруевича, вызвал „ядовитые усмешки” и „заметный смехок” у слушателей, когда „откровенно заявил, что имел и очень мало времени и очень мало материала для наблюдения”. Если не считать нескольких недель в 1905 году, Ленин с 1900 года не был в России. В апреле 1917 года, по дороге в Петроград „всего один рабочий попался мне в поезде”, — признался вождь большевистской партии. Но этого было для него достаточно. „Мои рассуждения, — заявил он, — будут несколько теоретичными, но полагаю в общем и целом правильными, соответствующими всей политической обстановке страны”.⁵⁷

Ленину могло и не посчастливиться, ему мог и не „попасться в поезде” рабочий. И без этого рабочего он понял главное в политической обстановке России: страна стала, по признанию самого Ленина, самой свободной в мире; власть в стране — слабая и нерешительная.

„Апрельские тезисы” были программой, одновременно, конкретной и утопической. Конкретные требования — прекращение империалистической войны, а для этого — братанье с противником; конфискация помещичьей земли и национализация всех земель в стране с передачей ее в распоряжение местных советов — направлялись в адрес Временного правительства, которое, как знал Ленин, не могло их выполнить, следовательно необходимо было свержение правительства. Утопическая часть программы — устранение полиции, армии, чиновничества, плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше платы хорошего рабочего — была обещаниями со стороны будущей власти. Н. Суханов называет программу Ленина „разудалой левизной, бесшабашным радикализмом, примитивной демагогией, не сдерживаемой ни наукой, ни здравым смыслом...”⁵⁸ Ленинская программа была

„бесшабашным радикализмом” и „примитивной демагогией”, но она учитывала два главных требования основной массы населения — крестьян — мир и земля.

После Февральской революции в Петроградский совет стали приходиться „наказы” — жалобы и пожелания, прежде всего крестьян и рабочих. Анализ первых ста крестьянских наказов показывает, что они требуют прежде всего конфискации помещичьих, государственных и других земель и раздачи их крестьянам, а затем — быстрого заключения „справедливого мира”. Первые сто рабочих „наказов” свидетельствуют, что рабочие были настроены менее революционно, чем крестьяне. Их требования касаются прежде всего улучшения положения (8-часовой рабочий день, повышение зарплаты и т. п.), но не его радикального изменения. Характерно, что требование мира есть в 23 из 100 крестьянских наказов и всего в 2 из 100 рабочих наказов.⁵⁹

Требования крестьян заключить мир частично совпадали с пораженческими лозунгами Ленина, их требования земли противоречили программе партии большевиков. Вождь партии мгновенно забывает длившиеся годами схоластические споры по аграрному вопросу, раздиравшие социал-демократов, — „муниципализация”, „социализация”, „национализация” — и присваивает программу партии эсеров: земля — крестьянам.

Апрель 1917 года можно считать месяцем рождения советской идеологии. Впервые в государственном масштабе была продемонстрирована важнейшая черта этой идеологии, которая вскоре станет господствующей в стране: гибкость, несвязанность ее ничем, способность мгновенно принять то, что вчера осуждалось и осудить то, что вчера принималось. Важнейшими элементами этой идеологии было: во-первых то, что решение о радикальном и неожиданном повороте на 180% принимается вождем партии; во-вторых, то, что партия, с некоторыми колебаниями, правда, сразу же соглашается с вождем.

Ленину, не связанному ничем, одержимому стремлением к власти, располагающему партией, насчитывавшей в апреле 1917 года 77 тысяч членов,⁶⁰ противостоит Временное правительство, связанное со всех сторон. Оно связано прежде всего тем, что является лишь половиной власти; вторая половина — Совет. Оно связано отсутствием аппарата власти: старый государственный аппарат был разрушен и отвергнут, как пережиток царизма, создание нового задерживается, ибо сверху до низу возникает двоевластие, местные советы успешно конкурируют с рождающейся администрацией Временного правительства. Временное правительство, наконец, связано нормами и чувствами, которые вскоре начнут называть пережитками капитализма:

верность слову, верность союзникам, вера в демократию, вера в народ. Представители социалистических партий, эсеров и социал-демократов-меньшевиков, играющие, начиная с первой коалиции (май 1917), все большую роль во Временном правительстве, связаны теоретическими воззрениями на революцию и историю, теоретическими представлениями о „движущих силах”, о том, что классы по очереди, в порядке исторической закономерности, приходят к власти. Власть как бы жжет руки членов Временного правительства, они как бы только ждут момента, чтобы от нее освободиться. „20 апреля, — рассказывает Александр Шляпников, — на заседании Исполкома Совета Л. Каменев, критикуя Временное правительство, добавляет: „выход — в переходе власти в руки другого класса...” С мест министров раздаются голоса: „Тогда возьмите власть”.⁶¹ В июне на съезде советов И. Церетелли с некоторой тоской восклицает: в настоящее время нет такой политической партии, которая готова сказать: дайте нам власть. Такой партии в России нет. В ответ Церетелли слышит знаменитый ответ Ленина: есть такая партия. И Ленин добавляет: ни одна партия не имеет права отказываться от власти и наша партия не отказывается.

Временное правительство было уверено, что желающих взять власть в России нет. Слова Ленина всерьез не принимались. Политических деятелей обычно упрекают в том, что они лгут, скрывают свои планы. История демонстрирует, однако, что когда политические деятели — Ленин, Сталин, Гитлер — говорят правду о своих планах, им никто не верит.

Слабость власти в стране сняла все преграды на пути революционной волны, заливавшей Россию. Революция превращается в бунт, дающий выход многовековой ненависти, скопившейся в народе. И чем очевиднее становится слабость власти, тем сильнее становится бунт. С недоумением смотрит на страну русская интеллигенция, десятилетиями ее готовившая. „Мы как влюбленные романтики, — записывает в свой дневник слова интеллигента М. Горький, — обожали ее, но пришел некто дерзкий и буйно изнасиловал нашу возлюбленную”.⁶² Временное правительство, правительство русской интеллигенции, неуклонно идет налево, желая поспеть за бунтующим народом, но всегда отстает, ибо народ, подстрекаемый архикрайними лозунгами Ленина, мечтает о полном безвластии. В соревновании революционных лозунгов нельзя было опередить Ленина, проповедывавшего экспроприацию экспроприаторов, что в переводе с иностранного звучало неотразимо заманчиво: грабь награбленное.⁶³

В июне военному министру Керенскому удается убедить армию в возможности наступления. 18 июня русские войска начинают на-

ступление и добиваются значительных успехов. Слухи об укреплении дисциплины в армии вызывают тревогу у солдат Петербургского гарнизона, опасаящихся, что их могут отправить на фронт. Лозунги свержения Временного правительства находят благодарную почву прежде всего в первом пулеметном полку, находившимся под влиянием большевиков и анархо-коммунистов.

На время подготовки вооруженного выступления солдат и рабочих Петрограда, к которым присоединятся 4 июля 10 тысяч кронштадских моряков, Ленин уезжает из столицы отдыхать на дачу Бонч-Бруевича в Финляндию. Вождь революции возвращается 4 июля, выступает с балкона дворца Кшесинской перед демонстрантами, но без воодушевления. Ему ясно, что власть захватить на этот раз не удастся.

Историки спорят по сей день: было ли июльское выступление заговором большевиков или стихийным выступлением солдат, рабочих и матросов. Не могут прийти к окончательному решению даже официальные историки КПСС. В сталинском *Кратком курсе* говорилось, что „большевистская партия была против вооруженного выступления в этот момент, так как она считала, что революционный кризис еще не назрел, что армия и провинции еще не готовы для поддержания восстания в столице,⁶⁴ а послесталинский *Краткий курс* полагает, что „у рабочих и солдат Петрограда хватило бы сил свергнуть Временное правительство и взять государственную власть в свои руки,⁶⁵ но что брать власть было еще рано, ибо „большинство народа в стране еще шло за эсерами и меньшевиками”.

Ленин не возражал против июльского выступления и не настаивал на его продолжении, когда верные правительству и Совету войска пришли в Петроград. Для Ленина июльское выступление было репетицией, пробой сил, проверкой готовности противника сопротивляться. Г. Зиновьев вспоминает, что „в июльские дни весь наш ЦК был против немедленного захвата власти. Так же думал и Ленин. Но когда 3 июля высоко поднялась волна народного возмущения, товарищ Ленин вострепнулся. И здесь, наверху, в буфете Таврического дворца, состоялось маленькое совещание, на котором были Троцкий, Ленин и я. И Ленин, смеясь, говорил нам: а не попробовать ли нам сейчас? Но он тут же прибавлял: нет, сейчас брать власть нельзя; сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не все наши.⁶⁶

Зиновьев чуть-чуть путает, ибо 3 июля Ленина в Петрограде не было, но смысл отношения Ленина к событиям передан верно: удастся — „смеясь” возьмем власть, не удастся — повторим попытку.

Июльская репетиция окончилась неудачей большевиков прежде всего потому, что Петроградский совет поддержал Временное правительство. „Что же дальше? — спросил я у Владимира Ильича, — пишет

Бонч-Бруевич о разговоре, происходившем после июльской неудачи.— Вооруженное восстание, другого выхода нет. — Когда? — Когда покажут обстоятельства, но не позднее осени”.⁶⁷ Возможно, что Бонч-Бруевич, писавший свои воспоминания уже после победы партии Ленина, несколько преувеличивает оптимизм своего собеседника. 5 июля, когда Троцкий встретился с вождем партии, тот был в панике: „Они теперь нас перестреляют, — говорил Ленин, — самый подходящий момент для них”. „Но, — добавляет Троцкий, — Ленин переоценил противника... — не его злобу, а его решимость и способность к действию”.⁶⁸

У Ленина были основания для опасений. Важным аргументом, убедившим верные Временному правительству и Совету войска, выступить против демонстрантов, были документы, доказывавшие, что Ленин и большевики — немецкие шпионы. Троцкий назовет в своей *Истории русской революции* июль 1917 года „месяцем величайшей клеветы в мировой истории”. Обвинение в получении денег от немцев служит основанием Временному правительству для решения об аресте руководителей большевистской партии. Ленин, хорошо зная, что будучи он на месте министров Временного правительства, арестованные по обвинению в подготовке заговора против власти, да еще на деньги иностранцев, не дождались бы суда, бежит в Финляндию. Арестованные большевистские лидеры: Каменев, А. Коллонтай, А. Луначарский, Л. Троцкий были вскоре выпущены.

Спор о „немецких деньгах” продолжается и сегодня. Спор этот можно разделить на две части: был ли Ленин немецким агентом и получали ли большевики немецкие деньги?

Вождей всех революций побежденные объявляли агентами иностранных держав, давая наиболее примитивное объяснение своего поражения, объяснение, которое мало что объясняет. Понятие „агент иностранной державы” — подразумевает человека, выполняющего чужую волю. Нет сомнения, что у Ленина была собственная воля и собственные цели, которые на определенном этапе совпадали с целями Германии. Пройдет год и многие из тех, кто обвинял Ленина в сотрудничестве с кайзеровской Германией, станут пользоваться ее помощью в борьбе с властью Ленина.

Вождей всех революций обвиняли в том, что они получали деньги от иностранных держав. И в большинстве случаев это было правдой. В июле 1917 года были опубликованы документы, свидетельствовавшие о связях большевиков Ганецкого и Козловского с Парвусом, немецким социал-демократом, своих связей с германским министерством иностранных дел не скрывавшим. Ленин ожесточенно отрицал обвинения. Но отрицал странно и малоубедительно. Он писал, на-

пример, что Ганецкий, всего-навсего, вел торговые дела, как служащий фирмы, которой управлял Парвус.⁶⁹ Партия, утверждал Ленин, не могла иметь дела с Парвусом, ибо еще в 1915 году Ленин назвал его „немецким Плехановым” и „ренегатом, лижущим сапоги Гинденбурга”.⁷⁰ Наконец Ленин категорически заявлял: „Гнусная ложь, что я состоял в сношениях с Парвусом”.⁷¹ Ленин, действительно, в сношениях с Парвусом не состоял, состояли его посланники. Несмотря на все отрицания Ленина, Троцкого и других вождей партии, никто из них не объяснил каким образом в апреле 1917 года партия могла издавать, по официальным данным, 17 ежедневных газет тиражом в 320 тысяч. Их еженедельный тираж составлял 1415 тысяч.⁷²

Марк Алданов вспоминал, что маленькая политическая партия, которая агитацией почти не занималась, издавала в 1917 году небольшую газету и израсходовала за год около 300 тысяч рублей, полученных от нескольких богатых членов партии.⁷³ А. Шляпников, в добросовестности которого нет оснований сомневаться, сообщает, что с 1 декабря 1916 по 1 февраля 1917 года в большевистскую кассу поступило 1117 рублей 50 копеек.⁷⁴ В марте расщедрился Максим Горький и дал 3 тысячи рублей.⁷⁵ Троцкий, разоблачая „величайшую клевету в мировой истории”, утверждает, что деньги на большевистскую печать давали рабочие. Трудно, однако, себе представить, чтобы в условиях жестокой инфляции, когда деньги теряли свою ценность, а стоимость типографских расходов росла, рабочие могли собирать еженедельно десятки и сотни тысяч рублей для партии, которая отнюдь не была единственной рабочей партией, да и не была главной социалистической партией. Марк Алданов, свидетель революции, талантливый исторический романист и проницательный историк, мечтал в 1935 году: „Гроссбухи Вильгельмштрассе могли бы оказаться ценным документом по истории октябрьской революции, но до них история доберется не скоро. К тому же и записи гроссбухов, вероятно имеют характер односторонних документов, — расписки в подобных случаях не выдаются”.⁷⁶ Алданов ошибся: история добралась до „гроссбухов” германского министерства иностранных дел очень скоро — через 10 лет. Но Алданов оказался прав — расписок Ленина там не было, там были лишь немецкие документы о передаче денег большевикам. Марк Алданов, написавший первым в 1919 году биографию Ленина, приводит наиболее убедительный, психологический аргумент: „Не стеснялся Ленин дела Таратуты, не стеснялся фальшивых ассигнаций, не стеснялся тифлисского мокрого дела, — незачем ему было стыдливо относиться и к немецким деньгам, весьма удачно им использованным в интересах больше-

вистской партии”.⁷⁷ Проблема „немецких денег”, которая так волнует историков – проблема этическая. Для Ленина, буржуазной морали не признававшего, вопроса: брать или не брать? – не было.

Немецкие деньги не объясняют, однако, причин успеха большевистской пропаганды. Немецкие деньги дали возможность вести эту пропаганду в широких масштабах, но правительство располагало не менее серьезными средствами. Важно было уметь эти средства использовать.

Июльская неудача большевиков и повсеместное убеждение, что они – немецкие агенты останавливает на короткое время динамику ленинского бега к власти. Но положение в стране становится с каждым днем все более критическим: неудачи на фронте – немецкие войска угрожают Риге и Нарве, на юге под угрозой оказываются Молдавия и Бессарабия; инфляция; растущая безработица; продовольственные трудности. Образованное в июле, второе коалиционное правительство, возглавляемое Керенским, по-прежнему откладывает решение важнейших вопросов до окончания войны, до созыва Учредительного собрания. 26 августа Верховный главнокомандующий генерал Корнилов решает вмешаться в события. Он направляет 3-й корпус генерала Крымова на Петроград. Намерения Корнилова неясны: он хочет остановить развал страны, навести порядок, нанести удар по большевикам – главной причине беспорядков, по мнению генерала, но эффект его действий приведет к обратным результатам. Храбрый солдат, прославленный в годы мировой войны, человек демократических убеждений, генерал Корнилов был совершенно несведущ в политике. То, что называют „заговором Корнилова” было недоразумением. Не имея достаточных сил, не имея союзников, верховный главнокомандующий бросил вызов Петроградскому совету, который, увидев угрозу своей власти, обращается за помощью к большевикам. Серьезной опасности Корнилов не представлял. Комиссар Северного фронта В. Войтинский заверил руководителей Совета: „Ни один полк, ни одна рота Северного фронта не будут выполнять приказов Корнилова, если их не подтвердит армейский комитет или я. Части не подчинятся Корнилову, если он прикажет выступить против Совета или правительства. Корниловские войска – призрак. Они исчезнут до того, как раздастся первый выстрел”.⁷⁸

Корниловские войска развеялись как призрак, не дойдя до Петрограда. Но большевистская партия была очищена от всех обвинений, предъявленных ей всего несколько недель назад тем же Советом и тем же правительством, которые теперь дали ей патент на революционность и преданность свободе. В созданный Советом Комитет народной борьбы с контрреволюцией был включен руководитель

большевистской военной организации, „военки”, В. Невский. В это время „военка” насчитывала 26 тысяч членов, действовавших в 43 фронтовых и 17 тыловых группах.⁷⁹

Узнав о выступлении Корнилова, Ленин немедленно дает директиву: бороться с Корниловым, но не поддерживать Керенского; воспользоваться положением и вырвать у Керенского как можно больше уступок, прежде всего оружия для рабочих. „Развитие событий, — пишет Ленин, — может на этот раз привести нас к власти, но об этом следует в нашей пропаганде говорить, как можно меньше”.⁸⁰ В беге к власти партия вышла на завершающую прямую.

3. Осень 1917

Свержение царского самодержавия если и изменило положение в стране, то — к худшему. Экономика страны разваливалась: останавливались заводы, подвоз продовольствия не переставал сокращаться, стоимость денег падала. Война продолжалась. Единственным реальным завоеванием революции была полная свобода слова. Опьяняющая эта свобода превращается в могучее оружие большевиков. В то время, как они обещают все и немедленно (мир, землю, хлеб), все другие партии призывают ждать (победы, Учредительного собрания, прекращения хаоса). В ночь с 1 на 2 сентября большевики получают большинство в Петроградском совете. Троцкий избирается председателем Совета. Вернувшийся в мае 1917 года из США, Троцкий сразу же поддерживает Ленина. В июле он вступает в партию большевиков, где немедленно занимает место среди вождей. Арестованный после июльских событий, освобожденный из „Крестов” под залог после краха корниловского выступления, Троцкий становится, в качестве председателя Петроградского совета, не только первым тенором революции (его речи набивают битком цирк Медрано), но и практическим руководителем готовящегося переворота. 5 сентября большевики получают большинство в Московском совете. Для Ленина это — сигнал; он убежден: власть на расстоянии протянутой руки, — сейчас или никогда. В середине сентября Ленин шлет из своего финляндского убежища два письма, в которых настаивает на необходимости брать власть. Брать власть немедленно. Но ЦК заставляет себя просить. Руководители партии — Каменев, Зиновьев, Сталин — занимают гораздо более умеренную позицию, чем Ленин. Они убеждены, что Всероссийский съезд советов, назначенный на 25 октября, передаст большевикам власть мирным путем. Ленин не выдерживает⁸¹ и возвращается в Петроград. Партийные историки до

сих пор не могут прийти к соглашению когда вождь партии вернулся из Финляндии. В сталинском *Кратком курсе* говорится, что Ленин вернулся 7 октября,⁸² Маргарита Фофанова, в квартире которой Ленин поселился, приехав в Петроград, утверждала, что он вернулся 22 сентября.⁸³ Во всяком случае известно, что, вернувшийся между 22 сентября и 7 октября в Петроград, Ленин участвовал в заседании ЦК 10 октября. Кроме Ленина присутствовали А. Бубнов, Ф. Дзержинский, Г. Зиновьев, Л. Каменев, А. Коллонтай, А. Ломов, Г. Сокольников, Я. Свердлов, И. Сталин, Л. Троцкий, М. Урицкий. Ленину стоит немало труда убедить своих соратников в необходимости организации восстания. Но у него есть козырь: еще 29 сентября Ленин послал письмо-ультиматум, в котором угрожал уйти из ЦК, оставив за собой „свободу агитации в низах партии и на съезде партии”.⁸⁴ Вождь партии угрожал, что обратится к „низам” и разгонит ЦК. Н. Бухарин вспоминал в 1921 году, еще при жизни Ленина, что „письмо было составлено чрезвычайно решительно и угрожало нам всякого рода штрафами. Мы все были ошарашены... ЦК единогласно постановил сжечь письмо Ленина”. Письмо можно было сжечь. Но когда сам Ленин потребовал голосовать за восстание, только два члена ЦК нашли в себе решимость голосовать против – Зиновьев и Каменев.

Аргументы Ленина сводились к пяти пунктам: 1) во всей Европе нарастает революционное движение; 2) империалисты (немцы и союзники) готовы заключить мир, чтобы совместно удушить революцию в России; 3) налицо „несомненное решение Керенского и компании сдать Питер немцам”; 4) близится крестьянское восстание и большевики уже обладают народным доверием; 5) идет „явное подготовление второй корниловщины”. Зиновьев возражал: „Говорят: 1) за нас уже большинство народа в России и 2) за нас большинство международного пролетариата. Увы! – ни то, ни другое неверно, и в этом все дело”.

Дело, однако, было не в этом. Все аргументы Ленина оказались неверными: он ошибся в расчетах на мировую революцию; еще год будут воевать немцы и союзники; Керенский не собирался сдавать Питера; крестьяне начали делить землю, но до восстания было еще далеко; ни о какой „второй корниловщине” никто не помышлял. Прав был он лишь в одном: власть можно было захватить, ибо никто не хотел ее защищать. Керенский и его министры продолжали верить, что враг – только справа и, естественно, не могли ждать поддержки со стороны „правых”. Слабость и нерешительность Временного правительства раздражали „умеренных” и „центр”. Н. Бухарин с гордостью вспоминал: „У меня на квартире было написано: „Буха-

рин, большевик”. Но никто пальца не решался поднять. Конечно, это было величайшей глупостью со стороны буржуазии, что она тогда с нами не покончила”.⁸⁵ Говоря о глупости, Бухарин был, конечно, прав, с той лишь поправкой, что власть осенью 1917 года не была в руках буржуазии. Власть лежала на улице. За исключением большевиков все хотели изменений, все были согласны: пусть хуже, но иначе. Член французской военной миссии Пьер Паскаль записывал в свой дневник в сентябре: „пажеский корпус голосовал за большевиков”,⁸⁶ в октябре: „Вчера г-н Путилов мне сказал, что он голосовал за большевиков”.⁸⁷

Наиболее серьезное сопротивление Ленин встречает в ЦК партии: соратники опасаются неудачи, они спрашивают, что мы будем делать после захвата власти. Ленин отвечает: захват власти — цель восстания. Политические задачи мы выясним, когда власть будет в наших руках. Ленин охотно цитирует Наполеона: „On s’engage et puit on voit” — вступим в бой, а потом... посмотрим.

Упорно культивируемая советской историографией вот уже более 60 лет легенда об Октябрьском перевороте, как операции, осуществленной по точному, строго разработанному плану, об Октябрьском перевороте, как высшем образце „искусства восстания”, отказывается считаться с фактами. Меняются — в легенде — вожди восстания: то это были Ленин и Троцкий. Сталин в первую годовщину революции назвал „ЦК партии во главе с т. Лениным” — вдохновителем переворота, подчеркнув, что „вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета Троцкого”.⁸⁸ Сам Троцкий немало способствовал распространению легенды о великолепной организации восстания и своем руководстве. Затем вождем восстания Сталин определил себя, признавая, что некоторую помощь ему оказывал Ленин. С середины 50-х годов вождем утвержден Ленин.

Легенда вызывала сомнения издавна. „Если для постороннего нашему движению кажется, что Октябрьская революция, или, как у нас нередко принято называть Октябрьский переворот, была совершена так, как совершались все ранее бывшие „перевороты”, почти без предварительной тщательной организации, а лишь в силу случайно благополучно сложившихся обстоятельств, то это глубоко неверно”,⁸⁹ — спорил Бонч-Бруевич. Сомнения в легенде как нельзя более обоснованы. Достаточно сказать, что советские историки до сегодняшнего дня не достигли договоренности о дате переворота, о том, когда же началась Октябрьская революция. Одни полагают, что утром 24 октября, другие настаивают на вечере того же дня, третьи защищают 22 октября.

10 октября двенадцать заgrimированных членов ЦК решают начать восстание. Но на следующем заседании ЦК — 16 октября, — все настаивают на необходимости ждать, ибо докладчики от районов говорят об отсутствии „боевого духа” на Выборгской стороне, на Васильевском острове, в Нарвском районе. Представитель Военной организации Крыленко докладывает об индифферентности солдат. И только Ленин продолжает настаивать, уговаривать, тянуть членов ЦК к власти.

Троцкий двоится и троеится, выступая на многочисленных митингах, подогревая революционными лозунгами солдат и рабочих. Не перестают произносить речи популярнейшие ораторы большевиков — Луначарский, Коллонтай, Володарский. Члены ЦК ждут, что власть сама упадет им в руки. Ленин настаивает на ее захвате. Не позже 20 октября.

Власть разваливается. Петроградский гарнизон хочет лишь одного: разойтись по домам и принять участие в разделе земли. Правительство не знает чего оно хочет. Не знает какими силами оно располагает. И главное — не знает, кто его враг. Слухи о готовящемся большевиками заговоре не перестают циркулировать по Петрограду. Они набирают силу в октябре. 17 октября горьковская газета *Новая жизнь*, расходившаяся десятитысячным тиражом среди столичных рабочих и очень близкая к большевикам,⁹⁰ публикует передовую, в которой предупреждает, что если партия большевиков готовит переворот, то это приведет к гибели партии, рабочего класса и революции. 18 октября в *Новой жизни* появляется знаменитое письмо Каменева и Зиновьева, в котором ближайшие соратники Ленина заявляют, что вооруженное восстание независимо от съезда советов и за несколько дней до его созыва является недопустимым шагом, грозящим катастрофой пролетариату и революции. Хорошо известно негодование с каким встретил это письмо Ленин, обозвавший своих товарищей изменниками, предателями и т. п., раскрывшими буржуазии тайну восстания. В действительности, тайны никакой давно уже не было. Раскрыл ее прежде всего сам Ленин в своих письмах, статьях, воззваниях, печатавшихся в большевистской печати.

Характернейшей чертой времени, красноречивым признаком полного разложения правительственного аппарата было не то, что вопрос о вооруженном восстании открыто дебатировался в легальной печати, а то, что власть не придавала этому никакого значения. Керенский заявлял: у нас больше силы, чем нам нужно. Он отказывался затребовать в Петроград подкреплений с фронта. Когда городской чиновник из любопытства позвонил на квартиру Марии Ульяновой и узнал, что Ленин в Петрограде, никто не попытался арестовать

руководителя готовящегося переворота.

Настроение власти в октябре 1917 года с отчаянной откровенностью выразил министр иностранных дел Терещенко в беседе с американским послом Дэвидом Френсисом. Беседа происходила 24 октября. „Я ожидаю большевистское выступление сегодня ночью, — сообщил Терещенко. — Если вы сможете его подавить, — ответил посол, — то я надеюсь, что оно произойдет. — Я думаю, что мы сможем его подавить, — сказал Терещенко, — но я надеюсь, что оно произойдет независимо от того подавим мы его или нет. Я устал от неуверенности и напряжения”.⁹¹

Несмотря на отсутствие уверенности в успехе, большевики, как бы увлекаемые инерцией разваливающегося государственного аппарата, шли к власти, хотя и не так быстро, как этого желал Ленин. Военно-революционный комитет, созданный Петроградским советом, становится главным руководящим органом восстания. Захват власти производится таким образом не от имени партии большевиков, а якобы от имени Совета, несмотря на то, что в Бюро ВРК входят только большевики и поддерживающие их левые эсеры. Фактически власть переходит в руки Бюро ВРК 21 октября, когда принимается приказ о том, что оружие не выдается никому без приказа ВРК и в воинские части посылаются комиссары для контроля приказа. Утром 22 октября гарнизон по телефону извещается об этом решении, в котором указывается так же, что никакие приказы не являются действительными без подписи ВРК. В городе организуются митинги и демонстрации. Троцкий выступает с пламенной речью в Народном доме на Петроградской стороне, обещая золотые горы: Советское правительство даст беднякам и тем, кто находится в окопах все, чем богата страна. Он вызвал бурные аплодисменты, восхваляя Петроградский совет, взявший на себя тяжелую задачу доведения революции до победного конца, революции, которая даст народу хлеб, землю и мир.

Революция уже произошла, но никто этого пока не видит. Не видят жители Петрограда, заполняющие театры: Шаляпин поет в *Доне Карлосе*, в роли, в которой он редко выступал в России, Тамара Карсавина впервые танцует в оперетте *Куколка*. Привлекают многочисленных слушателей всевозможные лекции: философские, литературные, социально-политические. Не видят, что власть уже выскользнула у них из рук, члены Временного правительства. Не отдают себе отчета, что власть уже у них в руках, большевики.

Одна из неразрешенных загадок Октябрьского переворота — поведение Ленина в решающие дни. С 20 октября он как бы исчезает из обращения: продолжает прятаться, но до вечера 24 о нем нет никаких

сведений, нет его писем, записок, указаний. Прославленное заседание ЦК 21 октября, на котором Ленин произносит свои знаменитые слова: „вчера было рано, а послезавтра будет поздно” — легенда, сочиненная Джном Ридом и не подтверждаемая ни одним документом, ни одним свидетелем. Впрочем, легенда оказалась вождю революции настолько хорошо придуманной, что он, расхваливая книгу Джона Рида, ее не опроверг.

Ленин продолжает находиться в подполье весь день 24 октября, когда ВРК начал рассылать своих комиссаров и небольшие вооруженные отряды для захвата правительственных зданий. Два невооруженных комиссара приходят на Центральный телеграф и договариваются, что телеграф будет считаться под большевистским контролем. Отряд Измайловского полка является на Балтийский вокзал и остается там для „охраны порядка”. Отряды Красной гвардии занимают некоторые мосты, оставляя другие в руках правительственных войск, если те не соглашаются уходить. Никто не хочет стрелять, но постепенно, ползучим путем, в городе меняется власть. И в это время, около 6 часов вечера 24 октября, Ленин все еще ни о чем не подозревает. Он пишет письмо: положение крайне критическое, промедление смерти подобно, мы не имеем права ждать, мы можем все потерять, необходимо во что бы то ни стало нанести смертельный удар правительству... В 4-м и 5-м изданиях сочинений Ленина письмо это озаглавлено: письмо членам Центрального комитета. В действительности заголовок этот был добавлен советскими историками, а письмо адресовано в райкомы: через них хотел Ленин давить на ЦК. Вождь революции еще вечером 24 октября, вдали от Смольного, не переставал бояться Временного правительства, уже не имевшего власти, не переставал понукать ЦК начать восстание, которое фактически уже закончилось.

Загадка отсутствия Ленина среди руководителей переворота с 20 по 24 октября, усугубляется загадкой поведения руководителей восстания, не приглашающих весь день 24 октября Ленина в Смольный, и поведения Ленина — ждущего приглашения. 6 ноября 1918 года в юбилейной статье Сталин писал: „24 октября, вечером он /то есть Ленин/ был вызван в Смольный для общего руководства движением”. К тому времени, однако, когда ЦК счел возможным вызвать вождя „для общего руководства”, Ленин не выдержал и сам отправился — на трамвае — с Выборгской стороны в Смольный.

Троцкий утверждает в своей *Истории русской революции*, что Ленин, прибыв в Смольный, одобрил действия председателя Петроградского совета: „Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук, потом он стал молчаливее, подумал

и сказал: 'Что ж, можно и так, лишь бы взять власть'.⁹² Н. Подвойский, вместе с В. Антоновым-Овсенко и Г. Чудновским, непосредственно руководивший захватом города, вспоминает, что, прибыв в Смольный, Ленин начал забрасывать его записочками: взяты ли центральный телеграф, телефон? взяты ли мосты?⁹³ Поторапливание Ленина оказывает небольшое влияние на ход событий: город медленно, но неуклонно переходит в руки восставших, не встречающих сопротивления. Борьба за город, еще никто не сознает, что это борьба за страну, происходит между 6-7 тысячью сторонников большевиков: 2500 солдат — павловцев и кексгольмцев, 2500 кронштадских моряков и около 2000 красногвардейцев, — и 1500 — 2000 защитниками Временного правительства. Огромный петроградский гарнизон объявил себя нейтральным и не вмешивался. В 3.30 утра „Аврора” бросила якорь у Николаевского моста и отряд моряков, прогнав патруль Временного правительства, занял мост. Зимний дворец, в котором заседало Временное правительство, оказался изолированным от города.

Утром министры еще не знали о том, что они потеряли власть. Они не могли узнать об этом из газет, которые вышли с безнадежно запоздавшими статьями: *Известия* предупреждали большевиков не ввязываться в „бессмысленную авантюру”; *Новая жизнь* советовала большевикам „не стрелять первыми”; меньшевистская *Рабочая газета* выражала надежду на возможность компромисса.

Ленин к этому времени знал, что победил. В 10 утра он обращается „к гражданам России”, извещая их: „Временное правительство низложено. Дело, за которое боролся народ, — немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено”. Ленин знал, что власть, за которую он так долго боролся, у него в руках. Троцкий вспоминает, как, написав воззвание, Ленин обернулся „с усталой улыбкой и сказал: переход от подполья и режима Переверзева⁹⁴ к власти... Es Schwindelt”.⁹⁵ Ленин поднял руку, чтобы показать как кружится у него голова от доставшейся, наконец, власти. Еще не был, правда, взят Зимний дворец, но вождь революции обязательно хотел объявить о победе на первом заседании съезда советов. И Ленин шлет снова записки членам ВРК, требуя немедленного штурма. Но тон уже меняется. В случае невыполнения приказа Ленин грозит членам ВРК — расстрелом.⁹⁶ Начинается новая эра. Угроза расстрела, а потом и расстрелы станут важнейшим элементом политики.

Взятие Зимнего задерживается: у красногвардейцев и солдат, составляющих армию восставших, нет особого желания штурмовать

дворец, тем более, что число его защитников тает с каждым часом. Восставшие по одному, по два проникают в Зимний дворец через незащищенный „черный ход”. „Аврора” холостым выстрелом дает сигнал Петропавловской крепости открыть артиллерийский огонь по Зимнему: выпустив около 30 снарядов, артиллеристы ухитряются попасть в цель всего два или три раза. Защитники Временного правительства вначале брали проникавших в дворец красногвардейцев в плен. Когда пленных набралось много, они в свою очередь взяли в плен и разоружили юнкеров. Ворвавшийся во дворец Антонов-Овсеенко арестовал членов Временного правительства и отправил телеграмму Ленину: в 2.04 дня Зимний взят.

Съезд советов, который после ухода правых эсеров и меньшевиков, отказавшихся признать большевистский переворот, состоит из большевиков и левых эсеров, утверждает „временное рабочее и крестьянское правительство” – Совет народных комиссаров. Оно должно управлять страной „впредь до созыва Учредительного собрания”. В состав правительства входят только большевики. Председателем СНК утверждается Ленин, наркоминделом – Троцкий, внутренние дела поручаются Рыкову, земледелие – Милютину, юстиция – Ломову, торговля и промышленность – Ногину, труд – Шляпникову, продовольствие – Теодоровичу, просвещение – Луначарскому, национальности – Сталину.

Октябрьский переворот был завершен. „Революция, – писал Ленин об Октябре, – в известных случаях означает собою чудо... Вышло чудо...”⁹⁷ Дважды на протяжении 1917 года власть в России, пораженная бессилием, падала от толчка. Как в феврале, так и в октябре в критический момент правительство обнаруживало, что не имеет никакой поддержки, не имеет защитников. Разница между двумя революциями заключалась в том, что в феврале царская власть была сметена стихийным взрывом недовольства, а в октябре Временное правительство было свергнуто партией, возглавляемой человеком, знавшим чего он хочет, непоколебимо убежденным, что он воплощает законы истории, верившим, что он единственный понимает, что надо делать и куда идти, ибо он единственный полностью овладел учением Маркса-Энгельса.

Ленин достигает цели: партия большевиков приходит на съезд советов, захватив власть. На пути к этой цели вождю партии пришлось преодолеть сопротивление своих соратников, которое было гораздо более серьезным, чем сопротивление Временного правительства. Противники Временного правительства „справа” – генералитет и офицерство – были убеждены, что если большевики и придут к власти, то удержатся не более нескольких недель, но по дороге

к власти опрокинут Керенского. Глава Временного правительства говорил впоследствии о свержении его „руками большевиков”.

Ленин достигает цели. На первом заседании съезда советов принимаются, по его предложению, два декрета: о мире и о земле. В первый и последний раз вождь партии большевиков держит слово: дает стране мир и землю. Очень скоро начнется новая война — гражданская, которая будет продолжаться еще три с лишним года; земля окажется мифом, ибо окажется, что было ее у помещиков меньше, чем ожидалось; выяснится, что все выращенное на земле потребует государство. Но 25 октября Ленин зачитывает декрет о мире, приглашающий все народы и правительства воюющих стран заключить демократический мир без аннексий и контрибуций, а для переговоров о мире предлагающий немедленно заключить перемирие на 3 месяца; он зачитывает декрет о земле, объявлявший: „земля без всякого (явного или скрытого) выкупа отныне переходит в пользование всего трудового народа”.

Н. Крупская вспоминает, что Ленин взял декрет о земле из левозеро-вских *Крестьянских известий*. Вождь Октябрьской революции никогда не скрывал, что он позаимствовал декрет о земле у эсеров. Еще в августе он писал: крестьяне хотят сохранить свою мелкую собственность... Ни один благоразумный социалист не порвет из-за этого с беднейшим крестьянством. Добавляя: а после перехода политической власти к пролетариату дальнейшее покажет практика. Ленин мог спокойно выслушать то, что кричали на съезде, разгневан-ные „дневным грабежом”, кражей их программы, эсеры: „Хорош марксист, травивший нас 15 лет за нашу мелкобуржуазность и не-научность с высоты своего величия и осуществивший нашу програм-му, едва захватив власть”. Он мог спокойно отвечать им: „Хороша партия, которую надо было прогнать от власти, чтобы осуществить ее программу”.⁹⁸ Ленин был спокоен, ибо он единственный понимал: без поддержки крестьянства власть в России удержать нельзя. И он единственный знал, что имея власть, можно легко отобрать назад и все данное, и все обещанное.

Вялые, некоординированные попытки оказать сопротивление но-вой власти, закончились полной неудачей в первую неделю после Октябрьского переворота. Керенский, покинувший утром 25 октября Зимний дворец, отправился за помощью в Псков, ставку Северного фронта. Защищать Временное правительство соглашается лишь гене-рал Краснов, командир Третьего конного корпуса, того самого, который в августе, под командованием генерала Крымова, шел на Петроград, чтобы свергнуть правительство Керенского. Краснову удается собрать не более 700 всадников, „меньше полка нормаль-

ного штата”.⁹⁹ Но и с этими силами ему удастся занять Гатчину, потом Царское село. 30 октября под Пулковскими высотами отряды Красной гвардии, усиленные моряками, останавливают продвижение казаков. Троцкий вспоминал, что красногвардейцы были обязаны победой полковнику Вальдену. Полковник согласился командовать красногвардейцами „не потому, что он симпатизировал нам... По-видимому он ненавидел Керенского так сильно, что эта ненависть породила в нем некоторую симпатию к нам”.¹⁰⁰ Краснов приказал отходить в Гатчину. Там он был арестован; Керенский успел скрыться, завершив тем самым свое краткое пребывание в русской истории.

В то время, когда генерал Краснов в странном союзе с социалистом Керенским ведет несколько сот казаков на Петроград, командующий Северным фронтом генерал Черемисов полагает, что главную опасность для страны представляют „берлинские немцы”, против которых нужно держать фронт, большевики же, т. е. „петроградские немцы” и так власть не удержат. В это самое время в столице представители „революционной демократии” — меньшевики и правые эсеры образуют Союз спасения родины и революции. Но их борьба с большевиками ограничивается словами: социалисты все еще не могут себе представить, что большевики всерьез решили управлять сами. И для этого у них есть основания.

Наиболее серьезное сопротивление Ленин встречает в первую неделю после прихода к власти в рядах ближайших товарищей: в ЦК и правительстве. Когда Всероссийский исполком профсоюза железнодорожников (Викжель) потребовал 29 октября создания „однородного социалистического правительства” из всех советских партий, пригрозив всеобщей железнодорожной забастовкой, в ЦК большевистской партии и в правительстве произошел раскол. Александр Блок, писавший, — „уже развел руками черными Викжель пути”, — ошибался. „Руки” у исполкома профсоюза железнодорожников не были „черными”, т. е. цвета реакции, — они были розовыми. В дни Октябрьского переворота нейтралитет Викжеля, не пропускавшего эшелоны с фронта в Петроград, способствовал победе большевиков. И когда он предъявил свой ультиматум, ЦК, в отсутствие Ленина руководившего подавлением безнадёжной попытки юнкеров поднять восстание в городе, и Троцкого, занятого мобилизацией сил против Краснова, согласился с „необходимостью расширения правительственной базы и возможностью изменения состава правительства”. Делегация ЦК, явившаяся на совещание, созданное Викжелем, согласилась на создание коалиционного правительства из 18 членов, включающего 5 большевиков, но без Ленина и Троцкого. Делегация путиловских рабочих, прибывшая на совеща-

ние, заявила: мы не допустим кровопролития между революционными партиями, не допустим гражданской войны. Один из рабочих подытожил мнение питерского пролетариата: к черту Ленина и Чернова.¹⁰¹ Повесить обоих!¹⁰²

Ленин, поддержанный Троцким, отверг саму мысль о коалиции: Если у вас большинство, — заявил он сторонникам многопартийного правительства, — берите власть в ЦК. Но мы пойдем к морякам! В ответ на это Каменев, Рыков, Милюгин, Зиновьев и Ногин вышли из ЦК; Рыков, Теодорович, Милютин и Ногин вышли из Совнаркома. В своем заявлении они подчеркивали, что есть только один путь сохранения чисто большевистского правительства — „средствами политического террора”.¹⁰³

Как всегда Ленину удается, шантажом отставки, угрозой обратиться к „низам”, подавить бунт в собственных рядах. Каменев и его сторонники приносят повинную и возвращаются в лоно ЦК и СНК. Л. Б. Каменев, непризнанный отец будущего „еврокоммунизма”, неоднократно при жизни Ленина предлагал меры по смягчению характера большевистской власти. И каждый раз быстро от своих предложений отказывался. Историки упрекают — и справедливо — соратника Ленина в слабости и нерешительности. Но отсутствие упорства в защите своих взглядов объясняется прежде всего тем, что Каменев при каждом споре с Лениным быстро убеждался: смягчение характера большевистской власти угрожает основам партии. На изменение характера партии старый большевик Каменев согласиться не хотел.

Отвергнув все попытки заключить компромисс, все притязания хотя бы на частицу власти со стороны других социалистических партий, Ленин еще раз подтвердил то, что было совершенно недвусмысленно сказано в *Правде* на следующий день после взятия Зимнего дворца: „Мы берем власть одни, опираясь на голос страны и рассчитывая на дружескую помощь европейского пролетариата. Но, взяв власть, мы будем расправляться железной рукой с врагами революции и саботажниками... Они мечтали о диктатуре Корнилова... Мы дадим им диктатуру пролетариата...”¹⁰⁴ Для Ленина „диктатура пролетариата” означала диктатуру партии большевиков, его партии.

Советская власть, как стала называть свою власть партия большевиков, распространялась по стране, не встречая серьезного сопротивления. Лишь в Москве, о которой Ленин говорил, что „победа там обеспечена и драться некому”,¹⁰⁵ сопротивление продолжалось 8 дней.¹⁰⁶ Как правило, местные гарнизоны и вооруженные рабочие отряды легко справлялись со всеми попытками помешать захвату власти большевиками. Убийство верховного главнокомандующего

генерала Духанина в Могилеве красногвардейцами из отряда нового главоверха прапорщика Крыленко завершило уничтожение старой армии. Выражение „в штаб к Духонину” стало первой из бесчисленного ряда метонимий, заменявших слово „убийство”, ставшее самым распространенным в русском языке. Максимилиан Волошин в стихотворении „Терминология” назвал лишь несколько: „Брали на мушку”, „ставили к стенке”, „списывали в расход”, „хлопнуть”, „угробить”, „отправить на шлепку”, „к Духонину в штаб”, „разменять”...¹⁰⁷

Консолидация советской власти не могла считаться завершённой до решения проблемы Учредительного собрания. Решение о созыве Учредительного собрания, свободно выбранного всеми гражданами страны для определения будущего политического строя России, было принято Временным правительством. „Лучшие русские люди, — писал М. Горький, — почти сто лет жили идеей Учредительного собрания”.¹⁰⁸ Свою кампанию против Временного правительства большевики вели, в частности, под лозунгом защиты Учредительного собрания, обвиняя правительство в том, что оно „мешает хозяину русской земли сказать свое властное слово”. 4 апреля, едва приехав в Россию, Ленин с возмущением заявлял: „Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учредительного собрания!!! Я бы назвал это бредовыми выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение”.¹⁰⁹

Выборы в Учредительное собрание — самые свободные в истории России — состоялись уже после Октябрьского переворота. Состав Учредительного собрания: социалистические партии — 59,6% (в том числе эсеры 40,4%, меньшевики 2,7%), большевики — 24%, буржуазные партии — 16,4%,¹¹⁰ определил отношение к нему правящей партии. Отношение резко отрицательное. Тем не менее 5 января 1918 года Учредительное собрание было создано. Управляющий делами СНК, друг Ленина и руководитель так называемой 75 комнаты (зародыша советских карательных органов), Владислав Бонч-Бруевич рассказывает о „веселом разговоре” в „заранее приготовленных для Владимира Ильича” комнатах Таврического дворца накануне первого заседания Учредительного собрания: „Если мы сделали такую глупость, что пообещали всем собрать эту говорильню, мы должны ее открыть сегодня, но когда закроем, об этом история пока помалкивает”, — смеясь ответил Владимир Ильич одному из товарищей, который настойчиво вопрошал, когда же, когда будет открыто Учредительное собрание”.¹¹¹ Для того, чтобы депутаты русского парламента знали, кому принадлежит власть, Бонч-Бруевич ввел в Таврический дворец „надежнейший отряд матросов”¹¹² —

200 моряков. Выходило, примерно, по одному моряку на двух депутатов, что полностью компенсировало отсутствие у большевиков большинства. „Я заметил, — рассказывает Бонч-Бруевич, стоявший вместе со своими моряками в зале, — что двое из них, окруженные своими товарищами, брали Чернова на мушку, прицеливаясь из винтовки”. Бонч-Бруевич посоветовал не убивать председателя Учредительного собрания, добавив, что Ленин этого не разрешает. „Ну что же? Раз папаша говорит, что нельзя, так нельзя, — заявил мне за всех один из матросов”.¹¹³ „Папаша”, как ласково называли матросы Ленина, считал в этот момент достаточным Учредительное собрание разогнать; Ленин собрал членов правительства, „быстро обменявшись мнениями, все пришли к единогласному мнению, что эта говорильня решительно никому не нужна... Решили — собрание не прерывать, дать возможность всем вволю наболтаться, но на другой день не возобновлять заседания, объявить Учредительное собрание распушенным, а депутатам предложить вернуться к себе по домам”.¹¹⁴

Ленин окончательно потерял всякий интерес к Учредительному собранию, после того, как оно отказалось передать все свои полномочия большевистскому правительству. Исторические слова командира отряда моряков Железнякова — „караул устал” — завершили краткую историю свободного русского парламента. Воля караула становится высшим законом.

Огромную помощь в разгоне Учредительного собрания и в упрочении власти большевиков сыграли левые эсеры, фракция отколовшаяся от партии социалистов-революционеров. После Октябрьского переворота левые эсеры, руководимые М. Спиридоновой, Б. Камковым, В. Карелиным, короткое время придерживаются благожелательного нейтралитета по отношению к новой власти, затем входят в правительство, получая три министерских поста, позволяя таким образом представить правительство Ленина как многопартийное. В Учредительном собрании левые эсеры составляют единый блок с большевиками.

Накануне созыва Учредительного собрания Ленин впервые выступает в роли следователя, судьи и исполнителя приговора. Бонч-Бруевич, доставляет ему „первые сведения о саботаже”, собранные в 75-ой комнате; Ленин „тщательно проверив и прочтя все, исследовав происхождение документов, сличив почерки и пр.”, приходит к выводу, что „действительно движение саботажа существует, что оно руководится по преимуществу из одного центра, и что этим центром является в большинстве случаев партия к.-д.”, решает объявить партию „вне закона”, а ее членов — врагами народа.¹¹⁵

Через несколько дней, как председатель СНК, Ленин подписывает соответствующий декрет. Выбросив из Учредительного собрания партию кадетов, при поддержке левых эсеров, Ленин мог без всякого труда разогнать парламент. Побочным действием декрета об объявлении партии кадетов „вне закона” было убийство в больнице двух руководителей этой партии, депутатов Учредительного собрания А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокошкина.

Демонстрация, состоявшаяся в Петрограде после разгона Учредительного собрания, была расстреляна Красной гвардией. „В манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов; под красными знаменами Российской с.-д. партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и „сколько бы ни лгала *Правда*, она не скроет этого позорного факта”¹¹⁶ – так писал Максим Горький в статье „9 января – 5 января”, ставя в один ряд расстрел рабочих царскими солдатами в 1905 году и расстрел рабочих красногвардейцами в 1918 году.

Глава вторая ИЗ ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ В ЦАРСТВО СВОБОДЫ (1918 – 1920)

1. „Похабный мир”

Н. Бердяев ошибался, полагая, что большевизм „оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году”.¹ Большевизм победил легко, почти без сопротивления ибо предлагал утопию: все, всем и сразу. „Облик правды – грозен, – писал испанский философ Мигуэль де Унамуно, – народ нуждается в мифах, в иллюзиях, в том, чтобы его обманывали. Правда – нечто страшное, невыносимое, смертельное”. Большевики дали иллюзию мира, земли, хлеба. Реальностью стала новая война, конфискация зерна, голод. И невиданный террор.

Незадолго до Октябрьского переворота Ленин в финляндской тиши составляет проект переустройства России, сочиняет свою утопию – *Государство и революция*. Он придавал своему труду такое значение, что написал Каменеву письмо-завещание: обязательно опубликовать брошюру, если автор будет убит. Исходя из „учения Маркса-Энгельса” и взяв в качестве практического образца Парижскую коммуну, Ленин рисует коммунистическое государство, которое возникнет после пролетарской революции. В этом государстве не будет армии, не будет полиции, все чиновники будут выборными, причем функции управления государством станут такими простыми, что управлять сможет каждый, в том числе – каждая кухарка. Чиновники, для Ленина это важно, будут зарабатывать не больше квалифицированных рабочих. Автор *Государства и революции*

признает, что победа пролетариата не будет означать немедленного создания коммунистического общества: необходим будет некоторый переходный период. В этот период место буржуазного государства займет диктатура пролетариата. Она необходима, подчеркивает Ленин „не в интересах свободы, а в интересах сокрушения врагов”. Но у диктатуры пролетариата две функции: „подавление сопротивления эксплуататоров и руководство массами населения”. Первая функция казалась Ленину очень простой, ибо подавление ничтожного меньшинства эксплуататоров производится будет огромным большинством населения — трудовым народом. Легкой была и вторая: трудовой народ должен „подчиниться вооруженному авангарду... пока не приучится соблюдать элементарные условия социального существования без насилия и подчинения”.

Сразу же после прихода к власти Ленин сталкивается с действительностью. Реальность подвергает утопию испытанию. Прежде всего новой власти предстояло разрешить проблему войны, оказавшуюся роковой для Временного правительства. В декабре начались в Брест-Литовске переговоры с Германией. Впервые за дипломатический стол сели представители двух цивилизаций — старой и новой. Принц Макс Баденский пишет в своих мемуарах, — для него это символ грядущих времен, — что его кузен принц Эрнст Гогенлоэ, член германской делегации, был посажен за обедом рядом с мадам Биценко: „она это заслужила, убив министра”. Анастасия Биценко действительно убила в 1905 году министра и как заслуженная террористка представляла партию левых эсеров в делегации. Встреча за обеденным столом принца Гогенлоэ и мадам Биценко, за дипломатическим — Льва Троцкого и генерала Гоффмана, — была встречей и столкновением утопии и реальности. Большинство в ЦК партии считало, что достаточно заявить о прекращении войны и можно спокойно заняться строительством коммунизма. Немцы потребовали реальность: территории Польши, Литвы, часть Латвии и Белоруссии. Н. Бухарин, выражая взгляды „левых коммунистов”, составляющих значительную группировку в ЦК, принципиально отрицает допустимость компромисса с империалистами и настаивает на „революционной войне” с Германией, убеждая, что она зажжет „мировой пожар”. Троцкий выдвигает знаменитую формулу: войны не ведем, мира не подписываем, собравшую большинство в ЦК. Ленин, оказавшись в меньшинстве, аргументирует реалиями: у нас нет армии, мы бессильны, необходимо заключить мир. Его соратники, его ученики ослеплены утопией. Они не понимают того, что очевидно для Ленина: осуществить утопию можно, лишь имея власть. Этот аргумент он использует как важнейший, решающий, самый убедительный. Когда

немцы, воспользовавшись заявлением Троцкого: войны мы не ведем, двинулись в глубь страны, и предъявили затем ультиматум, Ленин настаивает на немедленном его принятии. Он объясняет: „Если бы немцы сказали, что требуют свержения большевистской власти, тогда, конечно, надо воевать”.² Только в том случае, если бы немцы попытались на власть большевиков, только тогда нужно было с ними драться. Только за власть. Ни в коем случае за территорию или другие „устаревшие” понятия. В. Бонч-Бруевич, рассказывая об отказе Троцкого подписать мирный договор, спрашивает: „Чем объяснить было такую нелепость?” И отвечает: „Более всего говорили, что здесь сыграли злую шутку ложно-патриотические и национальные предрассудки: никто из комиссии, и в том числе Л. Д. Троцкий, не хотели брать на себя печальную ответственность приложить свою руку под унижительным миром, который мог истолковываться глупенькими болтунами, как „предательство отечества”, как нанесение прямого и непосредственного вреда России, как государству”³.

Фанатическая убежденность Ленина в своей правоте, вера в свою утопию позволяла ему пренебрегать всякого рода „ложно-патриотическими и национальными предрассудками”.

3 марта 1918 года советская делегация подписала в Брест-Литовске мирный договор, „похабный” по выражению Ленина, соглашаясь на немецкую оккупацию Прибалтики, части Белоруссии, всей Украины. Советская республика обязалась уплатить немцам огромную контрибуцию: продовольствием, сырьем, золотом. Но Ленин сохранил власть. „Брестский мир, — заключает *Малая советская энциклопедия*, — выполнил свою основную задачу — сохранил диктатуру пролетариата”.⁴

Сопrotивление своей политике мира с Германией Ленин встретил снова прежде всего среди соратников. Но сопротивление это длилось не долго. В знак протеста вышли из правительства левые эсеры, но продолжали поддерживать большевиков. Отказалась признать сепаратный мир часть офицеров и генералов. Но солдаты были против войны. Против войны были и крестьяне. Их поддержка политики Ленина позволяет ему сохранить власть. Заключение „похабного” мира не разрешило ни одной внутренней проблемы страны, более того — все конфликты обострились. Действительность не хотела быть похожей на утопию.

8 апреля Ленин, беседуя с наркомпросом Луначарским, излагает идею, которая „давно носилась перед ним”. В *Государстве Солнца* Кампанеллы на фасадах домов нарисованы фрески, которые учат, воспитывают граждан утопического города. Ленин предлагает Луначарскому подобрать лозунги для „монументальной пропаганды”.

Председатель Совнаркома выбирает те из предложенных лозунгов, которые ему больше всего по душе. Прежде всего: „Наступит золотой век, люди будут жить без законов, без наказаний, совершенно добровольно совершая то, что хорошо и справедливо”. Эти слова Овидия возможно стояли перед глазами Ленина, когда он писал *Государство и революция*. После Октябрьского переворота золотой век не наступил. Люди начали жить без законов, но добровольно они не совершали ничего хорошего и справедливого.

2. Дух разрушающий...

Первой задачей, которую ставил перед пролетарской революцией Ленин, было разрушение государства, слом государственной машины, как выражались марксисты. „Слом” этот начался еще до переворота – к октябрю 1917 года была полностью разрушена армия. Сразу же после Октября были ликвидированы суд и вся система правосудия. Их заменяют революционные трибуналы, которые судят на основании „пролетарской совести и революционного самосознания”, и самосуд. Грабежи, разбитые винные подвалы, убийства, ставшие бытом столицы революционной России, нашли взволнованного и возмущенного хроникера. Максим Горький в *Несвоевременных мыслях* – до закрытия в июле 1918 года журнала *Новая жизнь* – не перестает приводить факты, негодовать и разоблачать „народных комиссаров”, которые стремятся показать свою „преданность народу”, не стесняясь „расстрелами, убийствами и арестами несогласных с ними, не стесняясь никакой клеветой и ложью на врага”.⁵ М. Горький цитирует „матроса Железняка”, который „переводя свирепые речи своих вождей на простецкий язык человека массы, сказал, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей”.⁶ В. Бонч-Бруевич, ведавший после Октября безопасностью в Петрограде, вспоминает, что „для поддержания порядка в городе, с конца октября по февраль при разгаре пьяно-погромной агитации, можно было вполне всегда рассчитывать всего лишь на латышский смольный свободный отряд, на некоторую часть егерей, преображенцев, семеновцев, несших караул в Государственном банке, на некоторые части 2 Флотского и Георгиевского экипажей”.⁷ И несколькими страницами ниже управляющий делами Совнаркома рассказывает о визите во 2 Флотском экипаже, у „верных моряков”. Командуют ими „сознательные анархисты” Анатолий Железняков, о котором вспоминает Горький, тот самый, что разогнал Учредительное собрание и готов был убить миллион человек и его брат – алко-

голик и убийца. С некоторым страхом, но и с видимым удовольствием от сознания, что это „его люди”, рассказывает Бонч-Бруевич о чудовищных подвигах „красы и гордости русской революции”. Один из собеседников описал, как он расстрелял 43 офицера, а потом „самому, знаете, приятно, тепло делается, и на душе спокойно, радостно, тихо, словно ангелы поют...”⁸ Когда „сознательные anarchists” братьев Железняковых начали грабить и убивать в размерах, невиданных даже в революционном Петрограде, их разоружили и отправили на фронт защищать советскую власть. Для разоружения был выделен „сильный дежурный отряд латышей-партийцев”, и „на всякий случай мы подготовили Волынский и Егерский полки, отличавшиеся в то время трезвостью, или, лучше сказать, терпимым пьянством”.⁹

Очистка города от „сознательных” и „стихийных”, „чистых” анархистов не означала прекращения самосудов. Расправа с врагами революции становится более организованной. „75-ая комната” (зародыш политической полиции), которую заводит в Смольном Бонч-Бруевич, оказывается слишком слабым органом защиты власти. Хотя она делает все, что может. На заседании Петроградского совета Бонч-Бруевич рассказывает, как он добивается показаний от арестованных, угрожая им расстрелом,¹⁰ несмотря на то, что всего несколько дней назад был принят декрет об отмене смертной казни. „75-ую комнату” заменяет 7 декабря, через 5 недель после Октября, новый орган, который станет Органом советской власти, — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Мысль о таком органе родилась у Ленина сразу же после переворота, он искал подходящего человека: „Неужели у нас не найдется своего Фукье-Тенвилля, который привел бы в порядок расхаживающую контрреволюцию?”¹¹ В начале декабря „свой Фукье-Тенвилль” — большевик, напоминавший кровожадного обвинителя при революционном трибунале в период Французской революции, знавшего только один приговор — гильотину, был найден. Выступая в Совнарком Феликс Дзержинский, в молодости хотевший стать ксендзом и ставший революционером, изложил свое кредо: „Не думайте, что я ищу форм революционной юстиции; юстиция сейчас нам не нужна. Теперь борьба — грудь с грудью, борьба не на жизнь, а на смерть — чья возьмет! Я предлагаю, я требую организации революционной расправы над деятелями контрреволюции”.¹²

Новый орган „революционной расправы”, подчиненный непосредственно Совнаркому, то есть председателю СНК В. Ульянову (Ленину), прежде всего занялся борьбой с „саботажем”.

С первых же дней новая власть продемонстрировала великолепное

владение словарем. Рождается новое искусство — искусство пропаганды, искусство изменения смысла вещей путем изменения их наименования. Поскольку после пролетарской революции забастовки—оружие пролетариата — стали неуместными, они получили новые имена. Всеобщая забастовка служащих была названа — „саботажем”, зловещим словом, таившим в себе необходимость сурового наказания.¹³

Среди мыслей Энгельса, сохраняющих свое значение и по сей день, пророчески звучит высказывание о революции: „Народы, которые хвастаются, что совершили революцию, всегда обнаруживали на другой день, что они не имели понятия о происшедшем, что совершившаяся революция, ни в чем не похожа на ту, которую они хотели сделать”. Первыми — на другой день — обнаружили это русские интеллигенты. Более ста лет ждали они революции, стремились к ней, работали на нее. И чем слабее становилась монархия, тем активнее они действовали. В начале века, уже ощущая подземные толчки близящейся катастрофы, они приветствуют „грядущих гуннов”, зовут „огневую стихию”, соглашаясь быть растоптанными, соглашаясь на собственную гибель ради обновления России. Февральская революция, подарившая свободы, давшая голос „великому немому” — русскому народу, показалась сначала осуществленной мечтой. Но и народ оказался мало схожим с тем иконописным образом, которому полагалось поклоняться, и Временное правительство, оказавшееся в руках интеллигентов, неясно себе представляло, что делать с властью. М. Горький записал в дневник сетования безымянного интеллигента, отражавшие чувства большинства русской интеллигенции: „Мне плохо. Как будто Колумб достиг, наконец, берегов Америки, но Америка противна ему...”

Потрясенная тем, что революция оказалась непохожей на сон, который виделся сто лет, русская интеллигенция тем не менее находит силы выступить против „дерзкого и буйного насильника”. Забастовка служащих государственных учреждений и муниципальных органов в Петрограде, потом в Москве, распространяется и на другие города. Останавливается городской транспорт, электростанции. К служащим присоединяются учителя Москвы (они будут бастовать три месяца), Петрограда, Уфы, Екатеринбурга, Астрахани. Резко осуждает захват власти большевиками Пироговское общество врачей. Бастуют врачи, фельдшеры, сестры милосердия, фармацевты. Отказалась признать новую власть профессура высших учебных заведений. Сопrotивление оказывает значительная часть технической интеллигенции — ее взгляды выражает прежде всего Всероссийский союз инженеров. Через неделю после Октябрьского переворота ВЦИК пригласил в Смоль-

ный творческую интеллигенцию Петрограда. В 7 часов вечера все явившиеся смогли усесться на одном диване: кроме членов партии Рюрика Ивнева и Ларисы Рейснер, на встречу с новой властью пришли Владимир Маяковский, Всеволод Мейерхольд и Александр Блок. Маяковский, в марте 1917 года заявлявший „да здравствует искусство, свободное от политики”, и Мейерхольд, поставивший в императорском Александринском театре роскошный спектакль — *Маскарад*, премьера которого состоялась 25 февраля 1917 года, представляли новое, революционное искусство. О надеждах новаторов в искусстве скажет позднее А. Таиров: „Как мы рассуждали? Революция разрушает старые формы жизни. А мы разрушаем старые формы искусства. Следовательно, мы — революционеры и можем идти в ногу с революцией”.¹⁴ Революционеры в искусстве жестоко ошиблись, рассчитывая на длительное сочувствие революционеров в политике. Однако на первых порах новая власть использует „разрушителей”, тех, кого Евгений Замятин назовет „юркой школой”, „юркими авторами”, знающими, „когда надеть красный колпак и когда его скинуть, когда петь сретение царя и когда молот и серп”. Е. Замятин констатирует, выделив подлинного поэта — В. Маяковского, что „наиюрчайшими оказались футуристы: не медля ни минуты — они объявили, что придворная школа — это, конечно, они”.¹⁵

Чужим казался на диване в Смольном Александр Блок. Видевший в революции очищающий Россию огонь, Блок, закрыв глаза, слушал „музыку революции”. Закрыв глаза, пишет он *Двенадцать* и *Скифы*. Прозрение пришло очень скоро и было страшным: „А когда начались Красная армия и социалистическое строительство... я больше не мог”, — занесет он в дневник.

Разочарование подавляющего большинства русской интеллигенции революцией не было неожиданностью для Ленина: вождь партии большевиков, учивший, что только интеллигенция может внести „революционное сознание” в рабочий класс, всегда относился к ней недоверчиво и недоброжелательно. Неожиданным было разочарование революцией рабочего класса, от имени которого и для которого была совершена пролетарская революция.

Из трех лозунгов, позволивших большевикам захватить власть, два — мир и земля — выражали прежде всего интересы крестьянства. Третий, выражавший интересы пролетариата, был гораздо менее четок и менее понятен. Что значило — рабочий контроль над производством — было не очень ясно. Характерно, что декрет о контроле над производством был принят не в ночь с 25 на 26 октября, как два первых, а двадцать дней спустя — 14 ноября 1917 года.

Декрет предусматривал: „Рабочий контроль над производством,

куплей, продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия”.¹⁶ Казалось: что может быть проще и легче? Рабочие, производители сами все контролируют, и все экономические проблемы решаются сами собой. В январе 1918 года Ленин поощрял пролетариат: „Вы – власть, делайте, что вы хотите делать, берите все, что вам нужно, мы вас поддержим... Вы будете делать ошибки, но вы научитесь”.¹⁷ Гигантский – в масштабах всей русской экономики эксперимент – дает немедленный результат. Что такое „рабочий контроль над производством” было неясно. Рабочие часто понимали его просто: „Я явился на завод и начал осуществлять контроль, – рассказывал рабочий-коммунист. – Я вскрыл несгораемый шкаф, чтобы взять на учет деньги. Но денег там не было...”¹⁸ *Вестник труда* – орган ВЦСПС – жаловался, что пролетарии рассматривают „переданную им в руки промышленность”, как „неосушимое море, из которого можно без ущерба выкачивать бесчисленное количество благ”.¹⁹

Правительственные меры совершенно дезорганизуют работу промышленности. В мае 1918 года председатель ВЦСПС М. Томский констатирует: „падение производительности труда в настоящий момент дошло до той роковой черты, за которой (вернее, на которой) грозит полнейшее разложение и крах”.²⁰ Снижение производительности труда было одним из проявлений нараставшего недовольства рабочих. А. Вольский (Ян Вацлав Махайский) в журнале *Рабочая революция*, единственный номер которого вышел в июне-июле 1918 года, сравнивая Февральскую и Октябрьскую революции с точки зрения интересов пролетариата, замечает: „после Февральского буржуазного переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеван восьмичасовой рабочий день, после Октябрьской пролетарской революции рабочие не получили ничего”.²¹ Было еще одно различие между двумя революциями: после пролетарской – рабочий класс теряет возможность бороться за свои права. „Контроль над производством” оказывается фикцией: разрушение существовавшей системы управления промышленностью резко ухудшает положение рабочих.

В марте 1918 года в Петрограде собирается Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов города. Оно констатирует: „Профессиональные союзы утратили самостоятельность и независимость и уже не организуют борьбы в защиту прав рабочих. Советы Рабочих и Солдатских Депутатов точно боятся рабочих: не допускают перевыборов, забронировали себя: они превратились только в правительственные организации и не выражают больше мнений рабочей массы”.²² Декларация, принятая уполномоченными крупнейших

петроградских заводов и фабрик — Путиловского, Семяниковского, Обуховского, Балтийского и других, железнодорожных мастерских, электростанций, типографий, обращалась к Всероссийскому съезду советов и подводила итог первым послереволюционным месяцам: „25 октября 1917 г. большевистская партия в союзе с партией левых эсеров, и опираясь на вооруженных солдат и матросов, свергла Временное правительство и захватила власть в свои руки. Мы, петроградские рабочие, в большинстве своем приняли этот переворот, совершенный от нашего имени и без нашего ведома и участия... Более того. Рабочие оказали поддержку новой власти, объявившей себя **правительством рабочих и крестьян**, обещавшей творить нашу волю и блюсти наши интересы. На службу ей стали все наши организации, за нее пролита была кровь наших сыновей и братьев, мы терпеливо переносили нужду и голод; нашим именем сурово расправлялись со всеми, на кого новая власть указывала, как на своих врагов; и мы мирились с урезыванием нашей свободы и наших прав, во имя надежды на данные ею обещания. Но прошло уже четыре месяца, и мы видим нашу веру жестоко посрамленной, наши надежды грубо растоптанными”.²³

Движение Уполномоченных, выражавшее разочарование рабочего класса, стало распространяться и на другие города. В Москве возник организационный комитет по созыву Всероссийской конференции уполномоченных от фабрик и заводов. Движение это было объявлено меньшевистским, право-эсеровским, контрреволюционным и разгромлено.

Рабочие голосуют против „пролетарской власти” и руками, — резко снижая производительность, и ногами, — бросая разрушенные, разоренные заводы и фабрики. В мае 1918 года, выступая на первом съезде совнархозов Алексей Гастев говорит о нежелании рабочих работать: „По существу, мы сейчас имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский”.²⁴

Развал промышленности отозвался очень быстро в сельском хозяйстве. Партия большевиков, „позаимствовав” эсеровскую аграрную программу, получила поддержку крестьян. Ленин не скрывал этого: „Не менее чем до лета 1918 г. ... мы держались, как власть, потому что опирались на все крестьянство в целом”.²⁵ Крестьянство поддержало большевиков в октябре 1917 года, но разочарование приходит быстро. Популярная в первые послереволюционные годы песня обещала: Наш паровоз летит вперед, в коммуне остановка. Русское крестьянство не хотело „лететь” так далеко, оно решило

сойти на остановке „раздел помещичьих земель”.

Радикальная аграрная реформа, о которой сотни лет мечтали крестьяне, и сто лет — интеллигенция, прошедшая пожаром по стране, дала результаты неожиданные: на долю исконных земледельцев пришлось в среднем, в подавляющем большинстве губерний, — не более полудесятины прирезанной земли.²⁶ (Бросившие города заводские рабочие, ремесленники, прислуга и так далее потребовали себе наделов и — получили их.) Основной причиной разочарования крестьянства было, однако, не это: сколько-то земли каждый получил, было окончательно ликвидировано помещичье землевладение. Недовольство новой властью началось с того момента, когда она потребовала от крестьян сельскохозяйственные продукты, не давая ничего взамен, — инфляция совершенно обесценила деньги, промышленность перестала производить товары, нужные деревне. К „саботажу” интеллигенции, к „саботажу” пролетарскому присоединяется „саботаж” крестьянский. В ноябре 1917 года было заготовлено 641 тысяча тонн зерна, в декабре — 136, в январе 1918 — 46, в апреле — 38, в мае — 3, в июне — 2 тысячи тонн.²⁷ Город голодает, голодные рабочие сокращают и без того низкую производительность или просто бегут в деревню.

Властью партии большевиков недовольны не только противники советской власти, контрреволюционеры — это вполне естественно, ею недовольны те, кто ее поддерживал, те от чьего имени была совершена революция. Но не менее сильным было и разочарование Ленина в русском пролетариате (крестьянством он всегда был недоволен). Русский рабочий класс, „политическую зрелость” которого Ленин — после Октябрьского переворота — оценивал необычайно высоко, оказывается через несколько месяцев „незрелым”, „недостаточно подготовленным” для управления страной, недостаточно „пролетарским”.

Утопические мечты, изложенные накануне Октябрьского переворота в *Государстве и революции*, развеялись при соприкосновении с действительностью. В конце апреля — начале мая Ленин пишет новую утопическую программу, статью „Очередные задачи советской власти”. В ней определены важнейшие черты „коммунизма”, который, после того, как станет очевидной его неудача, будет назван „военным коммунизмом”. Первая задача революции, говорит ее вождь, выполнена: „Задача преодоления и подавления сопротивления эксплуататоров в России окончена в своих главных чертах”. И он назначает следующую: „На очередь ставится теперь задача управления государством”.²⁸ И вторая задача казалась такой же легко выполнимой, как и первая. Она состояла, по мнению автора утопии, из учета и контроля за двумя простыми операциями: взять и распределить.

Наиболее полно изложил свою программу Ленин в октябре 1921 года, признавая, что „мы сделали ошибку”, и тем самым отпуская себе грехи за три с лишним года строительства коммунизма: „В начале 1918 г. мы ... решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам и выйдем у нас коммунистическое производство и распределение”. Приблизительно, признавался Ленин, „в этом духе мы и действовали”.

Именно в это время, в начале 1918 года Ленин, по свидетельству ближайшего тогда его соратника Троцкого, не переставал повторять на заседаниях Совнаркома: через 6 месяцев мы построим социализм. Десять лет спустя Андрей Платонов напишет роман *Чевенгур* о революционных мечтателях, решивших построить коммунизм „враз”, в „боевом порядке революционной совести и трудгужповинности”.

В отличие от персонажей Платонова Ленин имеет широчайшие возможности для реализации коммунистической утопии. В промышленности начинается переход от „контроля над производством” к национализации. Запрещается частная торговля – основа капиталистического строя. Вводится трудовая повинность. Начать ее, указывает Ленин, „мы должны с богатых”. А затем „от трудовой повинности в применении к богатым советская власть должна будет перейти, а вернее, одновременно должна будет поставить на очередь задачу применения соответственных принципов к большинству трудящихся, рабочих и крестьян”.

Германия эпохи первой мировой войны кажется Ленину подтверждением правильности его схемы: „Германский империализм, представляющий в настоящее время наибольший прогресс не только в военной мощи и военной технике, но и крупной промышленной организации в рамках капитализма, ознаменовал, между прочим, свою экономическую прогрессивность тем, что раньше других государств осуществил переход к трудовой повинности”.²⁹ План Ленина гениально прост: кайзеровская экономика плюс советская власть. Итог: коммунизм.

Трудовая повинность по отношению к крестьянам выражается в правительственных декретах, принятых в мае и июне 1918 года, о „хлебной повинности” – обязанности сдавать государству „все излишки” по твердым ценам. Вводится продразверстка, о которой председатель Совнаркома говорит: „Разверстка хлеба должна лечь в основу нашей деятельности... Разверстка должна быть доведена до конца. И только тогда, когда мы решим эту задачу, и у нас будет социалистический фундамент, мы сможем строить на этом социали-

стическом фундаменте... роскошное здание социализма...»³⁰

Запрещение частной торговли, отсутствие государственного торгового аппарата вызывают голод в городах, о каком не имело представления население, совершившее революцию из-за перебоев с доставкой хлеба. Ленин формулирует свою политику строительства „роскошного здания социализма“: „Есть два способа борьбы с голодом: капиталистический и социалистический. Первый состоит в том, чтобы допускалась свобода торговли... Наш путь, путь хлебной монополии”.³¹ Открывается „хлебный фронт”, начинается „борьба за хлеб”. Для конфискации хлеба мобилизуется продовольственная армия — продотряды, которые Ленин назовет „первым и величайшим шагом социалистической революции в деревне”.³² Комитеты бедноты, созданные декретом от 11 июня 1918 года, должны „ввести революцию в деревне”. Часть найденного и конфискованного с помощью комбедов хлеба шла в их пользу, что должно было „материально заинтересовать” бедноту. В. Бонч-Бруевич вспоминает об эпохе „коммунизма”: „Ход революционных событий... так двигал наши общественные отношения, что считалось за наилучшее благо решительно все национализировать, начиная от крупных фабрик и заводов, до цирюлен с одним цирюльником, одной машинкой и двумя бритвами — включительно, и до последней морковки в магазине. Всюду стояли заставы, чтобы никто не мог ни пройти, ни проехать с какими-либо продуктами, — все были посажены на паек...”³³ Управляющий делами Совнаркома не пишет ни о том, что паек был не только очень разный, но что некоторым категориям населения он вообще не полагался, ни о том, что только „мешочничество”, только провоз продуктов через заставы спас население городов советской республики от голодной смерти. 60% продовольствия в 1918—19 годах население приобрело на „черном рынке”. „Хлебная монополия”, советская продовольственная политика в значительной степени способствовала деморализации советских граждан, возникновению убеждения в необходимости обходить закон, рождению массовой преступности, появлению всемогущего „черного рынка”. „Хлебная монополия” и запрещение торговли внедрили убеждение в „контрреволюционности” торговли, как таковой, в недостойности этого занятия.

„Хлебная монополия”, как и все другие декреты советского правительства, имели не только конкретную цель, но и несли „пропагандную”, „воспитательную” нагрузку. Они разрушали старое общество — каждый в своей области. Разрушали не только административные устои свергнутого общества, но и его моральные устои.

13 января 1918 года декрет об отделении церкви от государства лишил церковь всего ее имущества и юридических прав, поставив

фактически вне закона. В сентябре 1918 года почти одновременно были приняты декрет о семье и браке и декрет о школе. Революционизировалась семья: брак признавался лишь гражданский (церковный отменялся), становился свободным, свободным становилось и вступление в брак и развод. „Семья, — провозглашала А. Коллонтай — перестала быть необходимой. Не нужна государству, ибо отвлекает женщин от полезного обществу труда, не нужна членам семьи, ибо воспитание детей постепенно берет на себя государство”. Государство еще не могло — сразу же после революции — взять на себя воспитание детей, но могло включить — и включило — в кодекс статьи, позволявшие сделать это впоследствии. Намерения государства были изложены на съезде по народному образованию З. Лилиной, требовавшей изъять детей из-под грубого влияния семьи, для того, чтобы создать из молодого поколения поколение коммунистов. З. Лилина, руководившая народным образованием в Петрограде, настаивала на „национализации” детей, ибо они „подобно воску поддаются влиянию” и из них можно „сделать настоящих, хороших коммунистов”.

Декрет о школе революционизировал школу: она стала совместной, отменена была плата за обучение, отменены были все экзамены, задавание уроков на дом. Поддерживая принцип реформы школы, Всероссийский учительский союз выступил против подчинения школы государству.

Разрушительные удары во все стороны, разрушение всех устоев дореволюционного общества — армии, суда, администрации, семьи, церкви, школы, политических партий, экономики — не пугали Ленина, верившего, что у него есть универсальное средство для сооружения на голом, очистившемся месте нового мира, утопии. Средством этим была диктатура пролетариата.

3. Рождение диктатуры

Диктатура пролетариата была вписана в программу социал-демократической партии со дня ее рождения. Образцом такой диктатуры, упоминания о которой имеются у Маркса, была для Ленина Парижская коммуна. Но опыт Парижской коммуны, существовавшей всего несколько недель, не мог дать вождю Октябрьской революции необходимых указаний — как и что делать, после того, как власть переходит в руки пролетариата. И он разрабатывает теорию диктатуры сам. Практика власти очищает теорию от всего случайного, нанесенного 19-м веком. И если в *Государстве и революции* утверждается, что только безнадежный невежда и буржуазный мошенник

может говорить, что рабочие не в состоянии непосредственно, как класс, управлять государством, то очень скоро оказывается, что только безнадежный невежда и буржуазный мошенник может говорить, что рабочие в состоянии управлять промышленностью, государством.

Жорж Клемансо говорил, что война слишком серьезное дело, чтобы его можно было доверить генералам. Ленин, сразу же после захвата власти, приходит к выводу, что пролетарская диктатура слишком серьезное дело, чтобы его можно было доверить пролетариату.

Диктатура пролетариата определяется Лениным прежде всего, как система, отвергающая парламентаризм, предусматривающий отделение законодательной и исполнительной властей. Диктатура пролетариата — слияние воедино управления и законодательства.³⁴ Это значит, что власть имущие принимают законы, по которым осуществляют свою власть, не подвергаясь никакому контролю. Впрочем, Ленин, чтобы не было никаких кривотолков, объяснил слово „диктатура“: „Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть“.³⁵

Поскольку пролетариат оказывается неспособным осуществлять эту диктатуру, дело это берет на себя авангард рабочего класса — партия. Ленин этого не скрывает: „Когда нас упрекают в диктатуре одной партии... мы говорим: Да, диктатура одной партии! Мы на ней стоим и с этой почвы сойти не можем“.³⁶ Еще до прихода к власти вождь партии большевиков пренебрежительно отверг буржуазное понятие — „воля большинства“. Важно, писал он, в решающий момент, в решающем месте **быть сильнее, победить**.³⁷

Первое же соприкосновение с властью, с практикой рождает в Ленине убеждение в необходимости диктатуры партии, а в ней — и это было вкладом в марксизм — диктатуры отдельной личности. В марте 1918 года Ленин объясняет необходимость личной диктатуры с точки зрения нужд современной экономики: „... Всякая крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего единства воли... Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного. Это подчинение может, при **идеальной сознательности и дисциплинированности** участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства... Но, так или иначе, беспрекословное подчинение единой воле...

необходимо”.³⁸ В марте 1918 года, через четыре месяца после революции, Ленин говорит о необходимости — „так или иначе” — личной диктатуры. По причинам экономическим. В марте 1919 года, в речи, посвященной памяти Я. Свердлова, он настаивает на необходимости личной диктатуры по причинам политическим: „В эпоху резкой борьбы, осуществляя рабочую диктатуру, надо выдвигать принцип личного авторитета, морального авторитета отдельного человека, решениям которого все подчиняются без долгих обсуждений”. Мечта о сильной власти живет в Ленине с давних пор. Троцкий в брошюре *Второй съезд российской социал-демократической рабочей партии. Отчет сибирской делегации*, выпущенной в 1903 году в Женеве, писал о планах Ленина: „Осадное положение, на котором с такой энергией настаивал Ленин, требует твердой власти. Практика организованного недоверия требует железной руки, Ленин делает мысленную переключку партийному персоналу и приходит к выводу, что железная рука это он сам — только он”. Ленин отнюдь не скрывал своих намерений. Троцкому не нужно было из разгадывать. В стенографическом отчете второго съезда, изданном в Женеве, на стр. 241 занесено в протокол, что во время выступления делегата Попова, говорившего о вездесущем и всюду проникающем духе Центрального комитета, Ленин поднял высоко кулак и воскликнул: „Кулак!”

Власть кулака, которую Ленин утверждал в партии, распространяется на страну.

Рождается „философия власти” 20-го века. Обнаружив, что реальность не похожа на его представление о ней, Ленин решает силой изменить реальность, изменяя прежде всего представление о реальности. Не случайно первым декретом Совета народных комиссаров был „декрет о печати”, вводивший цензуру, закрывавший газеты и журналы, критически относившиеся к новой власти. Признавая, что кое-кому „даже из старых большевиков” трудно было примириться с тем, что до революции „наша старая программа” требовала „свободы печати”, а после прихода к власти эта свобода была немедленно ликвидирована, Бонч-Бруевич формулирует „новые требования Октябрьской жизни” так: „Во время революции должна существовать только одна революционная печать...”³⁹

Гитлер, прилежный ученик Ленина и Сталина, отмечал, что слабость буржуазного мира по сравнению с марксизмом заключается в принципиальном отделении духа и силы, идеологии и террора. В марксизме, — говорил фюрер, — „дух и грубая сила гармонично совмещены”. И добавлял: „Национал-социализм — это то, чем марксизм мог бы быть, если бы он разорвал абсурдные узы, связывающие его с демократическим порядком”.⁴⁰

Ленин первым открывает секрет сочетания „духа и грубой силы”, практического использования силы для осуществления утопической программы, прикрытия силы утопической программой.

Важнейшим элементом ленинской политики, направленной на udržание власти меньшинства, одной партии, был раскол большинства, дробление, атомизация общества.

Одним из первых своих актов — 11 ноября 1917 года — советское правительство уничтожает сословия и гражданские чины, существовавшие в дореволюционной России. Но в отличие от „буржуазных революций”, которые устанавливали „равенство всех граждан перед законом, в действительности являвшееся равенством формальным”, пролетарская революция устанавливает в стране принципиальное неравенство. Оно закрепляется в первой советской конституции — в Конституции РСФСР, принятой в июле 1918 года. Часть населения полностью лишается прав, русский язык обогащается словом — „лишенец”. В число лишенцев были включены лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служители культа, бывшие сотрудники полиции, члены бывшего царствующего дома, но так же „лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли”. Это касалось прежде всего крестьян, нанимавших хотя бы одного работника весной или осенью для помощи в полевых работах. Таких крестьян насчитывалось не менее 5 миллионов человек. Лишение прав распространялось на всех членов семьи. Для детей это означало, в частности, лишение права учиться в вузах и ограничение — в связи с нехваткой мест — права учиться в школах. Все остальные крестьяне ограничивались в избирательных правах — при выборах в советы один голос рабочего равнялся пяти голосам крестьян.

Все крестьянство разбивается на множество категорий: деревенский пролетариат, бедняки, маломощные середняки, середняки, кулаки. Поскольку определенных, точных критериев принадлежности к той или иной категории не было, законом становится произвол. Рождается система, в которой наличие одной или двух коров, одной или двух лошадей, определяет положение человека в обществе и определяет будущее его детей. „Социальное положение” становится клеймом. До революции продвижение по службе или деньги позволяли перейти из одного сословия в другое. Революция ликвидирует социальную мобильность для лиц с „неподходящим” социальным происхождением, изменить которое человек был не в состоянии, как нельзя изменить расовое происхождение.

Иллюстрацией конкретного осуществления „лишения прав” было решение петроградского комиссариата продовольствия ввести в июне 1918 года „классовый паек для различных групп трудового

и нетрудового населения”. Были созданы на первых порах 4 категории: 1 — для рабочих тяжелого физического труда, 2 — для остальных рабочих и служащих по найму, 3 — для лиц свободных профессий, 4 — для нетрудовых элементов.⁴¹ Решение это было выполнением требования Ленина, выраженного еще в декабре 1917 года, о „необходимости проведения классового принципа при распределении продовольственных пайков”.⁴² 27 сентября 1918 года *Правда* опубликовала сообщение о том, что „Наркомсобес подтверждает необходимость лишения пайков все кулацкие и буржуазные элементы деревни и города. Полученные таким образом излишки будут использованы для увеличения пайка деревенской и городской бедноты”.

Раздробив общество, правительство присваивает себе право обрывать часть населения — нищие касты — на голодную смерть, ради спасения высших каст.

Важнейшим инструментом ленинской политики становится ВЧК, представлявшая собой чрезвычайный орган большевистской партии, подчиненный непосредственно Ленину. С первых же дней после прихода к власти Ленин, по свидетельству Н. Крупской, опасался больше всего мягкости своих товарищей. Он был несказанно возмущен решением второго съезда Советов, отменившего, по предложению Каменева, 25 октября 1917 года смертную казнь. Февральская революция отменила в России смертную казнь и когда Керенский попытался ввести ее для дезертиров, больше всех негодовали большевики. Теперь Ленин в гневе повторял: „Глупость, глупость... Что же они думают, что можно совершить революцию без расстрелов?” Это, — говорил он, по свидетельству Троцкого, — „ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия”.⁴³ После принятия декрета об отмене смертной казни большевистское правительство, под давлением Ленина, решило — несмотря на декрет — „прибегать к смертной казни, когда станет очевидным, что другого выхода нет”.⁴⁴

Сеть чрезвычайных комиссий покрывает всю советскую республику: их создают в городах — губернских и уездных, на железных дорогах, в морских и речных портах, в армии. Очень быстро ВЧК приобретает неограниченные права. Это, — пишет один из его руководителей, — „орган..., пользующийся в своей борьбе приемами и следственных комиссий, и судов, и трибуналов, и военных сил”.⁴⁵ Чрезвычайные комиссии сами арестовывали, сами вели следствие, судили и приводили приговор в исполнение.

30 августа 1918 года в Петрограде студент Леонид Канегиссер убивает председателя петроградской ЧК Урицкого, в Москве эсерка Фанни Каплан ранит Ленина. Это поворотный день в истории ВЧК. Ей поручается осуществление „беспощадного массового террора”. СНК

издает 5 сентября постановление о „красном терроре”.⁴⁶ В этот же день Каплан была расстреляна без суда, по постановлению ВЧК.⁴⁷ Начинается волна массовых расстрелов. „Количество расстрелянных, — утверждает заместитель председателя ВЧК Петерс, — чрезвычайно преувеличено. В общем и целом цифра расстрелянных ни в коем случае не превышает 600 человек”.⁴⁸ По мнению Петерса, эту цифру нельзя считать чрезмерной за ранение Вождя. Народный комиссар внутренних дел Петровский издает специальный приказ, в котором, негодуя по поводу „чрезвычайно ничтожного количества серьезных репрессий и массовых расстрелов белогвардейцев и буржуазии”, дает указание: „взять значительные количества заложников”.⁴⁹ Председатель ВЧК Дзержинский в циркулярном письме разъяснял „что такое заложник”. Заложниками, — указывал он, — „следует брать только тех людей, которые имеют вес в глазах контрреволюционеров... Они чем дорожат? Высокопоставленными сановными лицами, крупными помещиками, фабрикантами, выдающимися работниками, учеными, знатными родственниками находящихся при власти у них лиц и тому подобными”. В то же время, — поучал председатель ВЧК, — „никто не заступится и ничего не даст” за „какого-нибудь сельского учителя, лесника, мельника или мелкого лавочника”.⁵⁰

Система заложников, неизвестная дореволюционной России, дополнялась другим, ранее неизвестным инструментом репрессии — концентрационными лагерями. Кошмарная слава, какую приобрели гитлеровские концлагери, не должна заслонять приоритета советского государства. Честь первого использования этого термина принадлежит Троцкому. В приказе от 4 июня 1918 года наркомвоенмор требует заключения в концентрационные лагеря чехословаков, не желающих сдать оружие.⁵¹ 26 июня Троцкий направляет в Совет народных комиссаров меморандум, в котором предлагает причислить к буржуазии бывших офицеров, не желающих вступать в Красную армию и заключить их в „концентрационные лагеря”.⁵² 8 августа Троцкий, значительно расширяя состав клиентуры концентрационных лагерей, распоряжается об их создании в Муроме, Арзамасе и Свияжске и заключении „темных агитаторов, контрреволюционных офицеров, саботажников, паразитов, спекулянтов”.⁵³ 9 августа Ленин, озабоченный размахом крестьянского восстания в Пензенской губернии, телеграфирует в губисполком, требуя: „Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города”.⁵⁴

Концентрационный лагерь становится универсальным средством террора против всех „сомнительных”. 5 сентября 1918 года, после

того, как эта мера репрессий уже широко применяется, она узаконивается постановлением Совета народных комиссаров: „необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях”.⁵⁵ В следующем пункте Постановления говорилось: „Подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам”.⁵⁶

Концентрационный лагерь — мера наказания, непосредственно следующая по суровости за расстрелом. Смертная казнь, об отмене которой так сожалел Ленин, была восстановлена декретом СНК от 21 февраля 1918 года. Этот декрет предоставлял ВЧК „право непосредственной расправы с активными контрреволюционерами”. Критерий „активные контрреволюционеры” был достаточно широк. Декрет считал ими: „неприятельских агентов, спекулянтов, громил, хулиганов, контрреволюционных агитаторов, германских шпионов”. Все они „расстреливались на месте”,⁵⁷ то есть без суда и следствия. Но ВЧК расширила этот список, включив в него — в „Объявлении” от 22 февраля — саботажников и прочих паразитов”.⁵⁸ 16 июня народный комиссариат юстиции РСФСР известил революционные трибуналы, что и они „не связаны никакими ограничениями” в „выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и проч.”⁵⁹

Число расстрелянных в первый год революции точно неизвестно. Лацис утверждает, что за первую половину 1918 года было расстреляно чрезвычайными комиссиями „всего 22 человека”, но „за второе полугодие 1918 г. уже расстреляно свыше 6 тысяч человек”.⁶⁰ Неизвестно, однако, сколько было расстреляно по приговору революционных трибуналов, местных советов и так далее. Не говоря о том, что цифры, приводимые Лацисом, вызывают сильное сомнение. Достаточно сказать, что сообщение „О расстреле бывшего царя Николая Романова” говорило о „приведении в исполнение 16 июля 1918 г.” приговора президиума уральского областного совета, добавляя: „Жена и сын Николая Романова отправлены в надежное место”.⁶¹ В ипатьевском доме были убиты царь, царица, наследник, четыре княжны, доктор, повар, лакей и прислуга. Если Лацис, первый историк ВЧК, всегда считал расстрелянным одного человека, когда убито было одиннадцать, статистика его вряд ли может считаться достоверной.

С первых же дней после прихода к власти Ленин видит в диктатуре, в никакими законами не связанной силе, ключ к решению всех проблем — политических, экономических, социальных. В 1902 году в замечаниях на проект партийной программы, составленной Плехановым, Ленин писал, что если крестьянин не примет пролетарской точки зрения, то „мы при диктатуре скажем: нечего слов тратить по-

пустому, где надо власть употребить”. Вера Засулич, читая эти замечания, написала на полях: „Над миллионами – то! Попробуй-ка!” Для террористики, готовой выстрелить в одного слугу самодержавия, казалась невероятной диктатура над миллионами. Для противника индивидуального террора Ленина массовый террор представлялся совершенно необходимым методом строительства социалистического общества. Массовый террор: против крестьян (постановление Совета рабоче-крестьянской обороны от 15 февраля 1919 года гласит: „... взять заложников из крестьян с тем, что если расчистка снега не будет произведена, они будут расстреляны”⁶²); против рабочих (все недовольные новой властью рабочие объявлялись „нерабочими”, не „чистыми” пролетариями, зараженными мелкобуржуазной психологией, коншлагеря были объявлены „школой труда”⁶³); против всех других классов.

Орудие террора – „орган непосредственной расправы” – ВЧК находилась под непосредственным руководством Ленина и не подчинялась никому. В сентябре 1918 года все губернские ЧК получили директиву Дзержинского: „В своей деятельности ВЧК совершенно самостоятельна, производя обыски, аресты, расстрелы, давая после отчет Совнаркому и ВЦИК”⁶⁴. В дополнение к своим неограниченным правам ВЧК была признана „непогрешимой”, была запрещена критика органа, „работа которого протекает в особо тяжелых условиях”⁶⁵. В первые месяцы после революции – в осуществление идей Ленина и под его непосредственным руководством – складывается государство нового типа, государство тоталитарное. Одной из главных его черт является не суровость закона, но полная его произвольность. Конституция лишила прав, выбросила за рамки общества значительную категорию граждан страны. Не это, однако, было особенностью советского государства. В дореволюционной России были категории населения, права которых ограничивались. Значительно ограничены были права крестьян даже после 1861 года, многих гражданских прав были лишены евреи. Но все эти ограничения были определены законом, который к тому же определял возможности перехода в другие сословия, пользовавшиеся всеми правами. После революции даже те категории граждан, которые имели по конституции все права, были лишены всех прав. Ликвидировано было понятие вины. Государство определяло – кто виноват. Виноватыми перед государством были рабочие, не желавшие работать за голодную зарплату; виноваты крестьяне, не желавшие отдавать бесплатно сельскохозяйственные продукты; виновата интеллигенция, представлявшая себе революцию иначе; виноваты представители бывших правящих классов, ибо они и их предки эксплуатировали

народ. Лацис писал: „Феликс Эдмундович не в состоянии примириться с тесными рамками буквально понимаемой контрреволюции. Разве контрреволюционер только тот, кто работает в направлении свержения Советской власти с оружием в руках? А тот, кто преднамеренно или непреднамеренно разрушает транспорт или товарообмен, кто мешает хотя бы своим попустительством развитию производственных сил страны... Разве до них нет ВЧК никакого дела? Нет, все это вредно, подлежит искоренению, и ВЧК должна всем этим заниматься”.⁶⁶

ВЧК должна заниматься теми кто „преднамеренно или непреднамеренно” действует во вред советской власти, кто мешает ей хотя бы „попустительством”. В 1922 году Ленин потребует включить в Уголовный кодекс статью, предусматривающую суровое наказание для тех, кто „объективно помогает или может помочь” мировой буржуазии. „Объективная” помощь, „непреднамеренная помощь” — означало, что государство — в лице его руководителей — выбирало врагов, определяло кто враг. ВЧК затем ведала практическим воплощением директивы в жизнь, или, лучше сказать, в смерть.

Бывшие офицеры царской армии были включены после революции в категорию активных или потенциальных врагов. Когда военспецы понадобились для строительства Красной армии, их перевели в разряд „полезных граждан”. Летом 1918 года, когда в деревню была — путем создания комбедов — внесена гражданская война, единственным полезным крестьянином стал бедняк и деревенский пролетарий. Когда оказалось, что политика эта сплачивает деревню против советской власти, в категорию „полезных” был включен „средняк”.

Когда Герману Герингу заметили, что один из его близких сотрудников — еврей, он возразил: кто еврей — определяю я. Задолго до Геринга в советском государстве утверждается принцип: кто враг советской власти — определяет советская власть — совершенно произвольно, учитывая нужды данного момента.

В предисловии к *Красной книге ВЧК* положение, сложившееся в России после революции, определялось красочно и точно: „Новый диктатор, явившийся на смену помещикам и буржуазии, принявшись за новое строительство, в первый момент оказался в блестящем одиночестве”.⁶⁷ Но это „блестящее одиночество” новый диктатор выбрал сам. Одиночество стало полным после ухода левых эсеров из правительства в марте 1918 года. „Своим выходом из правительства, — констатирует обвинительное заключение о так называемом левозеро-вом мятеже, — партия левых эсеров избавила Правительство от лишнего баласта, тормозившего его деятельность, но, однако,

еще не перешла все же открыто в лагерь его врагов”.⁶⁸ Левые эсеры ушли из правительства, протестуя против подписания Брестского мира, но остались во ВЦИКе и в других советских учреждениях, прежде всего в ВЧК. Убийство 6 июля германского посла Мирбаха сотрудниками ВЧК, левыми эсерами Блюмкиным и Андреевым, представляется советскими историками, как сигнал к мятежу. В постановлении ЦК левых эсеров выступление названо актом „борьбы против настоящей политики Совета Народных Комиссаров и, ни в коем случае, как борьба против большевиков”.⁶⁹

Демонстрация недовольства политикой большевиков, организованная левыми эсерами, засвидетельствовала необыкновенную хрупкость власти Ленина. Горсть черноморских моряков, входивших в отряд ВЧК под командованием Попова, покачнула эту власть. Иоаким Вацетис, бывший полковник царской армии, перешедший на сторону советов и командовавший латышской стрелковой дивизией, оказался в положении человека, от которого зависела судьба ленинской власти. 6 июля выяснилось, что положение в Москве чрезвычайно напоминает положение в прежней столице — в Петрограде — 25 октября 1917 года. Судьба правительства зависела от нескольких военных отрядов. В июле 1918 года, как и в октябре 1917, гарнизон оставался нейтральным. Вызванный к комиссару Московского военного округа Муралову, Вацетис услышал, что „все московские войска делятся на три категории”. Первая категория: войска, собранные в Ходынском лагере (так называемая народно-социалистическая армия для эвентуальной войны с Германией), — объявили нейтралитет; вторая категория: „различные отряды, они ни туда, ни сюда”; третья категория: „латышские стрелки и одна школа курсантов — 80 человек”.⁷⁰ Латышские стрелки (2750 бойцов) и 80 курсантов были единственной силой, которая защищала власть Ленина от левых эсеров, которые власти брать не хотели. Мятежный отряд Попова насчитывал не более 600 человек при двух батареях.⁷¹ Вацетису поручается ликвидация „мятежа”, вожди которого отправились на съезд советов произносить речи. Для „руководства” Вацетисом, в чьих руках находится единственная боеспособная часть, выделяются четыре комиссара. Приехав в Кремль за инструкциями, командир латышской дивизии видит встревоженного, напуганного Ленина: „Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса: Товарищ, выдержим до утра?”⁷² Ленин хорошо понимал, что выступление направлено только против него лично.

Несколько орудийных выстрелов по зданию ВЧК в Трехсвятительском переулке, где размещался отряд Попова, разогнали левых

эсеров, недовольных миром с Германией и Лениным, на мире настоящем, а во всем остальном согласных с большевиками. Блюмкин, явившись с повинной в Украинское ЧК, подчеркивает в своих показаниях: восстания не было, перестрелка была лишь „самообороной революционеров”.⁷³ Приговор Революционного трибунала подтверждает слова Блюмкина. Были расстреляны 12 рядовых солдат отряда Попова и заместитель Дзержинского Александрович, левый эсер, попытавшийся использовать ВЧК в интересах своей партии. Руководители партии левых эсеров – Мария Спиридонова, Борис Камков, Владимир Карелин, Юрий Саблин – были приговорены к символическому тюремному заключению и позднее помилованы. Амнистирован был Я. Блюмкин и взят на работу в ВЧК.

Июльские события 1918 года позволили большевикам избавиться от „балласта” – левых эсеров в правительстве, и еще раз показали, что ВЧК и верные воинские части достаточны для сохранения власти. Вчерашним друзьям и соратникам был немедленно наклеен ярлык, который станет с тех пор стандартным обвинением. Левые эсеры были объявлены „агентами русской буржуазии и англо-французского империализма”.⁷⁴

4. ...вплоть до отделения

„Что есть Русская Империя наша?” – спрашивает Андрей Белый на первой странице романа *Петербург*. И отвечает: „Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя заключает: во-первых – великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых – грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она заключает... – Но – прочая, прочая, прочая”.⁷⁵ По переписи 1897 года, первой систематической переписи, проведенной в России, в империи проживало 122 666 500 человек, причем русские составляли 44,32%. Русская империя была многонациональным государством.

С Петра I до вступления на престол Александра III русская национальная политика носила имперский характер: она отличалась относительной терпимостью по отношению к национальным особенностям народов, населявших страну. Только поляки, государство которых было ликвидировано, а территория страны разделена между захватчиками – Пруссией, Австрией и Россией, не переставали бороться за национальную независимость. Александр III начинает новую политику – националистическую, руссификаторскую, вызывающую резкое недовольство нерусских народов. Политику эту

продолжает Николай II.

Конституция 1905 года позволяет национальностям, входящим в состав империи, представить свои требования, изложить свои претензии. Они свидетельствовали, прежде всего, о том, что накануне 1917 года в стране не было сепаратистских тенденций. Жители Российской империи хотели реформ, демократизации, равных прав всем гражданам, но не разрушения государства. Одним из первых актов Временного правительства была отмена царских законов, ограничивавших права национальных меньшинств, и провозглашение полного равенства всех граждан Российской Республики, независимо от религии, расового или национального происхождения.⁷⁶ Было положено так же начало местному самоуправлению: место генерал-губернатора в Закавказье и Туркестане заняли особые комитеты, составленные в основном из депутатов Думы – местных уроженцев. Украинцам было передано управление юго-западными провинциями, а летом 1917 года Украина была признана особой административной единицей.

Национальное движение в России нарастает в 1917 году с неожиданной быстротой. Его питают те же причины, что и революционное движение: требования земли и мира, отсутствие авторитетной государственной власти. С той разницей, что недовольство крестьян, вызванное задержкой аграрной реформы, направляется не против помещиков, а против русских переселенцев, принимает национальный, антирусский характер.

Октябрьский переворот еще больше ускоряет процесс распада империи: даже те народы, которые еще недавно не мечтали об автономии, начинают требовать независимость. Советское правительство признает полную независимость Польши: сделать это было чрезвычайно легко, поскольку Польшу оккупировали немцы и независимость ей обещало уже Временное правительство. Независимость была дана и Финляндии. Но, выступая 14 ноября 1917 года на съезде финляндской социал-демократической партии, нарком по делам национальностей Сталин недвусмысленно призвал финских большевиков к захвату власти, добавив: „И, если вам понадобится наша помощь, мы дадим вам ее, братски протягивая вам руку. В этом вы можете быть уверены”.⁷⁷ Когда в январе 1918 года была сделана попытка захвата власти местными большевиками, советские войска, еще стоявшие в Финляндии, оказали восставшим помощь.

До прихода к власти Ленин часто говорил одновременно о Польше, Финляндии и Украине, как нациях, право которых на независимость ущемляет Временное правительство. В июне 1917 года он возмущается нежеланием Временного правительства выполнить „элементарный демократический долг”, объявив о полном праве

Украины на автономию и полное отделение. После Октябрьского переворота отношение к независимости Украины меняется. Украинское национальное движение приобретает после Февральской революции широкий размах. Один из его руководителей проф. Грушевский, автор *Истории Украины*, давшей движению историческую и литературную базу, заявляет в марте 1917 года: „Украинской проблемы больше нет. Есть свободный, великий украинский народ, который строит свою судьбу в новых условиях свободы”. Михаил Грушевский избирается председателем Центральной Рады, представляющей революционные партии и национальные меньшинства.

Постепенно Центральная Рада становится высшим политическим органом украинского народа. 13 июня она публикует первый Универсал Украинской Центральной Рады. „Отныне, – говорится в нем – Украина будет Украинской Народной Республикой. Не отделяясь от республики российской и сохраняя единство ее, мы твердо станем на нашей земле, чтобы всеми силами нашими оказать помощь всей России, чтобы вся Российская Республика стала федерацией равных и вольных народов”. В Универсале намечены были и границы новой республики: „К территории Украинской Народной Республики принадлежат земли, заселенные в большинстве украинцами: Киевщина, Подолия, Волынь, Черниговщина, Полтавщина, Харьковщина, Екатеринославщина, Херсонщина, Таврия (без Крыма). Окончательное установление границ Украинской Народной Республики, как относительно присоединения населенных в большинстве украинцами частей Курщины, Воронежчины, Холмщины, так и других смежных областей, должно последовать в соглашении с организованной волею народов”.⁷⁸

Большевики, критиковавшие Временное правительство за медлительность в удовлетворении украинских требований, были против независимости Украины. Юрий Пятаков, вожь украинских большевиков, после опубликования Универсала говорил: „... поддерживать украинцев нам не приходится, ибо это движение неблагоприятно для пролетариата. Россия не может существовать без украинской сахарной промышленности, то же самое можно сказать об угле (Донбасс), хлебе и т. д.”⁷⁹ Но слабость большевистской партии на Украине – в августе 1917 года она насчитывала 22 303 члена, причем 15 818 приходилось на Донбасс, Харьков и Екатеринослав⁸⁰ – побудила ее пойти на союз с Центральной Радой против Временного правительства. Накануне Октябрьского переворота Рада поддержала большевиков, считая, что они слабее Временного правительства. Совместными усилиями 29 октября в Киеве была свергнута власть Временного правительства. Сразу после победы начинается борьба между времен-

ными союзниками. Рада отказывается признать большевистский Совнарком законным правительством России и требует его замены более представительным социалистическим органом. 4 декабря советское правительство направляет Раде ультиматум: признавая принцип независимости Украины, СНК требует признания советов и советской власти на Украине, угрожая в противном случае войной.

За два дня до отправки ультиматума Центральной Раде советское правительство провозгласило Декларацию прав народов России. В этой Декларации торжественно провозглашалось: 1) равенство и суверенитет народов; 2) право наций на свободное самоопределение вплоть до отделения и создания национальных государств; 3) ликвидация всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; 4) свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.⁸¹

Созванный в Киеве съезд советов дал большинство сторонникам Рады. Большевики покинули съезд и создали собственный — в Харькове. Избранный в Харькове ЦИК объявил себя единственным легальным правительством Украины и отправил в Петроград телеграмму, заявляющую о полном подчинении советскому правительству. 12 декабря харьковские большевики изгнали все социалистические партии из ЦИКа, став единственной правящей партией. Началась война с Центральной Радой. В январе 1918 года красногвардейские отряды занимают Киев.

Национальное движение в Белоруссии находилось в 1917 году в зачаточном состоянии. Белорусские крестьяне не проявляли чувства этнической самостоятельности по отношению к русским. Политическая жизнь в Белоруссии развивалась в русских и еврейских социалистических организациях. В марте был создан Белорусский национальный комитет, составленный из представителей всех этнических групп и социальных классов. Комитет потребовал автономии для Белоруссии и установления федеральных отношений с Россией. Постепенно доминирующей силой Комитета стала белорусская социалистическая партия — Громада. В июле под влиянием Украины создается Белорусская Рада. Одновременно нарастает влияние большевистской партии прежде всего среди солдат, которые не могут дождаться мира. Не признавая Октябрьского переворота, Громада созывает в декабре Белорусский национальный съезд, который провозглашает в ночь с 17 на 18 декабря независимость Белоруссии.

1 мая 1917 года в Москве открылся I всероссийский съезд мусульман. Около тысячи делегатов представляли 16 миллионов мусульман, живших на территории бывшей российской империи. Съезд принял резолюцию о предоставлении женщинам равных прав

с мужчинами, сломав вековые традиции исламского общества; взял себе право религиозного самоуправления, назначения муфтия — духовного главы мусульман (это право ранее принадлежало императору). Горячий спор вызвал третий вопрос — национальный. Группа депутатов, возглавляемая волжскими татарами, выступала за сохранение административного единства Российской империи и за национально-культурную автономию. Азербайджанская делегация, поддержанная башкирами и крымскими татарами, требовала федерации и территориального самоуправления для всех народов. Большинство съезда голосовало за федералистскую резолюцию. 21 июля в Казани собрался второй съезд, решивший, учитывая ослабление центральной власти, немедленно приступить к созданию мусульманских автономных культурных органов. 20 ноября в Уфе было создано Национальное собрание, избравшее трех министров: религии, образования, финансов. Они должны были взять на себя конкретное осуществление национально-культурной автономии мусульман России.

Таким образом к октябрю 1917 года мусульмане России создали зачатки религиозной и культурной администрации. Однако, события последующих месяцев разорвали связь между областями, населенными мусульманами, каждая из них пошла своим путем, в поисках выхода из начавшейся гражданской войны.

Созданная летом 1917 года на съезде в Оренбурге казахо-киргизская политическая партия — Алаш-Орда — ставила своей целью объединение всех степных орд в автономное „киргизское” государство. Требование автономии выдвинули и башкирские делегаты, присутствовавшие на всероссийском съезде мусульман в Москве. После того, как съезд отклонил их требования о создании Великой Башкирии, объединяющей всех татар и башкир Волго-Уральского района, и даже проект Малой Башкирии, включающей лишь территорию, на которой проживают только башкиры, они покинули съезд. Собравшись в Оренбурге, башкиры решили добиваться территориальной автономии совместно с тюркскими племенами степных районов и Туркестана. Весной и осенью 1917 года учащаются столкновения между мусульманами и русскими переселенцами. В сентябре Временное правительство объявляет на военном положении все Семиречье, стремясь прекратить междоусобицу.

В декабре башкиры и казахо-киргизы провозглашают в Оренбурге свою автономию. Они устанавливают связь с оренбургскими казахами. Возникает антибольшевистское движение возглавляемое атаманом оренбургских казаков Дутовым, поддерживаемое мусульманскими политическими лидерами.

Силы большевиков в киргизо-казахских степях были ничтожны. „В Ашхабаде в октябре 1917 г. насчитывалось менее 30 большевиков, а в Казахстане около 100. В Верном до Октябрьской революции большевистской организации вообще не было. В Киргизии до середины 1918 г. лишь в отдельных городах действовали разрозненные инициативные группы большевистски настроенных рабочих и солдат”.⁸² Большевистские лозунги находили сторонников среди солдат, среди железнодорожных служащих и переселенцев. Лозунг „пролетарская диктатура” понимался ими, как русская диктатура. Поскольку большевики провозглашали власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а среди казахов и киргизов не было ни рабочих, ни солдат, ни крестьян, власть большевиков воспринималась, как власть русская.

Местное политическое движение в Туркестане складывалось из религиозно-консервативного течения и либерального, прозападного. Враждовавшие между собой, эти течения сближаются в конце 1917 г. добиваясь автономии, которую отказывается дать русское правительство. Значительно менее влиятельным было мусульманское социалистическое движение, близкое левым эсерам, но именно оно сыграло решающую роль в октябрьские дни. Как и в других районах Средней Азии большевики насчитывались в Туркестане единицами. 25 октября 1917 года железнодорожные рабочие обстреляли казачий клуб в Ташкенте. Через два дня Совет, в котором господствовали большевики, поддерживаемые левыми эсерами, захватил власть в городе. 15 ноября был созван третий областной съезд советов, провозгласивший победу советской власти во всем Туркестане. Съезд отверг все притязания мусульман на самоуправление, которое могло бы ослабить авторитет России, и высказался против участия мусульман в руководящих органах советской власти в Средней Азии. Ибо, говорилось в резолюции съезда, отношение местного населения к советской власти неопределенное, а к тому же отсутствует местная пролетарская организация, которую большевики могли бы пригласить в органы областной власти.⁸³

Национальная партия крымских татар, основанная летом 1917 года, вступила в конфликт с Временным правительством, отказавшимся передать татарам мусульманские школы и разрешить создание татарской воинской части. Основные силы крымской большевистской организации, созданной в июне 1917 года, были сосредоточены в Севастополе. В городском совете большинство было в руках эсеров и меньшевиков. Севастопольский совет осудил свержение большевиками Временного правительства, но осудила октябрьский переворот и первая крымская конференция большевиков. Делегация

балтийских моряков, присланная в Севастополь ЦК большевистской партии, быстро исправила положение. Верные Ленину большевики вышли из совета и организовали Ревком. Ревком организовал массовое убийство черноморских офицеров, разогнал совет и расстрелял его эсеровских и меньшевистских лидеров. Татарские националисты создали в Бахчисарае Учредительное собрание (Курултай), которое объявило себя законной администрацией в вопросах, касающихся крымских татар. Курултай принял конституцию, написанную по западным демократическим образцам и создал Национальную Директорию. Фактически это было татарское правительство в Крыму, отказывавшееся признать законность большевистской власти.

В 1916 году на Кавказе жило около 12 миллионов человек, в том числе 4 миллиона русских, украинцев и белоруссов, примерно 2,5 миллиона азербайджанцев и других мусульман, менее 2 миллионов армян, примерно столько же грузин, полтора миллиона горцев.⁸⁴ Победоносная кавказская армия, стоявшая на турецкой территории, в течение всего 1917 года оставалась дисциплинированной. Гражданская власть принадлежала советам, прежде всего бакинскому и тифлисскому, в которых большинство составляли меньшевики и эсеры.

Три главные политические партии Кавказа — азербайджанская Мусульманская демократическая партия (Мусават), армянская Дашнакцутюн (Федерация), грузинская Социал-демократическая, возникшие до мировой войны, после Февральской революции признают Временное правительство. Партии эти пользуются широкой массовой поддержкой и ставят своей целью автономию в рамках федеративной России.

Октябрьский переворот, начавшееся разложение кавказской армии, продвижение турок на Закавказье меняет положение. 11 ноября крупнейшие политические партии региона создают временное правительство — Закавказский комиссариат с заданием сохранить порядок в Закавказье до того времени, когда всероссийское Учредительное собрание изберет новое правительство для всего русского государства. После разгона Учредительного собрания большевиками депутаты от Закавказья, вернувшись домой, создают местное законодательное учреждение — Закавказский сейм. Большевики, не имеющие влияния в массах, направляют свою пропаганду на солдат. На выборах в Учредительное собрание большевики получили в Закавказском округе 4,6% голосов.⁸⁵ И даже в Баку, главной их цитадели, около 80% поданных за большевиков голосов были голосами солдатскими. Опираясь на солдат, большевики пытаются захватить власть в Тифлисе, но грузинские рабочие предотвращают в ноябре 1917 года переворот.

В апреле 1918 года турки, захватившие Батум, затем Карс, поставили перед Закавказьем ультиматум: объявить о своей независимости или быть оккупированным. 22 апреля Закавказская федерация, состоявшая из Грузии, где у власти находились меньшевики, Армении, где у власти были дашнаки, и мусаватистского Азербайджана, объявила себя независимой Закавказской Федеративной Республикой. „Народы Закавказья стоят перед следующей трагической ситуацией, — говорил на заседании Сейма представитель Грузии, — или объявить себя сейчас нераздельной частью России и таким образом повторить все ужасы русской гражданской войны и стать полем иностранного вторжения, в данном случае турецкого, либо провозгласить независимость и своими силами защищать физическое существование всей страны”.⁸⁶ Закавказье сделало выбор.

На западных рубежах бывшей Российской империи независимые государства образуются без всякого труда, ибо территория эта находится в немецких руках. В декабре 1917 года после Финляндии провозглашают независимость Литва и Латвия, в феврале 1918 года — Эстония.

В начале 1918 года российское государство распалось. Начавшаяся гражданская война будет вестись между сторонниками разных политических и социальных режимов, но так же и между сторонниками разных национальных концепций будущего государства. Гражданская война будет вестись и красными, и белыми за объединение русского государства. Но каждая из сторон излагает свою программу по-разному.

Программа большевистской партии по национальному вопросу была подлинно марксистской, в том смысле, что заключала в себе два взаимоисключающих принципа: самоопределения народов и централизованного государства.

Сторонник централизма в партии — Ленин — был сторонником централизма, как государственного принципа. Проблема национальная была для него прежде всего проблемой политической власти. Национальности, населявшие Российскую империю, рассматривались вождем партии большевиков, как союзники в борьбе за власть. В 1915 году Ленин восхваляет измену: „... кто пишет против государственной измены, против распада России... тот стоит на буржуазной, а не на пролетарской точке зрения”.⁸⁷ С 25 октября 1917 года он объявляет себя оборонцем и выступает за централизованное крупное государство, видя в нем „громадный исторический шаг вперед... к будущему социалистическому единству всего мира...”⁸⁸

Стремление к сильному централизованному государству объясняется не патриотизмом Ленина, а его желанием иметь могучее

орудие в борьбе за мировую революцию, которую он считал главным смыслом Октябрьской революции. Поэтому политика Ленина носит „диалектический” характер. В телеграмме ташкентскому съезду советов говорится: „Совет народных комиссаров будет поддерживать автономию вашего края на советских началах”.⁸⁹ Автономия, но — только на советских началах. В докладе на восьмой партийной конференции в декабре 1918 года Ленин выражается о независимости еще более четко: большевики „не упрекали боротьбистов”⁹⁰ в самостоятельности в смысле национальном, в смысле независимости Украины. Мы упрекали в самостоятельности в смысле нежелания считаться с московскими взглядами, взглядами Центрального Комитета, находящегося в Москве”.⁹¹ Ленин за независимость, но — подчиненную „московским взглядам, взглядам ЦК”.

Ленину приходилось вести борьбу с большевиками, не понимавшими тонкостей национальной политики партии. Ю. Пятаков, Ф. Дзержинский, Н. Бухарин утверждали, что пролетарская революция, уничтожив классы, уничтожит само понятие — нация, и требовали отказа от разговоров о „самостоятельности”, „независимости”, как категориях буржуазных. Народный комиссар по делам национальностей Сталин был таким же горячим сторонником централизованной власти, как Ленин. В мае 1918 года он сформулировал политику своего наркомата, разъяснив, что советская власть признает автономию лишь в том случае, если она находится под руководством и контролем Москвы. Автономию получает не нация, а рабочий класс и трудовое крестьянство и только в том случае, если они поддерживают советскую власть.⁹²

Ленин возражал против „национального нигилизма” некоторых своих товарищей по соображениям тактическим, понимая лучше, чем все другие, притягательность лозунга „самоопределения”.

Когда Конфуция спросили, как он стал бы управлять государством, мудрец ответил: я начал бы с возвращения словам их смысла. Ленин, начав управлять государством, прежде всего лишил слова их смысла. Слова приобретали тот смысл, какой в данный момент был нужен Ленину. Значение их менялось и в зависимости от аудитории.

Партия большевиков вступает в гражданскую войну с программой по национальному вопросу, которая одновременно провозглашает право народов на самоопределение вплоть до отделения и утверждает, что „принцип самоопределения должен быть средством для борьбы за социализм и должен быть подчинен принципам социализма”.⁹³

5. Красные и белые

„Ну, а как, сынок, русскому русского бить-то не страшно? — спрашивают солдаты Кавказского фронта, возвращающиеся домой, молодого большевика, уговаривающего их вступить в Красную гвардию. — Сперва оно, действительно, вроде неловко, — ответил красногвардеец, — а потом, ежели распалится сердце, нет ништо...”⁹⁴ Октябрьский переворот, который должен был дать стране мир, ввергает ее в самую страшную из войн — гражданскую. Первые выстрелы раздаются на юге России, в казачьих областях. В феврале 1917 года казаки отказались поддержать царский строй, верной опорой которого они считались. Не поддержали они и Временное правительство, объявив о своем нейтральном отношении к большевикам.

Из двух главных большевистских лозунгов — мир и земля — казаки приняли первый: устав от войны, они хотели вернуться домой. Их отношение ко второму лозунгу радикально отличалось от отношения всех других русских крестьян: казаки не хотели новой земли, они хотели сохранить имевшуюся. Важнейшей из казачьих привилегий — за военную службу до 36-летнего возраста — был надел земли в 30 десятин.⁹⁵ На территории самой большой из одиннадцати казачьих областей, расположенных на границах России, в области войска донского жило в начале века 1 022 036 казаков и 1 200 669 не-казаков, иногородних.⁹⁶ Я. Свердлов назвал серьезнейшей задачей советской политики раскол деревни, создание в ней двух враждебных лагерей, направление беднейших слоев населения против „кулацких элементов”. „Только если мы сможем расколоть деревню на два лагеря, — говорил председатель ВЦИК, — возбудить такую же классовую борьбу как в городе, только тогда мы достигнем в деревне того, чего достигли в городе”.⁹⁷ Попытка раскола деревни не удастся и советское правительство вынуждено после нескольких месяцев деятельности комитетов бедноты — орудия классовой борьбы — отказаться от них, комбеды ликвидируются. В казачьих областях расслоение населения на казаков и иногородних определяло наличие неистовой вражды между двумя группами, двумя непримиримыми лагерями.

На Дон, в надежде на казачью помощь, съезжаются противники революции. Марина Цветаева напишет в *Лебедином стане*: „Старого мира последний сон: Молодость — Доблесть — Вандея — Дон”. Но Дон можно назвать Вандеей лишь в том смысле, что он стал центром борьбы с большевистской властью. Ничего похожего на движение французских крестьян, возглавляемых духовенством и дворянами, мечтавших о восстановлении монархии, на Дону не было. Казачество

возвращения монархии не хотело, революцию оно рассчитывало использовать для приобретения широкой автономии при сохранении всех привилегий. Генерал Алексеев, последний начальник штаба царской армии, не встречает на Дону ни помощи, ни поддержки, на которые он рассчитывал. В конце ноября 1917 года Добровольческая армия, которую начинает формировать генерал Алексеев для борьбы с советской властью, насчитывает 300 человек. В середине января 1918 года в ней около 3000 тысяч человек — офицеров, юнкеров, кадетов, гимназистов. Надежды генерала Алексеева и, фактически возглавившего Добровольческую армию, генерала Корнилова на приток добровольцев, прежде всего офицеров (в мае 1917 года русская армия насчитывала 133 тысячи офицеров) не оправдались. Офицеры, как и солдаты, не хотят воевать, верят, что война кончилась. Атаман Донского войска генерал Каледин заявляет 29 января 1918 года: „Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно” и в тот же день кончает самоубийством. Десятитысячная Красная армия Рудольфа Сиверса вступает в середине января на территорию Дона. 23 января советские войска берут Ростов. Добровольческая армия, отягощенная обозом, в котором едут политические деятели, журналисты, профессора, жены офицеров и солдат, уходит в степи. Начинается знаменитый Ледяной поход. У добровольцев — по несколько сот патронов на бойца, для каждой из 8 пушек имеется по 600-700 снарядов. В тяжелейших условиях, окруженная со всех сторон противником, Добровольческая армия идет на Кубань, рассчитывая получить там то, чего не дал Дон. 17 апреля в бою под Екатеринодаром случайный снаряд убивает генерала Корнилова. Смерть Корнилова оказалась непоправимой потерей для Белой армии. Командование принял генерал Деникин, снявший осаду Екатеринодара и уведший армию в район Ставрополя — между Доном и Кубанью, туда, откуда она отправилась в Ледяной поход. За 80 дней похода и непрерывных боев положение на юге России коренным образом изменилось: на Украину и Дон пришли немцы, казачество отказалось от нейтралитета. Установление советской власти знаменуется массовыми расстрелами: Сиверс приказывает расстреливать всех „добровольцев”; расстреливают и по другим поводам; генерала Рененкампа, например, казнят за отказ служить в Красной армии; преследуется церковь; вводится жесточайшая система продразверстки. 10 апреля 1918 года казаки восстают. Генерал Краснов избирается атаманом Всевеликого войска Донского и формирует Донскую армию.

Вторым очагом борьбы с советской властью становится восток

России. 17 мая 1918 года чехословаки, двигавшиеся в эшелонах на Владивосток, захватывают Челябинск. Москва поручает всем советам — от Пензы до Омска — разоружить чехословацких легионеров, но те отвечают отказом. 25 мая они занимают Мариинск, а затем — до 8 июня — Новониколаевск (ныне Новосибирск), Пензу, Сызрань, Петропавловск, Курган, Омск, Самару.⁹⁸

Во время мировой войны чехи и словаки, не желая воевать за австро-венгерскую монархию, сдавались в плен взводами, ротами, даже полками. В конце войны в русском плену находилось около 200 тысяч чехов и словаков. Из военнопленных был сформирован чехословацкий легион, насчитывавший около 50 тысяч солдат и офицеров. По Брестскому договору советское правительство обязалось разоружить легион. Чехословаки часть оружия сдали, остальное прятали. По их настоянию и по требованию союзников чехословаки, вытесненные с Украины немцами, направлялись эшелонами во Владивосток, откуда морским путем они рассчитывали попасть во Францию и на фронт.

6 августа пала Казань. Чехословакам оставалось форсировать Волгу и перед ними открывался путь на Москву. Впервые после Октябрьского переворота возникла серьезная опасность для советской власти. И стала очевидной необходимость создания регулярной армии. Разрозненные выступления малочисленных, разрозненных противников большевистского правительства на рубежах бывшей российской империи подавлялись отрядами Красной гвардии, красноармейскими соединениями, еще жившими революционным энтузиазмом и не признававшими дисциплины. Силами ВЧК беспощадно подавлялись хлебные бунты: советская печать весной 1918 года полна сообщений о них⁹⁹ и восстаниях. О масштабах репрессий свидетельствуют документы о расстрелах, последовавших после подавления восстания в Ярославле (июль 1918): после занятия города „57 человек было расстреляно на месте“, затем „особо-следственная комиссия“ „тщательно допросила“ сотни арестованных и „выяснила“, что 350 человек „стояли во главе заговора и имели связь с чехословаками. Вся эта банда в количестве 350 человек, по постановлению Комиссии, расстреляна“. В результате дополнительного следствия, проведенного уже ярославской ЧК было расстреляно еще 10 человек. В *Красной книге ВЧК* сохранился откровенный рассказ о подавлении ярославского восстания, которое длилось с 6 по 21 июля. Лацис (Судрабс) подробно излагает, как 106 заговорщиков и перешедший на их сторону бронедивизион, располагавший двумя броневиками, долго отбивали атаки 1-го Советского полка Интернационального отряда и лево-эсеровской дружины (неудача в Москве

не мешала левым эсерам поддерживать советские войска). В результате артиллерийского обстрела, в котором принял участие прибывший из Москвы бронепоезд, „большая часть города оказалась охваченной морем огня”. Затем последовала воздушная бомбардировка, с применением „наиболее разрушительной силы бомб”. Окруженному плотным кольцом городу был предъявлен ультиматум: жители должны выйти из города, в случае неподчинения „по городу будет открыт самый беспощадный, ураганный артиллерийский огонь из тяжелых орудий, а также химическими снарядами”¹⁰⁰.

Эти формы борьбы с противниками были несостоятельными в случае столкновения с дисциплинированным, обученным чехословацким легионом.

ВЦИК объявляет республику в опасности. Наркомвоенмор Троцкий приступает к созданию регулярной армии. Раньше других вождей, в том числе и Ленина, Троцкий понял иллюзорность утопических мечтаний о „вооруженном народе”, милиции, заменяющей армию. Два основных принципа кладет он в основу новой армии: использование военных специалистов и страх. Невозможность создать армию без профессионалов была очевидной, как очевидным было нежелание офицеров бывшей царской армии идти на службу к большевикам, сделавшим все, что было в их силах для разложения старой армии. Троцкий объявляет мобилизацию всех бывших офицеров и унтер-офицеров: уклонение от мобилизации влекло за собой заключение в концлагерь, семьи брались в заложники. Использование страха было важным элементом теоретических взглядов Троцкого: „Устрашение, — писал он, — есть могущественное средство политики, и международной и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет по общему правилу лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю. Так же действует революция: она убивает единицы, устрашает тысячи”¹⁰¹. Если принять как поэтическую фигуру разговор о „единицах” и „тысячах”, в действительности речь шла о миллионах в одном случае и десятках миллионов в другом, Троцкий отлично сформулировал идею террора, лежавшую в основе советской политики: убивать для того, чтобы сломить волю оставленных в живых.

Отправляясь на фронт после падения Казани, Троцкий подписывает приказ, в котором предупреждает: никакой пощады врагам народа, агентам иностранного империализма, наемникам буржуазии. Он предупреждает: в поезде народного комиссара по военным делам, в котором пишется приказ, работает военно-революционный трибунал с неограниченными полномочиями, в Муроме, Арзамасе,

Свияжске создаются концентрационные лагеря. Прибыв в Свияжск, расположенный на западном берегу Волги, напротив Казани, Троцкий приводит в порядок 5 армию. Демонстрируя свою железную руку, наркомвоенмор приказывает расстрелять командира отступившего без приказа полка и полкового комиссара, Пантелеева. Расстрел командира полка не вызвал никаких комментариев, расстрел комиссара (подлинное кощунство в глазах коммунистов – убийство своего) дебатировался на протяжении всей Гражданской войны и позднее был одним из главных доводов „бонапартистских” стремлений Троцкого.

Беспощадные действия Троцкого дают результат. 10 сентября Казань была отбита. К началу октября весь район Волги был в руках Красной армии. К этому времени она насчитывает более полумиллиона человек, в конце года ее численность достигнет миллиона. Меняется характер армии. Командиры больше не выбираются, а назначаются. Все бойцы и командиры принимают сочиненную Троцким присягу. Она начинается словами: Я, сын трудового народа... и кончается: ... если нарушу эту присягу пусть покарает меня неумолимая рука революционного закона. Создание массовой профессиональной армии идет под лозунгами мира во всем мире: „Цель социализма, – пишет Троцкий в преамбуле к плану строительства армии, – всеобщее разоружение, вечный мир, братское сотрудничество всех народов, населяющих землю”.¹⁰²

Массовая профессиональная армия не могла существовать и воевать без военных специалистов. Троцкий строит революционную армию, используя офицерство, объявленное врагом революции. Незначительная часть офицерского корпуса и генералитета идет добровольно служить советской власти. В числе первых идет в Красную армию генерал М. Д. Бонч-Бруевич, командовавший северным фронтом, брат управляющего делами Совнаркома. Троцкий поручает ему создание Генерального штаба. Переходит на сторону большевиков – еще при Временном правительстве – генерал Н. М. Потапов, помощник начальника Главного штаба и генерал квартирмейстер.¹⁰³ Часть профессиональных военных рассматривает службу в Красной армии, как возможность осуществить на практике свои стратегические и тактические идеи, неосуществленные по разным причинам в годы мировой войны. Английский историк отмечает, что ядро командования Красной армии в 1918-19 годах составили офицеры брусилковского штаба времен знаменитого наступления в 1916 году. Генерал Клембовский, главный инженер фронта Величко, главный инженер восьмой армии Карбышев, начальник артиллерии девятой армии Кирей, многие дивизионные командиры пошли слу-

жить в Красную армию, выражая свое неудовольствие командованием царской Ставки.¹⁰⁴ Подавляющая часть офицеров была мобилизована и вынуждена служить советской власти. Политика Троцкого, основанная на широком использовании военных специалистов, встречала резкое сопротивление среди большевистских руководителей. Против Троцкого объединились руководитель военного отдела ЦК Лашевич, председатель Северной коммуны, хозяин Петрограда Зиновьев, представитель ЦК на южном фронте Сталин. Противники Троцкого не возражали против самого принципа использования военных специалистов, они утверждали только, что их следует использовать в „роли наших денщиков“, а когда в них минет необходимость, они будут выброшены, как „выжатый и ненужный больше лимон“.¹⁰⁵ Генерал Новицкий добровольно пошедший служить в Красную армию, в открытом письме Троцкому заявлял, что он не хочет сотрудничать с властью, которая намерена „выжать его как лимон“, а потом выбросить. Троцкий ответил заверениями в уважении к офицерам „добросовестно работающим в трудных условиях“.¹⁰⁶ Ленин склонялся на сторону противников Троцкого и в марте 1919 года посоветовал наркомвоенмору очистить армию от бывших офицеров и назначить Лашевича главнокомандующим. Ленин был несказанно удивлен, услышав, что в Красной армии служит более 30 тысяч офицеров, без которых армия существовать не может.¹⁰⁷ Реалист Ленин немедленно признает правоту Троцкого и публично выражает свое восхищение оригинальным методом строительства коммунизма из кирпичей старого режима. Ловкость советской власти, сумевшей использовать русских генералов и офицеров, хвалит и генерал Деникин.¹⁰⁸

Метод Троцкого заключался в массовом использовании военных специалистов, поставленных под постоянный надзор комиссаров.

„Комиссар впервые выплыл на сцену в качестве советского контролера“.¹⁰⁹ Каждый приказ должен был быть подписан комиссаром. Комиссары имели право отстранить командира, военрука по номенклатуре 1918 года, или арестовать его. Троцкий, с присущим ему пафосом, назвал комиссаров „новым коммунистическим орденом самураев, члены которого не пользуясь никакими привилегиями касты, умеют умирать и учат других умирать за дело рабочего класса“.¹¹⁰ Комиссары умирали и учили умирать, но главной их задачей было, оставаясь „пролетарским оком“ и контролируя военных специалистов, укрощать „стихию“, вводить революцию в рамки. От комиссара, как от самурая, требуется прежде всего – верность. Образцом деятельности комиссара, человека, который ничего не умеет, но все может, ибо располагает неограниченными полно-

мочиями, является история укрощения вольнолюбивого крестьянского вожака, ставшего командиром, история Чапаева, рассказанная Д. Фурмановым.

Оккупация Украины немцами дает возможность белым генералам сформировать значительные воинские соединения. В середине 1918 года крупнейшей антибольшевистской силой является Донская армия генерала Краснова. Взяв Новочеркасск казаки перестают интересоваться Москвой и Россией. Их основная забота — обуздание иногородних. Добровольческая армия насчитывает летом 1918 года — 8-9 тысяч бойцов. Между двумя антибольшевистскими армиями идут постоянные споры политического и стратегического характера. В то время, когда Краснов предпринимает наступление на Царицын, Деникин начинает вторую кубанскую кампанию. Две антисоветские армии не могут согласовать ни своей стратегии, ни даже тактики. Они одерживают победы в разных направлениях и в разное время. И позволяют себя бить порознь. Деникин разбивает осенью 1918 года северо-кавказскую одиннадцатую армию, к этому времени Красная армия побеждает на Восточном фронте. В январе 1919 года донские казаки снимают осаду Царицына. Деникин объявляет мобилизацию всех офицеров моложе 40 лет, проживающих на территории, занятой Добровольческой армией. Белая армия увеличивается, но перестает быть Добровольческой, теряет однородность своего состава. 8 января 1919 года, по соглашению с атаманами Донского и Кубанского войск, генерал Деникин становится главнокомандующим вооруженными силами Юга России. Впервые возникает армия, имеющая общенациональную цель: освобождение страны от большевистской власти.

Излюбленная советскими историками поэтическая метафора — „огненное кольцо контрреволюции” — не передает характера гражданской войны. В огне, который вспыхивает почти сразу же после Октябрьского переворота, была вся страна. Повсеместное недовольство политикой правительства Ленина вспыхивало кострами восстаний на юге, севере, востоке и западе. Но костры эти не могут превратиться в пожар всеобщего антибольшевистского движения, ибо нет ни признанного лидера, ни признанной положительной общей идеи.

Основные центры контрреволюции возникают на периферии. Это дает советскому правительству значительные стратегические преимущества. „Преимущество нашего положения, — пишет Троцкий, — заключалось в том, что мы занимали центральное положение и действовали по внутренним линиям. Как только противник обозначал направление своего удара, мы имели возможность подготовить контр-

удар. Мы могли концентрировать наши силы для наступления в наиболее важных направлениях и в необходимый момент”.¹¹¹

Ход военных действий в 1919 году убедительно продемонстрировал преимущества центрального положения советского правительства, державшего в своих руках главные железнодорожные линии и узлы.

Летом 1918 года на востоке России возникает несколько антибольшевистских центров: в Поволжье устанавливается власть Комитета членов Учредительного собрания (Комуч). Движущей силой Комуча являются эсеры. После взятия чехословаками Екатеринбурга возникает Уральское областное правительство. Омск становится столицей Сибирского правительства. Оренбургская губерния управлялась казачьим атаманом Дутовым, формально подчинявшимся Комучу, но фактически чувствовавшим себя совершенно независимым. Трения и конфликты между всеми этими правительствами вызывались различными, часто прямо противоположными взглядами на все важнейшие проблемы: на революцию, на отношение к крестьянству и рабочим, на будущее устройство государства. Брюс Локарт, английский представитель в России, вспоминает о письме, полученном им летом 1918 года от генерала Алексеева. Генерал писал, что предпочитает сотрудничать с Лениным и Троцким, чем с Савинковым и Керенским.¹¹² Такие же чувства испытывали многие члены Сибирского правительства, вынужденные сотрудничать с эсерами из Комуча. В сентябре на совещании в Уфе создается Директория, которая должна дать общее руководство всем антибольшевистским силам на востоке России. Был создан Совет министров, в котором пост военного и морского министра принял адмирал Колчак. 18 ноября 1918 года эсеры — члены Директории арестовываются. Адмирал Колчак назначается Верховным Правителем. Он объявляет себя „Верховным командующим всеми сухопутными и морскими вооруженными силами России”.

В марте 1919 года Колчак начинает наступление на широком фронте в направлении Волги. Красная армия, ослабленная в результате отправки лучших частей на юг, не выдерживает удара. Но в конце апреля командующий Восточным фронтом, бывший полковник Генерального штаба С. Каменев наносит поражение колчаковской армии, отбрасывает ее к Уралу, а затем преследует в Сибири. Едва лишь началось отступление армии Колчака, перешла в наступление армия Деникина. Захватив Украину, деникинские войска взяли Курск, Воронеж, Орел, создав непосредственную угрозу Москве. Независимо от Деникина начал наступление на Петроград генерал Юденич. Посланный в Петроград Троцкий в несколько дней органи-

зует оборону: в конце октября армия Юденича в беспорядке отступает. Наркомвоенмор предупреждает прибалтийские республики, что если они не разоружат армию Юденича, то Красная армия вступит на их территорию, финнам он пригрозил башкирскими дивизиями, пообещав бросить их на Хельсинки. В это же время Красная армия, нанеся поражение деникинской армии под Орлом, перешла в наступление. Ожесточенные споры в Политбюро о направлении антиденикинского наступления завершились принятием плана Троцкого, предлагавшего наступать не через казачьи области, а через Донбасс. После ожесточенного сопротивления этому плану, его поддерживает Сталин, немедленно присваивающий себе авторство.

Осенью 1919 года победа Красной армии на всех фронтах не оставляет сомнений.

В *Очерках русской смуты* генерал Деникин с беспощадной откровенностью говорит о причинах поражения Белой армии, как он их понимал. Деникин пишет о моральном разложении армии, о грабежах, о еврейских погромах, которые развращали солдат и офицеров, подрывали дисциплину.¹¹³ Но не это было главным. Генерал Деникин с недоумением констатирует: после освобождения нашими войсками огромной территории, мы ожидали восстания всех элементов враждебных советской власти. Такого восстания не произошло. Командующий Белой армией совершенно правильно сводит проблему гражданской войны к вопросу, он говорит — к „одному вопросу”: надоел ли народным массам большевизм, пойдет ли народ с нами?¹¹⁴

В этом вопросе было два вопроса, ответ на которые давался разный: на первый — да, на второй — нет.

Основная причина поражения русской контрреволюции заключалась в непонимании ее руководителями того, что гражданская война была войной политической. Первым выражением различного отношения к гражданской войне был тот факт, что революцией руководили политические деятели, контрреволюцией — военные. В белых правительствах, при штабах белых армий было немало политических деятелей, представителей различных партий, но роль их в лучшем случае сводилась к составлению проектов, изложению взглядов. Политику определяли и делали военные, никогда раньше с политическими и социальными проблемами не сталкивавшиеся.

В середине мая 1918 года Деникин в сотрудничестве с Алексеевым составляют программный документ: „Цели армии”. Добровольческая армия, говорится в нем, сражается, чтобы спасти Россию: 1) создав сильную, дисциплинированную и патриотическую армию, 2) ведя беспощадную войну против большевиков, 3) восстанавливая

единство и законный порядок в стране. 4 декабря публикуется Конституция Добровольческой армии: она признает законы, действовавшие на территории русского государства до 25 октября 1917 года, то есть признает Февральскую революцию. Конституция гарантировала свободу религии, печати, собраний, неприкосновенность собственности.

18 ноября 1918 года адмирал Колчак, в первом воззвании к населению, заявлял: „Главной своей целью ставлю создание боееспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру”.¹¹⁵

И генерал Деникин, и адмирал Колчак считают главной целью создание „боееспособной армии”, о других целях говорится туманно, неясно. Отсутствие четкой программы у белых позволяло красным пропагандистам придумывать программу за Деникина и Колчака.

Объектом гражданской войны в России, как и каждой гражданской войны, был народ. Большевики пришли к власти, ибо обещали ему мир и землю. Первое обещание не было сдержано, но вина была возложена на контрреволюцию. Продразверстка означала конфискацию всего, что крестьяне производили на своей земле, но земля оставалась у них. Жизнь, прежде всего в городах, стала после прихода большевиков к власти гораздо труднее, чем раньше: воцарились голод, холод, террор. Одно обещание, однако, новая власть сдержала: бывшие имущие классы потеряли все свои привилегии, „бывшие” стали жить не просто хуже, чем они жили раньше, они стали жить хуже, чем пролетарии. Трудящиеся, не получив материального, получили психологическое удовлетворение. Обещание *Интернационала*: кто был ничем, тот будет всем — осуществилось в форме: кто был всем, тот стал ничем. Это был бесспорный, реальный результат Октябрьского переворота.

Объектом гражданской войны был народ. Отношение народа к власти определялось в то время отношением власти к двум важнейшим проблемам: будущее национальностей, составлявших российскую империю; будущее земли, захваченной крестьянами.

Белое движение ставило своей целью восстановление „единой и неделимой” России. Русский национализм белых совпал с неудержимо нарастающим местным национализмом на окраинах русского государства, где оказался центр борьбы с властью большевиков. Партия большевиков прикрывала свою централистскую программу восстановления единства России лозунгами самоопределения.

В программах белых правительств о земле говорилось туманно и двусмысленно. Параграф о „неприкосновенности собственности” в Конституции Добровольческой армии мог рассматриваться, как объявление недействительной аграрной реформы. На территориях, занятых белыми армиями, нередко были случаи возвращения крестьянской земли помещикам. Крестьянство было недовольно политической советского правительства: недовольно подразверсткой, недовольно созданием совхозов и коммун. Волна крестьянских восстаний на Украине в 1919 году была непосредственным результатом декретов, передававших „все крупные и культурные хозяйства, принадлежавшие раньше помещикам”, государству для организации совхозов.¹¹⁶ Эти декреты выражали государственную политику, утопической целью которой являлось создание „фабрик хлеба, мяса, молока, фуража и т. п., которые эмансипировали бы социалистический строй экономически от мелкого собственника”.¹¹⁷ Но при сравнении с политикой возвращения земли помещикам политика большевистского правительства представлялась меньшим злом.

В программе контрреволюции народ видел возвращение к прошлому, к старому. Программа революции казалась программой надежды. Неизвестное новое казалось большинству населения бывшей российской империи лучше скомпрометированного старого.

Революция, и это был один из важнейших ее козырей, имела вождя, авторитет которого признавался всеми революционерами. Руководители советского государства ссорились между собой не меньше руководителей белого движения, командующие красными армиями, члены Реввоенсовета республики враждовали между собой не меньше, чем белые генералы. К обычной для всех войн и всех армий борьбе честолюбий добавлялось в Красной армии соперничество между партийными и военными руководителями. „...Большой вред наносят нам постоянные нескончаемые споры и раздоры среди партийных деятелей о так называемом командном вопросе, — писал в январе 1919 года Ленину главком Вацетис. — Некоторые партийные люди, одержимые честолюбием, стремятся стать на высокие командные должности, не имея никакой боевой подготовки для этого и будучи совершенно неспособными действовать с успехом в роли командующих”.¹¹⁸ Ленин, будучи председателем Совнаркома, председателем Совета труда и обороны, вождем партии, обладал неограниченной властью и непререкаемым авторитетом, позволявшими ему выступать арбитром, иметь решающий голос во всех спорах. Для сохранения равновесия Ленин нередко поддерживал одну враждующую сторону против другой, а затем поддерживал другую против первой. В июле 1919 года, например, утвердив, вопреки настояниям

Троцкого, снятие с поста главнокомандующего И. Вацетиса и назначение на его место С. Каменева, Ленин утешил народного комиссара по военным и морским делам, вручив ему мандат, заранее одобряющий все приказы, которые мог издать Троцкий.¹¹⁹

Белое движение не имело вождя, авторитет которого признавался бы всеми, не имело руководителя, который понимал политический характер гражданской войны. Который умел бы маневрировать, как это делал Ленин, сохраняя в виду главную цель. В январе 1919 года Ленин, преувеличивая опасность так и не состоявшегося соединения армий Колчака, Деникина и Краснова, готов согласиться на перемирие, предложенное президентом Вильсоном. Можно не сомневаться, что Ленин соблюдал бы перемирие с белыми армиями до тех пор, пока не счел бы возможным его нарушить.

Террор был одним из решающих факторов победы большевиков. Множество свидетельств рисуют страшные эпизоды белого террора. Но террор на территориях, занятых белыми армиями, был всегда делом отдельных лиц, отдельных генералов, садистов и изуверов, таких, как Май-Маевский или Слещов, носил, если так можно выразиться, кустарный характер. Красный террор носил государственный характер. Он был направлен не против отдельных лиц, даже не против отдельных партий. Его объектом были целые социальные группы, целые классы, а на некоторых этапах гражданской войны – большинство населения страны. „Устрашение”, которое Троцкий считал могущественным средством и международной и внутренней политики, применялось в масштабах, о которых не имели понятия белые. В гражданскую войну проявляет впервые свои способности Сталин. „Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука”,¹²⁰ обещает он Ленину, пославшему чрезвычайному уполномоченному в Царицын телеграмму с настоятельным требованием: „будьте беспощадны”. И Сталин немедленно передает слово Ленина дальше. Он пишет С. Шаумяну: „По отношению к дагестанским и прочим бандам, мешающим продвижению поездов с Северного Кавказа, нужно быть особенно беспощадным: нужно предать огню ряд аулов, выжечь дотла, чтобы впредь им было неповадно делать набеги на поезда” (*Правда*, 20.9.1963).

24 января 1919 года Организационное бюро ЦК РКП (б), „учитывая опыт гражданской войны с казачеством”, признает „единственно правильной самую беспощадную войну со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления”. Постановление требовало „поголовного истребления” богатых казаков, „беспощадного массового террора по отношению ко всем казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью”.¹²¹ Подавление восстания донских казаков, вспыхнувшего весной-летом

1919 года, принимает формы геноцида. По подсчетам историка, было физически уничтожено примерно 70% донского казачества.¹²²

Планомерный, целеустремленный террор, охватывавший все население, распространялся и на армию. Разрушив армию, а затем начав строить вооруженные силы на „новых основах”, большевики скоро вернулись к концепции регулярной армии с дисциплиной значительно более строгой, чем в армии царской. „Дисциплина в Красной армии, — писал главком Вацетис Ленину, — основана на жестоких наказаниях, в особенности на расстрелах... Беспощадными наказаниями и расстрелами мы навели террор на всех, на красноармейцев, на командиров, на комиссаров... Смертная казнь... у нас на фронтах практикуется настолько часто и по всевозможным поводам и случаям, что наша дисциплина в Красной армии может быть названа, в полном смысле этого слова, кровавой дисциплиной”.¹²³ Вацетис ошибался, полагая, что Ленин не знает о характере дисциплины в Красной армии. „В Красной армии... применялись строгие, суровые меры, доходящие до расстрелов, меры, которых не видели даже прежде правительство, — объяснял председатель Совнаркома 17 октября 1921 года. — Мещане писали и вопили: „Вот большевики ввели расстрелы”. Мы должны сказать: „Да, ввели, и ввели вполне сознательно”.¹²⁴

Террор и обещание утопии. „Ну, я простой человек, — исповедывался председатель полтавской ЧК Долгополов писателю Владимиру Короленко. — Признаться, я ничего не читал о коммунизме. Но знаю, что дело идет о том, чтобы не было денег. В России уже денег и нет... Всякий трудящийся получает карточку: работал столько-то часов... Ему нужно платье. Идет в магазин, дает свою карточку. Ему дают платье, которое стоит столько-то часов работы... Теперь, — признает председатель ЧК, а разговор происходит 10 июля 1919 года, — приходится делать много жестокостей... Но когда мы победим...”¹²⁵

Сочетание утопических обещаний и беспощадного массового террора было гремучей смесью, позволившей партии большевиков одержать победу в гражданской войне. Важнейшее значение имело наличие вождя, умевшего дозировать, в зависимости от обстоятельств, составные части смеси.

6. Интервенция

Вмешательство иностранных держав в гражданскую войну в России не изменило соотношения сил. В советской историографии блистательную карьеру сделала „крылатая фраза” Черчилля о „походе четырнадцати держав”. Черчилль, один из немногих западных

деятели, защищавших идею интервенции, принимал желаемое за действительность.

В 1918 – 1920 годах в России не было интервенции; было много интервенций, не связанных между собой, имевших разные цели, нередко не имевших определенной цели. Интересы России всегда занимали в планах интервентов место подчиненное. Впрочем, мало кто из них понимал, что из себя представляет послереволюционная Россия.

Первая фаза интервенции (лето 1918 – ноябрь 1918) представлялась союзникам частью войны с Германией. После Февральской революции страны Антанты жили в страхе перед призраком сепаратного мира, заключенного Россией с Германией. Страх этот был оправдан: если бы Временное правительство вывело Россию из войны, ее исход мог быть иным. Германские войска, переброшенные на западный фронт до прибытия американцев, могли бы, возможно, взять реванш за Марну. Временное правительство удержало Россию в войне, обрекши себя на гибель, открыв дорогу к власти партии большевиков.

Союзники начали планировать интервенцию в России сразу же после октябрьского переворота. Для них не было сомнений, что большевистский переворот был делом Германии, ибо его польза для Германии казалась несомненной. Борьба с большевиками представлялась таким образом продолжением борьбы с немцами.

До заключения мирного договора с Германией советское правительство сохраняло связи с союзниками. Когда зимой 1917–18 годов возникла опасность для Мурманского порта, оказавшегося в пределах германо-финского наступления, Троцкий, только что ставший наркомвоенмором, приказал мурманскому совету сотрудничать с союзными войсками. В марте англичане высадили десант численностью в 2 тысячи человек. После подписания Брестского мира немцы потребовали от советского правительства удаления из Мурманска союзников, присутствие которых Германия объявила казус белли. Отказ союзников эвакуировать Мурманск и высадка дополнительного десанта – с согласия местного совета – дали советскому правительству повод начать военные действия против „интервентов”. 28 июня начинаются боевые действия. Зона контролируемая союзниками на севере России остается неизменной до осени 1919 года, когда они эвакуируют занятую территорию и возвращаются восвояси.

Успешное наступление германских войск на Западном фронте в марте 1918 года усиливает тревогу союзников, начинающих опасаться появления немецких солдат на Урале. Военный совет в Лондо-

не принимает 16 марта 1918 года, по предложению Клемансо, решение о высадке японских войск на Дальнем Востоке. Первые японские части высаживаются во Владивостоке 5 апреля. В августе высаживаются американцы. В конце сентября 1918 года союзный экспедиционный корпус насчитывает 44 тысячи человек: 28 тысяч японцев, 7 500 американцев, 4 тысячи канадцев, 2 тысячи итальянцев, 1 500 англичан, 1 тысячу французов. Японцы увеличат затем свой состав до 75 тысяч человек и захватят некоторые железнодорожные узлы до озера Байкал и берег Амура вдоль русско-китайской границы. Остальные союзные войска не двинутся из Владивостока.

Чехословацкий корпус, формально подчинявшийся союзному командованию, был единственной иностранной воинской частью, принимавшей активное участие в боевых действиях против Красной армии. После переворота Колчака в ноябре 1918 года чехословаки военные действия прекратили, стремясь лишь к одному: как можно быстрее покинуть Россию. 15 января 1920 года они, облегчая свое положение, передали Колчака в руки иркутского Политического центра, состоявшего из эсеров и меньшевиков. Через неделю Центр передал власть Военно-революционному комитету. 7 февраля 1920 года адмирал Колчак был расстрелян.¹²⁶

Основным объектом английской интервенции были Кавказ и Закаспий. В августе 1918 года по призыву закавказского правительства англичане вступают в Баку, но вскоре вынуждены отступить под напором турок. 13 июля 1918 года ашхабадские железнодорожники, возмущенные кровавым террором комиссара Фролова, свержают большевиков. Машинист Фунтиков формирует единственное подлинно рабочее правительство в революционной России: лишь один министр имел высшее образование — учитель Зимин. Он занял пост министра иностранных дел. Правительство Фунтикова просит помощи у англичан. Генерал Моллесон отправляет из Белуджистана 2 тысячи солдат, которые занимают линию Ашхабад-Мерв-Красноводск.

Капитуляция Турции, Австро-Венгрии, Германии в октябре-ноябре 1918 года меняет положение: союзные войска в России объявляют своей целью борьбу с большевиками. Но, как и раньше, они не могут выработать единой политики. Нередко в разных районах страны союзники ведут взаимоисключающую политику. Франция и Англия выражают желание помочь Деникину и одновременно поддерживают национальные движения на Украине, на Кавказе. Союзный Верховный совет обещает в мае 1919 года помощь адмиралу Колчаку при условии, „что союзные правительства будут иметь доказательства того, что они действительно помогают русскому правительству добиться свободы, самоуправления и мира”. Союзные правительства

требовали от Колчака обязательства созвать Учредительное собрание, восстановить республиканский режим, предоставить независимость Финляндии, Польше, автономию – Эстонии, Латвии, Литве, Кавказу и Закаспийской территории. Но „союзное государство” Япония помогать Колчаку отказалась, помогая атаманам Семенову и Калмыкову, своим ставленникам.

В то время, как военный министр Черчилль поддерживал интервенцию, премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж не переставал искать путей к соглашению с советским правительством. Английские министры вели политику, с которой не были согласны английские представители в России. В свою очередь деятельность последних осуждалась в Великобритании. Подобный двойственный, колеблющийся характер носила и политика Франции. К тому же, разделяв Россию на зоны влияния, союзные страны соперничали между собой, защищая свои интересы в ущерб общему делу.

Боеспособность союзных войск, посланных в Россию, была равна нулю. Солдаты, пережившие страшные битвы мировой войны, не хотели умирать в чужой стране. Антивоенные настроения охватывают всю Европу. Недовольство войной, особенно сильно выражающееся в побежденных странах, ведет к революционным взрывам в Германии, Австрии, Венгрии. Большевистские лозунги находят почву во Франции, Великобритании, США. Нежелание воевать в России особенно остро ощущается во французских экспедиционных войсках. На французских кораблях вспыхивают попытки мятежа – в апреле 1918 года на миноносце „Протей”, в апреле 1919 года – на крейсерах „Франс”, „Вальдек-Руссо”. „Мятежники Черного моря” – Андре Марти, Шарль Тийон – стали частью легенды „пролетарского интернационализма” и истории КПФ.

Союзники начинают эвакуировать свои войска из России, опасаясь их разложения. 27 сентября 1919 года они покидают Архангельск, затем Мурманск. Оккупация Украины германскими войсками позволила белым армиям на юге России организоваться, но все действия немцев были направлены лишь на удовлетворение собственных интересов. Их грабительская политика не могла не вызвать ненависти населения и по отношению к оккупантам и по отношению к их „объективным союзникам” – белым. Примерно в это же время начинается эвакуация из Сибири. Остаются лишь японцы, надеющиеся сохранить на Дальнем Востоке свои базы. В августе 1919 года заканчивается вывод английских войск из Средней Азии. В это же время англичане оставляют Кавказ. В их руках – до марта 1921 – остается Батум, который по Брестскому договору был передан Турции. Из Батума будут они взирать на вступление Красной армии

в Грузию, Азербайджан, Армению, из которых ушли под предлогом „стабилизации положения в кавказских республиках”. 17 и 18 декабря 1918 года французская эскадра высаживает части французской Восточной армии в Одессе. Под командованием генерала Д’Анзельма находится 40-45 тысяч человек. Они занимают район Тирасполь-Николаев-Херсон. После 4 месяцев бездействия союзные войска спешно эвакуируются 5 и 6 апреля 1919 года.

Страны Антанты оказывали белым армиям реальную помощь деньгами, оружием, обмундированием. Помощь и присутствие на территории бывшей российской империи иностранных войск, приглашенных теми, кто воевал под знаменами Единой и Неделимой России, давали советской пропаганде замечательный материал. Позволяли большевикам представлять себя защитниками национальных интересов страны.

Численность иностранцев в Красной армии далеко превышала число интервентов. До осени 1918 года интернационалисты – латыши, поляки, китайцы, чехи, финны и другие, как правило хорошо обученные солдаты – составляли главную боевую силу формировавшейся Красной армии. Осенью 1918 года их общая численность превышала 50 тысяч. К лету 1920 года интернациональные соединения насчитывали около 250 тысяч бойцов.¹²⁷

Интернациональные части принадлежали к числу наиболее самоотверженных в Красной армии: бойцов воодушевляла идея, а их единственным отечеством была советская власть. Иностранцы, сражавшиеся в рядах Красной армии назывались не интервентами, но интернационалистами. Это должно было значить, что они выражают прогрессивную идею и, следовательно, имеют данное им Историей право воевать на стороне большевиков. Интервенция приобретала название „братской помощи в строительстве нового мира”.

7. „Дашь Варшаву!”

Советско-польская война занимает в истории гражданской войны особое место. С легкой руки Сталина она именуется в советской историографии „третьим походом Антанты”.

Мицкевич, в поэтическом и пророческом видении, предсказал возрождение Польши после того, как падут три империи, разделившие между собой польское государство. В 1917, а затем в 1918 году – пророчество сбылось. Возрожденная Польша столкнулась на восточной границе со своим извечным противником. С зимы 1919 года начинаются столкновения между польскими войсками и войсками

советских республик — Украины и Белорусско-Литовской. Пользуясь слабостью советских армий, занятых на других фронтах гражданской войны, польская армия к концу августа 1919 года продвигается до линии Вильно-Минск-Львов. Начинаются секретные переговоры между правительством Пилсудского и правительством Ленина. Встреча представителя Москвы, польского коммуниста Юлиана Мархлевского, с представителями Варшавы происходит 11 октября, в день когда армия Деникина стоит под Орлом (взят 13 октября). Личный посланник Пилсудского сообщает Мархлевскому, что помощь Деникину не в польских интересах. Поэтому польские войска воздерживаются от удара на Мозырь, который, совпадая с наступлением деникинской армии на Орел, уничтожил бы весь советский Южный фронт. Условия перемирия, предложенные Пилсудским, содержали: сохранение предварительной линии границы, требование прекратить коммунистическую пропаганду в польской армии, требование прекратить военные действия против Петлюры.¹²⁸ Ленин соглашается на условия Пилсудского, за исключением последнего. 14 декабря Ю. Мархлевский возвращается в Москву. Переговоры были прерваны. Но к этому времени Орел был взят Красной армией, опасность Москве миновала. Деникин начал отступление.

Юзеф Пилсудский, возглавивший в ноябре 1918 года польское государство, был долгие годы социалистом, который, по его словам, вышел из социалистического трамвая на остановке „независимость”. Руководители Белого движения не делали ничего, чтобы развеять опасения поляков относительно их будущего после победы сторонников Единой и Неделимой России. В июне 1919 года Колчак глубоко обидел польские чувства, заявив, что восточная граница Польши будет после победы передана на рассмотрение русского Учредительного собрания. Таких же взглядов придерживался и генерал Деникин. Пилсудский рассчитывал, что советская Россия будет слабее России республиканской. Политический план, который он лелеял, состоял в создании федерации, включающей Польшу, Белоруссию, Литву и Украину, и поддержке центристских тенденций окраинных республик, от Финляндии до Кавказа, которые стали бы барьером между Россией и Польшей. Важнейшая роль в федерации отводилась — по причинам географическим, экономическим и демографическим — Украине.

Ленин, веривший, что Октябрьская революция — искра, которая зажжет пожар мировой революции, знал, что столкновение с Польшей — „красным мостом” на Запад — неизбежно. Необходимость форсирования „польского моста” никем из большевиков не оспаривалась, обсуждался лишь вопрос: как и когда. Троцкий, который

говорил о том, что „путь в Лондон и Париж лежит через Калькутту”, объявил в конце 1919 года: „когда мы покончим с Деникиным, мы перебросим на польский фронт всю силу наших резервов”.¹²⁹ Польша интересовала советское правительство не только сама по себе, но как возможность выйти в Европу, прежде всего – в Германию.

Пилсудский решает ударить первым. 17 апреля 1920 года он отдает приказ о наступлении на Киев, а 21 апреля подписывает договор с атаманом Петлюрой. Польша признавала возглавляемую Петлюрой Директорию верховной властью Украинской народной республики, признавала полную независимость Украины.

7 мая Киев был взят. Победа досталась необычайно легко, ибо советские войска, обнаружив свою слабость, отошли без серьезного сопротивления. Но завоевать Украину оказалось легче, чем ею управлять. Поляки, желавшие быть освободителями, были приняты, как оккупанты. Пилсудский ошибся, рассчитывая на то, что провозглашение независимости заставит забыть о национальных чувствах. Украинцы не захотели принимать независимость от поляков. Петлюра оказался неспособным выполнить политические задачи, возложенные на него Пилсудским, не смог создать структуры политической власти.

12 июня советские войска, усиленные подоспевшими резервами, занимают Киев. Быстрота одержанной победы могла равняться лишь с быстротой понесенного поражения. Польские армии поспешно откатываются к границе.

Вторжение поляков порождает новый в послереволюционной советской республике феномен: взрыв патриотизма, разрешенного властью. „Патриотизм,” объявленный Лениным еще во время мировой войны, понятием буржуазным, после революции высмеиваемый и преследуемый, весной 1920 года берется на вооружение коммунистической партией. 29 апреля ЦК РКП(б) обращается с призывом защищать Советскую Республику не только к „рабочим и крестьянам”, но и к „уважаемым гражданам России”. Воскрещается понятие – Россия, которое революция объявила уничтоженным. ЦК напоминает в Обращении о вековой польско-русской вражде, о других вторжениях – 1612, 1812, 1914 годов. ЦК выражает уверенность, что „уважаемые граждане” не позволят польским панам навязать свою волю русскому народу. Украинские коммунисты, которые в течение трех лет вели беспощадную борьбу с украинским национализмом, звали теперь весь украинский народ на защиту „родины”. Призыв к патриотическим чувствам русского народа дал немедленный результат. Генерал Брусилов обратился через *Правду* к генералам и офицерам бывшей царской армии с призывом забыть все обиды и выполнить свой долг: защитить любимую Россию, даже ценой жизни, от чужеземного ига.

Марк Алданов, с присущей ему иронией, отметил парадоксальность положения, возникшего в результате нападения поляков: „Директор банка Грабский¹³⁰ дал Аннибалову клятву освободить единокровный Киев от векового московского ига. Радек и Дзержинский, как один человек, поднялись на защиту святой Руси от ляхов. Генерал Брусилов не стерпел обиды, нанесенной коммунистическому идеалу”.¹³¹

Взрыв патриотических чувств обеспокоил советских вождей. Принимаются меры для обуздания патриотизма, грозившего вырваться из подготовленных ему рамок. В газетах появляются многочисленные статьи, настаивающие на классовом характере советско-польской войны. Наркомвоенмор Троцкий временно закрывает журнал *Военное дело*, напечатавший статью, в которой „врожденный иезуитизм ляхов” противопоставлялся „честной и открытой душе великороссов”.¹³²

Карл Радек находит формулу, демонстрирующую как диалектика позволяет совмещать несовместимое. Он пишет: „Поскольку Россия – единственная страна, в которой рабочий класс взял власть, рабочие всего мира должны отныне стать русскими патриотами”.¹³³

Конкретным результатом использования патриотических лозунгов была успешная мобилизация офицеров и унтер-офицеров в Красную армию. К 15 августа 1920 года их насчитывалось в армии 314 180.¹³⁴ Все командующие армиями, подчиненными М. Тухачевскому, – Корк, Лазаревич, Сологуб, Сергеев, – были бывшими полковниками царской армии.

„Мы бегом бежали к Киеву, – вспоминает польский участник кампании, – а потом мы бегом бежали из Киева”.¹³⁵ 12 июня город был занят Красной армией. Польское командование, не сумевшее во время стремительного броска на Киев, выполнить свою стратегическую задачу – уничтожить живую силу противника, недооценившее боевые качества Красной армии, вынуждено было поспешно отводить свои войска к границе. В июле 1920 года советская республика впервые сосредоточила основную часть вооруженных сил на одном фронте и была готова – впервые в своей истории – пересечь границу. Командование наступлением было вручено бывшему царскому офицеру Михаилу Тухачевскому. Ему исполнилось 27 лет, столько же сколько Наполеону, которому он поклонялся, во время итальянской кампании.

Вопрос – переходить польскую границу или нет – обсуждался в Политбюро. Высказывались различные мнения. Мнения экспертов, польских коммунистов, разделились. Карл Радек предупреждал об опасности вторжения в Польшу, о том, что вторжение Красной армии будет воспринято поляками, как вторжение русской армии. Боль-

шинство руководителей польской компартии горячо поддерживали планы коммунизации Польши с помощью Красной армии. Главное было в том, что горячим сторонником вторжения был Ленин.

Политбюро по настоянию Ленина отвергает предложение английского министра Керзона о заключении перемирия, которое поддержал Троцкий, и решает вторгнуться в Польшу. Всеобщая забастовка в Германии, сорвавшая в марте 1920 года попытку правых — „путч Каппа” — захватить власть, была для Ленина неоспоримым доказательством готовности германского рабочего класса к пролетарской революции. Красная армия, пройдя Польшу, должна была подать руку братской помощи германскому пролетариату. Чудо Октябрьской революции должно было повториться в чуде мировой революции. М. Тухачевский в приказе Западному фронту, подписанном 2 июля, провозглашает: „На наших штыках мы принесем трудящемуся человечеству счастье и мир. На Запад!”

23 июля в Москве создается Временный польский революционный комитет (Польревком) во главе с Мархлевским. Подлинным руководителем Польревкома становится Феликс Дзержинский. Польревком был первой пробой использования проживающих в Москве иностранных коммунистов для установления советской власти за рубежом советской республики. Опыта еще не было, и деятельность Польревкома импровизировалась по образцу и подобию Москвы. Сталин, однако, предвидя повторение польского опыта, 16 июня адресовал Ленину письмо, в котором теоретически обосновывал необходимость разработать планы широкой конфедерации советских государств, таких как Польша, Германия, Венгрия. Ибо, полагал Сталин, их нельзя трактовать как башкиров или украинцев и просто включить в федерацию советских республик.¹³⁶

28 июля был взят первый крупный город на польской территории, Белосток. Наступление Красной армии продолжалось. Его не могли задержать ни затягивавшиеся переговоры между польскими и советскими представителями, ни боевые действия армии Врангеля, последней белой армии, пытавшейся вырваться из крымской мышеловки. Ленин отменил все опасения членов ЦК, предлагавших остановить наступление на польском фронте, чтобы заняться Врангелем. Председатель СНК знал, что белые и поляки своих действий координировать не будут. Во время переговоров с Мархлевским личный представитель главы польского государства передал представителю Ленина, что основой политики Пилсудского по отношению к России является нежелание „допустить, чтобы русская реакция восторжествовала в России”.¹³⁷ Сам по себе Врангель серьезной опасности не представлял.

6 августа Тухачевский назначается командующим всем польским фронтом, объединяющим Западный и Юго-Восточный фронты. 14 августа наркомвоенмор Троцкий подписывает приказ, заканчивающийся словами: „Красные армии вперед! Герои, на Варшаву!”¹³⁸ Вступление в Варшаву намечается на 16 августа. Но боевой клич: „Даешь Варшаву!” начинает сопровождаться кличем: „Даешь Берлин!” Кавалерийский корпус Гая находится в начале августа в десяти днях марша от столицы Германии. Собравшиеся в Москве делегаты Второго Конгресса Коминтерна могли по карте, вывешенной в холле, следить за тем, как Красная армия несет на штыках и саблях мировую революцию в Европу. В беседе с французскими делегатами Ленин был категоричен: „Да, советские войска в Варшаве. Скоро нашей будет Германия. Мы снова завоюем Венгрию, Балканы поднимутся против капитализма. Задрожит Италия. Буржуазная Европа трещит по всем швам в бурю”.¹³⁹ Когда 7 августа конгресс закрылся, красные флажки на карте окружали Варшаву.

Советские войска были остановлены у стен Варшавы. Потерпев поражение в битве на Висле, которую английский дипломат Д’Абернон назвал одной из „восемнадцати решающих битв мировой истории”, Красная армия начала быстро откатываться назад.

Участники польско-советской войны с обеих сторон и военные историки тщательно проанализировали ход военных действий, причины успехов и поражений Красной армии. Троцкий и Тухачевский объясняли неудачу поведением члена Реввоенсовета Юго-Восточного фронта Сталина, не подчинявшегося приказам. Сталин обвинил в поражении предателей Троцкого и Тухачевского.

Военные причины поражения очевидны: недостаточное согласование действий фронтов, „недооценка сил противника и переоценка успехов наших войск”.¹⁴⁰ Еще более очевидна политическая причина: Ленин совершил ту же ошибку, что и Пилсудский. Если Пилсудский считал, что можно принести другому народу независимость на иностранных штыках, Ленин был уверен, что можно на иностранных штыках принести коммунизм. Но, как выразится советский историк, „польской буржуазии и католическому духовенству удалось отравить сознание польских крестьян, ремесленников и части рабочих ядом буржуазного национализма...”¹⁴¹ Главком С. Каменев выразился еще более красочно: „Красная армия протянула руку польскому пролетариату, но протянутой руки пролетариата не оказалось. Вероятно, более мощные руки польской буржуазии эту руку куда-то глубоко-глубоко спрятали”.¹⁴²

Англия и Франция сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать нападению Польши на советскую республику, а затем, оказывая

умеренную помощь Польше оружием и финансовыми средствами,¹⁴³ делают все, чтобы добиться заключения перемирия. С января 1920 года в основу политики Антанты по отношению к советской России были положены взгляды Ллойд-Джорджа. Отвергавший, как и все другие союзные политические деятели, советскую систему, Ллойд-Джордж резко отрицательно относился к вмешательству в русские дела, считая интервенцию напрасной тратой времени и денег. Выступая 16 апреля 1919 года он заявил, что предпочитает видеть Россию большевистской, чем Великобританию обанкротившейся.

Ллойд-Джордж формулирует политику, которая, в принципе, станет политикой запада по отношению к Советскому Союзу: задушить большевизм добротой. Премьер-министр Великобритании утверждал, что торговля с советской республикой позволит восстановить экономику России, ликвидировать хаос, устранить трудности, породившие большевизм. Когда 4 августа 1920 года Лев Каменев приехал в Лондон, чтобы вести переговоры, „он был так любезно принят Ллойд-Джорджем, как будто он являлся посланником кровожадного царя, а не пролетарской демократии России”.¹⁴⁴ Ллойд-Джордж надеялся, что ему удастся убедить представителя советского правительства заключить мир, согласившись на линию Керзона. Не добившись ничего от Москвы, которая ждала с минуты на минуту весть о падении Варшавы, Ллойд-Джордж направляет свои усилия на обуздание поляков. В Польшу отправляется межсоюзная миссия, возглавляемая английским дипломатом Д’Аберноном. Францию представляли посол Жоссеран и генерал Вейган. Выехавший, после 6-дневного пребывания в Варшаве, член миссии английский дипломат сэр Морис Ханки сообщал в своем рапорте, что спасти Польшу не удастся. Он предлагал добиться для нее „приличных условий” по мирному договору, а сосредоточить усилия на улучшении отношений с Германией, а через нее с Россией.¹⁴⁵ Когда Ллойд-Джордж, желая выведать подлинные намерения французского правительства, заявил маршалу Фошу, что Англия готова послать своих солдат в Польшу, если Франция пошлет своих, маршал резко ответил: „Нет солдат”.¹⁴⁶

Генерал Вейган, опровергая легенду, представлявшую его „отцом победы” на Висле, писал в своих воспоминаниях: „победа была польской, план — польский, армия — польская”.¹⁴⁷

Мир заключенный в Риге 12 октября 1920 года временно удовлетворял обе стороны: поляки, одержавшие победу под Варшавой, получили границу, идущую значительно далее на восток, чем линия, предложенная еще в июле Керзоном, советское правительство вынуждено было согласиться, опасаясь еще более тяжелых условий.

Довольны были и союзники, с помощью Польши, малой ценой, не допустившие большевиков в Европу.

Лорд Д'Абернон процитировал в своих дневниках Гиббона, писавшего, что если бы Карл Мартел в битве под Туром не остановил мавров, в Оксфорде изучали бы Коран, комментировал: „возможно, что битва под Варшавой спасла Центральную и часть Западной Европы от более коварной опасности: фанатической тирании Советов”.¹⁴⁸ Историки могут сказать, что победа польских войск на Висле отложила на одно поколение проблему обязательного изучения в школах Восточной и Центральной Европы марксизма-ленинизма.

Заключение мира с Польшей позволило советскому командованию сосредоточить все силы для борьбы с Врангелем. В середине октября было даже заключено „Военно-политическое соглашение” между советским правительством Украины и революционной повстанческой армией Украины (махновцев), подписанное с советской стороны командующим южным фронтом Фрунзе и членами Реввоенсовета Бела Куном и С. Гусевым.¹⁴⁹ К этому времени советские войска превосходили врангелевскую армию „по пехоте более чем в четыре раза, а по коннице почти в три раза”.¹⁵⁰ Некоторые военные успехи достигнутые белыми летом 1920 года не могли повлиять на исход борьбы. Как не могли повлиять и некоторые политические меры, задуманные врангелевским правительством. Консерватор Врангель соглашался на принятие законов, которые не решался рассматривать либерал Деникин. Но было уже поздно. В первой половине ноября советские войска заняли Крым. Остатки врангелевской армии эвакуировались за границу. Белое движение потерпело поражение.

8. Крестьянская война

Война „красных и белых”, регулярной Красной армии и регулярных белых армий была лишь частью гражданской войны. Второй ее частью была война крестьянская. История России знает большие крестьянские войны: в 17-м веке – восстание Степана Разина, и в 18-м – восстание Емельяна Пугачова. Крестьянская война 20-го века значительно превосходила их по географическому размаху, по числу участников. Декрет о земле, принятый 25 октября 1917 года, дал крестьянам то, чего они хотели. Земли оказалось гораздо меньше, чем мечталось. Но помещичье землевладение было ликвидировано и для крестьян революция кончилась, едва начавшись. То, что для большевиков было началом, для крестьян было завершением.

Конфликт стал неизбежным: захватившая власть в стране партия пролетариата требовала от крестьян хлеба и солдат для революции, в которой они больше не нуждались.

Летом 1918 года вспыхивают восстания во многих городах. Против большевиков выступают не только представители „бывших”, но и рабочие – наиболее сознательные отряды рабочего класса: железнодорожники, типографы, металлурги. Широкий размах принимают, в частности, антибольшевистские выступления в одном из крупнейших промышленных центров России – на Урале. „Левые эсеры, – признает советский историк, – подняли против нас отстающую часть рабочих Кушвинского, Рудянского, Шайтанского, Юговского, Сеткинского, Каслинского и других заводов”.¹⁵¹ В Ижевске в конце мая 1918 года во время выборов в советы большевики получили лишь 22 мандата из 170. Как обычно в таких случаях, они „в знак протеста” вышли из совета и объявили его „антисоветским”. В августе в Ижевске вспыхивает восстание. „Непосредственным поводом восстания явилось ухудшение продовольственного положения в городе и *некоторые* неправильные действия отдельных (курсив мой, М.Г.) руководителей советских и партийных органов”.¹⁵² Главная, однако, причина, по мнению советского историка, – социальная. „Большая часть ижевских рабочих, как известно, была заражена мелкобуржуазной психологией”.¹⁵³ К восставшим ижевским рабочим присоединились и рабочие соседнего Воткинского завода. Восставшие рабочие создали „Ижевскую народную армию”, насчитывавшую более 30 тысяч человек. Разбитые в стодневных боях под Ижевском и Воткинском, народноармейцы ушли вместе с семьями на восток и стали одной из наиболее боеспособных частей армии Колчака.

„Мелкобуржуазная психология”, которой были „заражены” восставшие против большевиков рабочие, выражалась в том, что они не хотели голодать, не хотели терпеть самоуправства „отдельных руководителей”, не соглашались на лишение прав, которыми они пользовались до революции, не соглашались жить после революции хуже, чем до прихода к власти пролетарской партии.

„Мелкобуржуазная психология” крестьян выражалась в их желании свободно обрабатывать землю, свободно пользоваться ее плодами, в нежелании идти вновь на войну. „... Землю отдали, а хлеб до последнего зерна отбираете: да подавись ты сам такой землей! Мужику от земли один горизонт остается”, – заявляет коммунисту Дванову мужик в завоеванной деревне. А в ответ на объяснение, что отбираемый хлеб нужен революции, крестьянин резонно возражает: „Дурень ты, народ ведь умирает – кому ж твоя революция останется”.¹⁵⁴

Объектом кровавого спора крестьян с большевиками была не только продразверстка. Крестьяне верили, что революция принесла им свободу. Идея свободы, воспринятой, как воля-вольная, всколыхнула крестьянскую Россию. Советы воспринимались, как форма самоуправления, как ликвидация тяжелой, городской власти. Деревня хочет существовать без города. Город объявляет ей войну. Для сбора продразверстки создается продармия. Применяются жесточайшие меры для подавления недовольства. „Чтобы сломить сопротивление кулачества, диктатура пролетариата применила чрезвычайные средства борьбы — отдачу под суд, ревтрибуналы, тюремное заключение, конфискацию имущества, заложничество и даже расстрел на месте в случае вооруженного сопротивления,“¹⁵⁵ — так характеризует советский историк положение в советской республике после введения в 1918 году продразверстки.

Каждое выступление против советской власти, каждое выражение недовольства политикой большевиков объявляется делом „кулаков“, „сопротивлением кулачества“. Понятие „кулак“ никогда не было определено точно. Предполагаемое количество „кулаков“ в русской деревне в период революции и гражданской войны варьируется в зависимости от времени написания исторического исследования, от времени произнесения речи. В 1924 году историк констатирует: „В наших условиях только с натяжкой можно признать наличие кулацких хозяйств в количестве 2-3 на 100, да и эти хозяйства еще недостаточно определили свои функции кулацких хозяйств“.¹⁵⁶ В 1964 году историк заявляет, что „кулаки составляли 15% всех крестьянских дворов“.¹⁵⁷ В августе 1918 года Ленин определил число „кулацких хозяйств“ в 2 миллиона, а в апреле 1920 года, на Девятом съезде, он говорил уже о „миллионе“ хозяйств, занимающихся в деревне „эксплуатацией чужого труда“. Цифра эта была ничтожной в стране с населением (1920 год) в 130,5 миллиона человек, из которых в деревне жило 110,8 миллиона.

Поскольку формула „кулак — это враг“ смысла не имела, ибо понятие оставалось неопределенным и даже официальная численность ничтожной, формула переворачивалась и звучала: „враг — это кулак“.

Первая волна крестьянских восстаний заливают страну в 1918 году. По официальным данным ВЧК с июля по ноябрь 1918 года в советской республике вспыхнуло 108 „кулацких мятежей“. За весь 1918 год „только в 20 губерниях Центральной России вспыхнуло 245 крупных антисоветских мятежей“.¹⁵⁸

М. И. Калинин, председатель ВЦИК, выполнявший роль представителя крестьянства в лоне пролетарской партии, утверждал в

мае 1919 года: „Я считаю, что крестьяне могут волноваться только по недоразумению, потому что лучшей власти, чем Советская власть, для крестьян не придумать”.¹⁵⁹ Крестьяне, однако, без особого труда придумывали для себя власть гораздо лучше. Власть лучше была для них прежде всего — власть без коммунистов. Крестьянские восстания редко имели политические программы, если не считать требований ликвидации продразверстки, изгнания коммунистов из советов, прекращения коммунистического террора. В одном из самых волнующих документов эпохи, в письме командующего казачьим корпусом Красной армии Филиппа Миронова Ленину, датированном 31 июля 1919 года, изложены главные претензии в первую очередь казачества, но и русского крестьянства вообще. Филипп Миронов прежде всего возражает — от имени крестьянства — против немедленного прыжка в коммунизм, против насильственного объединения в коммуны. „Я думаю, — пишет он, — что коммунистический режим — длинный и терпеливый процесс, дело сердца, а не насилия”.¹⁶⁰ Миронов резко протестует против чудовищной жестокости, сопровождавшей установление советской власти: „... мне не хватает ни времени, ни бумаги, чтобы рассказать Вам, Владимир Ильич, об ужасах „строительства коммунизма” в Донской области. В других сельских местностях не лучше”. Филипп Миронов протестует против того, что он называет „дьявольским планом истребления казаков, после которых, конечно, придет очередь среднего крестьянства”. Командующий казачьим корпусом выражает надежду, что при всей своей кровожадности коммунисты все же не смогут расстрелять всей России, но предупреждает Ленина, что, если политика коммунистической партии не изменится, придется перестать воевать с Красновым и начать драться с коммунистами. Филипп Миронов, подполковник царской армии, перешедший на сторону большевиков сразу же после Октябрьского переворота, один из прославленных красных командиров, был убит в Бутырской тюрьме в 1921 году.

Особенно большое число крестьянских восстаний в Центральной России объясняется тем, что эти районы были „под рукой” и очень интенсивно эксплуатировались продотрядами. Положение в этих районах обострялось тем, что они были наименее урожайными в стране. По мере распространения продразверстки на другие области крестьяне восстают и там.

На борьбу с коммунистами поднимаются казачьи области. Восстает Украина. „На Украине, — отмечает советский историк, — к середине 1919 г. все крестьянство целиком во всех своих слоях было против советской власти”.¹⁶¹ Партийный работник признает: „В

махновском движении трудно отличить, где начинается бедняк, где начинается кулак. Это было массовое крестьянское движение...»¹⁶²

В марте 1919 года восстает бригада Красной армии, направленная в Белоруссию. Восставшие захватывают Гомель и Речицу. Тульские крестьяне, из которых в основном состояла бригада, объединяются с „Полесским повстанческим комитетом”, представлявшим белорусское крестьянство. В обращении к крестьянам „командующий 1-ой армией Народной Республики Стрекопытов” объявляет о „строительстве новой народной власти”, о ликвидации продразверстки и чрезвычайных налогов, о прекращении войны. Лозунги восстания гласили: 1) вся власть — Учредительному собранию, 2) сочетание частной и государственной инициативы в области торговли и промышленности, 3) железные законы об охране труда, 4) проведение в жизнь гражданских свобод, 5) земля — народу, 6) вступление русской республики в Лигу Народов.¹⁶³

В начале 1919 года вспыхивает восстание крестьян средней Волги — „чапанное восстание”. Усиленная продразверстка сочеталась в Поволжье с „рядом дополнительных обязательств: поставка подвод для армии, поставки дров для города и на железнодорожный транспорт, перевалочная грузовая повинность, мобилизация лошадей... И в то же время расстроенный транспорт и военные перевозки мешали подвозить в село мануфактуру и другие товары взамен ссыпаемого хлеба”.¹⁶⁴ Повстанцам удалось захватить даже несколько городов и подойти к Сызрани.

Летом 1919 года „Крестьянская армия”, организованная в Фергане для защиты русского населения от вооруженных отрядов мусульманского крестьянства,¹⁶⁵ заключает соглашение с „Мусульманской белой гвардией”. „Крестьянская армия” русских крестьян, под командованием К. И. Монстрова, и „гвардия” мусульманских крестьян Мадамин-бека, договорились о совместных действиях. Толчком к восстанию, как и в других областях, было введение продразверстки и „хлебной монополии”, докатившихся до Туркестана летом 1919 года.

Бурлит, сопротивляется вся крестьянская Россия. Наряду с крупными восстаниями, вспыхивает бесчисленное количество мелких; наряду с „крестьянскими армиями”, действуют сотни мелких отрядов. За лозунгами — от „за советскую власть, долой коммунистов” до „догорай моя лучина” — скрывается чувство обманутой надежды на свободу.

Гражданская война, война красных с белыми, маскирует в 1918—1920 годах подлинный характер крестьянской войны. Крестьяне ведут борьбу на два фронта. Они поют: „Эх, яблочко, цвету спелого, слева красного бьем, справа — белого”. В 1920 году гражданская

война фактически завершается. Красная армия победила. Советская власть завершает свое „триумфальное шествие”, начатое в октябре 1917 года и прерванное войной. Исчезает опасность возвращения помещиков. Крестьяне считают, что теперь земля навсегда их. Сопротивление продразверстке, политике партии в деревне, усиливается. Одновременно усиливается, еще больше ожесточается борьба советской власти с сопротивлением крестьянства. Партия объявляет войну „кулакам” и „бандитам”, „кулацким бандам”, „кулацко-бандитским мятежам”. Поволжский мужик, рассказывая односельчанам, как не пустили его не только в вагон (один был – делегатский, второй – штабной, третий – литерный), но даже прогнали с буфера, да еще в загрюк сунули, подытоживает: „ладно, машина твоя, земля моя”.¹⁶⁶ Мужик ошибался – земля только формально была его.

В 1920–21 годах гражданская война становится крестьянской войной. В 1921 году, писал М. Н. Покровский, „центр РСФСР был охвачен почти сплошным кольцом крестьянских восстаний от днепровского Махно до приволжского Антонова”.¹⁶⁷ Размах крестьянской войны был значительно шире, чем признавал первый русский историк-марксист. Красная армия ведет войну с крестьянами также в Белоруссии, в Юго-восточном крае, в Восточной и Западной Сибири, в Карелии, в Средней Азии.

Расширяется не только география крестьянского движения. Оно принимает массовый характер. Возникают подлинные крестьянские армии: в конце 1920 года армия Махно на Украине насчитывает 40–50 тысяч бойцов; „крестьянская армия” Антонова в Тамбовско-Воронежском районе достигает в январе 1921 года 50 тысяч человек; в информационном отчете Кубано-Черноморского обкома РКП (б) указывалось, что весной 1921 года в области „формировались целые повстанческие армии”; только в Ишимском уезде (Западная Сибирь) повстанческая армия исчислялась в 60 тысяч бойцов, а кроме того крестьяне вели бои в Тюменской губернии, в Челябинской, Екатеринбургской, Тобольской и других. „Первая армия правды” Сапожкова, действовавшая в Поволжье, насчитывала 1 800 штыков, 900 сабель, 10 пулеметов, 4 оружия.¹⁶⁸

Тактика крестьянских армий и отрядов менялась в зависимости от условий местности, материальных возможностей, способностей командиров. Махно и Антонов предпочитали партизанскую войну, внезапные нападения и молниеносный отход. Прекрасное знание местности, а, главное, поддержка крестьянской массы, позволявшей повстанцам чувствовать себя, как „рыба в воде”, обеспечивали успех этой тактики. Ею был очень недоволен противник, упрекавший

партизан в том, что борьба ведется „не в открытом бою, не лицом к лицу, а из-за угла, по-воровски, по-разбойничьи...”¹⁶⁹ В других губерниях крестьянские армии вступали в открытый бой, осаждали и брали города. В феврале 1921 года крестьянские отряды берут Камышин, в марте – Хвалынский.¹⁷⁰ В это же время в Сибири крестьянские армии захватили Тобольск, Кокчетав, заняли все семь уездов Тюменской губернии, четыре уезда Омской, Курганский уезд Челябинской губернии. Осадили Ишим, Ялуторовск, Курган, подошли к Акмолинску, Агбасару.¹⁷¹

Военными действиями против крестьян руководят все крупнейшие полководцы Красной армии, начиная с главкома С. С. Каменева, командующих фронтами М. Тухачевского, М. Фрунзе, командующих армиями С. Буденного, П. Якира, И. Федыко, И. Тюленева, И. Уборевича и других. Как во времена Екатерины II знаменитые русские полководцы охотились за Пугачевым, так во времена новой крестьянской войны прославленные в боях с белыми армиями красные командиры охотятся за Антоновым, Махно, Сапожковым и другими крестьянскими вождями.

М. Тухачевский, который совсем еще недавно стучался в ворота Западной Европы, возглавил войну с „Антоновщиной”. В мае 1921 года в его распоряжении находилось 35 тысяч штыков, 10 тысяч сабель, несколько сот пулеметов, 60 орудий. Используется новейшая техника: автоброневики, самолеты. В числе командиров – группа слушателей Академии Генерального штаба Рабоче-Крестьянской Красной армии.¹⁷² В инструкции Тухачевскому указывается: „На задачу искоренения банд следует смотреть не как на какую-нибудь более или менее длительную операцию, а как на более серьезную военную задачу – кампанию или даже войну”.¹⁷³

„Антоновщина” не оставила после себя истории, написанной с точки зрения повстанцев: все руководители движения были уничтожены. Историю написали победители. Все, что известно о восстании, о его руководителях, известно из официальных советских источников.

В первый раз А. С. Антонов, социалист-революционер, до революции долгие годы проведенный в заключении, выступает против политики большевиков в августе 1918 года. С весны 1919 года он ведет систематическую борьбу с местными органами власти в Тамбовщине. В 1920 году тамбовское крестьянство не выдерживает политики конфискации продовольственных продуктов, проводимой жесточайшими методами. „Являясь тяжелой государственной повинностью, продразверстки проводятся путем убеждения и принуждения. Но имеется много фактов применения принуждения в недопустимых и незаконных формах”, – указывается в циркулярном

письме президиума ВЦИК всем губернским продовольственным комитетам от 23 февраля 1921 года. К этому времени „нарушения революционной законности” вошли „в систему продработы”.¹⁷⁴ Крестьяне уходят к Антонову. „В Тамбовском уезде в банды вступило: в селе Александровка – 25%, в селе Афанасьевка – 30%, в селах Хитрово и Павлодарово – по 40% всего населения... В некоторых селах Кирсановского уезда в бандах состояло свыше 80% мужского населения”.¹⁷⁵

Ни один из советских историков не говорит о том, что в Тамбовской губернии было не только 80, но даже 25% кулаков. Против крестьянской армии была брошена вся военная мощь республики. Была создана Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом, в которую вошли представители ЦК, СТО, ВЧК, НКПС и т. д. Возглавил Комиссию заместитель председателя Реввоенсовета Республики Э. Склианский.¹⁷⁶

В войне с крестьянами используются регулярные воинские части, широко используются методы провокации.¹⁷⁷ Не менее важную роль играют административные меры. Прежде всего берутся заложники, которые расстреливаются в случае появления крестьянских отрядов в данной местности. Расстреливаются те, кто дают приют „бандитам”. „Большое впечатление на крестьян произвели приказы Полномочной комиссии ВЦИК №№ 130 и 171 о заложниках. Лица, предоставляющие приют семьям бандитов, этими приказами были приравнены к укрывателям банд со всеми вытекающими отсюда последствиями”.¹⁷⁸ Приказ этот не мог не произвести „большого впечатления”: расстрел полагался за помощь женщинам и детям – родственникам „бандитов”. Широко применяется высылка. С марта 1921 года началось выселение семей „бандитов” из Тамбовской губернии. В июне Центральная комиссия по борьбе с бандитизмом сочла необходимым, „хотя большинство банд в Тамбовской губернии разгромлено и кулачество убедилось в мощи советской власти”, выселить из губернии „всех лиц, замешанных в бандитизме, в том числе некоторых железнодорожников”. В 1929 году, вспоминая об „антоновщине”, М. Калинин говорил о „необходимости” высылки „на север наиболее пораженных бандитизмом деревень”. Крестьяне, следовательно, выслались целыми деревнями. А „в борьбе между советской властью и старым миром, – вспоминал М. Калинин, – участвовало много крестьян Тамбовской и Воронежской губерний”.¹⁷⁹ Председатель ВЦИК вспоминал о массовых репрессиях в 1929 году не случайно – начиналась новая фаза борьбы „советской власти со старым миром”.

Командующий карательными войсками суммирует опыт пацифизма

кации мятежных губерний: „Советизация районов мятежа в Тамбовской губернии осуществлялась в определенной последовательности по волостям. Введя войска в ту или иную волость, сосредотачивали в ней максимальную силу — военную, чекистскую, партийно-советскую. Военские части занимались уничтожением банд, происходивших из данной волости, и созданием ревкомов, а Чека вылавливала остатки бандитов. После упрочения Советской власти в данной волости все силы перебрасывались в следующую волость”.¹⁸⁰

Опыт борьбы с тамбовским крестьянством был использован и в других районах. Важнейшим элементом пацификации „тамбовского типа” было не уничтожение вооруженных крестьянских отрядов, а ликвидация „мятежного духа” после ликвидации вооруженного сопротивления. Дело это было поручено ЧК, которая сотрудничала теснейшим образом с партийными комитетами. ЦК РКП (б) направил 4 апреля 1921 года письмо губернским комитетам партии с предписанием: „Губкомы и губчека должны составлять одно целое в деле своевременного предупреждения и пресечения контрреволюционных выступлений в обслуживаемом районе”.¹⁸¹ Само выражение „обслуживаемый район” свидетельствовало о том, что ЦК считал „зараженные” губернии оккупированной страной, в которой власть осуществляли партия и ЧК. Можно полагать, что письмо ЦК о слиянии в „одно целое” губкомов и губчека было развитием мысли Ленина о том, что „хороший коммунист в то же время есть и хороший чекист”.¹⁸²

Причины крестьянской войны объяснялись очень просто: происками белогвардейцев и англо-французского империализма. 8 сентября 1921 года *Правда* сообщила, что Антонов получал „директивы из-за границы от ЦК партии кадетов”. ВЧК докладывала Совнаркому: „В Рязанской, Тульской, Калужской, Смоленской, Тамбовской, Тверской губерниях, как теперь выяснилось, были организованы мятежи по общему плану при содействии англо-французского капитала”.¹⁸³ Знакомство с программами и лозунгами восставших крестьян позволяет немедленно отбросить мысль о „кадетском” или „англо-французском” заговоре. В мае 1920 года тамбовский губернский съезд трудового крестьянства принял программу восстания: свержение советской власти и уничтожение коммунистической партии; созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования; установление временной власти из представителей партий и союзов, участвовавших в борьбе с большевиками вплоть до созыва Учредительного собрания; передача земли тем, кто на ней работает; допущение русского и иностранного капитала для восстановления экономической жизни

страны. Крестьянские отряды Поволжья выдвигали лозунги замены советской власти Учредительным собранием, свободы выборов для всех, денационализации земли, отмены продразверстки, свободы торговли, отмены колхозов, передачи власти на местах „советам трех” или „советам пяти”, избираемым на общих собраниях; признавались все партии кроме черносотенцев-монархистов, распускались как „вредные для трудового народа” все учреждения РКП (б). В Западной Сибири крестьяне требовали установления „истинного народовластия” – крестьянской диктатуры, созыва Учредительного собрания, денационализации промышленности, ибо „национализация фабрик и заводов в корне разрушает хозяйственную жизнь страны”, уравнительного землепользования. Воззвание Тобольского главного штаба от 6 марта 1921 года гласило: „Коммунисты говорят, что советская власть не может быть без коммунистов. Почему? Разве мы не можем выбрать в Советы беспартийных? Да здравствует народная Советская власть? Долой коммунистов! Да здравствует полная свобода народа!”¹⁸⁴

Наиболее разработанной и наиболее известной была программа махновского движения. Многие участники „махновщины” и ее вождь написали воспоминания. П. Аршинов написал *Историю махновского движения*.

Украинское крестьянство, пишет исследователь махновщины, „так рассуждало: „Советская власть та, которая дала крестьянам землю, бросила лозунг „грабь награбленное”. Это сделали большевики. А та власть, которая проводит продразверстку, не отдает всю помещичью землю крестьянам, а строит совхозы, коммуну, – это власть „коммуны”, власть не большевиков, а коммунистов”. Это крестьянское настроение выражалось в политической формуле: „Мы за большевиков, но против коммунистов”.¹⁸⁵ В июне 1918 года Н. И. Махно долго беседовал с Лениным и пытался объяснить ему отношение украинских крестьян к революции. Крестьянская масса, объяснял Махно, видит в революции „средство избавления себя от гнета помещика и богатея-кулака, но и от слуги этих последних – власти политического и административного чиновника сверху...” Махно пишет в своих воспоминаниях: „Ленин переспрашивал меня три раза и все три раза удивлялся” тому, что лозунг „власть советов на местах” воспринят крестьянами не так, как имел в виду вождь Октября. Крестьяне полагали – власть советов на местах – это „значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся”. Ленин возразил на это: „крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом”.¹⁸⁶

Политический ярлык не объяснял главного: крестьянство шло за социалистом-революционером Антоновым, крестьянство шло за „анархистом-коммунистом”¹⁸⁷. Махно, крестьянство шло за беспартийными вожаками в надежде найти землю и свободу. Крестьянство поддержало и большевиков, когда они дали землю и заявили „грабь награбленное”. Едва лишь большевики стали властью — крестьяне выступили против них.

Крестьянство приняло революцию, поняв ее по своему, и отказалось принять большевистский режим.

Море крестьянских восстаний, заливавшее страну, не казалось Ленину достаточным основанием для изменения политики, для отказа от немедленного строительства коммунизма. Крестьянская война, не угрожавшая городам, складывавшаяся из отдельных очагов, уничтожаемых по одиночке, не представляла серьезной опасности для власти. Как молния, по выражению Ленина, осветил действительность мятеж кронштадтских моряков.

9. Крестьянская война — Кронштадт

В конце 1920 года недовольство начинают все громче выражать рабочие, положение которых не перестает ухудшаться. Вспыхивают забастовки в Москве и других рабочих центрах, но особый размах принимают они в „колыбели революции”, в Петрограде. Поскольку рабочие не могут бастовать в „рабочем государстве”, они объявляются не рабочими. „Да разве это рабочие бастуют? — заявляет член Петроградского исполкома. — Настоящих рабочих в Петербурге нет: они ушли на фронт, на продовольственную работу и т. д. А это все — сволочь, шкурники, лавочники, затесавшиеся во время войны на фабрики...”¹⁸⁸ И „забастовка” вычеркивается из словаря: „шкурники”, работающие на петроградских заводах устраивают „волынки”, „бузу”.

Декрет от 22 января 1921 года о сокращении хлебного пайка для рабочих на одну треть¹⁸⁹ становится искрой, взрывающей недовольство. Бастующие рабочие разгоняются курсантами, ибо регулярные части перестают быть надежными. Положение в Петрограде в феврале 1921 года удивительно напоминает положение в феврале 1917 года. Забастовки и демонстрации рабочих: бастуют и демонстрируют рабочие Трубочного, Патронного, Балтийского, Путиловского и других заводов и фабрик. 24 февраля Петроградский комитет партии создает Совет обороны города. В городе объявляется осадное положение и красноармейцам не выдают сапог, опасаясь, что они присоеди-

няться к демонстрантам. Производятся массовые аресты, одновременно рабочим и солдатам раздается дополнительный паек: по банке консервов и фунту хлеба в день.¹⁹⁰

Волнения в Петрограде перебрасываются в Кронштадт. Наибольшую активность проявляют моряки линейных кораблей „Петропавловск” и „Севастополь”, которые вместе с командой линкора „Республика” были главной опорой большевиков в 1917 году. 1 марта на митинге гарнизона и жителей города принимается резолюция, составленная моряками „Петропавловска”. Резолюция требовала произвести тайным голосованием перевыборы советов, ибо „настоящие советы не выражают волю рабочих и крестьян”, свободы слова и печати „для рабочих и крестьян, анархистов и левых социалистических партий”, освобождения „политических заключенных социалистических партий”, пересмотра дел заключенных в тюрьмах и концлагерях, снятия заградительных отрядов, права крестьян свободно обрабатывать землю и иметь скот.¹⁹¹ Делегация кронштадтцев, высланная в Петроград, для ознакомления с этой резолюцией рабочих города, была арестована. Кронштадт ответил на это созданием Временного революционного комитета. Председателем был избран старший писарь „Петропавловска” Степан Петриченко, членами — моряки, рабочие. 2 марта Ленин и Троцкий подписывают приказ, объявляющий кронштадтское движение мятежом, организованным руками „французской контрразведки”, „мятежом бывшего генерала Козловского”, а резолюцию — „черносотенно-эсеровской”. В связи с этим Совет труда и обороны объявил „бывшего генерала Козловского и его сподвижников вне закона, город Петроград и Петроградскую губернию на осадном положении”.¹⁹²

А. Н. Козловский, командующий артиллерией Кронштадта, был одним из десятков тысяч военспецов, служивших в Красной армии. Никакого отношения к восстанию в Кронштадте он не имел. Но он был единственным бывшим генералом в крепости, что позволяло легко превратить движение в „белогвардейскую авантюру”. Семья Козловского, как и семьи всех других кронштадтцев, была арестована.

5 марта наркомвоенмор Троцкий, прибыв в Петроград, приказал мятежникам сдаться: только тот, кто сдался, сможет рассчитывать на милосердие Советской республики.¹⁹³ Троцкий, который в 1917 году назвал кронштадтских моряков „красой и гордостью русской революции”, приступает к подготовке штурма Кронштадта.

Восстание в Кронштадте, заявляет Ленин на Десятом съезде партии, собравшемся в марте 1921 года, опаснее для большевистской власти, чем Деникин, Юденич и Колчак, вместе взятые. Опасность эта

была связана с непосредственной близостью Кронштадта к Петрограду, с тем, что восставшие — профессиональные военные, располагали значительной военной силой. Опасность, наконец, была связана с тем, что моряки Кронштадта выступали с антибольшевистскими революционными лозунгами: „Вся власть советам, а не партиям”, „Долой контрреволюцию слева и справа”, „Власть советов освободит трудовое крестьянство от ига коммунистов” — призывы эти отражали настроения не только крестьянства, но и рабочего класса. „Здесь, в Кронштадте, — говорилось в обращении восставших, — заложен первый камень третьей революции... Эта новая революция всколыхнет и трудовые массы Востока и Запада, являя пример нового социалистического построения, противопоставленного казенному коммунистическому „творчеству”, убеждая воочию зарубежные трудовые массы, что все творившееся у нас до сего времени волею рабочих и крестьян, не было социализмом”.¹⁹⁴

Лозунг „третьей революции”, направленной против „комиссаро-державия”, не мог не напугать Ленина. 7 марта начинается артиллерийский обстрел Кронштадта и фортов.

Для руководства операций в Петроград прибывают главнокомандующий М. Тухачевский и командующий Западным фронтом С. Каменев. Ему вручается непосредственное командование силами, сосредоточенными для подавления восстания. Ленина, Троцкого и других советских руководителей, не перестающих разоблачать „белого генерала” Козловского, не смущает тот факт, что боевыми действиями против Кронштадта руководили „бывшие” офицеры, полковники, генералы. Для подавления кронштадтского мятежа применяется разработанная уже карательная тактика: сосредотачивается преобладающая военная сила, давящая мятежников. Против 3—5,5 тыс. моряков,¹⁹⁵ отражавших штурм Кронштадта, было собрано около 50 тысяч бойцов, разделенных на две группы. Первой командовал бывший офицер Е. Казанский, второй — бывший офицер А. Седякин. Красные части ворвались в Кронштадт в ночь с 17 на 18 марта. 18 марта все советские газеты вышли со статьями на первой странице, посвященными 50-летию Парижской коммуны, клеймящими „кровавых палачей Тьера и Галифе”. Но, как писал знаменитый орган киевских чекистов *Красный меч*: „Нам все дозволено, ибо мы первые в мире подняли меч не ради крепощения и подавления, но во имя всеобщей свободы и освобождения от рабства”.¹⁹⁶

Восставшие моряки ограничились арестом городских коммунистов, не пожелавших присоединиться к восстанию. Сразу же после захвата Кронштадта была расстреляна первая группа моряков — 13 человек. Казни продолжались потом в петроградских тюрьмах, кронштадт-

ские моряки были отправлены в Пертоминский концентрационный лагерь на Белом море. Значительная их часть там погибла. Степан Петриченко, бежавший по льду в Финляндию, прожил там до 1945 года, когда финляндские власти передали его советским органам; он умер в лагере.¹⁹⁷ Новейшая советская историография, не ограничиваясь повторением обвинений в адрес „белого генерала Козловского” и „французской контрразведки”, называет в числе виновников восстания – Троцкого¹⁹⁸ и троцкистов.

Кронштадтское восстание убедило Ленина, что политика немедленного строительства коммунизма, потерпела поражение.

Глава третья ПОИСКИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ

1. Шаг назад

М. Покровский писал М. Горькому о предполагаемой „Истории гражданской войны”: „Хронологические рамки изложения мы ставим так: Февральская революция – Кронштадт и Антоновщина”. Ликвидация Кронштадтского мятежа и подавление крестьянского движения в Тамбовской губернии были в „хронологической рамке” лидера советских историков – заключительными главами гражданской войны. В 1920 году советская власть устанавливается в Сибири, Туркестане, на Украине. Там где по разным обстоятельствам установление советской власти прямо невозможно создаются ее промежуточные формы: Дальневосточная республика, просуществовавшая с апреля 1920 года до осени 1922 года, когда японцы окончательно покидают Дальний Восток; Хорезмская народная республика (февраль 1920 года), Бухарская народная республика (сентябрь 1920 года). Созданию Бухарской народной республики предшествовало создание в рядах младо-бухарской партии левого прокоммунистического крыла. Затем младо-бухарцы подняли восстание в Чарджуе и попросили помощи Красной армии, находившейся неподалеку. Части Красной армии, под командованием М. Фрунзе, немедленно протянули руку братской помощи. Несмотря на упорное сопротивление верных эмиру войск, Бухара была взята. Эмир бежал, была провозглашена Народная республика. По схожему сценарию разыграна была советизация Кавказа.

В апреле 1920 года ЦК РКП(б) сформировал специальное Кавказское бюро (Кавбюро), придав его штабу Одиннадцатой армии, действовавшей на Северном Кавказе. Кавбюро формулировало идею, Одиннадцатая армия осуществляла ее. В конце января наркоминдел Чичерин направляет ноту азербайджанскому правительству, требуя сотрудничества в борьбе с Деникиным и обещая взамен признание независимости. Но уже 17 апреля Ленин секретным постановлением назначает своего представителя директором будущей советской бакинской нефтяной промышленности. Кавбюро предлагает бакинским коммунистам поднять 27 апреля восстание. Азербайджанские коммунисты, которые формально находились в подполье, но с которыми мусаватисты вели переговоры, ставят правительству ультиматум: передать власть советам. Еще до истечения 12-часового срока ультиматума, 28 апреля в Баку на бронепоезде въезжают Орджоникидзе и Киров. На бронепоезде въезжает в Азербайджан советская власть. Председатель Кавбюро Орджоникидзе руководит массовыми репрессиями, направленными в первую очередь против деятелей национального движения. Азербайджанская коммунистическая партия первой объявляет о появлении новой звезды на горизонте мировой революции. Бакинский *Коммунист* приветствует в ноябре 1920 года приезд гостя словами: „С визитом в Баку приехал тов. Сталин – рабочий руководитель исключительной самоотверженности, энергии и твердости, единственный признанный авторитет по вопросам революционной тактики и вождь пролетарской революции на Востоке и Кавказе”.¹

Отсутствие коммунистических организаций на территории Армении, вызванное протурецкой политикой коммунистической партии, задержало советизацию республики. Попытка армянских коммунистов, живших за пределами Армении, организовать переворот не удалась. Начавшаяся в сентябре 1920 года война с Турцией быстро закончилась поражением армянской армии.

27 ноября Сталин, прибывший в Баку, приказывает Орджоникидзе начать операцию против Армении. В этот же день Орджоникидзе получает инструкцию от Ленина,² в соответствии с которой армянскому правительству высылается ультиматум: передать власть „Революционному комитету Советской Социалистической Республики”, находящемуся в ожидании где-то в Азербайджане. Не дожидаясь истечения срока ультиматума, Одиннадцатая армия вступила на территорию Армении. 6 декабря Ревком прибыл в Ереван. Было создано коалиционное правительство, в которое вошли коммунисты и дашнаки. 21 декабря 1920 года все законы РСФСР были объявлены обязательными для Армении. Начались репрессии против дашнаков, выброшенных из правительства.

Грузия, самая крупная из закавказских республик, с правительством, пользовавшимся поддержкой населения, с достаточно сильной армией, казалась Ленину серьезным противником. Когда, опьяненный бакинским успехом Орджоникидзе, попросил разрешения вторгнуться в Грузию, он получил отказ. Началась война с Польшей и Москва не хотела иметь войны на два фронта. 7 мая 1920 года в Москве был подписан договор с представителем Грузии, в первом параграфе которого РСФСР признавала независимость и суверенитет грузинского государства и отказывалась от всех суверенных прав, которыми обладала Россия в Грузии. В секретной статье Грузия обязалась легализовать коммунистическую партию и разрешить ей свободную деятельность. Советским послом в Тифлис был назначен Киров — заместитель председателя Кавбюро. „Не было ни для кого секретом, — вспоминал руководитель грузинских коммунистов Ф. Махарадзе, — что деятельность коммунистической партии при тогдашних обстоятельствах (1920 год) состояла исключительно в подготовке вооруженного восстания против существующего правительства”.³

После установления советской власти в Азербайджане и Армении Грузия была окружена с трех сторон. Но Ленин по-прежнему считал захват Грузии преждевременным: главком С. Каменев трижды докладывал Ленину о том, что наступление на Грузию может привести к длительной войне на Кавказе;⁴ захват Грузии мог, казалось, сорвать переговоры с Великобританией. Сообщение советского представителя в Лондоне Л. Б. Красина о том, что Ллойд-Джордж заявил о признании Англией Кавказа входящим в советскую сферу влияния, не рассеяло опасений Ленина. Глава грузинского правительства Ной Жордания писал в 1939 году в своих воспоминаниях, что в Москве „обрисовались две тенденции. Одна — политическая, соседская; вторая — империалистическая. Последнюю тенденцию возглавляли Троцкий — военный министр и Сталин — министр национальностей. Первую же тенденцию возглавлял Ленин”.⁵ Тенденция, на самом деле, была одна — советизация Кавказа, необходимая по экономическим и стратегическим соображениям. Разногласия же носили чисто тактический характер. В январе 1921 года Политбюро принимает решение о свержении грузинского правительства, но Ленин требует, чтобы оно имело вид восстания, которому приходит на помощь Красная армия. Грузинские коммунисты получили директиву: организовать восстание.⁶ 16 февраля Одиннадцатая армия переходит границу, чтобы помочь созданному двумя днями раньше в деревушке Шулавери Военно-революционному комитету, попросившему братскую руку помощи. Грузинская армия нуждалась

в оружии. „Самое главное было достать ружья и патроны. Послали всюду телеграммы — никто нам не обещал. Только из Лондона получился категорический отказ”.⁷

18 марта грузинское правительство капитулировало. Ленин, опасаясь народного сопротивления в случае повторения в Грузии методов, применявшихся в Азербайджане, требовал от Орджоникидзе тактической мягкости. Он предупреждал об опасности повторения русской модели и настаивал на разработке особой тактики, основанной на значительных уступках мелкобуржуазным элементам.⁸ Ленин утверждал, что на Кавказе необходим более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — в отличие от РСФСР.⁹

Орджоникидзе пренебрег рекомендациями Ленина и приступил к советизации Грузии методами, испытанными в других кавказских республиках. Методами, проверенными в течение трех лет в РСФСР.

Восстание в Кронштадте вынуждает, наконец, Ленина пересмотреть свою политику по отношению к крестьянству. Еще в начале 1921 года он отвергает все предложения о смягчении продразверстки, об изменении ее характера. Кронштадт убеждает Ленина в том, что положение оккупанта в завоеванной стране, население которой в подавляющем своем большинстве выступает против политики власти, удержать дольше нельзя.

Ленин признает, что он ошибся. В разговоре с Кларой Цеткин в конце 1920 года он признался, что ошибся в расчете, настояв на вторжении в Польшу, которое должно было стать началом революции. Когда Ленин говорил, вспоминала немецкая коммунистка, на его лице было выражение невыразимого страдания. Любительнице искусства Кларе Цеткин вспомнился при виде страдавшего вождя Октября распятый Христос с картины Грюнвальда. Никто не нарисовал лица Ленина, признававшегося, что он ошибся в расчете на немедленное строительство коммунизма в России: „Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение”. Не совсем искренне Ленин добавляет: „Не весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения”.

Опыт этот длился 4 года, с 25 октября 1917 г. по 17 октября 1921 г., когда Ленин покаялся в „ошибке”. Опыт был длинный и обошелся очень дорого в человеческих жизнях. Ленин, однако, своим „признанием ошибки” делает важный вклад в науку политического руководства страной: признание вождем ошибки делает эту ошибку как бы небывшей, зачеркивает ее, вождь остается непогрешимым.

15 марта 1921 года Ленин на Десятом съезде партии предлагает программу новой экономической политики. Съезд принимает ее. Начинается эпоха НЭПа.

Новая экономическая политика была прежде всего политикой аграрной. „Крестьянство формой отношений, которые у нас с ними установились, — объяснял Ленин на Десятом съезде, — недовольно, оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Эта воля его выразилась определенно. Это — воля громадной массы трудового населения”. Съезд, по предложению Ленина, меняет форму отношений, которые установились „у нас с ними”. Продразверстка заменяется продналогом.

На 1921/22 год продналог был установлен в размере 240 миллионов пудов, что было почти в два раза меньше, чем намеченная на этот год ранее продразверстка. Можно было бы говорить о значительном облегчении подати, если бы не тот факт, что в 1920/21 году было фактически собрано по продразверстке около 240 миллионов пудов. О размерах „облегченного” — по сравнению с продразверсткой — продналога можно судить по тому, что он составлял 339% довоенного прямого налога.¹⁰ Значение замены разверстки налогом было не в облегчении подати, а в ограничении государственного произвола. 8 марта 1921 года крестьяне Панфиловской волости, Грязевецкого уезда Вологодской области в письме „нашему уважаемому вождю и великому гению тов. Ленину” сообщали: „В настоящее время у крестьян нашей волости взято почти все: хлеб, скот, сено, сырье... В 1920 г. ввиду засухи урожай был только местами сам-4. Но агенты продкома брали из расчета сам-6...” Вологодские крестьяне, прося „не считать нас зловердными элементами для советской власти, а наоборот желающими плодотворной работы, дабы укрепить свободу за рабочими и крестьянами”, предлагали ввести вместо разверстки продналог, чтобы крестьянин „знал свою норму налога и время его сдачи”.¹¹ Декрет устанавливал норму и время сдачи налога.

Новая аграрная политика не могла ограничиться только заменой разверстки налогом. Такая замена подразумевала, что крестьяне смогут, не опасаясь конфискации, увеличить производство сельскохозяйственных продуктов. Увеличение это могло, однако, иметь смысл лишь в том случае, если излишки можно законно продавать. Ленин до последней минуты не хотел расставаться со своей мечтой о немедленном прыжке в коммунизм. Троцкий вспомнил на Десятом съезде, что он еще год назад, в феврале 1920 года, предложил ввести налог вместо разверстки. На Восьмом съезде советов в декабре 1920 года, в последний раз выступая свободно, меньшевики и эсеры

требовали отмены продразверстки. Ленин отметал все эти предложения, как „возвращение к капитализму”. Капитализм — это торговля, следовательно „свобода торговли, значит назад к капитализму”. В конце 1920 года был издан декрет о бесплатности всех отпускаемых государством продуктов. Продуктов почти не было, но коммунизм казался за углом. Отказавшись от продразверстки, Ленин судорожно держится за надежду на допустить торговлю, не позволить рынку замутить чистоту коммунистических отношений. По его проекту обмен между крестьянскими хозяйствами должен был носить лишь местный характер (при условии перевозки продуктов лошадьми, а не железной дорогой), нося скорее характер даже не купли-продажи, а натурального обмена. Утопия умирала тяжело. Реальность оказалась сильнее. Осенью 1921 года вождь революции должен был признать: „Товарооборот сорвался... С товарообменом ничего не вышло, частный рынок оказался сильнее нас, и вместо товарооборота, получилась обыкновенная купля-продажа, торговля”.¹²

Новая экономическая политика означала поворот на 180° и в промышленности. Были разрешены мелкие частные предприятия, частные лица получили право брать в аренду крупные предприятия, иностранцам предоставлялось право брать в концессию предприятия, добычу полезных ископаемых. Еще более важным было изменение отношения к труду. Рабочие принимали участие во всех выступлениях против коммунистической власти, но главной формой, в которой выражалось их недовольство результатами революции, было резкое снижение производительности труда. „В 1919–20 гг. средняя выработка одного рабочего за год составляла только 45% того количества всяких предметов, какие являлись результатом его работы до войны”.¹³ Программа „большого прыжка” в коммунизм исходила из необходимости заставить рабочего работать. Дзержинский объявил концентрационные лагеря „школой труда”,¹⁴ Троцкий выдвинул программу „милитаризации труда”, создания „трудовых армий”. Наркомвоенмор подверг сомнению представление о непродуктивности рабского труда: „Верно ли, что принудительный труд всегда непродуктивен? Мой ответ: это наиболее жалкий и наиболее вульгарный предрассудок либерализма”.¹⁵ Человек не хочет работать, — рассуждал Троцкий. — Но социальная организация заставляет и подхлестывает его в этом направлении. Вывод — необходимо заставлять и подхлестывать рабочего. Если же окажется, что принудительный труд непроизводителен, то „все социалистическое хозяйство обречено на слом, ибо других путей к социализму, кроме властного распределения хозяйственным центром всей рабочей силы соответственно

потребностям общегосударственного плана, быть не может...”¹⁶

НЭП был признанием непроизводительности принудительного труда и попыткой найти другой „путь к социализму”. Реабилитируется понятие „материального стимула”, требование равной заработной платы для всех рабочих объявляется мелкобуржуазным предрассудком, вводится принцип концентрации, объединения предприятий в „тресты” и принцип „хозрасчета”, требующий самокупаемости предприятия. С 1 января 1922 года были переведены на „принцип самокупаемости” даже „лагеря принудительного труда”. Как писала *Правда*: „Опыт первых месяцев существования лагерей принудительного труда на хозрасчете дал положительные результаты...”¹⁷

Так быстро новая экономическая политика сказалась положительно не лишь на лагерях. После мировой войны, революции, гражданской войны на страну обрушилось новое тяжелейшее испытание: голод, какого она еще не знала в своей истории.

Прежде всего правительство хочет преуменьшить размеры бедствия. Опасность голода стала очевидной в начале лета. 6 августа в обращении к мировому пролетариату Ленин говорит о том, что „несколько губерний” России поражены голодом не менее страшным, чем голод 1891 года. Число голодающего населения в Поволжье в 1891 году было определено в 964627 человек. В 1921 году счет велся уже на миллионы: голодало не менее 20% населения страны и более 25% сельского населения.¹⁸ Голод был смертным. Писатель Михаил Осоргин, редактор бюллетеня *Помощь*, органа Всероссийского комитета помощи голодающим, знавший по сотням писем положение в голодающих областях, пишет о том, что людоедство стало „обыденным явлением”: „Ели преимущественно родных. в порядке умирания, кормя детей постарше, но не жалея грудных младенцев, жизни еще не знавших, хотя в них проку было мало. Ели по отдельности, не за общим столом, и разговоров об этом не было”.¹⁹

Голод был испытанием возможностей нового строя: впервые перед ним была задача, которую нельзя было решить силой. Успех Октябрьского переворота, победа в гражданской войне выработали у большевиков менталитет победителей, убеждение, что все решается винтовкой солдата или наганом чекиста. Екатерина Кускова вспоминала рассказ Бонча-Бруевича о визите Горького в Кремль в 1919 году. „Мы вошли в кабинет, где сосредоточенно сидел Ленин за какими-то документами. — Что вы делаете? — спросил его Горький. — Думаю над тем, как бы получше перерезать кулаков, не дающих хлеб народу. — Вот это оригинальное занятие! — воскликнул Горький. — Да,

мы вплотную подходим к борьбе за хлеб, за самое простое человеческое существование”.²⁰

Борьба за человеческое существование одних была для Ленина неразрывно связана с истреблением других и лучшим способом получить хлеб для народа казалась ему „резня кулаков”. В 1921 году никакая резня помочь не могла: запасов у крестьян не осталось. Был конфискован даже семенной хлеб. „Правильный расчет крестьянина этих местностей /Поволжья/, подверженных столь ужасным засухам, — иметь хлеб на прокорм и засев не менее как на два, а то и на три года, — нарушен беспощадным нашим временем”,²¹ — меланхолически отмечал Бонч-Бруевич. Вину за голод он, как и все другие руководители государства, сваливал на засуху. „В 1891 г. Владимир Ильич утверждал только одно... правительство — единственный виновник голода и ’всероссийского разорения’.”²² В 1921 году голод был результатом засухи, был результатом гражданской войны. На Девятом съезде партии Троцкий коротко подытожил итоги войны: „Мы разорили страну, чтобы разбить белых”. Главной, однако, причиной голода была политика продрозверстки, политика немедленного прыжка в коммунизм.

Отсутствие резервов, голод и в городах (в отличие от 1891 года), разрушенный транспорт, крестьянские восстания, недовольство рабочих создавали критическое положение. Непосредственную помощь могли оказать капиталистические страны, по существу только США, ибо истощенная войной Западная Европа была едва в состоянии прокормить себя. Но советское правительство не решалось обратиться за помощью к капиталистам, опасаясь получить решительный отказ. Отказ капиталистических стран помочь государству, которое открыто ставило своей целью мировую революцию, казался Ленину в первой половине 1921 года поведением как нельзя более естественным. Безыходное положение вынуждает Ленина, после долгих колебаний, согласиться на создание общественного Всероссийского комитета помощи голодающим. 21 июля 1921 года М. Калинин подписывает декрет ВЦИК о создании Комитета. В него входят виднейшие представители русской науки, литературы, культуры, дореволюционные общественные и политические деятели. Многие из них долго колебались прежде чем пойти на сотрудничество с советской властью. Желание помочь умирающим с голоду поборолось сомнения.

Ленин точно определяет границы неповторившегося больше никогда равноправного сотрудничества советской власти и интеллигенции: „Директива сегодня в Политбюро строго обезвредить Кускову. Вы в „ячейке коммунистов” не зевайте, *блюдите строго* /подчеркнуто Лениным/. От Кусковой возьмем имя, подпись, *нару*

вагонов от тех, кто ей (и этаким) сочувствует. Больше ни-че-го”.²³

Екатерина Кускова, публицистка, общественная деятельница, придерживавшаяся социал-демократических, а потом либеральных взглядов, была одним из инициаторов создания Комитета. Она объясняла Каменеву: „Помочь может только заграница. Помощь не притечет: будут думать, что помогают вам, Красной армии, но не голодающим”.²⁴ Необходима была гарантия. Такую гарантию дает Всероссийский комитет помощи голодающим. М. Горький, член Комитета, обращается к мировой общественности за помощью. Обращается Комитет.

Главная забота Ленина в этот период обеспечить продовольствие рабочим центрам, прежде всего Москве и Петрограду. Ежедневно рассылает он телеграммы на юг и на восток, требуя хлеба. „Ввиду крайне тяжелого положения центра полагаю, — телеграфирует Ленин председателю Совнаркома Украины Раковскому, — три четверти взять сюда, четверть оставить городам и рабочим Украины... Помните, что у нас продкризис отчаянный и опасный”.²⁵ От Сибревкома он требует: в течение мая отправить в центр три миллиона пудов хлеба.²⁶ Телеграмма в Туркестан: „В порядке боевой срочности, имеющей политическое значение, немедленно погрузить маршруты и отправить в Москву... 250 тыс. пудов хлеба”.²⁷ Уроки Февраля были еще свежи в памяти. Для предотвращения голодных бунтов в рабочих центрах хлеб конфискуется всюду, где это только возможно. Заключается „похабный” мир с интеллигенцией. Ленин ждет результатов новой экономической политики. Прежде, однако, чем эти результаты дали о себе знать, на помощь приходят империалисты.

21 августа 1921 года представитель советского правительства М. Литвинов подписывает в Риге соглашение с представителем филантропической Американской организации помощи (АРА), возглавляемой Гербертом Гувером. Узнав о подписании соглашения, член Комитета помощи голодающим Н. Кутлер резюмировал: „Ну, а нам теперь надо по домам... Свое дело сделали. Теперь погибнет 35% населения голодающих районов, а не все 50 или 70...”²⁸ Кутлер был прав лишь частично: действительно помощь из-за границы помогла спасти миллионы людей, но члены Комитета „по домам” разошлись. Они были арестованы сразу же после заключения соглашения с АРА, сразу же как миновала в них потребность.

31 августа *Правда* сообщала об экстренном заседании пленума Моссовета, на котором председатель Каменев „с удовлетворением констатировал заключение договора между Советским правительством и организацией Гувера. Этот договор имеет уже реальные последствия”. Л. Каменев сообщал о прибытии „уже сегодня” в Петро-

град первого парохода с продовольствием для детей, а затем о дальнейших регулярных поставках продовольствия.

Итоги деятельности АРА и других организаций, помогавших голодающим, подвел А. Эйдук, старый чекист, представлявший советское правительство при АРА. В мае 1922 года АРА кормила 6 099 574 человек, американское общество квакеров — 265 тысяч, Международный союз помощи детям — 259 751 человек, Нансеновский комитет — 138 тысяч, шведский Красный крест — 87 тысяч, германский Красный крест — 7 тысяч, английские профсоюзы — 92 тысячи, Международная рабочая помощь — 78 011 человек.²⁹ Статья „АРА” в *Большой советской энциклопедии* (1926) дает дополнительные сведения: АРА работала в РСФСР в голодные годы с 1.10.1921 по 1.6.1923 г. В период максимального развития своей деятельности она кормила приблизительно 10 миллионов человек. За время своей деятельности израсходовала около 137 миллионов золотых рублей. Советское правительство израсходовало на обслуживание АРА приблизительно 15 миллионов золотых рублей. *Малая советская энциклопедия* (1930) меняет тон: „под видом благотворительности” АРА „имела возможность содействовать ослаблению в Америке кризиса сбыта товаров”. В 1950 году *Большая советская энциклопедия* (второе издание) информирует: „Предоставленную ей возможность создания своего аппарата в Советской России АРА использовала для шпионско-подрывной деятельности и поддержки контрреволюционных элементов. Контрреволюционные действия АРА вызвали решительный протест широких масс трудящихся”. Энциклопедия не объясняет почему АРА появилась в Советской России и не сообщает, что она там, кроме „шпионско-подрывной деятельности”, делала. Очередное издание *БСЭ* (1970) признает, что АРА „оказала определенную помощь в борьбе с голодом”, но „в то же время правящие круги США пытались использовать ее для поддержки контрреволюционных элементов и шпионско-подрывной деятельности, для борьбы с революционным движением и укреплением позиции американского империализма в европейских странах”.

По данным Центрального статистического управления в результате голода 1921–22 годов страна потеряла 5 053 000 человек.³⁰ Потери от голода следует прибавить к потерям гражданской войны. В 1918–1920 годах страна потеряла 10 180 00 человек. Следовательно за период гражданской войны 1918 — 1922 потери составили более 15 миллионов человек. Это примерно 10% населения. Советский демограф Б. Ц. Урланис подсчитал, что потери в гражданских войнах в отношении к численности населения составили: в Испании 1936–39 годов — 1,8%, в США (война Севера с Югом) — 1,6%. Эти цифры по-

зволюют понять чудовищность гражданской войны. Сюда следует добавить около 2 миллионов человек, погибших на фронтах первой мировой войны и не менее миллиона эмигрантов, для того, чтобы составить представление о потерях страны в 1914 – 1922 годы.³¹

Голод был великим испытанием молодой советской власти. Она продемонстрировала все свои особенности: жестокость, мстительность, устойчивость. Ленин готов был пожертвовать значительной частью крестьянства, лишь бы прокормить рабочие центры. М. Горький, вынужденный под давлением Ленина, покинуть советскую республику, выразил свое отношение к крестьянству в интервью зарубежным журналистам. Точка зрения Горького в этом отношении несомненно отражала взгляды Ленина и других большевиков. „Я полагаю, – заявил Горький в Берлине, – что из 35 миллионов голодных большинство умрет“.³² Великий гуманист смотрел на будущее оптимистически: „... вымрут полудикие, глупые, тяжелые люди русских сел и деревень... и место их займет новое племя – грамотных, разумных, бодрых людей“.³³ Мечта, во всяком случае первая ее половина, осуществилась десять лет спустя. Те, кто помешал ее немедленной реализации, прежде всего деятели Всероссийского Комитета помощи голодающим, заплатили за это арестами, ссылкой, многие из них в 1922 году были изгнаны из Советской республики. В истории Комитета, в истории отношения к АРА выработалась модель поведения советской власти по отношению к тем, кто приходил ей на помощь, стремясь при этом сохранить некоторую самостоятельность: 1) уступки, если нет иного выхода, 2) отказ от уступок, едва необходимость миновала, 3) месть.

Голод засвидетельствовал устойчивость новой власти. Эта устойчивость определялась наличием партии, сплоченной сознанием изолированности в стране, сознанием своей элитарности и чувством абсолютного всемогущества. Если партия была скелетом государственной машины, то ее мускулами были чрезвычайные комиссии. Партия давала Идею: все дозволено, ибо мы работаем на Историю; ЧК давали руки, практически осуществлявшие вседозволенность. Максим Горький, категорически заявивший: „Жестокость форм революции я объясняю исключительной жестокостью русского народа“³⁴ и назвавший „ложью и клеветой“ обвинения в „зверстве“ вождей революции, выражал непонимание многими современниками революции характера рождавшейся системы, в которой карательные органы играют жизненно-важную роль. Их вездесущность и всемогущество создавали в обществе парализующую атмосферу страха. Наряду со страхом важнейшим элементом устойчивости советской власти был соблазн надеждой. Новая экономическая политика

обещала улучшение положения. С этого времени и впредь советские граждане — в самые страшные годы своей истории — будут считать, что поскольку хуже быть не может, следует надеяться, что будет лучше. Наконец, элементом устойчивости было отсутствие альтернативы: Белая Идея была побеждена, социалисты — противники большевиков лишились аргументов после введения НЭПа.

Обескровленному войнами, умиравшему от голода народу оставалось надеяться на будущее. Или — на „индейского царя”. „А индейский-то царь наших накормит? — спрашивала Танька Ваньку. — Знамо накормит, ежели наши в его веру перейдут. — А наши перейдут? — Знамо перейдут. Потому им: либо с голоду дохни, либо переходи...”³⁵

„Индейский царь” был далеко. „Кремлевский” — рядом. И требовал он в это время примирения с его существованием. Еще не требовалось даже „переходить в его веру”, нужно было подчиниться ему.

Л. Красин, приглашенный Ллойд-Джорджем в Лондон, для ведения переговоров о нормализации советско-британских отношений, дает журналу *Обсервер* интервью, озаглавленное „Как голод помогает советской власти”. Отношение Запада к голодающей России как бы открыло Ленину глаза: он увидел, что капиталистический мир не понимает целей революции, не видит ее опасности, и уже во всяком случае предпочитает получить прибыль сегодня, не думая о завтрашнем дне.

Снятие союзниками в январе 1920 года блокады, означало прекращение с их стороны войны с советской Россией. За этим актом последовало заключение мирных договоров с соседними странами: Эстонией, Литвой, Латвией. Прибывший в Лондон Красин начал в мае 1920 года переговоры о заключении торгового договора. В июле советское правительство приняло три английских условия — прекращение враждебных действий и враждебной пропаганды, возвращение военнопленных, признание, в принципе, долгов частным лицам. В разгар советско-польской войны договор был подписан. Л. Б. Красин рассказывал, вернувшись на родину, коммунистам Петрограда о том, как он давил на правительство Великобритании: „Мы всеми силами стремились заинтересовать английский деловой мир. Когда уклонялось добросовестное купечество, мы обращались к полуспекулятивным элементам. С пушечным заводом Армстронга мы заключили соглашение о ремонте 1500 паровозов. Армстронг подвигивал своих рабочих, те давили на Ллойд-Джоржа, указывая, что русские заказы сокращают число безработных. Английская буржуазия испугалась конкуренции Германии, и договор был заключен”. Красин сообщил далее о предстоящем подписании договора с Норвегией, с Италией. Швеция к этому времени — первой — со-

гласилась принять советское золото. „В настоящее время, — продолжал нарком внешней торговли, — мы очень недалеко от большого денежного займа, и этот большой заем даст нам никто иной, как Франция”.³⁶ Когда летом 1921 года Ленина предупреждали противники его резкого курса по отношению к Комитету помощи голодающим, аресту его членов, считая, что это может отразиться на отношениях с Францией, бывшей в годы гражданской войны опорой белого движения, он, уже уверенный в себе, отвечал: „Наша политика не сорвет сношений /торговых/ с Францией, а ускорит их... Пути к торговым переговорам с Францией есть”.³⁷ Соглашение с АРА окончательно убеждает Ленина в возможности установить нормальные — торговые и дипломатические — отношения с капиталистическим миром, используя при этом корыстные интересы промышленников и торговцев против дипломатов, а интересы дипломатов против промышленников и торговцев. Главное же, советские политические деятели убеждаются, что возможно установить нормальные отношения с капиталистическим миром, не отказываясь от второй внешнеполитической линии — разжигания мировой революции. Закладываются основы двухэтажной внешней политики.

2. Двухэтажная политика

Весной 1919 года в Москву прибыла неофициальная миссия, посланная Ллойд-Джорджем и Вильсоном, возглавляемая американцем Вильямом Буллитом. Буллит, выяснявший отношение большевиков к возможности заключения перемирия между красными и белыми армиями, в своих подробных рапортах из Москвы даже не упомянул об открытии в столице советской республики Первого конгресса Третьего Интернационала, о создании Третьего Интернационала. *Правда* много писала об этом, но представителю союзников новость эта показалась лишённой интереса.

Из 34 „делегатов” Первого конгресса Коминтерна — 30 жили в Москве, работая в наркоминделе, 2 были случайными гостями (из Норвегии и Швеции, где коммунистических партий не было) и лишь двое — имели мандаты. Но один из них — представитель созданной два месяца назад Коммунистической партии Германии — прибыл в Москву, чтобы выразить несогласие своей партии на создание Коминтерна. Роза Люксембург, создательница КПГ, была против создания Третьего Интернационала до тех пор, пока „отсталость западных революционных партий отдаёт инициативу большевикам”. Несмотря на возражения делегата КПГ Гуго Эберлейна,

Ленин настоял на провозглашении в марте 1919 года рождения Третьего Интернационала.

Новая международная организация, с центром в Москве, созданная на средства партии большевиков, овеянной славой победоносной революции, не скрывала своих целей. В первом номере журнала *Коммунистический Интернационал* Г. Зиновьев в статье „Перспективы пролетарской революции” пророчествовал: „Гражданская война зажглась во всей Европе; победа коммунизма в Германии абсолютно неизбежна; через год в Европе забудут о борьбе за коммунизм, ибо вся Европа будет коммунистической; потом начнется борьба за коммунизм в Америке, возможно в Азии и на других континентах”. На Втором конгрессе летом 1920 года принимается „21 условие”, обязательное для каждой партии, которая хочет стать членом Коминтерна, секцией Третьего Интернационала. Создается модель компартии — отряда международной армии, ведущей борьбу за захват власти. Среди условий: обязательство помогать советской республике в ее борьбе с контрреволюцией, используя при этом все легальные и нелегальные методы (13 условие); обязательство сочетать легальные и нелегальные методы для борьбы с правительствами своих стран, создавать подпольные организации (условия 3 и 4).

Образцом двухэтажной внешней политики: явной — через наркоминдел, и секретной — через Коминтерн, была политика по отношению к Германии. Надежда на неминуемую революцию в Германии была одним из главных аргументов Ленина в дни подготовки Октябрьского переворота. Ноябрь 1918 года, когда Германия могла стать, но не стала коммунистической, несколько разочаровал большевиков, но не лишил их надежды. Налаживается сотрудничество с Веймарской республикой и одновременно не прекращается деятельность по советизации Германии. Деятельность эта резко усиливается после создания Коминтерна. „Специалисты” от революции — Радек, Зиновьев, Бела Кун, Ракоши — готовят в Германии захват власти коммунистической партией. В апреле 1922 года Советская республика и Германия заключают договор в итальянском городе Рапалло. Договор предусматривал установление дипломатических отношений, взаимный отказ от военных претензий, создание экономического фронта, включающего смешанные торгово-промышленные компании. Рапальский договор разрывал единство капиталистических стран, выводил Советскую Россию и Германию из дипломатической изоляции. Очевидные преимущества советско-германского договора, инициатором которого было советское правительство, не мешают советскому правительству, используя Коминтерн и Коммунистическую партию Германии, готовить революцию в Германии.

Осенью 1923 года казалось, что на этот раз ничто не может задержать могучей поступи истории.

„В начале сентября 1923 г., — вспоминал советский дипломат, — через Москву я выехал в Варшаву. В Москве все было как на углях. Революционное движение в Германии развивалось все быстрее и быстрее... В Коминтерне работа шла полным ходом. Намечались будущие члены правительства советской Германии. Из числа русских советских деятелей отбиралась крепкая группа, которая должна была служить ядром будущего германского Совета народных комиссаров. Здесь были хозяйственники..., военные..., деятели Коминтерна..., и несколько ответственных работников ГПУ...”³⁸

В эти же дни *Правда* публикует стихи о пылающей Германии, слушающей: „В ветрах клич: пора! В вьюгах лозунг: пли!” Отношения между советским и германским правительством в этот период были отличными.

В 1920 году Англия начинает искать соглашения с Советской Россией — ведутся переговоры о торговых сношениях, ведется торговля „через посредство различных нейтральных стран, которые со своей стороны также вступили в торговые сношения с Советской Россией”.³⁹ Карл Радек констатирует, что благодаря этому положение страны окрепло. Но тот же Радек, на созванном в сентябре 1920 года в Баку конгрессе народов Востока, призывает рабочих и крестьян Персии, Турции и Индии подняться на борьбу с английским империализмом, обещая от имени Советской России оружие для „совместных побед”.⁴⁰ Председатель Коминтерна Г. Зиновьев призывает на этом конгрессе мусульманские народы к „джихаду”, священной войне с Великобританией. Зиновьев был в это время членом Политбюро, правящего органа советского государства. „Не есть тайна ни для кого, — признавал другой член Политбюро, Л. Каменев, что ЦК и Политбюро нашей партии руководят Коминтерном”.⁴¹

Молодая внешняя политика молодого советского государства исходила из принципа, сформулированного Лениным в декабре 1920 года: пока существуют капитализм и социализм они не могут жить в мире.⁴² В разгар споров о Бресте Ленин предложил Седьмому съезду партии резолюцию, гласившую: съезд уполномочивает ЦК партии разрывать все мирные договора и объявить войну каждому империалистическому государству и всему миру, если ЦК партии сочтет момент подходящим.⁴³ Резолюция эта должна была успокоить противников Брестского договора, но она выражала суть ленинской внешнеполитической доктрины: пролетарское государство, воплощающее прогресс, всегда право в своих отношениях с капиталистическими государствами, воплощающими реакцию; все, что

оно ни делает, соответствует законам Истории. И поэтому целиком и полностью оправдано.

3. Рыжий цвет времени

„Шаг назад”, сделанный Лениным в марте 1921 года, введение новой экономической политики, было маневром. Маневром вынужденным, который заключался в отходе назад, в отступлении. Маневр был произведен мгновенно, неожиданно для рядовых большевистской партии. Сталин полагал даже, что маневр был произведен с опозданием: „Разве мы не опоздали с отменой разверстки? Разве не понадобились такие факты, как Кронштадт и Тамбов, для того, чтобы мы поняли, что жить дальше в условиях военного коммунизма невозможно?”⁴⁴ Сознание невозможности жить „в условиях военного коммунизма” вынудило изменить политику, временно отказаться от утопии, вернуться к реальности. Но утопия не была отвергнута, надежда на чудо мировой революции сохранялась. Необходимо было наладить сосуществование между реальностью и фикцией, порожденной убеждением, что завтра-послезавтра можно будет сделать два-три и больше шагов вперед к Цели. Сосуществование реальности и фикции порождает особую атмосферу первой половины двадцатых годов. Поэт назовет это время – рыжим: „... крашено – рыжим цветом, а не красным, – время...”⁴⁵

Второй раз на протяжении нескольких лет происходит резкая переоценка ценностей. Революционные идеи, безраздельно господствовавшие в советской республике с октября 1917 года, начисто отменявшие всякий компромисс, любое отклонение от коммунистического идеала, оказываются устаревшими, не совсем уместными. Возвращается право на существование людям и понятиям, которые до марта 1921 года считались ликвидированными и подлежащими ликвидации.

Новая экономическая политика снимает путы, которыми туго-натуго были претянуты кровеносные сосуды государства. Денационализация мелкой и части средней промышленности, разрешение частной торговли, начавшаяся торговля с границей восстанавливают кровообращение в стране. Современники отмечали показавшееся чудом открытие магазинов, появление в них продуктов, даже вида которых они уже не помнили. Герой романа *Чевенгур* возвращается в родной город: „Сначала он подумал, что в городе белые. На вокзале был буфет, в котором без очереди и без карточек продавали серые булки. Около вокзала... висела серая вывеска с отежшими от не-

доброкачественной краски буквами. На вывеске кратко и кустарно написано: „Продажа всего всем гражданам. Довоенный хлеб, довоенная рыба, свежее мясо, собственные соленья”.”⁴⁶ Приказчик в лавке очень толково и очень коротко объяснил зашедшей старушке смысл перемен: „Дождались: Ленин взял, Ленин и дал”.⁴⁷

Новая экономическая политика открывает двери для капиталистических форм экономики. Они соседствуют с социалистическими. Появляется возможность сравнения, возможность выбора. Возникает конкуренция. Перепись 1923 года показала, что если оптовая торговля находится на 77% в руках государства, на 8% — у кооперации, на 15% — в частных руках, то розничная на 83% в частных руках и лишь на 7% у государства.⁴⁸ Покупатель получает возможность выбора: покупать у частника или у государства. Возвращаются деньги, которые в годы революции и гражданской войны потеряли цену: им полагалось совершенно отмереть. Впрочем, их выпускали все: советская власть, белые генералы, города, заводы. В нумизматическом каталоге, выпущенном в 1927 году, перечислен 2 181 дензнак, имевший хождение во время гражданской войны. Михаил Булгаков рассказал, что в конце 1921 года появляются в Москве „триллионеры”, люди, имевшие триллионы рублей.⁴⁹ Но астрономические цифры на дензнаках, до марта 1921 года забавлявшие советских граждан, стали реальностью, когда появилась возможность покупать на них товары. 15 февраля 1924 года денежная реформа завершается введением новой советской денежной единицы, твердого рубля. Новая денежная единица, червонец, равнялась 10 довоенным золотым рублям и обеспечивалась золотом, а также исторической традицией. Червонец существовал при Петре I.

Время становится „рыжим”, ибо наряду с новой иерархией ценностей, созданной революцией, восстанавливается старая иерархия. „Нэпманы” (капиталисты с разрешения советской власти) не участвуют в управлении государством, живут как на вулкане, неуверенные в завтрашнем дне, но сегодня — имеющие деньги и возможность приобрести на них все то, чего может пожелать нэпманская душа. В советских городах открываются игорные дома и кабарэ, появляются лихачи и роскошные автомобили, меха и драгоценности.

Новая экономическая политика не могла не вызывать недовольства в рядах правящей коммунистической партии, ибо казалась полной изменой идеалам революции. В это время рождается обиженный вопрос: за что боролись? До Октября и после революции споры в партийном руководстве сводились к вопросу: как захватить и удержать власть. После победы в гражданской войне возникает вопрос: что делать с властью? Вопрос этот немедленно влек за собой

другой: кто власть? Самый простой ответ звучал: пролетариат. Это был официальный ответ. Ленин давал другой ответ: диктатура одной партии, ибо она является авангардом пролетариата.⁵⁰ К тому же пролетариат после победы в гражданской войне все настойчивее выражал недовольство своим положением. К. Радек с негодованием цитирует коммунистического агитатора: „Нет, не свободы для капиталистов и помещиков мы добиваемся, а свободы для нас — рабочих и крестьян, свободы купить, что нужно, свободы переехать из одного города в другой, перейти с фабрики в деревню — вот какой свободы нам нужно”.⁵¹ Для Ленина смысл этих требований был очевиден: провозглашение лозунга „больше веры в силы рабочего класса” в действительности способствует усилению меньшевистских и анархических влияний.⁵² Это убедительно показал, — добавляет Ленин, — Кронштадт весной 1921 года.

Властью, хозяином в стране была партия. Партия большевиков была задумана и построена, как армия профессиональных революционеров. После достижения цели, после захвата власти партия не желает ограничиться частью власти, оставив другую государственному аппарату. Она хочет быть государством. „Тот, — заявил Лев Каменев, — кто говорит против партии, кто требует разделения функций советского аппарата и партии, хочет нам навязать такое же разделение властей, какое есть и в других государствах... Пускай-де советский государственный аппарат государствует, а партия пускай занимается агитацией, пропагандой, углублением коммунистического сознания и пр. Нет, товарищи, это было бы слишком большой радостью для наших врагов”.⁵³ Л. Каменев поставил точку над *i*. Партия не хотела, чтобы советское государство было как „другие государства”, она хотела иметь всю полноту власти в своих руках.

И партия власть эту имела. „Политической власти совершенно достаточно... — говорит Ленин на Одиннадцатом съезде. — Экономической силы в руках пролетарского государства совершенно достаточно для того, чтобы обеспечить переход к коммунизму. Чего же не хватает?” К Одиннадцатому съезду партия пришла „вычищенной”: в результате „чистки”, решенной на Десятом съезде, было исключено 23,3% первоначального состава. Но и эта „вычищенная” партия не удовлетворяет ее вождя. Ленин упрекает коммунистов, „которые упарвляются”, в „некультурности”. Он утверждает, что „не они ведут, а их ведут”. Ленин обращается к истории: „Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю”. Ленин опасается, что, как варвары, завоевав цивилизованную страну, становились цивилизован-

ными, так и коммунисты, завоевав Россию, воспримут культуру побежденных. И в то же время Ленин обрушивается на „некультурность” коммунистов. Противоречие лишь кажущееся. Вождь партии и глава правительства, говоря о „культуре”, имеет в виду технику управления государством, управления хозяйством. Причину плохого хозяйствования, подтвержденного опытом работы за год, то есть между Десятым и Одиннадцатым съездами, Ленин видит в „коммунистическом чванстве”. Комчванство, как начинают называть очередной порок, это — гордость победителей, уверенных в том, что все, что они делают — правильно, уверенных в том, что сила решает все проблемы. Комчванство было в глазах Ленина пороком прежде всего потому, что гордость победителей расшатывала партийную дисциплину: герои гражданской войны ждали наград, вели себя, как удельные князья, объединялись кланами фронтовых друзей, бросающих вызов ЦК. Тактика Ленина заключается в использовании одного клана против другого, имея в виду ослабление каждого из них и укрепление ЦК. Когда в ноябре 1920 года Троцкий выступил на Всероссийской конференции профсоюзов с требованием распространить военные методы на руководство экономикой и „военизировать” профсоюзы, Ленин поддержал позицию Зиновьева, выступавшего с лозунгами демократизации внутрипартийной жизни и свободы внутрипартийной критики. Троцкий, возглавлявший в это время, кроме народного комиссариата войны, железнодорожный и водный транспорт, сосредоточил в своих руках слишком большую власть. Сохранив главное („партия безусловно направляет” всю работу профсоюзов), Ленин смягчил наиболее острые формулировки Троцкого и значительно ослабил его влияние. Но когда в январе 1921 года руководители крупнейших профсоюзов — Александр Шляпников, Юрий Лутовинов, Алексей Киселев опубликовали тезисы, в которых выдвигали чудовищную, по мнению Ленина, идею о передаче управления всем народным хозяйством „всероссийскому съезду производителей”,⁵⁴ глава советского государства немедленно возобновил союз с Троцким.

А. Рыков рассказывал С. Либерману, одному из крупнейших специалистов русского лесного хозяйства, приглашенному руководить национализированной лесной промышленностью: „Вот я сижу у руля социалистического строительства, в ВСНХ. Мне Ильич верит — и как все же трудно с ним! Никак нельзя на него положиться на все 100%. Придешь, обсудишь, договоришься, и он тебе скажет: „Выступи, и я тебя поддержу”. А как только он почувствует, что настроение большинства против этого предложения, он тут же тебя предаст... Владимир Ильич все предаст, от всего откажется, но все это

во имя революции и социализма, оставаясь верным лишь основной идее — социализму, коммунизму...»⁵⁵

Революция и „основная идея” воплощались для Ленина в Партии. Ей он всегда верен. Борьбу с „Рабочей оппозицией”, которая выступает против политики Ленина на Десятом съезде, он ведет под лозунгом укрепления единства партии. Главный, смертный грех „Рабочей оппозиции” заключался в том, что она возражала против отождествления партии с рабочим классом, отвергала притязания партии на диктатуру от имени „авангарда пролетариата”. „Рабочая оппозиция”, констатируя, что в РСФСР „рабочий класс является единственным классом, который влачит каторжное, позорно-жалкое существование...”,⁵⁶ требовала передать профсоюзам защиту интересов рабочих, как и управление экономикой. Это было посягательство на „основную идею”, на монополию партии.

Монополия партии не означала, однако, монополии членов партии. Ленин был недоволен членами партии. Свою речь на Одиннадцатом съезде он заканчивает словами: „Надо сознать и не бояться сознать, что ответственные коммунисты в 99 случаях из 100 не на то представлены, к чему они сейчас пригодны, не умеют вести свое дело и должны учиться”.

Троцкий говорил в 1919 году, что в лице наших комиссаров „мы имеем новый орден самураев”.⁵⁷ В 1921 году Сталин, как обычно, заимствует идею у Троцкого, но, снижая пафос, уточняет, детализирует. Сталин видит „компартию как своего рода орден **меченосцев** внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность”. Если и Троцкий, и Сталин видят партию (комиссары Троцкого были лучшей частью партии), как орден избранных, одухотворяемых некой идеей, то образцы для подражания каждый из соратников Ленина выбирает по своему вкусу. Принципиальное различие между самураями и ливонцами заключалось в том, что „псы-рыцари”, как называл меченосцев Маркс, обращали в истинную веру население покоренной страны, а самураи жили у себя на родине.

Развивая параллель „орден меченосцев — компартия”, Сталин подчеркивает „значение **старой гвардии** внутри этого могучего ордена. **Пополнение старой гвардии** новыми закалившимися за последние три-четыре года работниками”.⁵⁸ Менее чем за год до своего избрания генеральным секретарем ЦК, Сталин представляет себе партию, как орден завоевателей в оккупированной стране, построенной по строго иерархическому принципу.

Правящая партия — иерархический орден должна была завершить иерархическую пирамиду советского государства: внизу — крестья-

янство, чуть выше – полезная интеллигенция, еще выше – рабочий класс, наверху – Хозяин-партия. В одном из самых первых советских романов, в *Неделе* писателя-коммуниста Юрия Либединского, чекист Климин рассказывает о своем споре с неким интеллигентом „по поводу столовой ответственных работников. Он /интеллигент/ доказывал, что столовую нужно закрыть. И, как доказательство, ход мыслей у него был такой: революция от нас требует, чтобы мы не выходили из обще-пайковой нормы, хотя бы квалифицированного рабочего. Я же рассуждал так: мы, это революция, то есть то, что мы на митингах называем – передовой авангард. Если каждый из нас, несущих боль, работу, будет голодать и слабеть и надрываться, то, конечно, нашему авангарду скоро придет конец; ведь это же так просто! Для них, для революционеров, революция – что-то постороннее, божок, требующий жертв, а для меня... Я могу сказать, вроде как какой-то король говорил: „государство – это я...”⁵⁹ Этот же чекист-философ убеждает молодую коммунистку, предлагающую вместо силы использовать слово, разъяснить крестьянам смысл политики партии: „Рассказать... Не поймут они. Мало разве у нас агитаторов и политработников убили эти трудовые крестьяне только за то, что те слишком уж откровенно проповедывали коммунизм? Наши книги они не читают, наши газеты они раскуривают. Нет, Анюта, все это много сложнее. Нам нужно жизнь их перестроить. Ведь они дикари, они рядом с нами, но в средневековье, они верят в колдунов, и для них мы только особый вид колдунов, в лучшем случае добрых”.⁶⁰

Молодая, еще не „закалившаяся” коммунистка нуждается в идеологической обработке, ибо она побывала в Москве и увидела там лестницу: „На одном вокзале, большая такая лестница есть и вся она от верху до низу устлана людьми. Мужчины, женщины, дети лежат на ступенях попеременно со своим жалким и грязным скарбом... И по этой же ужасной лестнице, ступая брезгливо и осторожно, скорее брезгливо, сходит вниз какой-нибудь щеголеватый комиссар, и комиссарская звезда блестит на его груди, а он так осторожно, между измученных грязных тел ставит свои лакированные сапожки, спускается вниз...”⁶¹

Эта лестница, реалистически изображенная пролетарским писателем, еще не подозревавшим, что нужно и можно писать иначе, могла служить символом молодого советского государства.

Партия – орден меченосцев в завоеванной стране, колдуны среди дикарей, могла выполнять свою функцию Хозяина жизни лишь в том случае, если она была едина, сплочена, если она была послушным инструментом в руках вождей. Необходимость единства стала для

Ленина очевиднее, чем когда-либо было в период перехода к НЭПу. Дисциплина нужна армии в период отступления в особенности. Десятый съезд принимает резолюцию „О синдикалистском и анархическом уклоне”, направленную против „Рабочей оппозиции”, и резолюцию „О единстве партии”, запрещающую фракционную деятельность под угрозой исключения.

Резолюция „О единстве партии” открывает новую главу в ее истории. Знаменательно, что, принятая съездом в отсутствие около 200 делегатов, выехавших на подавление восстания в Кронштадте и Антоновщины, эта резолюция в течение нескольких лет оставалась секретной. Авторы резолюции и все те, кто голосовал за нее подсознательно чувствовали, что характер партии меняется. Лишь Радек, что-то предчувствуя, предупреждал о том, что все голосующие за резолюцию могут испытать ее действие на своей шкуре, но так же проголосовал „за”. Резолюция „О единстве партии” устраняла последние „пережитки” традиционных социал-демократических и социалистических партий. ВКП(б) становилась партией тоталитарной, в которой недопустимой была верность идеям, требовалась только верность Высшей Инстанции, принимающей решение. Резкий поворот НЭПа стал проверкой на верность вождям: кто продолжал верить в Идею, в идейность, кто не принимал „рыжего времени”, из партии выбрасывался или уходил сам, кончал самоубийством. *Правда* опубликовала 20 мая 1922 года некролог по случаю самоубийства 17-летнего комсомольца: „Часто приходилось от него слышать, что прежде всего, надо быть коммунистом, а потом уже человеком”. Юноша, видимо, не выдержал: коммунист в его душе не смог победить человека и убил его. Но очень многим победа над человеком давалась легко.

М. Горький через две недели после Октябрьского переворота писал: „Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия”.⁶² В начале 1921 года, через два с половиной года после захвата власти, А. Сольц, которого называли „совестью партии”, констатирует: „... долгое пребывание у власти в эпоху диктатуры пролетариата возымело свое разлагающее влияние и на значительную часть старых партийных работников. Отсюда бюрократия, отсюда крайне высокомерное отношение к рядовым членам партии и к беспартийным рабочим массам, отсюда чрезвычайное злоупотребление своим привилегированным положением в деле снабжения. Выработалась и создавалась коммунистическая иерархическая каста...”⁶³ Для партийного чиновника Сольца „коммунисти-

ческая иерархическая каста”, „орден меченосцев” по выражению Сталина, как бы сама собой „выработалась”, „создалась” в результате „долгого пребывания у власти”. Крупнейший теоретик партии Н. Бухарин видел более глубокие причины: „Известная часть коммунистических кадров вырождается на базе своего единовластия... Наша форма власти есть форма диктаторской власти, наша партия есть господствующая партия в стране...”⁶⁴

С гордостью, не имея возможности заглянуть в будущее, Г. Зиновьев провозглашал на Одиннадцатом съезде: „... Мы имеем монополию легальности, мы отказали в политической свободе нашим противникам. Мы не даем легально существовать тем, кто претендует на соперничество с нами... Диктатура пролетариата, как говорит товарищ Ленин, есть очень жестокая вещь. Для того, чтобы обеспечить победу диктатуры пролетариата, нельзя обойтись без того, чтобы не переломать хребет всем противникам этой диктатуры... Никто не может указать то время, когда мы сможем пересмотреть наши взгляды в этом вопросе”.

Монополия партии, обладающей неограниченной диктаторской властью, была главной причиной ее разложения: превращения революционеров в вельмож, наплыва карьеристов и проходимцев. Ленин в бессильном гневе требовал „суда на месте и расстрела безоговорочно” „примазавшихся коммунистов”, но именно они — люди без идей, без убеждений — становились идеальными членами монополистической диктаторской партии.

Полностью сбылось предсказание Розы Люксембург, которая через несколько месяцев после Октябрьского переворота писала: „С подавлением свободной политической жизни во всей стране жизнь и в Советах неизбежно все более и более замирает. Без свободных выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений, жизнь отмирает во всех общественных учреждениях, становится только подобием жизни, при котором только бюрократия остается действующим элементом... Господствует и управляет несколько десятков энергичных и опытных партийных руководителей. Среди них действительно руководит только дюжина наиболее выдающихся людей и только отборная часть рабочего класса время от времени собирается на собрания для того, чтобы аплодировать речам вождей и единогласно одобрять предлагаемые резолюции. Таким образом — это диктатура клики, несомненная диктатура, но не пролетариата, а кучки политиканов”⁶⁵

Через год после принятия НЭПа, на Одиннадцатом съезде, Ленин делает удивительное признание. Сравнив страну с автомобилем, вождь революции с недоумением замечает: „Машина отказывается

подчиняться руке, которая ею управляет. Как если бы автомобиль двигался не в том направлении, в каком хочет человек, им управляющий, а в направлении, намеченном кем-то другим, как если бы им управляла какая-то тайная, незаконная рука. Бог знает какая... Во всяком случае, машина не идет в том направлении, в какое хотел ее направить человек, сидящий за рулем..." Есть в этих словах трагизм человека, верившего, что он постиг законы, по которым движется машина, знающего цель, к которой она идет, и обнаружившего вдруг, что машиной управляет „тайная, незаконная рука". Как в легенде о големе, создатель искусственного человека внезапно обнаружил, что чудовище вырвалось из его власти, так Ленин вдруг увидел, что построенная им „машина" идет не туда, куда он ее направлял. Создатель голема уничтожил свое творение, Ленин решил укрепить руку шофера.

Собравшийся после Одиннадцатого съезда Центральный комитет, по предложению Ленина, на новую должность Генерального секретаря избирает И. В. Сталина. В его качествах „шофера" Ленин был уверен, они были проверены в годы гражданской войны. Летом 1918 года Сталин шлет телеграмму председателю Совнаркома, излагая свое кредо: „Будьте уверены, что не пощадим никого... Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука..."⁶⁶ Именно в такой руке, по мнению Ленина, нуждалась партия, в таком „человеке, сидящем за рулем" советского государства.

В 1920 году, в брошюре *Детская болезнь „левизны" в коммунизме*, Ленин иронизирует над спорами о характере диктатуры в советском государстве. Для него это „смешная, детская ерунда" спорить о том является ли диктатура — диктатурой партии или класса, диктатурой вождей или масс, для него это нечто вроде спора, что человеку нужнее: левая нога или правая рука? Ленин лицемерил: он великолепно знал, что правая рука важнее, ибо, как он признавал: „Возражать против необходимости центральной власти, диктатуры и единства воли... становится невозможным".

Необходимость в железной руке ощущается по окончании гражданской войны особенно остро, ибо борьба с многочисленными врагами продолжается с новой силой. Либерализация экономики сочетается с новой волной террора: это тоже примета „рыжего времени". В *стране НЭПа и ЧК* — назвал свои воспоминания Борис Цедергольм, один из первых свидетелей, вырвавшихся на Запад из Соловецкого лагеря. НЭП и ЧК — две стороны советской медали первой половины 20-х годов.

Первыми результатами новой экономической политики было ухудшение положения рабочего класса, класса-гегемона, как любили

называть его агитаторы. Рабочие, по еще неизжитой дореволюционной привычке, бастуют, добиваясь улучшения положения. Сталин, выступая 2 декабря 1923 года перед московскими коммунистами, говорит о „волне брожения и забастовок, прокатившейся по некоторым районам республики в августе этого года”.⁶⁷ Но рабочие бастовали и в 1921, и в 1922 году. В „Смоленском архиве” приводятся многочисленные донесения агентов ГПУ о недовольстве рабочих мизерной зарплатой, задержкой ее выдачи, нехваткой продуктов и их дороговизной, о забастовках на заводах, мастерских, железных дорогах.⁶⁸ Смоленские чекисты объясняли забастовки происками анархистов. В Москве виновниками объявили меньшевиков. Заметка о забастовках в типографии Высшего военного редакционного совета, опубликованная *Правдой*, была озаглавлена: „Необходимо дать бой меньшевикам”. Рабочие, — говорилось в заметке, — „плетутся за меньшевиками. „Забастовки” в „меньшевистской крепости” вспыхивают очень часто. Чуть-что: несвоевременная выплата жалованья или другая какая-либо ненормальность (а их, к сожалению, в 27 типографии немало) и меньшевикам открывается широкое поле „деятельности”.⁶⁹ Автор заметки, подписавшийся „Алеша Упрямый”, не предлагает устранить „ненормальности”, он настаивает на необходимости покончить с „гнусной работой меньшевиков”. А. Шляпников рассказал на Одиннадцатом съезде, что забастовки рабочих Златоуста и Брянска объявили „делом рук монархистов”. В забастовках виноваты были все: анархисты, меньшевики, монархисты, но прежде всего — рабочие. На Одиннадцатом съезде Ленин теоретически обосновал вину российского пролетариата, заявив, что поскольку в Советской республике „разрушена крупная капиталистическая промышленность, поскольку фабрики и заводы стали, пролетариат исчез”. Ленин не останавливается перед ревизией Маркса. Маркс, правда, писал, что на фабрики и заводы идет настоящий пролетариат и это было правильно на протяжении 500 лет для „капитализма в целом”, но, заявляет Ленин, „для России теперешней это неверно”. Ленину вторит на том же съезде Зиновьев, утверждающий: „Рабочий класс в силу перипетий революции, деклассирован”. Александр Шляпников говорит, обращаясь к Ленину: „Разрешите поздравить вас, что вы являетесь авангардом несуществующего класса...” Шляпников предлагал „раз навсегда запомнить, что другого и „лучшего” рабочего класса мы иметь не будем и нужно удовлетворяться тем, что есть”.

Шляпников, конечно, ошибался. Ленин, а за ним Сталин никак не хотели удовлетвориться тем рабочим классом, который у них был, и которому отказывалось в имени рабочего класса. Они хотели

создать и создали другой, лучший рабочий класс, который никогда бы не бастовал, который был бы всегда доволен условиями своей жизни и работы. В июне 1953 года, когда рабочие Восточного Берлина забастовали и вышли на улицу, протестуя против низкой зарплаты и высоких цен, партия заявила, что народ не оправдал ее доверия. Бертольд Брехт написал тогда стихотворение, в котором советовал партии распустить народ и выбрать себе другой. Советские вожди воспользовались этим рецептом задолго до Брехта. Партия, совершив революцию от имени класса, которого не было, приступила к формированию класса, который ей нужен. Пренебрежение к интересам „настоящих пролетариев”, оправданное „теоретически”,⁷⁰ становится коммунистической добродетелью. Во время дискуссии о положении в партии, разрешенной ненадолго в 1923 году, немало участников жаловались на то, что „ячейки и отдельные партийцы в глазах рабочих всегда выступают, как защитники администрации, увеличения норм выработки, всякого рода отчислений. Каждый коммунист считает своей обязанностью во что бы то ни стало оправдать в глазах рабочего всякую, даже явную несправедливость”.⁷¹ Если же отдельные коммунисты вместе с рабочими протестуют против администрации „то наши партийные органы считают таких коммунистов невыдержанными”.⁷²

Популярнейшим словом времени НЭПа, синонимом НЭПа была „смычка” – союз рабочих и крестьян. Ведущую роль в этом союзе играли рабочие, пролетариат, носитель диктатуры и прогресса, – его положение в этот период резко ухудшается; ведомую роль играет крестьянство, выражающее мелкобуржуазные стихии, – его положение начинает улучшаться, ибо сельскохозяйственные продукты становятся базой восстановления экономики страны. „1922 год, – вспоминает А. Микоян, – стал первым годом после революции, когда не только были удовлетворены внутренние потребности в хлебе, но и начался экспорт его в значительных количествах”.⁷³ А. Микоян не вспоминает, что экспорт зерна начался в тот период, когда АРА продолжала кормить миллионы голодающих, но бесспорно, что вывоз хлеба (и леса) был в начале 20-х годов единственным источником валюты, необходимой для торговли с границей. Крестьянство, важнейшая экономическая сила страны, ущемлено в правах политических. Крестьяне, которых начинают уговаривать плакатами: „Отдай свои сбережения на золотой заем и со временем ты разбогатеешь”, являются гражданами второго сорта. И они великолепно это понимают. Донесения агентов ГПУ, хранящиеся в „Смоленском архиве”, регистрируют настроения крестьян. В донесении, касающемся периода с 15 по 31 мая 1922 года, говорится:

„Недовольство крестьян по отношению к советскому правительству и коммунистам не знает больше границ. В разговорах бедных крестьян, середняков, не говоря уже о кулаках, слышатся утверждения такого рода: „Нам готовят не свободу, а крепостное право. Мы теперь живем как при Годунове, когда помещики закабалили крестьян”.⁷⁴

4. На штурм духа

Недовольство крестьян советской властью, политикой коммунистической партии обострилось в результате преследований ею церкви.

„Как это н^д странно, — пишет историк, — но церковь была лучше государства подготовлена к революции”.⁷⁵ Процесс подготовки к реформам, шедший с 1905 года, завершается созывом в 1917 году Синода, который 5 ноября избирает митрополита Московского Тихона патриархом. Конфликт между церковью и советским государством был неизбежен, ибо коммунистическая партия, пришедшая к власти в России, ставила своей задачей не только экономическое, политическое и социальное преобразование страны. Она ставила своей задачей создание нового человека, она претендовала на духовную власть. Декрет от 23 января 1918 года прокламировал отделение церкви от государства, лишение ее имущества, юридических прав. Фактически церковь ставилась вне закона. Патриарх Тихон отвечает анафемой против явных и тайных врагов церкви, ее преследующих, призывом к верным защищать церковь. В марте 1918 года патриарх резко осуждает подписание брестского мирного договора, как измену слову, данному русскому народу и союзникам. По случаю первой годовщины революции патриарх обращается с письмом в Совнарком, в котором, перечисляя преступления новой власти, призывает прекратить кровопролитие, насилия, преследования веры, освободить узников. Трудное положение советской власти вынуждает ее смягчить свою антицерковную политику. Циркуляр народного комиссара юстиции от декабря 1918 года перечисляет то, чего больше не следует делать, но что было повсеместной практикой: запрещается самовольное закрытие церквей, конфискация для революционных нужд объектов культа, арест священнослужителей, обыски во время службы, посылка священников на трудовые и так далее. Местным советам предлагается не оскорблять религиозных чувств верующих.⁷⁶

Смягчение борьбы с церковью было очень кратковременным. В марте 1919 года наркомюст предлагает местным властям „раз-

вернуть борьбу с суевериями”: открыть святыни и, проведя инвентаризацию, подвергнуть мощи экспертизе. Популярнейший „разоблачитель религии” Мих. Горев⁷⁷ описал вскрытие мощей Сергия Радонежского в Троице-Сергиевской лавре в 1919 году: „Верующие” уже не плачут, не делают истерических выкриков и даже не злобятся на Советскую власть. Они понимают, что никакого кощунства, ни тем более „посягательства на святыню” не совершено”.⁷⁸

Патриарх Тихон в период гражданской войны воздерживается от поддержки одной из сторон: он предоставляет автономию епископам, епархии которых оказались под властью белых, но отказывается поддержать авторитетом церкви белых.

Голод 1921 года используется для нанесения жестокого удара по церкви. В августе патриарх Тихон обращается к главам христианских церквей с призывом помочь голодающим. Создается Церковный комитет помощи голодающим и в церквях ведется сбор даяний. Правительство не признает церковного комитета и распускает его. Е. Кускова, вспоминая „могучую энергию” патриарха, „поднявшего на дело спасения всю верующую Россию и за границу”, считает, что эта энергия очень напугала большевиков, в глазах которых „проявление его и нашей энергии было лишь организацией контрреволюции”.⁷⁹

19 февраля 1922 года патриарх предложил епархиальным советам передать в фонд помощи голодающим церковные ценности, за исключением священных предметов. 26 февраля правительственным декретом конфисковались все церковные ценности, включая священные предметы. Верующие пытаются воспрепятствовать конфискации. В течение первых трех месяцев выполнения декрета было зарегистрировано 1414 кровавых инцидентов — столкновений верующих с войсками.⁸⁰ Соппротивление верующих Шуи, во время которого было убито 4 и ранено 10 человек, немедленно используется Лениным для составления строго секретного инструктивного письма, адресованного членам Политбюро. „Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать”.⁸¹ Ленин дает указания: арестовать как можно больше „представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства”, провести показательный процесс, расстрелять „очень большое число”.⁸² Во время процесса, организованного в Москве в апреле-мае 1922 года, 11 обвиняемых были приговорены к смертной казни. В отношении пятерых приговор был приведен в исполнение. В качестве свидетеля, а затем и обвиняемого, был привлечен патриарх Тихон. Он был помещен под домашний арест и лишен возможности исполнять свои функции. На процессе в Петро-

граде (июль 1922 года) судили 86 человек. К смерти было приговорено 10 обвиняемых, казнено четверо, в том числе митрополит Вениамин. В общей сложности в 1922 году было казнено 8100 священников, монахов и монашенок.⁸³

Не перестает вестись и „антирелигиозная работа”, в частности продолжается разоблачение суеверия. В газетах появляются сообщения „разоблачительного” характера: „Петроград. 2 августа следователем по важным делам, в присутствии духовенства и экспертов, профессоров Петроградского медицинского института, было произведено вскрытие мощей Александра Невского. Вместо мощей в раке оказались кусочки костей, перемешанных с мусором”.⁸⁴

Борьбу с церковью значительно облегчил происшедший в ней раскол. Группа петроградских священников во главе с Александром Введенским, явившись к арестованному патриарху, потребовала передачи им патриархальной канцелярии, чтобы церковь „не осталась без всякого управления”. Патриарх передал свою власть митрополиту Агафангелу, находившемуся в Ярославле, а до его приезда поручил канцелярию А. Введенскому и его приверженцам. 18 мая 1922 года они совершают переворот, ликвидируют патриархат и объявляют о создании Высшего церковного управления. Рождается „Живая церковь”, которой „советская власть оказывает свою моральную, материальную и, в особенности, полицейскую, поддержку”.⁸⁵ На „Живую церковь” возлагаются большие надежды. Мне кажется, — говорил Г. Зиновьев А. Введенскому, что „ваша группа могла быть зачинателем большого движения в международном масштабе”.⁸⁶ Быть может, руководитель Коминтерна, участвовавший в 1921 году в учреждении Профинтерна, видел в будущем возможность создания церковного интернационала под руководством партии большевиков. Оказывая „Живой церкви” помощь, развертывая перед ее руководителями радужные перспективы, советская власть напоминала им и о другой стороне медали. Утверждение смелого приговора по отношению к 5 осужденным в московском процессе, — писал Мих. Горев, — „должно не только отрезвить горячие контрреволюционные поповские головы, но и преподать уроки элементарной политической азбуки новому Высшему церковному управлению”.⁸⁷ Л. Каменев, после петроградского процесса, подчеркивая „наивысшую снисходительность” ВЦИК, заменившего 6 обвиняемым „высшую меру долгосрочным заключением”, напомнил: „Нет, не может быть и не будет милости в отношении тех князей церкви, а также мирян, выходцев из архибуржуазной среды, которые ныне, прикрываясь организацией церкви, поднимают наиболее темные и развращенные элементы населения против рабоче-крестьянской власти”.⁸⁸

С первого дня революции Ленин видит в интеллигенции главного врага, ту силу, которая не хочет „подчиняться без долгих обсуждений” „личному авторитету одного человека” и одной партии. Борьба с той частью интеллигенции, которая была враждебна советской власти, в объяснениях не нуждалась. Преследования, которым подвергается нейтральная часть интеллигенции, объяснялись присущей ей гуманностью, добротой, рождавшей сочувствие к преследуемым. В ответ на письмо Горького по поводу массовых арестов в Петрограде Ленин излагает 15 ноября 1919 года свое кредо: „... В общем мера ареста кадетской (и околкадетской) публики была необходима и правильна... Неверные сердитые слова говорите Вы по какому поводу? По поводу того, что несколько десятков (или хотя бы даже сотен) кадетских и околкадетских господчиков посидит несколько дней в тюрьме для **предупреждения** заговоров...”⁸⁹ Три дня спустя Ленин почти дословно повторяет свою аргументацию — она была хорошо придумана — в письме М. Андреевой: „... Нельзя не арестовывать для предупреждения заговоров, **всей** кадетской и околкадетской публики. Она **способна** вся помогать заговорщикам. Преступно не арестовывать ее”.⁹⁰ Обращаясь к терминологии славянофилов, отличавших „народ” и „публику”, то есть интеллигенцию, Ленин обогащает словарь выражением „околкадетская”. Слово это позволяло не заботиться о партийной принадлежности арестованных, в ряды обвиняемых зачисляется вся русская интеллигенция. Как таковая. Отягощает вину многих арестованных интеллигентов то, что они до революции помогали большевикам: раз они такие добрые и помогли преследуемым раньше, кто может гарантировать, что они не будут этого делать теперь? Важнейшее открытие Ленина заключается в том, что он считает необходимым арестовывать — он подчеркивает: „нельзя не арестовывать”, „преступно не арестовывать” людей, которые „способны” помогать заговорщикам. Открытие вождя революции: необходимо арестовывать потенциально опасных людей. Очередной удар по интеллигенции наносится в августе 1922 года. 28 августа 1922 года *Известия* публикует одновременно постановление ВЦИК о роспуске Всероссийского комитета помощи голодающим и сенсационные материалы о раскрытии так называемой Петроградской боевой организации. По делу ПБО было арестовано „свыше 200 человек”.⁹¹ ВЧК соединила вместе группу кронштадтских моряков, группу морских офицеров и профессорскую группу. Есть все основания утверждать, что все „дело ПБО” является сфабрикованным от начала до конца. Даже советские историки не могут договориться в чем же была вина арестованных. Один говорит ясно и точно: „Петроградская боевая организация Таганцева под-

готовляла кровавый переворот к концу августа – началу сентября 1921 года”,⁹² другой ограничивается заявлением: „ПБО готовила заговор против Советской власти в 1921”, третий перечисляет подробно „преступления”: разрабатывали „проекты государственного и хозяйственного переустройства России, полагая, что свержение Советского правительства – вопрос лишь времени”,⁹³ „кадет Таганцев вынашивал идею создания „массовой базы”..., вошел в контакт с группой так называемых „уполномоченных собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда”.⁹⁴ В то время как профессора „идейно” направляли организацию, кронштадтские моряки совершили „террористический акт”: „разбойничья группа взорвала в Петрогдаре памятник В. Володарскому”.⁹⁵

Подготовка процесса и сам процесс проходили под личным руководством Ленина. После ареста значительной группы крупных русских ученых, деятелей культуры – географа проф. В. Н. Таганцева, химика проф. М. М. Тихвинского, профессоров Д. И. Шаховского, Н. И. Лазаревского, С. А. Ухтомского, В. М. Козловского, поэта Николая Гумилева⁹⁶ и многих других – перед Лениным ходатайствуют об их освобождении геологи, Русское физико-химическое общество. В числе расстрелянных, вместе с теми, кого называли „наиболее опасными”, „руководителями заговора”, были профессор Тихвинский и поэт Николай Гумилев. За них особенно ходатайствовали перед Лениным. За М. Тихвинского – ибо он был выдающимся химиком и старым большевиком, отошедшим от партии до революции, за Н. Гумилева – ибо он был одним из самых больших поэтов России.

После казней родились легенды о вмешательстве Ленина в пользу Тихвинского и Гумилева, о недошедших вовремя распоряжениях, о самоволии чекистов. С. Либерман рассказывает, что Л. Красин ужаснулся, узнав о расстреле проф. Тихвинского: „Они его убили вопреки обещанию Ленина, – воскликнул Красин. – Но ведь это невозможно! А, может быть, он все знал... и революция имеет свои непреложные законы? В таком случае, куда все это нас заведет? Ведь Владимир Ильич очень любил Тихвинского, был с ним на ты...”⁹⁷ Красин, хорошо зная Ленина, подозревал, что тот „все знал”. В опубликованной переписке Ленина есть его „резолюция” по делу М. Тихвинского: „Тихвинский не „случайно” арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга”.⁹⁸ На вопрос человека, пришедшего к Дзержинскому просить пощадить Гумилева: „Можно ли расстрелять одного из двух-трех лучших поэтов России?” председатель ВЧК ответил: „Можно ли делать исключение для поэта, расстреливая других?”⁹⁹

Химия не исключала контрреволюции, поэзия не исключала контрреволюции. Более того, они казались — и химия, и поэзия — контрреволюционными сами по себе. Наука, поэзия, интеллигенция — были контрреволюцией.

Процесс „Петроградской боевой организации” был последним большим процессом, организованным ВЧК. Декретом ВЦИК от 6 февраля 1922 года ВЧК и ее местные органы были „упразднены”, то есть их функции были переданы Государственному политическому управлению (ГПУ), созданному в составе народного комиссариата внутренних дел РСФСР. После создания СССР ГПУ превращается в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). „Два слога, страшные и патетичные для любого гражданина, пережившего годы революции, два слога, предшествовавшие „маме”, ибо ими пугали в колыбели, как некогда „букой”, и сопровождавшие несчастливцев даже после смерти, вплоть до выгребной ямы, два простейшие слога, которые запомнят не дано никому”,¹⁰⁰ эти два слога — ЧЕ-КА, были заменены тремя: ГЕ-ПЕ-У. Вскоре и эти три слога станут вызывать не меньший страх, чем прежние два. Назначение председателя ВЧК Ф. Дзержинского председателем ГПУ, потом ОГПУ, подчеркивало неизменность роли и характера Органов.

Процесс эсеров, начавшийся в июне 1922 года, был первым большим показательным процессом, организованным ГПУ. Для Горького, находившегося на Западе, процесс социалистов-революционеров представлялся актом борьбы с интеллигенцией. В письме Рыкову (Ленин скажет: „поганое письмо Горького”) М. Горький ставит процесс в ряд действий, направленных на „истребление интеллигенции в нашей безграмотной стране”. В дни, когда начался процесс эсеров, был утвержден приговор по делу „о сокрытии церковных ценностей”. Из обвиняемых по делу эсеров (все обвинения были связаны с их деятельностью до 1919 года, амнистированной 27 февраля 1919) к смертной казни было приговорено 12 человек, но „исполнение приговора” суд „приостановил”.

Политические процессы были лишь частью войны против интеллигенции, ожесточившейся в связи с тем, что, как констатировал ЦК: „... Выявились в первые месяцы 1922 г. оживление деятельности остатков старой буржуазной интеллигенции”.¹⁰¹ Это „оживление буржуазной идеологии” проявлялось в открытии — разрешенных законом — частных издательств, в возобновлении выпуска журналов *Былое*, *Голос минувшего*, *Экономист*, *Право и жизнь*.

„Вредные тенденции” обнаруживаются на съезде агрономов (март 1922 года): профессора-аграрники и экономисты выступают за „абстрактную надклассовую законность”; на съезде врачей: нарком-

здрав Семашко доносит Ленину, что врачи „восхваляли земскую медицину”, требовали демократию и право издавать собственный печатный орган. „Антисоветские партии, – говорит об этом периоде историк ВЧК–ГПУ, – действуя через интеллигенцию (профессуру, специалистов, литераторов), вели работу среди учащейся молодежи, мелкобуржуазных и обывательских элементов, создавали опорные пункты в высшей школе, в печати, литературных кругах, кооперации...”¹⁰²

В марте 1922 года Ленин пишет статью „О воинствующем материализме”, в которой „первенствующей обязанностью коммуниста” объявляет „систематическую, наступательную борьбу с буржуазной идеологией, с философской реакцией, со всеми видами идеализма и мистики”. В письме к председателю ГПУ Дзержинскому от 19 мая Ленин переводит философские термины на „разговорный” язык, он называет интеллигентов, „профессоров и писателей”: „явными контрреволюционерами, пособниками Антанты, шпионами, растлителями молодежи”.¹⁰³

„Профессоров и писателей” арестовывали, судили, расстреливали. Они умирали с голоду. „В истории Академии наук, – замечает исследователь, – было, кажется, три главных моровых полосы: 1918 – 1923; 1929 – 1931; 1936 – 1938”.¹⁰⁴ Особенность первой из них в том, что крупнейшие русские ученые умирали от голода и холода. Историк цитирует некрологи, публиковавшиеся в *Известиях Российской Академии Наук*. В некрологе по поводу смерти историка А. С. Лаппо-Данилевского, наступившей 7 февраля 1919 года, отмечается, что „с конца мая 1918 г. это уже седьмая жертва, вырванная смертью из среды действительных членов Академии”. Если учесть, что в это время Академия Наук насчитывала чуть больше 40 академиков, размеры катастрофы будут очевидны. Тем более, что ученые продолжали гибнуть. Умирает основатель гидро- и аэродинамики В. А. Жуковский, крупнейший востоковед Б. А. Тураев, выдающийся математик А. М. Ляпунов, замечательный языковед А. А. Шахматов, виднейший богослов И. С. Пальмов и многие другие. Подписанный Лениным в 1921 году декрет „о создании благоприятных условий для научной работы” академику Павлову имел целью спасти единственного русского лауреата Нобелевской премии, и еще больше подчеркивал трагическое положение русской науки.

19 мая в письме Дзержинскому Ленин предлагает „тщательно подготовить” новую репрессивную меру, направленную против интеллигенции: „высылку за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции”.¹⁰⁵

В мае 1922 года Ленин знакомится с проектами первого советского уголовного кодекса — УК РСФСР. Он настаивает на необходимости „открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание террора, его необходимость, его пределы. Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши”¹⁰⁶. Он настаивает на „расширении применения расстрела”, по отношению „ко всем видам деятельности меньшевиков, с.-р. и т. п.”¹⁰⁷. Но главный вклад вождя революции заключался в формулировке статьи о „пропаганде или агитации”. Ленин предлагает неизвестную ранее юридической науке формулу: „Пропаганда или агитация, объективно содействующая той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к насильственному ее свержению, путем или интервенции, или блокады, или шпионажа, или финансирования прессы и т. под. средствами, караются высшей мерой наказания, с заменой, в случае смягчающих вину обстоятельств, лишением свободы или высылкой за границу”¹⁰⁸.

Ленин вводит понятие „объективной помощи” международной буржуазии. Тем самым, пишет польский философ Лешек Колаковский, Ленин „заложил основы законодательства присущего тоталитарной системе, отличающегося от законодательства деспотической системы”¹⁰⁹. Характерная черта деспотизма — суровость законодательства, характерная черта тоталитаризма — фиктивность законодательства. Ленин включает в уголовный кодекс статью, наказывающую смертью (при отсутствии смягчающих обстоятельств) за высказывание взглядов, которые могут „объективно помогать” буржуазии. Это значит, что власть может убивать кого захочет, кто ей не нравится (или, применяя смягчающие обстоятельства ограничиваться тюрьмой, лагерем, высылкой). Следовательно — закон не существует, уголовный кодекс не существует.

Первым опытом применения новой формулы на практике была высылка из Советской республики большой группы ученых, литераторов, врачей, агрономов. 31 августа 1922 года *Правда* публикует сообщение, озаглавленное „Первое предостережение”. Констатируя, что „определенные слои буржуазной интеллигенции не примирились с советской властью”, орган ЦК перечисляет „опорные пункты” антисоветской деятельности: высшая школа, публицистика, художественная литература, философия, медицина, сельскохозяйственная наука, кооперация, а затем сообщает, что „по постановлению ГПУ” наиболее „активные контрреволюционные элементы” из среды

интеллигенции высылаются „в северные губернии, часть за границу”. Обозвав тех, кто „будет выброшен с территории РСФСР” „идеологическими врангелевцами и колчаковцами”, *Правда* подчеркивала, что высылка „является первым предостережением советской власти” по отношению к интеллигенции.

Профессиональный состав высланных („160 наиболее активных буржуазных идеологов”¹¹⁰) очень широк. В числе высланных — ректор Московского университета проф. Новиков (зоолог), ректор Петербургского университета проф. Карсавин (философ) значительная группа математиков во главе с деканом математического факультета МГУ проф. Страгоновым, экономисты — профессора Бруцкус, Зворыкин, Лодыженский, Прокопович, кооператоры А. Изюмов, В. Кудрявцев, А. Булатов, историки А. Кизеветтер, А. Флоровский, В. Мякотин, А. Боголепов, социолог Питирим Сорокин, члены Комитета помощи голодающим — Е. Кускова, М. Осоргин, В. Булгаков, профессора Велихов, Ясинский, Угримов. В сообщении ГПУ подчеркивалось: „среди высылаемых почти нет крупных имен”. В дополнение к перечисленным достаточно назвать высланных философов, чтобы убедиться в лживости утверждения: были высланы Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов, Н. Лосский, С. Булгаков, Ф. Степун, Б. Вышеславцев, И. Лапшин, И. Ильин, А. Изгоев, Е. Трубецкой.

На основании небольшого количества имеющихся документов и воспоминаний можно предположить, что Политбюро по инициативе Ленина приняло решение нанести удар по интеллигенции, наметило основные центры независимой мысли, которые предполагалось парализовать. Были названы некоторые имена (список философов был почти целиком составлен лично Лениным), а в остальном инициатива оставлялась ГПУ, влиятельным партийным деятелям и их приближенным, сводившим личные счеты. Проскрипционный список составлялся с учетом главной задачи: „предостеречь” интеллигенцию, изгнать главных смутьянов и напугать остальных. В связи с этим в список попадали те, за кем еще не было ничего замечено, и не попадали те, кого, казалось бы, следовало обязательно изгнать.

5. Смена вех

Высылка за границу была решением радикальным, но, по сравнению со смертными приговорами, выносимыми на публичных процессах, мерой „гуманной”. К тому же советское правительство не могло рискнуть в 1922 году расстрелять сто или двести виднейших пред-

ставителей русской интеллигенции. Это могло произвести за границей неблагоприятное впечатление. Малочисленность научных и культурных кадров, в которых государство нуждалось, казалась препятствием к резкому их сокращению путем массовых расстрелов. В июле 1921 года происходит событие, которое открывает коммунистической партии новые возможности в борьбе на идеологическом фронте. В Праге выходит сборник *Смена вех*, оформляющий „сменовеховство”, движение, начавшееся в Советском Союзе и активно поддержанное партией, а затем перекинувшееся в эмиграцию.

После Октябрьской революции Россию покинуло более миллиона ее граждан. Точная цифра эмигрантов неизвестна. Ленин говорил об „эмиграции, насчитывающей, вероятно, от 1,5 до 2 млн. человек”.¹¹¹ Зарубежный историк говорит примерно о миллионе эмигрантов.¹¹² Советский историк называет цифру — 860 тысяч эмигрантов.¹¹³ По данным Лиги Наций, опубликованным в 1926 году, из России после революции выехало 1 600 000 человек. Примерно четверть, покинувших родину, составляли офицеры и солдаты белых армий, в том числе около ста тысяч солдат и офицеров армии Врангеля, эвакуировавшихся из Крыма в Константинополь. Среди гражданских лиц были представители всех сословий и профессий, но преимущественно, что легко понять, те, кто считал советскую власть врагом, и те, кого она считала врагом. Значительный процент эмигрантов составляли представители интеллигенции. В эмиграции были представлены все русские партии: от крайне правых до крайне левых, от монархистов до социалистов-революционеров и анархистов. Политический состав эмиграции был убедительнейшим свидетельством ликвидации политической жизни в советской России. Все партии — за исключением РКП (б) — оказались в лагере противников советской власти, уйдя в этот лагерь добровольно, или будучи выброшенными партией-диктатором. Значительная часть эмиграции, рассеявшейся по всему свету (Чехословакия, Югославия, Болгария, Польша, Германия, Латвия, Франция, Китай), убеждена, что возвращение на родину дело короткого времени, что большевики вот-вот падут. Ее отношение к советской власти резко враждебное. Одновременно среди эмигрантов появляются пораженческие настроения, раздаются одинокие, робкие голоса: мы побеждены. Эти идеи находят поддержку в советской России. „Сменовеховство как течение среди старой интеллигенции возникло в Советской России примерно с 1918 года”,¹¹⁴ — отмечает советский историк. Есть немало сходного в политике советской власти по отношению к священникам, искавшим путей соглашения с государством и шедшим на раскол в церкви, и к интеллигенции, искавшей дорог к примирению с победителями.

Весной 1920 года после нападения Польши на советскую республику, реабилитируется патриотизм. Именно он становится базой, на которой начинает строиться концепция „сменовеховства”. Летом 1920 года известный юрист проф. Гредескул, один из бывших руководителей кадетской партии, отправляется в турне по стране. Он читает лекции, затем публикует цикл статей в *Известиях*. Он действует не только с полного согласия властей, но при их поддержке. Главный тезис Гредескула: „С каждым днем становится все виднее, что перед нами не тупик истории и не случайный ее эпизод, а большая, торная, светлая дорога, по которой идет исторический процесс, и на этот раз направляемый сознательными усилиями прозорливых деятелей, ведет нас к величайшему перелому во всей человеческой истории”¹¹⁵

Идея „сменовеховства” самопроизвольно и под влиянием Гредескула и его сторонников рождается в эмиграции. Редактор выпускаемой в Праге газеты *Славянская заря* Е. А. Ефимовский начинает весной 1920 года доказывать, что именно большевики защищают национальные и государственные русские интересы. Говоря в одной из своих статей о неизбежном, по его мнению, споре Европы с Советской Россией, он пишет: „В этом споре мы будем на стороне Советской России. Не потому, что она советская, а потому что она – Россия”¹¹⁶ В Париже Ю.В. Ключников читает пьесу *Единый куст*. Среди приглашенных „Бунин, Куприн, Толстой, Алданов, Илья Эренбург, недавно бежавший из Крыма, Ветлугин и автор настоящей хроники”¹¹⁷ Присутствующие согласны в оценке пьесы: скучна, как солдатское сукно – мнение Куприна, бездарна, как ржавый гвоздь – мнение А. Толстого. Но, утверждает Толстой, дело в идее, в руководящей мысли. Мысль пьесы заключалась в том, что „родина есть Единый куст, и все ветви его, даже те, которые растут вбок или в сторону, питаются одними и теми же живыми соками...” А. Толстой делает вывод: „Там в России веет суровым духом отказа, а здесь на Западе, одна гниль, безнадежный, узколобый материализм и полное разложение...”¹¹⁸

Осенью 1920 года в Харбине выходит сборник статей Н. Устрялова *В борьбе за Россию*. В этой книге содержится вся идеология „сменовеховства” и когда в июле 1921 года в Праге выйдет сборник *Смена вех*, который даст имя движению, в нем ничего существенно нового по сравнению со статьями из сборника Устрялова не будет.

Главный идеолог сменовеховского движения, талантливый публицист Николай Устрялов посвящает свою книгу „генералу А. А. Брусилову, мужественному и верному служителю Великой России в годину ее славы и в тяжкие дни страданий и несчастья”.

Поведение генерала Брусилова, призвавшего в дни польского наступления забыть „эгоистическое чувство классовой борьбы”, но помнить о „своем родном русском народе” и „своей Матушке-России”,¹¹⁹ кажется Устрялову образцом подлинного патриотизма. *В борьбе за Россию* прежде всего – предложение признать поражение белых армий, пойти в Каноссу. Более того, Н. Устрялов призывает Врангеля, который еще сопротивляется в Крыму, добровольно „обратиться”, то есть принять „иную веру” и приветствовать Брусилова.¹²⁰ Русская интеллигенция, – объясняет Устрялов свой призыв, – боролась против большевизма по многим основаниям, „но главным и центральным был в ее глазах мотив национальный”.¹²¹ Интеллигенция стала врагом революции потому, что она разрушала государство, разлагала армию, унижала отечество. По мнению Устрялова, борьба против большевиков не имела бы никакого смысла, ее бы и не было, если бы не национальные мотивы.

Поражения белых армий позволили Устрялову прозреть. Он признает, что ошибался – вместе с большей частью русской интеллигенции – в оценке большевизма. Новый взгляд Н. Устрялова на большевизм можно свести к трем пунктам. Первый – революция в России была национальной, ее корни уходят в славянофильство, чаадаевский пессимизм, герценовский революционный романтизм, писаревский утилитаризм; среди ее предков – Чернышевский, яacobинизм Ткачева, Достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеси Карамазова, русский марксизм 90-х годов, „руководимый теми, кого мы считаем теперь носителями подлинной русской идеи – Булгаковым, Бердяевым, Струве”,¹²² М. Горький, „соловьевцы” Андрей Белый и Александр Блок. Русская революция была революцией национальной и „развивалась через типичнейший русский бунт „бессмысленный и беспощадный”. Устрялов видит в ней некую „правду”, но полагает, что она свое сделала и пора ее „остановить”: только большевизм „при всех пороках своего тяжелого и мрачного быта” смог „подморозить”, по словам К. Леонтьева, „загнивающие воды революционного разлива”.¹²³

„Подморозив” революцию, советская власть приступила, по убеждению Устрялова, к выполнению национальных задач страны. И это второй пункт концепции Устрялова: большевики оказались не анархистами, как все боялись, а – государственниками, сторонниками и строителями сильного государства. Именно большевики, – утверждает Устрялов (и это третий пункт его программы), – „способны восстановить русское великодержавие”.¹²⁴ Восстановить русскую империю. Безоговорочный сторонник „Единой и Неделимой”, Устрялов убежден, что „большевистский централизм” лишь „внешне

окрашен демагогией „свободного самоопределения народов”.”¹²⁵ Именно в интересах русской империи необходимо, по мнению Устрялова, прекратить борьбу с большевизмом. Во имя империи осуждает он крестьянское движение, крестьянские мятежи, „погромную анархическую волну”, которая, в случае победы, может, по его словам, превратить „Великую Россию в месиво „освободившихся народностей с „независимой Сибирью” на востоке, „самостоятельной Украиной” и „свободным Кавказом” на юге, „Великой Польшей” и десятком „меньших” народностей на Западе”.”¹²⁶

Национальная функция русской революции настолько для Устрялова очевидна, что он категорически отвергает ее „инородческий” характер: „И если даже окажется математически доказанным, что девяносто процентов русских революционеров — инородцы, главным образом евреи, то это отнюдь не опровергнет чисто русского характера движения. Если к нему и прикладываются „чужие” руки, — душа у него, „нутро” его, худо-ли, хорошо-ли, все же истинно русское, — интеллигентское, преломленное сквозь психику народа”.”¹²⁷

Проницательность Н. Устрялова, увидевшего в ленинском государстве многие черты сталинского Советского Союза, увидевшего то, чего не видели многие из руководителей большевистской партии, объясняется убеждением идеолога сменовеховства в сходстве между русской и французской революциями. „Переход от состояния революции к нормальному государственному состоянию произойдет, — пишет он, — не вопреки и против революции, а через нее”.”¹²⁸ В России, по мысли Устрялова, повторится неизбежное: летом 1920 года ему видится приближение консулата, сражения с Польшей кажутся „Аркольским Мостом и Маренго”.”¹²⁹ А потом — Наполеон станет императором.

Метод исторических аналогий позволяет Н. Устрялову предвидеть некоторые черты рождающегося советского государства и одновременно приводит его к жесточайшим ошибкам. В революции он видит „обновляющую” животворную силу и глубоко верит, что, „гениально оживив традиции Белинского, она /революция/ заставит Россию с потрясающей силой пережить и правду Тютчева, Достоевского, Соловьева...”¹³⁰

В. Шульгин, заканчивая свою книгу о поражении белого движения, об исходе, утешает себя предположением, во многом совпадающим с мыслями Устрялова: „Наши идеи, — пишет В. Шульгин, — перебежав через фронт, покорили их /красных/ сознание... Допустим, что им, красным, только кажется, что они сражаются во славу Интернационала... На самом же деле хотя и бессознательно они льют кровь только для того, чтобы восстановить „Богохранимую Державу Рос-

сийскую”... Если это так, то это значит, что Белая мысль, прокравшись через фронт, покорила их подсознание... Мы заставили их красными руками делать белое дело... Мы победили... Белая мысль победила...”¹³¹

Сменовеховство рождается среди консервативной, правой части русской интеллигенции. Монархист Е. Ефимовский, сторонники Колчака Ю. Ключников и Н. Устрялов, монархист В. Шульгин, правый кадет Гредескул „меняют вехи”, придя к убеждению, что „красными руками” делается „русское дело”. Идеологи сменовеховства, люди правых убеждений, сторонники — как Н. Устрялов — Константина Леонтьева и Жозефа де Местра, принимают большевизм, ибо идеи свободы, волнующие левую интеллигенцию, кажутся им второстепенными.

Решение Десятого съезда перейти к новой экономической политике представляется сменовеховцам подтверждением их предвидений: „На наших глазах, — пишет Устрялов в ноябре 1921 года, — происходит то тактическое „перерождение большевизма”, которое нами упорно предсказывалось вот уже более полутора лет”.¹³² Для Устрялова и его сторонников нет сомнения: большевизм перерождается. В статье „Редиска” Устрялов утверждает, что Советская Россия — „извне — красная, внутри — белая”. Эту „редисочность” советского строя символизирует, по мнению идеолога сменовеховства, „красное знамя на Зимнем дворце и звуки *Интернационала* на кремлевской башне”.¹³³ Сменовеховцы берут на вооружение термин — „национал-большевизм”, появившийся в 1919 году в Германии. Национал-большевизм предлагается как идеология для русской интеллигенции после „ликвидации белого движения в его единственной серьезной и государственно-многообещающей форме (Колчак — Деникин)”.¹³⁴ Решающей ошибкой П. Б. Струве, возражавшего сторонникам национал-большевизма, является, по мнению Н. Устрялова, „смешивание большевизма с коммунизмом”. Большевизм, — считает он, — явление русское, коммунизм — интернациональное, России чуждое. Юрист и политический публицист Н. Устрялов рассуждает примерно так же, как рассуждал знахарь Егорка в романе Пильняка *Голый год*: „Говорю на собрании: нет никакого интернационала, а есть народная русская революция, бунт — и больше ничего. По образцу Степана Тимофеевича. — „А Карла Маркс?” — спрашивают. — Немец, говорю, а стало быть дурак. — „А Ленин?” — Ленин, говорю, из мужиков, большевик, а вы должно комунысты”.¹³⁵ Программа знахаря Егорки: коммунистов вон, большевики сами обойдутся — выражала надежды сменовеховцев.

Сменовеховцы надеялись — события, как им казалось, под-

тверждали эти надежды, — что революция приспособится к национальным интересам страны, сделает то, чего не смог сделать слабый царский режим.

„Идеология примиренчества, — утверждал Н. Устрялов, — прочно входит в историю русской революции”.¹³⁶ В начале 20-х годов „идеология примиренчества”, идеология сменовеховства была встречена в эмиграции резкой критикой, нередко негодованием, осуждением, как предательство. Идеология эта будет — в различных формах — разъедать эмиграцию. Несмотря на критику и осуждение она дает практические результаты. По официальным данным за 10 лет (1921 — 1931) репатрировалось, вернулось из эмиграции на родину 181432 человек, то есть 10 — 12% эмигрантов. Причем в 1921 году вернулось 121 843 человек.¹³⁷ То есть в первый год НЭПа и в первый год сменовеховства вернулось подавляющее большинство репатриантов. Но главное практическое значение сменовеховства для советской власти заключалось в другом: была расколота интеллигенция, та большая ее часть, которая либо активно выступала против Октябрьского переворота, либо пассивно его не принимала. Сменовеховство было „живой церковью” интеллигенции. В обоих случаях наряду с прямыми агентами государства действовали убежденные люди, верившие, что они действуют в интересах России, что кремлевские башни перевернут и выплунут красный флаг, на них развевающийся. „Красное знамя, — скажет Устрялов, — зацветает национальными цветами”.¹³⁸

Сборник *Смена вех* был восторженно встречен советской печатью. „Сущность всех статей сборника, — говорилось в статье „Психологический перелом”, помещенной в *Известиях*, — сводится к **приятию Октябрьской революции** и к отречению от всякой борьбы против ее результатов”.¹³⁹ *Известия* поражаются, „до чего людям, еще вчера с оружием в руках борющимся с трудовой Россией, удалось понять ее дух и историческое призвание”. *Правда*, приветствуя сменовеховцев, посвящает сборнику передовую статью „Знамение времени”.¹⁴⁰ Сборник перепечатывается советскими типографиями. О нем говорит Ленин. Троцкий в октябре 1921 года на Втором съезде политпросветов настаивает: „Нужно, чтобы в каждой губернии был хоть один экземпляр этой книжки *Смена вех*”. Сменовеховство обсуждается на Одиннадцатом съезде партии, на Двенадцатом съезде партии.

Сменовеховство используется прежде всего для разложения эмиграции: существование организованной и враждебной эмиграции советская власть будет долгие годы рассматривать как серьезную опасность. Борьба с эмиграцией будет вестись с помощью ГПУ и

с помощью идеологии. Создав провокационную „монархическую организацию Трест”, ГПУ с 1921 до 1927 года будет вести успешную игру, взрывая изнутри прежде всего монархические эмигрантские организации, и водя за нос иностранные разведки. Сменовеховские идеи проникали в широкие слои эмиграции, они станут потом важной частью идеологии „возвращенчества”, войдут составным элементом в „евразийство”.

Н. Устрялов был несколько сконфужен комплиментами *Правды* и в ответ на передовую „Знамение времени” писал, что авторы *Смены вех* отнюдь не являются „без пяти минут коммунистами”.¹⁴¹ Логика примирения с властью вынуждала, однако, сменовеховцев, веривших, что они смогут стать „оппозицией Его Величества”, партнерами в диалоге с большевиками, одобрять террор, одобрять высылку „людей мысли” из страны, приветствовать рождение ГПУ. ГПУ приветствовалось, ибо оно пришло на смену „знаменитой Чрезвычайки”. Террор приветствовался, ибо „нужно было страхом заморозить сердца, сковать волю врагов, воссоздать дисциплину в армии и в разнуздавшихся массах. Для этого все средства хороши и любые руки приемлемы”.¹⁴² Высылка оправдывалась, ибо „в настоящее время в России происходит чисто животный процесс восстановления органических государственных тканей. „Мозг страны” в этот период (по необходимости непродолжительный) не должен ни в какой мере мешать этому процессу”.¹⁴³

Быть может наиболее важным практическим результатом сменовеховства было создание идеологии для интеллигенции, остававшейся в стране, для бюрократического аппарата, разраставшегося с чудовищной быстротой. Вернувшись в 1922 году после болезни на работу, Ленин с ужасом обнаружил, что Совнарком, председателем которого он был, создал в его отсутствие 120 комиссий — по расчетам руководителя государства было достаточно 16 комиссий. Национализация промышленности, система разверстки (конфискации и распределения) вели к увеличению числа чиновников. Полная неподготовленность большинства из них вынуждала ставить на одно место по несколько человек: аппарат снова разбухал. В 1917 году в учреждениях работало около 1 миллиона чиновников, в 1921 году — 2,5 миллиона. На транспорте в 1913 году было занято 815 тысяч работников, в 1921 — 1 229 тысяч, хотя перевозки сократились в 5 раз. В 1913 году чиновники составляли 6,4% общего числа работающих, в 1920 году — 13,5%. В большинстве эти люди пошли работать в советские учреждения по необходимости, ради пайка. Сменовеховство дало им идеологические аргументы.

В сентябре 1922 года *Правда* опубликовала результаты „статисти-

ческого обследования”. Было опрошено 230 инженеров, работников советских учреждений и трестов. На вопрос: как вы относитесь к советской власти, 12 ответили: враждебно, 46: безразлично, 34 не дали ответа, 28 ответили: сочувственно, 110 назвали себя „сменовеховцами”. Если можно предположить, что среди не давших ответа были люди враждебно относившиеся к советской власти, подавляющее большинство „сменовеховцев” не оставляет сомнения. Ответ на второй вопрос позволяет понять причины успеха сменовеховских идей. На вопрос о перспективах советской республики не составили определенного мнения — 34, не ответили — 34; 68 ответили, что укрепление государственного капитализма приведет к победе коммунизма; 94 видели в будущем крах государственного капитализма и возвращение к прежним капиталистическим отношениям.¹⁴⁴ Именно так поняли они „послание” сменовеховцев: большевистское правительство восстановит сильную власть и самоустранится. Или трансформируется.

Приветствуя появление сменовеховства, используя его, Ленин не перестает твердить об опасности сменовеховской идеологии. Опасность проникновения „буржуазных” идей в марксизм (который через год станет ленинизмом) несомненно существовала.

Сменовеховство давало новую легитимность большевикам, захватившим власть, объявляя их подлинными наследниками русской истории. Сменовеховство оправдывало все методы управления, используемые новой властью. Отмечая седьмую годовщину Октября, Н. Устрялов не без одобрения отмечал: „Привольно гуляет по бескрайним русским равнинам доселе дремавший лозунг Константина Леонтьева: Нужно властвовать беззастенчиво”.¹⁴⁵

Сменовеховство, наконец, легитимизировало национальную политику большевиков. Однако, делало это слишком открыто, слишком „беззастенчиво”. Когда в *Смене вех* Устрялов писал: „Советское правительство естественно добивается скорейшего присоединения к „пролетарской революции” тех мелких государств, что подобно сыпи высыпали ныне на теле „бывшей Российской Империи”, это не могло не вызывать негодования коммунистов — представителей национальных меньшинств. На Одиннадцатом съезде партии украинец Н. Скрыпник требовал дать отпор сторонникам сменовеховцев в государственном аппарате: „Единая и неделимая Россия — бывший лозунг деникинцев и врангелевцев является в настоящее время лозунгом всех этих сменовеховцев. И профессор Устрялов является защитником этого лозунга”. На Двенадцатом съезде Сталин жаловался, что „великодержавные идеи сменовеховства просачиваются в партию”, подпадающую под гипноз „великорусского шовинизма”.

Проникновение „великодержавных идей сменовеховства” в госаппарат и в партию было в этот период — прежде всего с точки зрения Ленина — вредным. В 1921-22 году в партийном руководстве идут споры о форме будущего государственного устройства.

6. Союз нерушимый

После победы в гражданской войне возникает необходимость конституционного урегулирования отношений между советскими республиками. РСФСР занимала 92% территории, на которой жило 70% населения будущего союза советских республик. Остальную территорию занимали советские республики: Украина, Белоруссия, Азербайджан, Грузия, Армения, Дальневосточная Республика со столицей в Чите и две среднеазиатские „народные республики” — Хорезмская и Бухарская.

20 сентября 1920 года РСФСР и Азербайджан подписали договор, который стал примерной моделью для договоров между РСФСР и другими советскими республиками: стороны соглашались на тесный военный и финансово-экономический союз. В кратчайший срок подлежали объединению: военные силы и командование, органы, контролирующие экономику и внешнюю торговлю, органы снабжения, железнодорожный и водный транспорт, почта и телеграф, финансы. Азербайджан был наиболее слабой и бедной из советских республик. Украина самой сильной и самой настойчивой в отстаивании своих суверенных прав. Договор, заключенный с ней в декабре 1920 года, оставлял Украине значительно больше прав. Передав в ведение центрального правительства наркоматы по военно-морским делам, внешней торговли, финансов, труда, почты и телеграфа, и Высший совет народного хозяйства, Украинская советская республика сохранила ряд республиканских наркоматов. Она сохранила наркомат по иностранным делам и право вступать в дипломатические отношения с другими государствами.

Договора между советскими республиками и РСФСР создавали парадоксальную ситуацию: республики имели формальное право руководить своей внешней политикой и фактически лишены были права вести самостоятельно свою внутреннюю политику. Москва постоянно нарушала договора, бесцеремонно вмешиваясь во внутреннюю жизнь республик. Против этого вмешательства резко протестуют коммунисты Украины и Грузии. Непрерывные конфликты Москвы с Киевом и Тифлисом убедительно демонстрируют недостаточность системы двусторонних договоров между совет-

скими республиками. Выход советской России весной 1922 года на международную арену также требовал окончательного урегулирования отношений между центром и окраинами.

В августе 1922 года ЦК создает комиссию по выработке проекта новой советской конституции.

Единственным антисоветским национальным движением, неразбитым к концу гражданской войны, оставалось среднеазиатское басмачество. Оно оживилось после завоевания Красной армией Бухары в сентябре 1920 года, когда после короткого сотрудничества с коммунистами против них выступила партия младо-бухарцев. Осенью 1921 года в Туркестане появляется Энвер-паша, бывший лидер младотурецкого движения, бывший военный министр „кровавого султана” Абдул-Гамида. Как и другие лидеры младотурок, Энвер, после прихода к власти в Турции Мустафы Кемалю, объявляет себя сторонником коммунизма. Он готовит для конгресса народов Востока, собравшегося в сентябре 1920 года в Баку, меморандум, в котором предлагает свои услуги для борьбы с „западным империализмом”. Осенью 1921 году Энвер-паша направляется советскими властями в Среднюю Азию: используя свою популярность среди мусульман, он должен был помочь в борьбе с басмачами. Прибыв в Бухару, Энвер решает объединить под своим командованием все силы басмачей и выступить против советской власти. Одержав несколько побед над отрядами Красной армии, он посылает „ультиматум” Москве, требуя вывода советских войск из Туркестана, обещая „взамен” поддержку коммунистической деятельности на Ближнем Востоке. Смерть Энвера в бою в августе 1922 года, вражда между басмачами, политика реформ, которую проводит в 1922 году Туркестанское бюро ЦК (возвращение мусульманам вакуфных земель, разрешение открыть религиозные школы, признание шариата) способствовали в значительной степени ликвидации басмаческого движения.

Национальные движения в Советской России принимают после гражданской войны новую форму — коммунистического национализма.

Организационная структура коммунистической партии, ее принципиальный централизм требовали централизованного государства. В ответ на сетования украинца Н. Скрыпника о „сменовеховцах” в партии, мечтающих о „Единой и Неделимой России”, один из делегатов Одиннадцатого съезда крикнул: „Единая и Неделимая Партия”.

Единая и Неделимая Партия — так можно определить цель ее создателя Ленина. Партия, по мысли Ленина, должна выражать классовые интересы, но никак не национальные. Однако, после прихода

к власти, Российская коммунистическая партия неминуемо начала выражать прежде всего государственные интересы России. Ленин полагал, что Россия будет факелом, который зажжет мировой пожар. Но он хотел, чтобы факел этот был как можно больше и мощнее, чтобы гореть ярче.

Российская коммунистическая партия была партией многонациональной. Но ее национальный состав не отражал национального состава страны. В 1922 году в РКП(б) было всего 375 901 человек, в том числе русских 270409, они составляли 72% членов партии. Украинцев было 22 078, евреев 19 564, латышей 9 512, грузин 7 378, татар 6 534, поляков 5 649, белоруссов 5 534, киргизов 4 964, армян 3 828, немцев 2 217, узбеков 2 043, эстонцев 1 964, осетин 1 699, других 12 528.¹⁴⁶ В этой таблице бросается прежде всего абсолютное преобладание в партии русских, а затем значительное число евреев. Уравнение евреев в правах со всеми гражданами российской республики в феврале 1917 года, а затем их активное участие в революции и гражданской войне, как на стороне красных, так и на стороне белых, вызвало взрыв антисемитизма. Еврейские погромы были неотъемлемым элементом гражданской войны. Не менее 100 тысяч человек было убито во время погромов.

По национальному вопросу коммунисты – евреи, а также латыши, поляки, эстонцы – занимали позиции крайне централистские, были в числе наиболее активных защитников „Единой и Неделимой России”. Ленин отметит это, заявив, что „обрусевшие инородцы” (он имел в виду грузинов Сталина и Орджоникидзе и поляка Дзержинского), „всегда пересаливают по части истинно русского настроения”.¹⁴⁷

Противниками „великорусского шовинизма” в РКП становятся коммунисты советских республик. Причем сопротивление это тем сильнее, чем сильнее компартия республики. Украинская или грузинская коммунистическая партия вели себя как коммунистические партии, то есть требовали для себя полной власти.

Особенно резко выражал взгляды национал-коммунистов Николай Скрыпник, украинец по национальности, связанный с марксистским движением с 1897 года, в 1903 году присоединившийся к Ленину, с 1900 года живший в Петербурге и Сибири. В 1918 году Ленин настаивает на отъезде Скрыпника на Украину: „нам нужен не только украинец, а именно Скрыпник”,¹⁴⁸ – заявляет он. Ленин убежден, что старый большевик будет защищать взгляды Москвы, как против националистов, так и против нигилистов, вообще отрицавших существование национальностей. Н. Скрыпник оправдывает доверие Ленина: он работает в ЧК, потом в 1920 году занимает пост наркома

внутренних дел. В 1922 и 1923 годах он становится одним из наиболее острых критиков национальной политики партии, а в 1923 году выступает с критикой взглядов Сталина по национальному вопросу. На „Четвертом совещании ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей” Н. Скрыпник говорит о провале национальной программы коммунистической партии, отмечая прежде всего неспособность или нежелание помешать росту великорусского шовинизма в партийном и государственном аппарате.

„Султан-галиевщина”, которая обсуждалась на Четвертом совещании, была первым „национальным уклоном”, „разгромленным” партией.

Татарин по национальности, Султан-Галиев еще до Октябрьской революции примыкает к большевикам. В 1918 году он входит в состав коллегии народного комиссариата по делам национальностей, занимаясь в нем вопросами мусульманских народов, руководит Центральной мусульманской военной коллегией. Султан Галиев играет важную роль в осуществлении политики большевистской партии, искавшей пути привлечения на свою сторону мусульман. Он занимается подготовкой создания „Мусульманской Социалистической армии”, под „красные знамена” которой зовут вступать мусульман Ленин и Троцкий.

Султан-Галиев видит в Октябрьской революции возможность осуществления татарских национальных чаяний, он мечтает о создании Башкиро-Татарской республики, об объединении мусульманских народов России в могучее государство. Осенью 1919 года он публикует серию статей в *Жизни национальностей*, в которой излагает свой взгляд на мировую революцию: слабое звено капитализма не Запад, а Восток, именно на Восток должны направить свои усилия коммунисты; но восточные народы не имеют промышленного пролетариата, поэтому необходимо применять для пробуждения их революционного энтузиазма иные методы, чем на Западе; прежде всего следует использовать мусульманских коммунистов — с их помощью распространение коммунизма в странах Востока будет легко осуществлено.

Переход к НЭПу, распространение „сменовеховских” идей были для Султан-Галиева свидетельством краха его надежд. Он приходит к выводу, что „немецкая модель” марксистов непригодна для колониальных народов. В ряде статей татарский коммунист излагает мысли, которые долгие годы спустя найдут свое завершение в идеологии „мусульманского социализма”. Он выдвигает идею создания „колониального интернационала”, независимого от Коминтерна, основанного на базе союза рабочих и крестьян с мелкой националь-

ной буржуазией, с использованием даже прогрессивных элементов крупной буржуазии. Султан-Галиев наметил 5 этапов осуществления своих идей: создание коммунистического мусульманского государства на средней Волге; включение в него сначала всех тюркских, а потом всех мусульманских народов России; создание сначала Азиатского, потом Колониального интернационала; установление политической гегемонии колониальных и полуколониальных стран над промышленными метрополиями.

Весной 1923 года Султан-Галиев был арестован. Впервые в спор между коммунистами включаются Органы, впервые видный партийный работник был арестован за свои взгляды. В июне 1923 года на совещании с работниками национальных республик и областей Сталин, объясняя причины ареста бывшего своего помощника по наркомнацу, говорил о перехваченных ГПУ секретных письмах Султан-Галиева.¹⁴⁹ Освобожденный после первого ареста, снова арестованный в 1928 году Султан-Галиев погибает в 30-е годы, не оставив ни даты, ни места гибели. Термин „султан-галиевщина” берется на вооружение борцами с националистической опасностью и используется в качестве одного из пунктов обвинения в московских процессах 1936 – 38 годов. Формула обвинения была готова еще с 1923 года. В 1934 году на Первом съезде советских писателей ее не забыл вспомнить Кави Наджми: „Султан-галиевцы, пытавшиеся использовать советскую систему в контрреволюционных буржуазных целях... защищали идею объединения всех тюркских и татарских народностей в одну большую мусульманскую империю, которая опиралась бы на штыки империалистов...”¹⁵⁰ Тот факт, что Султан-Галиев хотел использовать „мусульманскую империю” для борьбы с империализмом, обвинителей не смущал.

Арест Султан-Галиева и осуждение „султан-галиевщины” были своего рода реваншем Сталина за поражение, которое он потерпел в борьбе вокруг проекта конституции. Подготовленный комиссией под председательством Сталина „Проект резолюции о взаимоотношениях РСФСР с независимыми республиками” в первом пункте гласил: „Признать целесообразным заключение договора между советскими республиками Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Армении и РСФСР о формальном вступлении первых в состав РСФСР, оставив вопрос о Бухаре, Хорезме и ДРВ открытым...”¹⁵¹ Этот проект, известный как проект „автономизации” предлагал советским республикам стать частью РСФСР.

Ленин категорически воспротивился проекту „автономизации”. Он видел в грубом, неприкрытом нарушении национальной политики партии, ее главного принципа – права наций на самоопределение,

источник серьезных конфликтов, которые могли лишь ослабить советскую республику. 6 октября 1922 года ЦК утверждает переработанный по указаниям Ленина проект резолюции „О взаимоотношениях суверенных союзных республик”. Ее первый пункт гласил: „Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских Республик и РСФСР об объединении их в „Союз Социалистических Советских Республик” с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава Союза...”¹⁵²

Ленинский план „федерализации” одержал победу над сталинской „автономизацией”. Правда, Сталину удалось нейтрализовать кавказские республики, прежде всего Грузию, создав Закавказскую Федерацию, во главе которой было поставлено Забюро партии, а его секретарем назначен С. Орджоникидзе — завоеватель Грузии и близкий друг Сталина.

Обсуждение решений пленума ЦК в республиках показало, что и план „федерализации” не всюду встречает поддержку как не обеспечивающий подлинного суверенитета. При разработке конституции СССР резолюция ЦК подверглась критике. Как пишет советский юрист: „... против ленинских принципов советской федерации повели бешеную атаку подлые враги социализма: троцкисты, бухаринцы, буржуазные националисты и их агенты. Пробравшись в руководящие органы республик, они в составленных ими буржуазно-националистических „проектах” союзной Конституции, так называемых „украинском” и „белорусском,” пытались ликвидировать сложившееся прочное федеративное государство... Подло прикрываясь флагом борьбы за государственный суверенитет союзных республик, авторы „украинского” проекта домогались сохранения за союзными республиками чрезвычайно широких полномочий: права внешних сношений, ратификации международных договоров республик, самостоятельного руководства вооруженными силами, внешней торговли”.¹⁵³ Поскольку в 1922 – 1923 годах „подлые враги социализма” Бухарин, Троцкий и руководители республиканских компартий, которые лишь через десять лет будут объявлены „буржуазными националистами и их агентами”, входили в число вождей РКП(б), гневная тирада советского юриста свидетельствует о том, что принятие Конституции СССР было сопряжено для ее авторов с трудностями.

В апреле 1923 года на Двенадцатом съезде партии в последний раз свободно обсуждался национальный вопрос. Больной Ленин готовился к выступлению на съезде и к резкому осуждению действий Сталина и его подручных. Поведение Орджоникидзе в Грузии,

где посланник ЦК РКП (б), не найдя убедительных аргументов, избил члена ЦК грузинской компартии, было для Ленина свидетельством партийного кризиса в национальном вопросе. Не желая понять подлинной причины неудачи национальной политики коммунистической партии – характера государства, в котором самодержавная власть принадлежит партии, построенной по принципу диктаторского централизма, Ленин объясняет конфликты „происками классового врага”, засорением государственного аппарата „буржуазным элементом”. Меры, которые Ленин собирался предложить на Двенадцатом съезде, заключались в усилении партийного контроля над аппаратом (хотя бушевавший в Грузии Орджоникидзе был как раз представителем „партконтроля”), введения „правил поведения” для коммунистов, работавших в национальных районах и т. п. Все эти меры были направлены непосредственно против Сталина. Болезнь Ленина помешала ему выступить на съезде. Все материалы по национальному вопросу он передал Троцкому, предложив ему выступить против Сталина в защиту грузинских коммунистов, с изложением взглядов Ленина.

Троцкий выступить на съезде не решился. Национальную политику Сталина серьезной критике подверг Х. Раковский, один из ближайших друзей Троцкого. Национальный вопрос, – предупреждал Раковский, – в случае непринятия необходимых мер, грозит гражданской войной. Сталину ничего не стоило опровергнуть аргументы всех тех, кто критиковал его политику: и тех, кто выступал на съезде, и отсутствовавшего Ленина. Как всегда, Сталин выступал с позиций марксиста – он защищал сильное, централизованное государство, ведущую роль партии во всех областях жизни, он указывал, что политической базой пролетарской диктатуры должны быть прежде всего центральные промышленные районы, а не окраины с их крестьянским населением, то есть РСФСР, а не национальные республики. Все свои аргументы Сталин подкрепил многочисленными цитатами из Ленина. Оспаривая утверждение Ленина, что лучше пересолить в поблажках национальным меньшинствам, чем недосолить, Сталин справедливо указывал, что пересаливать – нехорошо.

6 июля 1923 года ВЦИК формально одобрил Конституцию СССР, а 31 января 1924 года, через 10 дней после смерти Ленина, она была утверждена Вторым съездом Советов.

В сентябре 1924 года Хорезмская Народная Советская Республика и Бухарская Народная Советская Республика „самоликвидировались” и „вошли” в состав Узбекской, Туркменской и Таджикской республик. А еще раньше в ноябре 1922 года „самоликвидировалась” Дальневосточная Республика, вошедшая в РСФСР.

Конституция СССР начала действовать. Еще в 1919 году Зиновьев коротко и точно сформулировал принципы советской национальной политики, принципы советского государства: „Мы не можем обойтись без азербайджанской нефти, без туркестанского хлопка. Мы берем эти продукты, которые нам необходимы, но не так как брали старые эксплуататоры, а как старшие братья, несущие факел цивилизации”.

„Мы не можем обойтись”, „мы берем”, „нам необходимы” — местоимение обозначало Коммунистическую партию, которая, как старший брат, заменила старых эксплуататоров. Чтобы нести „факел цивилизации”. Советской цивилизации.

7. „Кафтан Ленина”

25 мая 1922 года Ленин тяжело заболевает: паралич правой половины тела, потеря речи. Только 2 октября он начинает постепенно возвращаться к делам. Ленин еще не подозревает, что это — первый звонок. В декабре 1922 года новый приступ болезни окончательно выводит его из строя. До 9 марта 1923 года, когда третий удар превратит вождя революции в живой труп, который будет умирать еще 11 месяцев, Ленин может лишь думать, диктовать по несколько минут в день свои мысли, и надеяться, что его советы будут приняты учениками и соратниками.

Последние 80 сознательных дней в жизни Ленина проходят в отчаянной попытке создателя партии и государства найти рецепты на излечение тяжелых болезней партии и государства, которые он видит, лишь заболев сам. А когда неизбежность приближающейся смерти станет для него очевидной, Ленин дает свой последний совет — как заменить его во главе партии и государства.

Борьба за „кафтан Ленина”, походящему в то время выражению, началась сразу же после заболевания вождя. Структура руководящих органов партии ограничивала число претендентов. Формально верховным органом партии был съезд, созывавшийся в первые после-революционные годы (до 1927 года) ежегодно, в промежутках между съездами партией руководил ЦК, в 1919 году впервые было избрано Политбюро, которое сосредотачивает в своих руках власть в партии. Одновременно существует секретариат, ведающий текущими делами в Оргбюро, занимающемся организационными вопросами.

3 апреля 1922 года, после Одиннадцатого съезда, членами Политбюро были избраны Ленин, Каменев, Троцкий, Сталин, Зиновьев, Рыков, Томский. Кандидатами: Бухарин, Молотов, Калинин. Самому

молодому из них Н. Бухарину было тогда 34 года, Сталину и Троцкому по 43 года. Умиравшему Ленину исполнилось 52 года. Н. Асеев приветствовал Октябрь стихами: „Да здравствует революция, свергшая власть стариков”. „Свергнутые старики” вовсе не были стариками – молод был еще век, руководители же РКП(б) были людьми среднего возраста, верившими в свою долгую жизнь.

Круг лиц, претендующих на „кафтан” или часть его, определяет сам Ленин в „Письме к съезду”, которое он диктует с 23 по 25 декабря 1922 года.¹⁵⁴ „Я советовал бы очень, – пишет Ленин в письме, которое называют его „завещанием”, – предпринять на этом съезде /то есть на Двенадцатом съезде, *М.Г.*/ ряд перемен в нашем политическом строе”. Переменной „политического строя” в партии Ленин считает („в первую голову я ставлю”) „увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни...” Центральный комитет, избранный на Одиннадцатом съезде, состоял из 27 членов и 19 кандидатов, если к ним добавить Комиссию контроля, состоявшую из 5 членов и 2 кандидатов, в общей сложности это составляло 53 человека – то есть „несколько десятков”. Увеличение до „сотни членов” увеличило бы состав ЦК вдвое. Увеличение ЦК должно было – по совету Ленина – произойти за счет рабочих-коммунистов. О них Ленин писал несколько раньше: „Разве знает каждый рабочий, как управлять государством? Практические люди знают, что это сказки”¹⁵⁵

Расширение ЦК должно было „поднять авторитет ЦК”, „улучшить наш аппарат”. Если учесть, что Ленин рекомендовал избрать в ЦК „рабочих от станка”, то есть людей совершенно незнакомых с практикой руководящей работы, становится очевидной бессмысленность совета, который виделся, возможно, его автору как некое чудесное средство.

Чудо должно было изменить „политический строй” партии. Ленин хорошо знал, что он является фактическим руководителем партии. Он старался руководить „как дирижер” и избегал применять жесткие репрессивные меры против товарищей по партии. В случае необходимости, во время возникавших споров, он использовал в качестве оружия свой авторитет создателя партии, вождя, совершившего революцию вопреки мнению соратников, подтвердившего свою прозорливость подписанием Брестского договора. На Девятом съезде (март – апрель 1920 года) группа старых большевиков выступила с требованием расширения демократии в партии. „Демократические централисты”, децисты, упрекали Ленина в том, что „всем распоряжается маленькая кучка партолигархии”, что ЦК установил „бюрократический централизм”. Ленин возражает, теорети-

чески обосновывая необходимость единоличной диктатуры: „Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре несколько не противоречит, волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим”. Ленин говорит на Девятом съезде о будущем, о социалистическом централизме. Отчаяние, в котором он пребывал в последние недели своей сознательной жизни заключалось в том, что он видит несколько кандидатов в диктаторы. Борьба между ними чревата расколом в партии. А этого Ленин, который сам всегда решительно шел на раскол, если не все беспрекословно следовали за ним, очень боялся, он опасался губительных последствий раскола после своей смерти.

В „завещании” Ленин дает характеристики шести членов ЦК. Собакевич, знакомя Чичикова с жителями губернского города, охарактеризовал их коротко: „один в городе порядочный человек, прокурор, да и тот свинья”. По этому бессмертному образцу оценивает Ленин „выдающихся членов ЦК”.

Прежде всего Ленин говорит о „двух выдающихся вождах современного ЦК”, о Сталине и Троцком. В столкновении этих потенциальных диктаторов видит он „большую половину опасности раскола”.

Товарищ Сталин, — пишет Ленин, — „сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью”. С другой стороны „тов. Троцкий... отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезвычайно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела”. Затем следуют ближайшие товарищи Ленина по эмиграции: Зиновьев и Каменев. И тут он многозначительно замечает, что „октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкого”. Дальше „несколько слов” говорит автор „завещания” — „Письма съезду” о двух молодых членах ЦК — Бухарине и Пятакове, называя их „самыми выдающимися силами (из самых молодых сил)”. Бухарин „не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским...” Пятаков „человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе”.

Через десять дней Ленин диктует добавление к „Письму”: „Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим: более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризен и т. д.”¹⁵⁶

Мысль Ленина очевидна: ни один из „выдающихся членов ЦК” недостойн, ибо неспособен быть „диктатором”, единолично управлять партией. Двух „выдающихся вождей” — Сталина и Троцкого — Ленин дисквалифицирует, пугая членов ЦК тем, что один уже „сосредоточил в своих руках необъятную власть” и вряд ли сумеет „достаточно осторожно ею пользоваться”, другой — самоуверен и чрезмерно увлекается „административной стороной дела”: память о расстреле комиссара Пантелеева жила среди старых большевиков. К тому же, не забывает припомнить автор „Письма”, у Троцкого небольшие вистское прошлое. Впрочем, добавляет он, не нужно этого ставить „ему в вину лично”, как и „октябрьский эпизод” Зиновьева и Каменева, то есть их сопротивление Октябрьскому перевороту. Неизвестно, что имел в виду Ленин, говоря, что ненужно этого „ставить им в вину”, но вождь Октябрьской революции никому ничего не забывал. Объявив Бухарина „крупнейшим теоретиком партии”, Ленин немедленно добавляет, что его взгляды „не вполне марксистские”, что несомненно является недостатком для крупнейшего теоретика марксистской партии. Несмотря на „выдающиеся способности” Пятакова, „в серьезном политическом вопросе” на него нельзя положиться — опять противоречие, которого Ленин не решает.

„Письмо к съезду” не было прочитано на Двенадцатом съезде, хотя руководители делегаций с ним познакомились. Потом возникла легенда, что Сталин скрыл „письмо”, не допустил его оглашения. Ленинское „завещание” стало, действительно, довольно скоро криминальным документом, хранение которого каралось тюрьмой и лагерем. Нет, однако, сомнения, что никто из „выдающихся членов ЦК” в нем упомянутых, его публикации не желал. До 1927 года, когда „Письмо съезду” было опубликовано в США Максом Истменом, а во Франции Борисом Сувариним, Троцкий отрицал его существование.

Содержание „завещания” не оставляет сомнения: Ленин настоятельно рекомендует заменить себя коллегиальным руководством. Только в этом случае пороки каждого из членов руководства смогут

компенсироваться имеющимися у них достоинствами. Впрочем, достоинств не так уж много. Но никого кроме себя вождь партии винить не мог: он вырастил и воспитал тех, кто шел ему на смену, отбрасывая по дороге всех тех, кто проявлял хотя бы минимальную самостоятельность.

В 1920 году, на Девятом съезде, Осинский, говоря о грозящей партии диктатуре, называет трех потенциальных кандидатов в диктаторы: Ленина, Троцкого, Сталина. В годы революции и гражданской войны советская власть в глазах ее сторонников и противников определялась двумя именами — Ленина и Троцкого. Председатель Петроградского совета, руководитель Октябрьского переворота, нарком иностранных дел, подписывавший пламенные радиовоззвания „Все, всем, всем” с призывом к мировой революции, первый представитель Нового Мира, ведший переговоры с империалистами в Брест-Литовске, организатор Красной армии, блестящий оратор — Лев Троцкий считался многими естественным кандидатом в наследники Ленина. Считал себя таковым и он сам. Эта убежденность была одной из главных причин его поражения в начавшейся схватке за кафтан Ленина. В пассиве Троцкого были: его позднее вступление в большевистскую партию (июль 1917 года), его многолетние споры с Лениным, его еврейское происхождение, его твердая убежденность в законном праве наследовать Ленину. Генеральный секретарь ЦК, член Политбюро, член Оргбюро, нарком по делам национальностей, нарком Рабоче-Крестьянской инспекции Иосиф Сталин был знаком лишь узкому кругу партийных руководителей и военных работников, он редко выступал на собраниях и митингах, его статьи не отличались блеском, свойственным профессионалам пера, его не вспоминает Джон Рид в своей хронике октябрьских дней. Но когда в начале 1918 года Ленин, которому надоели бесконечные дискуссии в ЦК, добивается создания Бюро ЦК „для решения экстренных вопросов”, в Бюро входят — Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов. Сталин входит и в редколлегию *Правды* — вместе с Троцким, Бухариным, Сокольниковым. Ему полностью доверяет Ленин и снисходительно терпит все капризы Сталина, который, не стесняясь, и сознавая свое значение, ведет себя как примадонна. И когда на Одиннадцатом съезде партии Преображенский, перечислив обязанности Сталина, усомнится в том, чтобы один человек мог успешно справляться с необъятной работой в Политбюро, Оргбюро, наркоматах, комиссиях ЦК, Ленин немедленно выступает в защиту Сталина. Ленин говорит о незаменимости Сталина в наркомнаце. И в Рабкрине: „Дело гигантское. Но для того, чтобы уметь обращаться с проверкой, нужно, чтобы во главе стоял человек с авторитетом...” После этого съезда Ленин

предлагает Сталина на пост генерального секретаря ЦК, чтобы через 8 месяцев, как бы забыв обо всем, сетовать на „необъятную власть”, которую сосредоточил в своих руках Сталин, „сделавшись” генсеком. Вдруг председатель Совнаркома обнаруживает пороки в деятельности Рабкрина, а в Сталине видит главный источник чудовищно разрастающейся бюрократии.

Сталин не „сделался” генсеком. Им его сделал Ленин – его постоянный покровитель, учитель и образец. Борис Суварин рассказывает, что когда Виктор Адлер, подшучивая над Плехановым, упрекнул его: „Ленин ваш сын”, Плеханов немедленно возразил: „Если он мой сын, то – незаконный”. Суварин добавляет: „Ленин мог бы сказать то же самое о Сталине”.¹⁵⁷ Если вопрос: был ли Ленин законным или незаконным сыном Плеханова и Маркса – продолжает вызывать споры среди философов, историков и специалистов по брачному праву, вопрос: был ли Сталин сыном Ленина – вызывает все меньше и меньше споров. Вряд ли можно сегодня сомневаться и в законности сына-Сталина. Он был не только законным, но и единственным сыном Ленина. То, что в конце жизни отец обиделся на сына и даже попробовал лишить его наследства – случай нередкий.

Называют множество причин, объясняющих приход Сталина к власти. Главная среди этих причин – Сталин был законным наследником Ленина. Таким воспринимало его большинство партии. Это, как говорят логики, было необходимо, но этого было еще недостаточно. В книге Джона Макдональда *Стратегия в покере, бизнесе и войне* в качестве примера блестящей стратегии приводятся действия Сталина в годы борьбы за власть. Автор книги замечает: „Этим людям /то есть участникам борьбы, М.Г./ больше всего на свете была нужна хотя бы примитивная информация о теории игр, но обладал ею только один человек”. Вряд ли можно подозревать товарища Сталина в том, что он знал теорию игр. Но в борьбе с Троцким он вел себя, как человек, желающий завоевать власть, а его противник, как человек, ожидающий, что ему преподнесут власть, ибо он больше других ее заслужил.

Сталин прежде всего подчеркивал, что он власти не хочет и заключив союз с двумя другими претендентами – Зиновьевым и Каменевым – предоставил им роль старших партнеров в триумvirате. Троцкий делает все, чтобы восстановить против себя всех, кто не был его верным союзником. В борьбе Цезаря с Помпеем первый действовал по принципу: кто не против меня, тот за меня, второй по принципу: кто не за меня, тот против меня. Сталин подражает Цезарю, Троцкий – Помпею. Большевики, глядевшие в зеркало

Французской революции, в надежде угадать будущее, видели а наркомвоенморе и председателе Реввоенсовета Троцком естественного кандидата в Бонапарты. Зная об этом, Троцкий пишет в брошюре *Уроки Октября*, которую он издает после смерти Ленина: „Робеспьер не успел ознакомиться с плехановской идеей, нарушал все законы социологии, и, вместо того, чтобы обмениваться с жирондистами рукопожатиями, рубил им головы”.¹⁵⁸ Троцкий не только совершал непоправимую ошибку, угрожая эшафотом, не имея возможности им воспользоваться, он напал на Зиновьева и Каменева, напомнив об их октябрьских грехах. Пословица гласит: в доме повешенного не говорят о веревке. Станислав Ежи Лец добавлял: „А в доме палача?” Заговорив о поведении Зиновьева и Каменева в октябре 1917 года, Троцкий как бы вынудил триумвиров начать „разоблачение” антибольшевистского прошлого героя Октября.

8 октября 1923 года Троцкий обращается с письмом в ЦК. Письмо это Троцкий подписал только сам — он боялся обвинений в организации фракции. Через неделю, однако, в ЦК поступает „Заявление 46”, в котором развиваются тезисы Троцкого. В числе „подписантов” были Преображенский, Пятаков, Антонов-Овсеенко, В. Косиор, Осинский и другие. В обоих письмах резко критикуется политика „большинства Политбюро”.

Первая часть „Заявления 46” констатировала острый экономический кризис в стране: забастовки, растущую безработицу, остановку многих предприятий, нерентабельность большинства заводов тяжелой промышленности. Вину за катастрофическое положение экономики „подписанты” возлагали на „фракцию большинства в Политбюро”. Вторая часть констатировала кризис в партии: „Мы наблюдаем все более прогрессирующее, уже ничем не прикрытое разделение партии на секретарскую иерархию и „мирян”, на профессиональных партийных функционеров, выбираемых сверху, и на партийную массу, не участвующую в партийной жизни”.¹⁵⁹ „Заявление 46” развивало аргументацию письма Троцкого, называвшего причиной кризиса в партии практику назначения секретарей в местные организации — „назначенство”.

Троцкий и его товарищи были совершенно правы. Система „назначенства” стала важнейшим инструментом завоевания Сталиным власти. Но не он ее придумал. Он ее усовершенствовал и сумел ею воспользоваться. Автор *Сталина* Борис Суварин, анализируя структуру партийного аппарата, называет двумя главными инструментами центральной власти: секретариат ЦК, действовавший совместно с Оргбюро, и комиссии центрального и местного контроля, созданные в 1920 году для регистрации „жалоб” на аппарат, и очень

быстро превратившиеся в орудие борьбы с критикой и поддержания строгой дисциплины. Значение секретариата было связано с тем, что в его ведении находились вопросы кадров и контроль за деятельностью местных организаций. В 1920 году при секретариате был создан Учетно-Распределительный отдел (Учраспред), первоначально занимавшийся организацией партийных мобилизаций: он назначал местным организациям квоту при объявлении партийных мобилизаций. После окончания гражданской войны практика мобилизаций прекратилась, Учраспред взял в свои руки распределение партийных постов. Член партии находился в полном распоряжении ЦК, после гражданской войны это стало значить — в распоряжении Учраспреда. К началу 1923 года в его ведении находились все партийные посты, включая уездные. На Двенадцатом съезде, в 1923 году, в докладе о деятельности Учраспреда говорилось, что в 1922 году он направил на работу более 10 тысяч человек, в том числе около половины составляли „ответственные работники”.¹⁶⁰ Съезд партии выбирал ЦК, который выбирал Политбюро, Оргбюро и Секретариат. Секретариат, один из его отделов — Учраспред, подбирал губернских и уездных секретарей партийных комитетов, которые подбирали делегатов на съезд, выбиравший секретариат. В 1923 году эта система — секретариат сам себя выбирает — действовала безотказно: Сталин держал партийную машину в своих руках.

Троцкий и его соратники справедливо критиковали „назначенство”, как орудие в руках „большинства Политбюро” (они не называли членов этого большинства), но таким образом они критиковали систему, созданную при Ленине, нарушая заветы Ленина. А главное — критиковали систему, созданную с их согласия, при их соучастии. Они выступили против этой системы, против режима, развившегося, по их словам, после Десятого съезда, тогда, когда она стала действовать против них. Ведя ожесточенные споры по многим вопросам троцкисты и их противники сходились в одном, решающем. Согласие по этому вопросу не оставляет сомнения в том, что борьба между Сталиным и Троцким, в конечном счете, сводилась к борьбе за власть.

Все соглашались с тем, что вся жизнь в стране находится в руках партии. Речь шла именно о всей жизни в стране: конечно, политической, но также социальной, культурной, и, разумеется, экономической. Когда в 1918 году „спец” С. Либерман обнаружил безобразия в руководстве лесной промышленностью и обратился к Ленину с жалобами, председатель Совнаркома выслушал, согласился, но предупредил: „Исправление наших ошибок должно идти только сверху, а не от спецов. Поэтому, если у вас будут какие-

либо соображения, звоните мне, я сам буду вносить необходимые изменения”.¹⁶¹ В конце своей жизни Ленин скажет: „Мы должны знать и помнить, что вся юридическая и фактическая конституция Советской Республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу”. Принципом этим было — самодержавие партии. В первой половине 20-х годов лишь Г. Мясников и „Рабочая группа”, которую он создал из петроградских и уральских рабочих, выступали с необычными для коммунистов лозунгами. После Десятого съезда Г. Мясников отправил в ЦК письмо, в котором предлагал: „После того, как мы подавили сопротивление эксплуататоров и конституировались как единственная власть в стране, мы должны: провозгласить свободу слова и печати, которой не имел в мире еще никто — от монархистов до анархистов включительно”.¹⁶² Исключенный из партии и арестованный Г. Мясников, бежавший в 1928 году из Советского Союза, признавал, что остался в живых лишь потому, что в его „героическом прошлом” было убийство великого князя Михаила Романова.

16 января 1924 года, за 5 дней до смерти Ленина, начала работать Тринадцатая партконференция, решившая предать гласности полностью резолюцию „О единстве партии”, проведенную Лениным на Десятом съезде. Конференция напоминала всем, кто критиковал „большинство Политбюро”, что они воюют с ленинскими идеями. В мае 1924 года на Тринадцатом съезде, первом после смерти Ленина, Троцкий еще раз подтверждает, что вся его прошлая и будущая оппозиция Сталину, была борьбой за власть: „Я никогда, — говорит он, — не признавал и не признаю свободы партийных группировок, ибо группировка есть в данных исторических условиях только другое наименование фракции”. Троцкий произносит слова, ставшие смертным приговором всем тем, кто критиковал Сталина с позиции „истинных ленинцев”: „Партия в последнем счете всегда права, потому что партия есть единственный исторический инструмент, данный пролетариату... Я знаю, что быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию, ибо других путей для реализации правоты история не создала”.

Если партия всегда права, если нельзя против нее выступать, если нет сомнений в том, что только она осуществляет миссию, возложенную на нее историей — остается одно: попытаться захватить в этой партии власть. Югославский режиссер Душан Макавеев, поставивший пьесу об убийстве Троцкого, заставляет героя Октября произносить зловещие слова: „Партия в последнем счете всегда права” — с ледорубом в голове, уже будучи убитым агентом Вождя, олицетворявшего Партию. Трудно лучше представить трагическую слепоту человека,

верившего, что он познал законы истории.

21 января 1924 года Ленин умирает. Траурные торжества Сталин организует по своему. Несмотря на протесты многих старых большевиков и вдовы Ленина, тело его бальзамируют и помещают в стеклянный гроб в деревянный мавзолей, установленный на Красной площади. 30 января Крупская просит в *Правде* не выражать траур по Ленину в форме „внешнего поклонения его личности”, просит не ставить ему памятников, не называть его именем городов, не устраивать траурных митингов. „Если вы хотите почтить имя Владимира Ильича, стройте ясли, детские сады, дома, школы и так далее”, — просила вдова. Поступают наоборот: организуются митинги, паломничества в мавзолей, Петроград переименовывается в Ленинград, кроме того появляются Ленино, Ленинск, Ульяновск и т. п. Обожествление Ленина необходимо прежде всего наследникам: каждый из них старается урвать себе кусочек нимба Вождя. Наследники чувствуют себя младшими богами: наряду с Ленинградом и многочисленными Ленино появляются Зиновьевск, Троцк, Сталинград. Впрочем, Сталин действует, главным образом, за кулисами, выдвинув вперед, не скрывающего своей жажды власти, Зиновьева. 26 января в Колонном зале дома союзов Сталин выступает скромно, четвертым, а его речь, которую десятки лет будут заучивать школьники под названием „Клятва”, *Правда* публикует лишь небольшими отрывками.

Похороны Ленина убедительно подтвердили, что Сталин является выдающимся учеником Вождя революции: Политбюро, поместив тело Ленина в мавзолей, превратив его в мощи, передало, одновременно, мозг Учителя для научного анализа. Изучение мозга Ленина было поручено немецкому профессору Фогту, который вскоре обнаружил там „важные особенности в строении так называемых пирамидальных клеток третьего слоя”.¹⁶³ Популярная литература того времени сообщала, что в этих особенностях мозга Ленина „находят объяснение те гениальные мысли, та гениальная тактика, которые проявлялись Лениным на самых трудных этапах революции, когда многие теряли и почву под ногами, и перспективу”.¹⁶⁴ Обожествление Вождя происходило в полном соответствии с учением Маркса: Мавзолей был духовной надстройкой, а пирамидальные клетки третьего слоя в мозгу Ленина — материальным базисом.

8. Годы ожидания

Салтыков-Щедрин рассказывает, что при одном из губернаторов жители города Глухова весной отмечали праздник по случаю бедствий минувших, осенью они праздновали в предчувствии бедствий

грядущих. Для граждан советской республики годы с 1923 по 1926 были временем надежд и ожиданий, это была — несмотря на многочисленные проявления недовольства в разных районах страны — одна из самых спокойных эпох в советской истории. Страна выздоравливала, приходила в себя, с ужасом вспоминая минувшие годы бедствий, оплакивая миллионы смертей, надеясь на будущее.

В одном из редких дневников, сохранившихся с 20-х годов, 17 декабря 1923 года была сделана запись: „У нас изменилась политика: разрешена свободная торговля; театры, трамваи, печать и т. д. стали платными. Но Ленин сохранил в России оазис социализма — учреждения и их служащие, предоставив другим жить капиталистически. Насколько можно предугадать, вторая стадия нашей революции пройдет в соревновании и борьбе двух начал: социалистического и капиталистического”.¹⁶⁵

„Капиталистически” начала жить прежде всего деревня. Возвращение к нормальной жизни шло не без труда: в 1923 году промышленные предприятия, охваченные жадной прибылью резко поднимают цены на свои товары. Возникают, по выражению Троцкого, „ножницы” между ценами на промышленные и сельскохозяйственные товары. В 1924 году эти „ножницы” закрываются: партия бросает лозунг „лицом к деревне”; смычка рабочих и крестьян объявляется основой государственной политики. Посевная площадь достигает 80% довоенной. Бухарин призывает крестьян: „Обогащайтесь, развивайте свои участки, не бойтесь рестрикций”. Сталин в праздничный день 7 ноября 1925 года объявляет: „Теперь задача состоит в том, чтобы установить прочный союз со средним крестьянством...”

Восстанавливается и промышленность, хотя это, естественно, происходит медленнее, чем восстановление сельского хозяйства. Принцип материальной заинтересованности, введенный в промышленности, создание производственных объединений, получавших капиталистическое название — „тресты”, и ведущих работу на началах хозрасчета с целью извлечения прибыли, способствуют быстрому восстановлению предприятий. Особенно быстро развивается мелкая промышленность, обслуживающая крестьян — она не нуждается в крупных капиталовложениях, быстро возвращает вложения. Развивается фабрично-заводская промышленность, удовлетворяющая нужды потребителей, выпуская предметы ширпотреба. Расширение рынка способствует быстрому восстановлению и развитию этой промышленной группы. Медленно восстанавливаются предприятия тяжелой промышленности.

Оборотной стороной восстановления промышленности на основе принципа прибыли была безработица. В октябре 1921 года было

150 тысяч безработных, а в начале 1924 года — 1 240 тысяч. Рост безработицы был связан не только с увольнением лишних рабочих предприятиями, заботившимися о повышении прибыли, но и с миграцией крестьян в города. Одновременно с безработицей ощущалась острая нехватка квалифицированной рабочей силы.

Требования повышения производительности труда, которая „добивалась путем интенсификации труда рабочего и лишь в малой степени путем улучшения техники организации производства или улучшения технического оборудования предприятия”,¹⁶⁶ вызывали активное недовольство рабочих. Тем более, что повышение производительности труда не сопровождалось повышением зарплаты. Весной 1925 года в крупных промышленных центрах, в том числе в Москве и Иваново, проходит волна рабочих забастовок с требованием повышения заработной платы. В 1925 году нарком финансов Сокольников признает, что „на восьмом году советской власти” заработная плата в металлургии, на шахтах и железных дорогах достигла довоенного уровня.

Средняя заработная плата в 1925 г. составляла 40 червонцев. М. Ларсонс сообщает, что в 1923 г. нарком получал (кроме квартиры) 210 червонцев.¹⁶⁷ М. Шагинян приводит бюджет работницы ткачихи с ленинградской фабрики „Красный ткач”. Ее заработок составлял 43 червонца. За месяц она израсходовала: пудра — 1 руб., гребенка — 2 руб., пиво, папиросы, журналы, газета, починка обуви — 3 руб., два раза была в бане, один раз в театре — 1 руб., пять раз в кино — 2 руб. 80 коп.; обед: щи или суп, макароны, завтрак: чай, ситный. Куплено на 85 руб.: пальто, шуба, сапоги, ботинки, 6 смен белья, платки, косынки.¹⁶⁸ Обследователь бюджетов тульских рабочих дает такие примеры: семья чернорабочего оружейного завода, заработок по низкому 3 разряду, семья состоит из 5 человек — двое взрослых, трое детей. „Вследствие плохого питания дети бледны, вид у них нездоровый. В течение месяца только отец, который часто болеет, и младший сын, получали белый хлеб и в небольшом количестве молоко, вообще же питание семьи плохое: мяса за три месяца потреблено 6 фунтов, сахару 2 фунта, да и черный хлеб потреблялся в весьма недостаточном количестве: менее 5 фунтов в день на пять человек. За весь год ничего не приобреталось из хозяйственных вещей, а также из одежды и обуви, за исключением 1,5 м. ситца на рубашку учащемуся мальчику”. Соседняя семья рабочего, получающего по высокому 7 разряду, „состоит из 6 человек — 2 взрослых и 4 детей. Тяжелое положение и скудность питания объясняются не столько недостаточным заработком главы семьи, сколько многосемейностью и полнейшим отсутствием одежды и обуви”.¹⁶⁹

Введение НЭПа вызвало к жизни – нэпманов, „новую буржуазию”, социальную группу, лежавшую как бы за пределами советского общества: они не имели права голоса, не могли быть членами профсоюза, их дети не могли учиться в вузах. Их существование было результатом поворота в советской политике и они хорошо понимали, что завтра или послезавтра другой поворот подпишет им смертный приговор. Новая экономическая политика нуждалась в нэпманах, но питала к ним отвращение. Частных дельцов не оставляет чувство временности, чувство жизни на вулкане. Поэтому в частную деятельность бросаются прежде всего авантюристы, спекулянты, надеющиеся как можно быстрее сорвать куш, израсходовать его и – скрыться от недремлющего ока ГПУ. Враждебность советской системы частной инициативе, но также и нежелание частников вкладывать капиталы в промышленность (предприятие долговременное), вела к тому, что на протяжении всего периода НЭПа доля частной промышленности в валовой продукции всей промышленности была незначительной. В 1925 году она составляла 3,8%.¹⁷⁰ Значительно более важную роль играли частники в торговле. Перепись 1923 года показала, что оптовая торговля находилась на 77% у государства, на 8% у кооперативов, на 14% в частных руках, а розничная: у государства 7%, у кооперации 10%, у частников 83%.¹⁷¹

Присутствие в советском общественном организме чужеродного капиталистического тела создает особую атмосферу НЭПа: с громкими процессами взяточников, соблазняющих коммунистических аскетов роскошной жизнью, с шикарными ресторанами и игорными домами, доход от которых идет на помощь беспризорным детям, с легендами о благородном налетчике Леньке Пантелееве, бывшем моряке-революционере, грабящем нэпманов. Нэпманов делают виновными в деморализации коммунистов, в массовом распространении алкоголизма. Вопрос: разрешить или не разрешить производство алкоголя в стране светлого будущего вызвал долгие споры среди большевиков. До революции они беспощадно критиковали „пьяный бюджет” царского правительства. Теперь предстояло либо оставить, введенный Николаем II в начале первой мировой войны „сухой закон”, либо отменить его. Аргументом сторонников водочной монополии было широкое распространение самогонки и невозможность иным образом получить крупные средства. А. Микоян, приехавший в 1920 году в Нижний, слышит от Молотова, что в губернии „среди партийцев немало случаев морального разложения, злоупотребляют спиртными напитками”. Микоян замечает: „Тогда в стране были полностью запрещены производство и продажа алкогольных напитков”.¹⁷² В 1922 году *Правда* публикует громогласное

заявление: „Это не пройдет”. Старый большевик А. Яковлев безжалостно критикует проф. И. Озерова, который предложил восстановить казенную продажу водки, обещая 250 млн. золотых рублей в год в казну. Цену проф. Озеров назначил в 15 рублей ведро, двойную против дореволюционной. „Советская власть, — заверяет А. Яковлев, — которая существует для народа и его хозяйства, не говоря о прочем, не может становиться на этот губительный путь уже по одному тому, что в погоне за вилами писанными или даже верными 250 миллионами, народное хозяйство понесет такие убытки, такие разрушения, которые никакими миллиардами не оплатятся. Это не пройдет!”¹⁷³ Рядовые члены партии и ЦК были против восстановления спиртовой монополии, но Политбюро настаивает на ее введении. Споры продолжались еще в 1924 году. Сталин прекратил их, внося в пленум ЦК заявление (подписанное еще шестью членами ЦК), в котором торжественно заявлял, что Ленин ему (и шести другим подписантам) говорил о необходимости ввести водочную монополию летом и осенью 1922 года. Тем самым Сталин аннулировал „более ранние заявления Ленина по этому вопросу”, имевшиеся в его сочинениях. В 1927 году Сталин вспоминал минувшие споры: „Что лучше: кабала заграничного капитала, или введение водки, — так стоял вопрос перед нами. Ясно, что мы остановились на водке, ибо считали и продолжаем считать, что, если нам, ради победы пролетариата и крестьянства, предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела”.¹⁷⁴ Монополия, введенная в январе 1923 г. была компромиссом: выпущенная водка имела половину своей „нормальной” крепости — 20°. Ее немедленно стали называть „рыковкой”, чествуя таким образом имя заместителя председателя Совнаркома Рыкова, подписавшего указ и не чуравшегося рюмки.

А. Сольц, „совесть партии”, объяснял: „Когда окружающая жизнь тяжела, когда нет сил и надежды ее изменить, то является желание вообразить ее, представить ее себе иной; для этого надо усыпить разум, утихомирить силу критики. Это и достигается алкоголем. Выпьешь — все горести забудешь, все трудности исчезнут, все неприятности улетучатся”.¹⁷⁵ Не исключено, что в этом объяснении действия алкоголя, звучащем, как великолепная реклама, была вторая причина, кроме желания получить доход, неустанного увеличения производства водки. По первоначальному плану на 1929—30 г., предполагалось выпустить 41 миллион ведер, но план был увеличен еще на 5 миллионов ведер.¹⁷⁶ К этому времени „горести, трудности и неприятности” возросли тысячекратно.

„В 1927 году, — подводил прокурор И. Кондурушкин итоги

НЭПа, — мы имеем: 1) восстановленную промышленность с довоенным размером производства; 2) восстановленный транспорт, работающий без перебоя; 3) твердую валюту; восстановленный и организованный рабочий класс (на 300 тысяч больше, чем в 1922 году); 5) восстановленную посевную площадь и сельское хозяйство”.¹⁷⁷

Экономические успехи политики, начатой в марте 1921 года, были несомненными. Она позволила восстановить народное хозяйство страны, вернуть его — в основном — к довоенному состоянию. Но не возвращение к довоенному состоянию было целью большевистской партии, взявшей власть в России. Партия совершила революцию, ибо хотела строить новое общество, нового человека.

„Годы ожидания”, период между концом гражданской войны и началом сталинской революции, были временем штурма старого общества, которое подвергается атакам со всех сторон.

Первым советским кодексом был кодекс о семье и браке, принятый 18 сентября 1918 года. Его задачей было „революционизирование” семьи. Четыре главных положения делали кодекс — для своего времени — революционным: признавался только гражданский брак (церковный отменялся); для заключения брака не требовалось ничье согласие; развод становился свободным: если его требует одна сторона — разводит суд, если две — ЗАГС; ликвидируется категория незаконорожденных детей. „Революционизирование” семьи выражалось прежде всего в разрушении „старой”, „буржуазной морали”. Широкое распространение — как революционные и передовые — приобретают взгляды, излагаемые А. Коллонтай, видной деятельницей партии, наркомом социального обеспечения. Клара Цеткин рассказывает в своих воспоминаниях о том, как Ленин излагал ей взгляды А. Коллонтай: „Вы, конечно, знаете знаменитую теорию о том, что будто бы в коммунистическом обществе удовлетворить половые стремления и любовную потребность так же просто и незначительно, как выпить стакан воды”. Наша молодежь, — констатировал Ленин, — „от этой теории „стакана воды” взбесилась”.

Теория „стакана воды” распространялась в обществе, в котором семья понесла тяжелые ураны в течение непрерывных 7 лет войн и революций. По переписи 1897 года в России было 49,7% мужчин и 50,3% женщин — почти равное число. По переписи 1926 года в советской республике было на 5 млн. меньше мужчин, чем женщин. В этих условиях партия вела борьбу с „буржуазной” семьей. Ленин возмущался теориями „свободной любви” в разговорах с Кларой Цеткин, в письмах Инессе Арманд, стороннице этих теорий, но никогда не говорил об этом публично. Публично он провозглашал новую революционную мораль. Герой популярного в 20-е годы романа

о свободной любви твердо заявляет, почти дословно цитируя Ленина: „Комсомольская мораль существует, комсомольская мораль есть... Наша нравственность вполне подчинена интересам классовой борьбы пролетариата! Комсомольская нравственность это система, которая служит борьбе трудящегося против всякой эксплуатации. Что революции полезно, то нравственно, а что ей вредно, то безнравственно и нетерпимо”.¹⁷⁸

Мораль — оружие в классовой борьбе — твердят партийные теоретики. Е. Преображенский посвящает свою книгу о „моральных и классовых нормах большевизма” образцу большевистской морали — Ф. Дзержинскому. В 1926 г. в Ленинграде состоялся один из самых знаменитых уголовных процессов 20-х годов. Судили 15 молодых работников изнасиловавших в Чубаровском переулке девушку. Главный редактор *Ленинградской правды* Рафаил, председательствовавший во время суда, упрекал „чубаровцев” в пренебрежении „новой советской моралью”. Вам, наверное, — обвинял он молодого подсудимого, — больше нравится заграничная буржуазная мораль? — Я никогда не был за границей, — справедливо возражал насильник. — Вы можете ее знать по заграничным газетам, — настаивал председатель. — Я и советских-то не читаю, — отрезал „чубаровец”.¹⁷⁹ Все благородные качества „нового советского человека” объясняются уже в 1926 году советской моралью, все отрицательные — пережитками проклятого прошлого и „растленным влиянием Запада”.

Разложению семьи способствовала политика партии по отношению к детям. *Азбука коммунизма* Н. Бухарина — популярнейший учебник „нового человека” в 20-е годы — гласила: „Ребенок принадлежит обществу, в котором он родился, а не своим родителям”.¹⁸⁰ Видный юрист, один из создателей кодекса о семье и браке, выражался еще более четко: „Необходимо заменить семью коммунистической партией”.¹⁸¹

30 сентября 1918 года, почти одновременно с кодексом о семье — ВЦИК утверждает „Положение об единой трудовой школе РСФСР”. Школа революционизируется: из нее изгоняется все „устаревшее” — парты, уроки, задания на дом, учебники, отметки, экзамены. Отменяется плата за обучение, обучение становится совместным. При разработке модели новой советской школы используются наиболее передовые педагогические идеи русских педагогов, прежде всего Константина Венцеля, и западных, прежде всего американского философа Дьюи.

Новая советская школа — свободна и самоуправяема. Управление передается „школьному коллективу”, в состав которого входят ученики и все школьные работники — от учителей до сторожа.

Впрочем, само слово „учитель” было отброшено. Его заменяет „школьный работник” — „шкраб”.

В период гражданской войны государство не имело возможностей осуществить утопические планы построения новой школы. В конце 1923 года утверждается новая схема организации школы, которая теперь ориентируется на подготовку квалифицированных специалистов, имеющих классовое марксистское мировоззрение. В первый утопический период было достигнуто одно: сломлено сопротивление учителей против политизации школы. „Мы говорим, — заявил Ленин, — наше дело в области школьной есть также борьба за свержение буржуазии, мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики, есть ложь”. Главный лозунг второго периода в истории советской школы: без коммунизма нам не нужна грамотность. Поэтому „коммунизм” вводился даже в арифметику. В качестве примера на вычитание ученикам давали задачу: восстание парижского пролетариата с захватом власти произошло 18 марта 1871 года, а пала Парижская коммуна 22 мая того же года. Как долго она существовала? Политизации обучения помогало использование новых методов — комплексного, проектного. „В СССР, — говорится в *Малой советской энциклопедии*, — впервые в истории школа ставит одной из своих задач борьбу с религией, становится школой антирелигиозной”.¹⁸²

Новая школа открыто заявила, что обучение является классовой привилегией. В статье 26 Устава единой трудовой школы, утвержденного в 1923 году, говорилось: „Доступ в единую трудовую школу 1 и 2 ступени открыт для всех детей школьного возраста от 8 до 17 лет. В случае, когда развитие школьной сети не позволяет принять в школу всех детей, преимущество при приеме отдается детям трудящихся”. Дети при поступлении в школу должны знать свое социальное происхождение, и с первых дней обучения узнают, что люди делятся на высшую категорию — трудящихся, и низшую — нетрудящихся.

Классовая школа ставила своей задачей воспитание интернационалистов. В. Н. Шульгин, один из влиятельнейших педагогов-марксистов, формулировал цели школы: „Мы не призваны воспитывать русского ребенка, ребенка русского государства, а гражданина мира, интернационалиста, ребенка, который полностью понимает интересы рабочего класса и способен драться за мировую революцию... Мы воспитываем нашего ребенка не для защиты родины, а для всемирных идеалов”.¹⁸³ Воспитание в духе „всемирных идеалов” выражалось прежде всего в борьбе с национальными корнями. „Мы поняли чуть-чуть поздно, — самокритически признавался М. Н. По-

кровский на 1 конференции историков-марксистов, — что термин „русская история” есть термин контрреволюционный”. В школе преподается история революционного движения, гражданская история отменяется: начинается манипуляция памятью. Ведется, одновременно, борьба и с русской классической литературой. „Термины „русская литература”, „история русской литературы” не лишены еще прав гражданства в обиходе школьных программ, методических пособий и учебников”, — возмущается пролетарский критик.¹⁸⁴ Многие классические писатели изымаются из программ совершенно, другие изучаются в специальном соусе. Так, например, произведения Пушкина, Грибоедова и Лермонтова анализировались, как образец „литературного стиля русской аристократии эпохи нарастания торгово-промышленного капитализма”. Театральный цензор и театральный критик в одном лице О. Литовский одобрительно отзывался о постановке в МХАТ-1 инсценировки романа Л. Толстого *Воскресенье*: „Ф. Раскольников сделал все, чтобы выхолостить из пьесы всю реакционность толстовских философских концепций. И если, несмотря на остроту социальных ударений, найденную автором переделки, ему все же не удалось полностью вытравить толстовский дух, — то причина в „порочности” самого материала”.¹⁸⁵ Раскольников, со своей стороны, сделал все, что мог, улучшая Толстого.

Одним из наиболее трагических последствий военных и революционных лет была беспризорность. Сотни тысяч беспризорных детей, потерявших родителей во время бегства из фронтовых зон (в гражданскую войну фронтом была вся страна), в результате военных действий, становятся миллионами беспризорных во время голода 1921 года. По официальным данным в 1922 году в советской республике насчитывалось 7 миллионов беспризорных детей.¹⁸⁶ Разрушение семьи вело к увеличению числа бездомных детей. Н. Крупская признавала в 1925 году: „Я сама раньше писала о том, что беспризорность — наследие войны и разрухи, но понаблюдав беспризорных, вижу, что надо перестать так говорить, что надо сказать, что корни беспризорности не только в прошлом, но и в настоящем”.¹⁸⁷

В 1921 году, в разгар голода, ликвидируется, работавшая с 1918 года, общественная организация „Лига спасения детей”. В нее входили беспартийные общественные деятели, бывшие члены кадетской партии, эсеры и меньшевики. Народный комиссариат просвещения требует ликвидации Лиги спасения детей, ибо не может позволить спасать и воспитывать пролетарских детей „представителям буржуазии”. Организуется Комиссия по улучшению жизни детей, руководство которой вручается председателю ВЧК Дзержинскому. Забота о детях переходит в надежные руки „органов”.

Через два месяца после революции принимается закон, по которому все дела по обвинению детей и подростков до 17 лет передаются из ведения общих судов „на рассмотрение спецкомиссий по делам о несовершеннолетних, ставящих себе чисто педагогические и медицинские цели”. Несовершеннолетних запрещается называть преступниками, они – правонарушители. В 1920 году новый декрет разрешает спецкомиссиям передавать дела о несовершеннолетних старше 14 лет в суд.

Острая карательная политика становится одной из форм борьбы с беспризорностью: беспризорников сажают в тюрьмы, помещают в концлагери. Вторая форма – помещение беспризорников в детские дома, или в один из его видов – трудовую ремесленно-земледельческую колонию. Среди педагогов-коммунистов широкое распространение получает теория, гласящая, что именно беспризорники, дети без родителей, без семьи, могут стать великолепным материалом для выращивания нового советского человека. Многие из детских домов и колоний переходят в ведение ГПУ. Наконец, третья форма борьбы с беспризорностью – оставление их судьбе: нарушителей порядка судили, для кого находилось место в детских домах помещали туда на перевоспитание, остальных оставляли на улице.

К концу 20-х годов восстановление экономики страны, улучшение материального положения граждан ведет к сокращению числа беспризорных. Сталинская революция выбросит в 1930 году на улицу новые миллионы детей, потерявших родителей.

В числе главных задач, которые ставит себе советское правительство, была ликвидация безграмотности. В 1855 году в России было 93% неграмотных, в 1897 – примерно 77%. Американский ученый Дэниел Лернер доказал, на материалах 22 стран, наличие тесной связи между уровнем грамотности и урбанизацией. В середине 19-го века в России было только два города с населением более 100 тысяч. В начале 20-го века, когда Россия выходит по темпам промышленного развития на одно из первых мест в Европе, процент грамотных начинает быстро расти. В 1908 году правительство принимает закон об обязательном всеобщем начальном обучении. Рост уровня грамотности не ставится, однако, в заслугу царскому правительству.

Сразу же после Октябрьской революции, наряду с военным фронтом – против врагов, экономическим фронтом – против разрухи, открывается фронт борьбы с безграмотностью. Выдвигается лозунг: ликвидация безграмотности! Используется слово решительное, жестокое – из военного или полицейского словаря.

Задача состояла не столько в том, чтобы научить неграмотных читать и писать, сколько в том, чтобы научить их, через грамотность,

правильно думать. „Неграмотный человек, — четко излагает проблему Ленин, — стоит вне политики и поэтому должен выучить алфавит. Без этого не может быть политики”¹⁸⁸. Не менее ясно выражался педагог-коммунист В. Шульгин: Нужно ли бороться с безграмотностью? — Да, — отвечал, — но в первую очередь с политической безграмотностью. В букваре, выпущенном в годы гражданской войны, для обучения неграмотных, первые 13 страниц знакомили с буквами, на 14-ой шел рассказ о кулаках, буржуях и проклятом царском режиме.

Идеолог пролетарской культуры А. Богданов считал, что ликвидация безграмотности и образование народа будет происходить стихийным путем, внутренне саморегулируясь. Прямо противоположных взглядов придерживался Ленин. Декрет СНК „О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР”, подписанный 26 декабря 1919 г. Лениным, гласил в преамбуле: „В целях предоставления всему населению Республики возможности сознательного участия в политической жизни страны СНК постановил: Все население Республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать или писать, обязано обучаться грамоте...” Для неграмотных рабочий день сокращался на два часа, с сохранением зарплаты. Но, указывалось в § 8, „уклоняющиеся от установленных этим декретом повинностей ... привлекаются к уголовной ответственности”. Обучение грамоте становилось обязанностью, долгом, налогом, который требовало государство. Отказ от выполнения этой обязанности становился преступлением.

В 1926 году, когда была проведена первая при советской власти перепись населения, выяснилось, что „ликвидировали безграмотность” 5 миллионов человек. Это значило, что темпы обучения населения страны грамоте после революции, несмотря на пропагандистский шум и грозный декрет, оставались примерно такими же, как и до революции. Темпы эти значительно ускорятся в начале 30-х годов, но это будет связано с интенсивной индустриализацией и урбанизацией.

Пять миллионов научившихся читать и писать не были главным достижением шумной кампании по борьбе с безграмотностью. Важно было то, что внедрялось убеждение: во всех областях жизни лучшее средство — сила, внедрялось убеждение, что без принуждения государства граждане — даже для себя — ничего не сделают. И следовательно — за все нужно быть благодарным государству.

Полосу революционных преобразований в области семейного права завершает новый кодекс о семье и браке, принятый в 1926 году. Одинаково законным считается по новому кодексу и зарегистриро-

ванный и незарегистрированный брак. Заявление о прекращении брака мог делать один из членов семьи — муж или жена, даже не уведомляя другого. Заявления о разводе можно было делать в письменном виде: достаточно было послать открытку в ЗАГС. „Три рубля стоит сейчас развод, — писал в *Правде* М. Кольцов. — И больше никаких ни формальностей, ни бумаг, ни вызова, ни даже предварительного осведомления человека, с которым разводишься. Иногда даже на журнал подписаться труднее... За три рубля — почему не баловаться!”¹⁸⁹

Новый кодекс должен был окончательно разрушить семью, нанести ей смертельный удар, разорвать общественные связи, которые начали восстанавливаться в условиях НЭПа. Борьба с интеллигенцией, разрушение семьи, разрушение морали должны были очистить место для строительства нового общества. Государство, не чувствуя себя еще достаточно сильным, стремится порвать все связи между людьми, чтобы человек оставался один на один с государством. „Родительский авторитет? — Нет его, — констатирует старый большевик П. Лепешинский. — Авторитет религии? — Нет его. — Традиции? — Нет их. — Моральное чувство? — Но старая мораль умерла, а новая еще не родилась”.¹⁹⁰

Утверждения Лепешинского в середине 20-х годов выражали пожелания большевика и не отражали всю действительность. Деревня, а подавляющая часть населения жила в деревне, оставалась оплотом старых авторитетов, старой морали. Литература этого времени показывает, что „новая мораль”, прежде всего в форме „свободной любви”, проникает в деревню через комсомольские ячейки. Их влияние, однако, остается в этот период незначительным.

Не умирала религия, хотя идет ожесточенная борьба с ней. Разрушаются церкви, арестовываются священники, нарастает антирелигиозная пропаганда. С 1922 года работает издательство „Атеист”. С 1923 г. публикуется, выходящая раз в 5 дней, газета *Атеист* и ежемесячный журнал *Безбожник у станка*, публикующий карикатуры, напоминающие своей грубостью антисемитские карикатуры гитлеровских изданий. 7 февраля 1925 года Емельян Ярославский, руководитель антирелигиозной пропаганды в стране, основывает Союз воинствующих безбожников. Союз выпускает массовый журнал *Безбожник*, рассчитанный на пропагандистов.

Борьба с православной церковью облегчалась благодаря сохранившемуся в ней расколу и неурядицам в верхах патриаршей церкви. В декабре 1926 года был арестован Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митрополит Сергей, сосланы другие епископы. Освобожденный в марте 1927 года митрополит Сергей получает разреше-

ние на продолжение деятельности и в июле публикует „Декларацию”, которая, по словам историка „превращает церковь в активного союзника советского правительства”.¹⁹¹ Большинство клириков и верных, — продолжает историк, — „поняли, что этот грех был необходим для спасения церкви от смерти”. Епископы, сосланные на Соловки, не одобряя принцип „Декларации”, призвали сохранять единство церкви. Несмотря на „духовно-нравственную катастрофу Русской церкви”,¹⁹² религия продолжает оставаться преградой на пути к разрушению общества, к созданию „нового человека”. Религия продолжает оставаться традиционной моделью, существование которой рядом с новой моделью человека позволяет делать сравнения, выбирать. Но партия не складывает оружия. „Подали ли мы реакционное духовенство? — спрашивает товарищ Сталин в 1927 году. И отвечает: — Да, подавили. Беда только в том, что оно не вполне еще ликвидировано. Антирелигиозная пропаганда является тем средством, которое должно довести до конца дело ликвидации реакционного духовенства”.¹⁹³ Сталин объясняет положение американской рабочей делегации, но не добавляет, что кроме пропаганды, „дело ликвидации” ускорила активным вмешательством органов.

9. Эмиграция

В „годы ожидания” существует еще одна возможность сравнения: продолжает оставаться открытой форточка на Запад. С конца 1922 г. выезд за границу на определенный срок становится явлением распространенным: выезжают по делам инженеры, советские торговцы и нэпманы, но выезжают и писатели, артисты, ссылка за границу становится наказанием для опальных партийных деятелей. Запад был всегда для русских местом привлекательным и враждебным; в эти годы, однако, он становится значительно более свойским: там существует огромная колония эмигрантов. Поощрение советскими властями сменовеховских тенденций выражается в создании газеты *Накануне*, редакция которой находилась в Москве и Берлине, в разрешении советским писателям публиковать свои книги в Москве, Берлине, Праге, Риге. Встречи с эмигрантами прямо не запрещались и не карались после возвращения советских граждан на родину. Кинопрокатные организации, в поисках прибыли, охотно покупали заграничные боевики. И *Правда*, помещавшая на последней странице рекламные объявления о новых фильмах, тоже в поисках прибыли, не стеснялась печатать портреты Асты Нильсен и Мэри Пикфорд. Непременным аттракционом советских фильмов становятся сцены

буржуазного разложения на Западе, преимущественно в „эмигрантских кабаках”. И в театрах зрители с удовольствием созерцают как живет „разлагающаяся, но все еще прекрасная заграница”. Партийные деятели ведут оживленную полемику с эмигрантскими политиками, литературные критики пишут о книгах эмигрантских писателей. Тон полемики и критики грубый, злой, насмешливый, победители издеваются над побежденными. Но эмиграция остается в определенном смысле частью жизни советской республики: ее ругают, над ней издеваются, но ее побаиваются. В свою очередь эмиграция, жадно прислушиваясь ко всему, что происходит на родине, менялась под влиянием советских идей, но и влияла на советскую идеологию.

Эмиграция была верным отображением русской дореволюционной жизни с ее многочисленными политическими партиями, группировками, религиозными, философскими, литературными течениями. Революция и гражданская война, поражение и необходимость покинуть родину ожесточили взгляды, усилили непримиримость к противникам, укрепили догматизм. Один из важнейших уроков гражданской войны – поражение антибольшевистского лагеря в результате отсутствия внутри него единства – не был учтен. Оказавшись в эмиграции, политические деятели ведут борьбу прежде всего между собой, одна партия с другой.

Пример подает церковь. Осенью 1921 года в югославском городке Карловцы собирается Собор зарубежной церкви. Группа монархистов добивается провозглашения от лица собора „законного царя из Дома Романовых”. Часть присутствующих протестует, считая это „вмешательством в политику, не допустимым на церковном собрании”.¹⁹⁴ Патриарх Тихон в 1922 году осудил Карловацкий собор за политическую деятельность и передал власть в зарубежной церкви митрополиту Евлогию. Большинство эмигрантов считало, что церковь в изгнании должна быть связана с московской патриархией. В 1926–1927 годах происходит раскол: большинство епархий Западной Европы признает юрисдикцию митрополита Евлогия, епархии на Балканах, Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке переходят в юрисдикцию митрополита Антония, сторонника решений Карловацкого собора.

Распри раздирают монархическое движение: ведут борьбу две тенденции – абсолютистская и конституционная, и два претендента: Николай Николаевич – дядя Николая II и Кирилл Владимирович – внук Александра II, двоюродный брат последнего царя.

В августе 1922 года Кирилл Владимирович объявляет себя законным претендентом, большинство монархистов выбирают вождем Николая Николаевича, оставляя решение вопроса о троне на будущее,

после возвращения в Россию. Программа монархистов сводилась к необходимости вторжения в Россию новой добровольческой армии. Залогом успеха они считали финансовую и может быть военную помощь заграницы.

П. Н. Милюков, организатор и идеолог Республиканско-Демократического союза, категорически отвергал использование иностранной помощи: „Я не знаю как мы вернемся в Россию, — говорил он в 1925 году, — но я знаю, как мы не вернемся”,¹⁹⁵ имея в виду: не вернемся в обозе иностранной армии. В период НЭПа Милюков приходит к выводу, что в России эволюция произойдет в результате дальновидной политики советского правительства, вынужденного перейти от разрушения к реконструкции производственных сил страны. Лидер Республиканско-Демократического союза не предлагал программы действия, возлагая надежды на исторический процесс, который приведет к тому, что сам русский народ свергнет гнетущий его режим.

П. Б. Струве излагал идеи консервативного либерализма и подвергался нападкам слева и справа: для левых он был монархистом, который хотел реабилитировать царизм, для правых — либералом, да к тому же с марксистским прошлым. Его программа состояла в требовании сильного правительства, которое восстановит порядок в России и поставит своей главной задачей защиту собственности, соблюдая законные свободы народа.

Многочисленные левые партии (народные социалисты, социалисты-революционеры, социал-демократы, меньшевики, левые эсеры, анархисты) вели споры о пользе или вреде диктатуры партии или класса, о том, являются большевики социалистами, или нет. С 1921 года меньшевики издавали в Берлине газету *Социалистический вестник*, дававшую обильную информацию о Советском Союзе. Значение газеты было отмечено *Малой советской энциклопедией*, назвавшей *Социалистический Вестник* „усердным поставщиком клеветнических измышлений для буржуазной печати всего мира” (Москва, 1930).

Наряду с традиционными русскими партиями в эмиграции рождаются новые партии и движения.

В 1921 году в Софии выходит сборник статей *Исход к Востоку*, с подзаголовком „Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев”. В статьях Петра Савицкого, Г. Сувчинского, Н. С. Трубецкого, Георгия Флоровского были изложены основные пункты евразийства. „Мы чтим прошлое и настоящее западно-европейской культуры, но не ее мы видим в будущем”,¹⁹⁶ — говорится в предисловии *Исхода к Востоку*. Авторы „вместе с Герценом” чувствуют, что „ныне исто-

рия толкается именно в наши ворота”. В статье „Поворот к Востоку” проф. Савицкий констатировал: „Много ли найдется на Руси людей, в чьих жилах не течет хозарской или половецкой, татарской или башкирской крови?”¹⁹⁷ Россия „есть не только „Запад”, но и „Восток”, не только „Европа”, но и „Азия” и даже вовсе не Европа, но „Евразия”.”¹⁹⁸ Россия своей революцией, — пишут евразийцы, — раскрыла правду: „Эта правда есть: отвержение социализма и утверждение церкви”.¹⁹⁹ В качестве главной „мирской” идеи *Исход к Востоку* предлагает национализм. Они предупреждают, что не хотят заключать его „в узкие рамки национального шовинизма”.²⁰⁰ Идя дальше славянофилов, говоривших не только о русском народе, но о „славянстве”, евразийцы обращают свой национализм „к целому кругу народов „евразийского” мира, между которыми народ российский занимает срединное положение”.²⁰¹ В статье „Об истинном и ложном национализме” проф. Трубецкой доказывает, что „истинного национализма в послепетровской России еще не было”.²⁰² Те, кто называли себя „русскими националистами”, в действительности раболопно пытались подражать западным образцам: „так-де поступают немцы, а немцы — народ культурный”.²⁰³ Князь Трубецкой считает необходимым создать в России „истинный национализм, всецело построенный на самопознании и требующий во имя самопознания перестройки русской культуры в духе самобытности”.²⁰⁴

Евразийство, пережившее в 1929 году раскол, который станет началом заката движения, оплодотворило своими идеями целый ряд политических группировок русской эмиграции (не говоря о многих научных открытиях в истории, лингвистике, географии, были положены основы новой науке — кочевниковедению). Политические взгляды евразийцев, считавших, что, в силу своего национального духа и геополитического положения, Россия никогда не сможет стать демократией, привели часть из них в 30-е годы к сотрудничеству с советской властью.

В 1923 году в Мюнхене собрался „Всеобщий съезд национально мыслящей русской молодежи”. Съезд учредил союз „Молодая Россия”, председателем которого был избран А. Л. Казем-Бек. „Младороссы” (Союз впоследствии был преобразован в Младоросскую партию) считали необходимым восстановление в России монархии и возведение на престол „законного царя из дома Романовых”. В декларации, принятой съездом, указывалось, в частности, что „развитие антинациональных либеральных и демократических течений, подточив государственность, расчистило дорогу наступательному социализму и его логическому завершению — современному коммунизму”. Наиболее „сильными отрицательными факторами

современной жизни” назывались в декларации „масонство и интернациональный капитал, в большей части сосредоточенный в руках еврейства”²⁰⁵

Движение „младороссов” пыталось сочетать монархизм с „молодыми национальными идеями”, нараставшими „во всех государствах, т. е. прежде всего с идеями итальянского фашизма, позднее придет увлечение нацизмом — в частности его декоративной стороной” („младороссы” одевают голубые рубашки и приветствуют своего вождя — Казем-Бека — криками: „Глава! Глава!”). Историк эмигрантской молодежи „незамеченного поколения” отмечает, что пафос социальности у „младороссов” и других молодежных национальных объединений, выразившийся в их программе: „надклассовая монархия, монархия трудящихся”, был связан не только с влиянием фашизма и национал-социализма, но и с их личным жизненным опытом. Нелегкая эмигрантская жизнь усиливала сомнения в демократии. Фашизм давал, казалось, программу, сочетающую национальное и социальное возрождение.

Парадоксальным явлением в эмиграции была революционная активность правых партий и движений, в России консервативных, и пассивность программ партий, которые в России вели революционную борьбу.

Активностью правых партий — подготовка ими кадров для будущей армии, засылка в страну агитаторов или террористов, делала их легкой добычей ГПУ. Советские агенты и провокаторы действовали во всех эмигрантских организациях, особенно податливыми на их уловки оказывались все те движения, которые искали связей со страной.

Эволюция всех партий и движений, положивших в основу своей программы восстановление сильной русской государственности, национализм, антидемократизм, была одинаковой — сменовеховцы, евразийцы, младороссы находили в советской системе все больше и больше привлекательных сторон, приходили к выводу, что „не следует преувеличивать расхождения между „идеологическими” мерами коммунистов и народными нуждами”²⁰⁶ И в итоге соглашались сотрудничать с коммунистической властью. „Лукавая диалектика революции”²⁰⁷ позволяла закрывать глаза на все неприятное.

Политические партии объединяли незначительную часть эмигрантов, зато большинство из них было членами воинских, земляческих, профессиональных, литературных союзов, обществ и объединений. Примерно до середины 20-х годов центром русской эмиграции была Германия, прежде всего — Берлин. В столице Веймарской республики

насчитывалось 40 русских издательств, каждое из которых выпустило более тысячи названий, выходили три ежедневные газеты, журналы, отражавшие взгляды – от монархических до анархических, работали театры. В середине 20-х годов в Париже, который в это время стал центром русской эмиграции, насчитывалось до 300 организаций. Только в Париже выходило 7 газет: монархические – *Двуглавый орел* и *Русское время*, *Россия*, издаваемая П. Струве, *Возрождение*, представлявшая умеренный центр, *Дни*, редактируемая А. Керенским, *Борьба за Россию*, издаваемая Национальным комитетом (коалиция центра), наконец, лучшая из газет – *Последние новости*, орган Республиканско-Демократического союза, возглавляемого П. Милюковым.

Публиковалось множество журналов, в том числе *Современные записки*, выходившие с 1920 по 1940 год и остающиеся до сих пор ценнейшим документом русской культуры.

Трагедия отрыва от родной земли, трудности и невзгоды жизни в изгнании, мелочи повседневности, вечное недовольство Западом, мешали русским эмигрантам увидеть огромное дело, которое они делали, огромный их вклад в русскую культуру и жизнь. Творчество крупнейших русских писателей (в том числе И. Бунина и А. Ремизова), поэтов (в том числе В. Ходасевича и М. Цветаевой), историков, философов, богословов, ученых-естественников, инженеров, артистов художников, представляет собой составную неотъемлемую часть русского наследия. Но до сих пор не написана история русской эмиграции. Редкие понимали, что трагедия эмиграции имеет оборотную сторону. Лучше всего выразил это Владимир Набоков, в эмиграции ставший великим русским писателем. В годовщину Октябрьской революции он писал: „Прежде всего мы должны праздновать десять лет свободы. Свободы, которой мы пользуемся, не знает, пожалуй, ни одна страна в мире. В этой особенной России, которая невидимо окружает нас, оживляет и поддерживает, питает наши души, украшает наши сны, нет ни одного закона, кроме закона любви к ней, и никакой силы, кроме нашей совести... Когда-нибудь мы будем благодарны слепой Клио за то, что она позволила нам вкусить эту свободу и в эмиграции понять и развить глубокое чувство к родной стране... Не будем проклинать изгнание. Будем повторять в эти дни слова античного воина, о котором писал Плутарх: „Ночью в пустынной земле, вдалеке от Рима, я разбивал палатку и палатка была моим Римом”²⁰⁸.

В. Набоков писал этот гимн внутренней, духовной свободе в то самое время, когда в Советском Союзе кончались годы ожидания.

10. Кто кого

Тринадцатый съезд партии засвидетельствовал победу триумвирата, решившего владеть „кафтаном” Ленина коллегиально: председательствовал Каменев, доклад ЦК читал Зиновьев, подготовил съезд Сталин. Троцкий признал свое поражение. Но едва съезд закончился, Сталин начинает подкапывать позиции своих товарищей по триумвирату. Начинается неудержимое восхождение Иосифа Сталина.

Спор, который историки ведут уже полвека, продолжается: создал ли Сталин аппарат или аппарат создал Сталина? Стремление изобразить Сталина творцом „аппарата”, „бюрократической машины”, „бюрократической системы” — понятно: эта концепция позволяет делить советскую историю на досталинский, сталинский и послесталинский периоды. Нет сомнения, что аппарат существовал до Сталина. Как нет сомнения, что он его усовершенствовал и использовал для утверждения своей власти, так как хотели, но не смогли, другие претенденты. „Быть вождем-организатором, — писал Сталин в 1924 году, — это значит, во-первых — знать работников, уметь схватывать их достоинства и недостатки., во-вторых, — уметь расставить работников...”²⁰⁹ Техника несложная, но эффективная: знать достоинства и недостатки (Сталин очень любил знать недостатки своих сотрудников), уметь их расставить, т. е. одних наградить, других — наказать. „Сейчас живется сытно, — признавал на Четырнадцатом съезде один из делегатов, — а не всякий подымет руку против, чтобы за это попасть в Мурманск или Туркестан”.²¹⁰

Партийный аппарат — орудие Сталина, был эманацией партии, характер которой формировался прежде всего Лениным. В 1927 году объединившиеся противники Сталина — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Крупская, Пятаков и другие — пишут письмо июльскому пленуму ЦК и ЦКК. Они клеймят господствующие в партии порядки, при которых „только на верху говорят, а внизу прислушиваются и про себя думают нечто другое. Недовольные, несогласные или сомневающиеся боятся поднять свой голос в партийных собраниях... Члены партии запуганы”.²¹¹ Оппозиционеры хотят представить это положение, как результат политики Сталина. Однако, во время дискуссии, которая велась на страницах *Правды* в 1923 году, когда оппозиционеры еще не были оппозиционерами, а находились у власти, положение было таким же: „Партийные разучиваются сами думать, боятся, что-либо „ляпнуть” до указания сверху, ждут готовых решений и даже готовых мотивировок к этим решениям”;²¹² „шкурничество, — прислуживание, боязнь высказать собственное мнение... все

довольно сильно заняты вопросами назначений и перемещений”;²¹³ „при команде сверху до низу масса партийной жизнью не живет. Выпирает казенщина, официальный дух с циркулярами... Развивается наущничество, подхалимство и на этой почве — карьеризм”;²¹⁴ „некоторые работники употребляют слово „товарищ” только тогда, когда обращаются к низшему по рангу человеку. Всякого высшего обязательно зовут по имени и отчеству”.²¹⁵ Все это излагалось в письмах в *Правду*, в „юрьев день” для членов партии, по случаю дискуссии. И рассказывалось о партии Ленина. Когда на Четырнадцатом съезде партии член ленинградской делегации выступил с жалобой на доносительство, которое „принимает такие формы, такой характер, когда друг своему другу душевной мысли сказать не может”,²¹⁶ его справедливо отчитал С. Гусев: „Фальшивишь ты, Бакаич, фальшивишь, поверь мне. Ленин нас учил когда-то, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить... Я думаю, что каждый член партии должен доносить. Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства”.²¹⁷ Через десять лет оппоненты смогут вернуться к проблеме доносов, сидя — и тот, и другой, — в Лубянской тюрьме. Но С. Гусев был совершенно прав, обвиняя „Бакаича”, И. Бакаева, в фальши: вряд ли председателю Петроградского ЧК пристало жаловаться на доносы, и был сто раз прав С. Гусев, напомнив, что доносы стали нормой партийной жизни при Ленине.

Не изобретя партии, получив ее в наследство от Ленина, Сталин партию улучшает, прикраивает по-своему, отбрасывая все то, что было в ней случайного, наносного. Он расширяет состав ЦК (в 1925 году 63 члена и 43 кандидата), выполняя рекомендацию Ленина, который полагал, что таким образом будет предотвращена борьба между Сталиным и Троцким. Он проводит „ленинский призыв”: с февраля до августа 1924 года в партию было принято 203 тыс. человек, что увеличило ее состав (члены и кандидаты) в полтора раза. В конце 1923 года обсуждался вопрос о проведении „партийной недели” и привлечении в партию 100 тысяч новых членов. Победило мнение, что „наши кадры не приспособлены к тому, чтобы принять столько новобранцев. Наши прокалочные печи — наши ячейки не обладают такой большой пропускной способностью, чтобы прокалить и закалить этот партийный молодежь...”²¹⁸ Несколько месяцев спустя было принято 200 тысяч человек. Партия резко обновилась, новые ее члены уже не знали тех „случайных”, „наносных” традиций, которые истреблял Сталин. Цель „ленинского призыва” заключалась в привлечении в партию пролетариев, „рабочих от станка”. Но поток „новобранцев” состоял в подавляющем боль-

шинстве из тех, кто искал привилегий. „Многие, – жаловался деревенский коммунист из Спасо-Деменского уезда Калужской губернии, – смотрят на партию, как на пирог с начинкой”.²¹⁹ Вступавшие искали должностей и получали их: рабочие от станка становились „рабочими у портфеля”, „выдвигались” и деревенские коммунисты. Но за привилегии нужно было платить: члены партии становились ее крепостными, они лишались даже минимума свобод, которыми в те годы пользовались советские граждане.

Обновленной в 1924 году партией руководит так называемая старая гвардия, старые члены партии. В начале 1925 года „старая гвардия”, то есть члены партии, вступившие в нее до 1917 г., „члены партии с подпольным стажем”, состояла из 8 249 человек. Всего в партии насчитывалось 401 481 человек. 56,6% членов партии вступили в нее между 1920 и 1924 годами.²²⁰

Борьба за власть идет в численно ничтожной группе подпольщиков, из которой вышли все вожди-претенденты. В этой группе составляются политические комбинации, коалиции, блоки. Здесь Сталин проявляет свои качества замечательного политического комбинатора, умеющего всегда доставать каштаны из огня чужими руками. Главную тяжесть борьбы с Троцким охотно берут на себя Зиновьев и Каменев. В борьбе с ними Сталин использует Бухарина и благожелательный нейтралитет Троцкого. В отличие от Робеспьера-Троцкого, вспоминающего о гильотине, в отличие от экстремиста Зиновьева, требующего ареста Троцкого за опубликование статьи, Сталин настаивает на одном: на умеренности. Рассказывая о том, как товарищи его по триумvirату требовали ареста и исключения Троцкого, Сталин произносит замечательные слова: „Мы не согласились с Зиновьевым и Каменевым потому что знали, что политика отсечения чревата большими опасностями для партии, что метод отсечения, метод пускания крови – а они требовали крови – опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, – что же у нас останется в партии”.²²¹

Сталин борется с противниками делом. Много позже станет популярным выражение: „тактика салями”. Сталин, тоненькими кусочками отрезая, как салями, лишает конкурентов власти: Троцкий в 1924 году снимается с поста наркомвоенмора, а затем он лишается поддержки армейского аппарата; должность начальника Политуправления Красной армии теряет троцкист Антонов-Овсеенко; вытесняется из московской парторганизации в 1925 году ее руководитель Каменев.

Сталин борется с противниками словом. Ему не стоит ничего доказать, что они безидейные политики, вчера защищавшие

Сталина, а сегодня заявлявшие, как Каменев на Четырнадцатом съезде: „Мы против того, чтобы создавать теорию „вождя”... Я полагаю, что наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб...” Достаточно было напомнить как всего несколько месяцев назад Каменев и Зиновьев защищали Сталина, чтобы показать их „непринципиальность”. В ответ на требования „демократии в партии” Микоян, обороняя Сталина, ядовито заметил, что когда оппозиционеры находились у власти, они были против демократии, когда они перешли в оппозицию – они вдруг стали за демократию. Сталин же не постеснялся напомнить о прошлом тех, кто требовал „демократии”: „В рядах оппозиции имеются такие, как Белобородов, „демократизм” которого до сих пор остался в памяти у ростовских рабочих; Розенгольц, от „демократизма” которого не поздоровилось нашим водникам и железнодорожникам; Пятаков, от „демократизма” которого не кричал, а выл Донбасс; ... Бык, от „демократизма” которого до сих пор воеет Хорезм...”²²²

В ходе борьбы вырабатывается особая система полемики, в которой Сталин проявляет себя выдающимся мастером. Эта система, которую можно назвать семантической, сыграла чрезвычайно важную роль в разгроме Сталиным противника. Отцом „семантической системы” следует считать Ленина, еще в 1903 году назвавшего свою группу „большевиками”, хотя они были по всем, кроме одного, вопросам, дебатировавшимся на Втором съезде, в меньшинстве. В партийных спорах, которые шли непрерывно с 1903 до 1917 года (и позже) Ленин старался наклеить своим противникам ярлык, который бы их дискредитировал, не требуя аргументов.

В спорах 1923 – 1928 годов противники жонглируют ярлыками: „правый”, „левый” (который с легкой руки Ленина принимает ранее ему несвойственный отрицательный смысл), „центр”, „генеральная линия”. Сталин достигает виртуозности в „семантической игре”: противники „генеральной линии”, которая непрерывно меняется, могут обвиниться в левых взглядах с правым уклоном или в правом уклоне с левыми тенденциями. Рождаются два новых понятия: „ленинизм” – система всегда правильных, ибо научных, и научных, ибо всегда правильных, взглядов, и „троцкизм” – система взглядов всегда враждебных „ленинизму”. Не к месту произнесенное слово, сказанное по оплошности или случайно, превращается в преступление. Первым выстрелом Сталина в начинавшейся кампании против товарищей по триумvirату – через месяц после Тринадцатого съезда, подтвердившего их власть – была атака на Каменева, заменившего слово „нэповская” словом „нэпмановская”. „Понимает ли эту принци-

пиальную разницу Каменев? – вопрошал по-товарищески Сталин. – Конечно, понимает. Почему же он выпалил тогда этот странный лозунг? По обычной беззаботности насчет вопросов теории, насчет точных теоретических определений”.²²³ Каждая строка ставилась в лыко. Каждое слово противника интерпретировалось, искажалось, фальсифицировалось.

Лучшим образцом сталинской „семантической игры” было сведение борьбы с Троцким к столкновению двух лозунгов: „социализм в одной стране” против „перманентной революции”. Ленин и все другие вожди революции верили, что ее искры зажгут мировой пожар. И тогда начнется строительство светлого будущего. 12 марта 1919 года Ленин так и говорит: „Дело строительства целиком зависит от того, как скоро победит революция в важнейших странах Европы. Только после такой победы мы сможем серьезно приняться за дело строительства”.²²⁴ 6 ноября 1920 года вождь революции был еще более решителен: „В одной стране совершить такое дело, как социалистическая революция нельзя”.²²⁵

После неудач революции в Европе, после провала попыток зажечь революционный пожар в Германии в 1923 году, все большевики понимали, что надо что-то строить в России. В конце 1924 года Сталин, опираясь на одну фразу, обнаруженную в статье, написанной Лениным в 1915 году, объявляет о возможности и необходимости „строительства социализма в одной, отдельно взятой стране”, в Советском Союзе. Не ограничиваясь формулированием „положительной программы” – строительство социализма в одной стране, Сталин формулирует отрицательную программу, назвав ее „троцкистской теорией перманентной революции”. Еще до революции Троцкий сформулировал теорию „перманентной революции”, утверждая, что революция в России из буржуазно-демократической „перерастет” в социалистическую, но судьбы ее будут зависеть от мировой революции, которая также неизбежно произойдет. В полном согласии с Лениным, Троцкий считал, что только помощь победившего мирового пролетариата позволит упрочить победу русского пролетариата.

В 1924 году вопрос о „перерастании революции буржуазно-демократической в социалистическую” приобрел для России характер чисто исторический. Сталин, однако, на основании формулы „перманентная революция”, конструирует троцкизм, как теорию, отрицающую возможность построения в Советском Союзе социализма.

Спор между Сталиным и Троцким ведется в двух разных измерениях. Троцкий ведет спор теоретический, в традиционном стиле марксистской схоластики. Он пытается доказать, что он согласен с возможностью **строить** социализм в Советском Союзе, он считает

лишь, что в одной стране его нельзя **построить**. Совершенно очевидно, что спор о форме глагола „строить” имел такое же практическое значение, как и спор о числе ангелов, помещающихся на кончике иглы. Сталин ведет спор практический: он защищает „ленинизм” против „троцкизма”, он защищает честь русского пролетариата от неверящего в его силы Троцкого, он показывает, что „строительство социализма в одной стране” обещает мирную трудовую жизнь, а „перманентная революция” — новые революции и войны.

Поражение Троцкого в этом споре было неминуемо. Обескровленная, измученная страна жаждала спокойствия.

Спор о том можно ли „строить” или „построить” социализм в одной стране — пример споров, которые велись в партии в 1923–8 годах. Принципиальных разногласий между противниками не было: об этом свидетельствует как содержание споров, так и легкость, с какой противники меняли свои взгляды, переходя из лагеря в лагерь. Разница была в способах ведения полемики, в отношении к догме. Разница между Сталиным и всеми его противниками — подлинными и потенциальными — была огромной. Множество факторов способствовали победе Сталина. Важнейшим является внутренняя слабость его противников, неспособных до конца освободиться от связывавших их догм. Противники Сталина, в первую очередь Троцкий — самый выдающийся из них, — не смогли изжить всех предрассудков старомодного марксизма. Сталин — лучший из учеников Ленина — был марксистом нового типа, марксистом 20-го, быть может даже 21-го века.

Троцкий и Сталин во многом близнецы. Одинаково их отношение к демократии в партии. Троцкий пишет: „Под восстановлением партийной демократии мы понимаем то, что подлинное, революционное, пролетарское ядро партии должно получить право обуздания бюрократии и проведения в партии реальной чистки”.²²⁶ И дальше перечисляет всех тех, кого, дойдя до власти, он вычистит: длинный список. Одинаково их отношение к демократии в обществе. Троцкий пишет: „Диктатура пролетариата не может и не хочет отказываться от нарушения принципов и формальных правил демократии... Демократический же строй должен рассматриваться с точки зрения степени, в какой он позволяет развиваться классовой борьбе в рамках демократии”.²²⁷ Диктатура пролетариата, следовательно, не связана никакими „формальными правилами”, а демократический строй обязан позволять вести борьбу против него. Принципиально одинаково их отношение к культуре: в июле 1932 г., в изгнании, Троцкий вторит сталинской культурной политике, утверждая, что необходимо дать искусству и философии свободу, „безжалостно уничтожая все

то, что направлено против революционных задач пролетариата”.²²⁸ Наконец, одинаково их отношение к морали: „Средство, — утверждает Троцкий, — может быть оправдано только целью. Но и цель требует оправдания. С точки зрения марксизма, который выражает исторические интересы пролетариата, цель оправдывается, если ведет к росту власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком”.²²⁹ С точки зрения этой морали (если ее можно так назвать) Троцкий, как замечает Лешек Колаковский, оправдывал убийство царских детей, как политически оправданный акт, но осуждал убийство своих детей Сталиным, ибо Сталин не был подлинным представителем пролетариата.²³⁰

Троцкий безнадежно отставал от Сталина, ибо продолжал верить в несколько незыблемых истин: в пролетариат — класс, несущий историческую миссию, в непреклонность исторических законов, которые, в частности, должны дать победу Троцкому, представляющему истинные интересы пролетариата, в Партию — „единственный инструмент”, данный Историей Пролетариату. Вера в эти незыблемые истины связывала Троцкого — и всю оппозицию — по рукам и ногам, не позволяла ей использовать имевшиеся у них средства для борьбы со Сталиным, который — по их убеждению — в конечном счете представлял Партию, следовательно — Пролетариат, следовательно — Законы Истории. У Сталина никаких комплексов этого рода не было. Он знал, что он прав, ибо у него в руках сила. И значит ему — все дозволено.

Важнейшим предметом споров была новая экономическая политика. Шли поиски ответа на вопрос: какие экономические рычаги может использовать государство для получения средств, необходимых на развитие промышленности, в условиях, когда сельское хозяйство почти целиком находится в руках частных собственников? До 1925 года все вожди партии были согласны с политикой „смычки”, союза с деревней. Английский историк замечает: „Если бы в январе 1925 г. нашелся такой прозорливый человек, что мог бы угадать грядущий разрыв между Зиновьевым и Сталиным, он почти наверняка увидел бы в Зиновьеве защитника тогдашней крестьянской политики, а в Сталине ее противника”.²³¹ Даже Троцкий осенью 1925 года признавал, что ничего угрожающего в экономическом процессе в деревне нет и осуждал раскулачивание.²³²

Главным идеологом НЭПа, его защитником против нападок Троцкого, а затем Зиновьева и Каменева, был Н. Бухарин, еще в 1920 году выступавший за огосударствление всех экономических функций, милитаризацию труда и карточную систему для всех, то есть за универсальное использование силы в регулировании экономических процессов.

Наподобие того, как была „сконструирована” политическая программа Троцкого, сведенная до лозунга „перманентная революция”, в который был вложен необходимый Сталину смысл, была сконструирована и экономическая программа оппозиции. В ее основу был положен доклад Е. Преображенского „Основной закон социалистического накопления”. Преображенский констатировал, что Октябрьская революция произошла „преждевременно”: в России еще не был достигнут необходимый уровень капиталистического развития, не было осуществлено „первоначальное капиталистическое накопление”, т. е. не создана промышленная база, позволяющая распределять „каждому по потребностям”. Капиталисты осуществляли „первоначальное накопление” за счет колоний. „Первоначальное социалистическое накопление”, необходимое для создания социалистической индустрии, необходимо получить, — писал Преображенский, — за счет низших форм хозяйства, за счет внутренней колонии — крестьянства”.

Связь Преображенского с Троцким сделала его теорию замечательным материалом для „конструирования” программы оппозиции. И к этим крайним взглядам все больше начинают склоняться оппозиционеры, которые — как Зиновьев и Каменев — опирались на Петроград и Москву, где рабочие высказывали недовольство новым неравенством, порожденным НЭПом. Склоняла их к крайним взглядам и позиция Сталина и его сторонников, выступавших с программой „гражданского мира”,²³³ и отрицания необходимости разжигания классовой борьбы. Есть ли необходимость в классовой борьбе, — вопрошал Сталин, — „теперь, когда мы имеем диктатуру пролетариата и когда партийные и профессиональные организации действуют у нас совершенно свободно”? „Конечно нет,” — отвечал сам себе генеральный секретарь.²³⁴

Программа Бухарина, поддерживаемого Сталиным, гласила, что война с крестьянством чревата для советского государства пагубными, как экономическими, так и политическими последствиями. Поэтому развитие экономики страны необходимо базировать на союзе с крестьянством, обеспечивая крестьянам возможность повышения производительности, организуя кооперацию, развивая формы рыночного обмена. 17 апреля 1925 года Бухарин произносит знаменитые слова: „Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать — обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут”. Когда Сталин начнет „конструировать” „правый уклон”, он положит в основу его „программы” эти слова Бухарина.

Обращение Бухарина вызывает возмущение оппозиции. Оно вызывает надежды у крестьян. С восторгом встречает его внимательный наблюдатель, полагавший себя неофициальной „оппозицией его

величества” – Н. Устрялов. В каком-то смысле он имел на это право, трижды названный Сталиным в декабре 1926 г. на Седьмом пленуме ИККИ „представителем буржуазных специалистов в стране”.²³⁵

Статья, комментирующая обращение Бухарина, начинается словами: „Наконец-то!”, а эпиграфом публицист ставит слова из Священного писания: „Ныне отпускаеши”. Для Устрялова нет сомнения: начался новый период в истории советской России, обозначающий очередной шаг в ее освобождении от наносных интернационалистских идей. И для Устрялова нет сомнений, что новый этот период связан с именем Сталина, которого он воспринимает, как „подлинного ученика Ленина”, воспринимающего учение Ленина „динамически”, как и следует воспринимать учение „выдающегося учителя диалектики”.²³⁶ Идеолог сменовеховства, провозглашая „сумерки старой ленинской гвардии”, констатирует: развенчаны „мастера и баловни революции, гвардия Октября, столпы железной когорты, краса и гордость пролетарского авангарда”.²³⁷ В октябре 1926 года Устрялов заявляет: „мы сейчас не только „против Зиновьева”, но и определенно „за Сталина”.”²³⁸ Он не обманывается относительно своего героя, он лишь цитирует „мудрые слова Леонтьева”: „Хорошие люди нередко бывают хуже худых. Это иногда случается. Личная честность может лично же и нравиться, и внушать уважение, но в этих непрочных вещах нет ничего политического, организующего. Очень хорошие люди иногда ужасно вредят государству...”²³⁹ В своем спокойном 19-ом веке Леонтьев не мог, конечно, представить себе, как могут навредить „нехорошие люди”.

Н. Устрялов приветствует победу Сталина в борьбе за ленинский „кафтан”, ибо видит в нем подлинного ученика Ленина. В Ленине и Муссолини видит он еще в 1923 году „две фигуры”, которые „при всей их политической полярности, одинаково знаменательны, они фиксируют новейшую ступень эволюции современной Европы”.²⁴⁰ В 1926 г. „новейшую ступень эволюции современной Европы” фиксирует Сталин, неудержимо идущий к единоличной власти в партии, а следовательно и в – государстве.

Четырнадцатый съезд (декабрь 1925) отметил конец „междоусобия”, конец эры „коллективного руководства”. Номером 1 стал очевидно для всех Сталин. Три года назад, когда Ленин появился на конгрессе Коминтерна, его встречают: „Аплодисменты. Бурно радостно аплодируют, ибо ожидание казалось очень долгим... „Интернационал”. Весь зал поет. Ибо аплодисменты, овация казались недостаточными для выражения бесконечной любви к вождю и безграничной веры в него”.²⁴¹ В декабре 1925 года, после речи Сталина, на съезде „раздаются бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Делегаты встают и поют „Интернационал”. Сталин приступает к консолидации власти. В апреле 1926 года Зиновьев выводится из Политбюро. В Ленинград отправляется „наводить порядок” Киров. В октябре перестает быть членом Политбюро Троцкий, кандидатом в члены – Каменев. Используется в целях консолидации медицина. В октябре 1925 года по приказу Политбюро ложится на операционный стол наркомвоенмор Фрунзе, лишь недавно заменивший Троцкого. Вскрыв 40-летнего Фрунзе, врачи обнаружили, что язва, которую было приказано вырезать, зажила, но наркомвоенмор с операционного стола не встал. Его заменил близкий друг Сталина – Ворошилов. А на похоронах Фрунзе Сталин произнес таинственные слова: „... Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу”.²⁴²

Вытесняемые со всех позиций Зиновьев и Каменев предложили союз своему вчерашнему злейшему врагу – Троцкому. „Объединенная оппозиция” критикует Сталина за уступки кулаку, за нежелание индустриализировать страну, за бюрократизацию государственного аппарата. Но даже справедливая критика сталинской политики не могла спасти оппозицию, страдавшую врожденным бессилием.

На Пятнадцатом, уже целиком сталинском, съезде, собравшемся после двухлетнего перерыва (такой перерыв случился впервые со времени прихода партии к власти), Каменев, выступая с покаянной речью, говорит о двух путях. Один путь – создание второй партии: „Этот путь, в условиях пролетарской диктатуры, – гибельный для революции... Этот путь для нас заказан, запрещен, исключен всей системой наших взглядов, всем учением Ленина о диктатуре пролетариата...” Другой путь: „Целиком и полностью подчиниться партии. Мы избираем этот путь, ибо глубоко уверены, что правильная ленинская политика может восторжествовать только в нашей партии и только через нее, а не вне партии, вопреки ей”.²⁴³ На этих же позициях неизменно стоял Троцкий, утверждавший и после изгнания: „Советское государство все еще является историческим инструментом рабочего класса”.

Капитуляция не спасла оппозиционеров: Пятнадцатый съезд исключает из партии Каменева и 121 видного оппозиционера. Кое-кто из оппозиционеров уже арестован, а А. Рыков заключает свою речь на съезде: „Я думаю, что нельзя ручаться за то, что население тюрем не придется в ближайшее время несколько увеличить”.²⁴⁴ Возможно, что через десять лет, сидя в тюрьме, Рыков размышлял об этих словах.

На упреки оппозиционеров, обижавшихся, что Сталин использует методы террора против коммунистов, генеральный секретарь воз-

ражал: „Да, мы их арестовываем и будем арестовывать... Говорят, что история нашей партии не знает таких примеров. Это неправда. А группа Мясникова? А группа „рабочей правды“? Кому не известно, что члены этих групп арестовывались при прямой поддержке со стороны Зиновьева, Троцкого и Каменева?”²⁴⁵

Пятнадцатый съезд означал завершение спора о наследстве Ленина, окончательное решение вопроса „кто кого”. Сталин осуществляет, по выражению Б. Суварина, в течение пяти лет „молекулярный переворот”²⁴⁶ и одевает кафтан Вождя.

11. Что делать с культурой?

В апреле 1918 года на квартире Горького представители недавно организованного „Союза деятелей искусства” встретились с народным комиссаром просвещения А. Луначарским, драматургом и литературным критиком в свободное время. Деятели искусства предложили привлечь исполком их Союза в качестве исполнительного органа по искусству вместо существующей коллегии наркомпроса, то есть они предложили передать руководство искусством в руки деятелей искусства. Нарком ответил: „Мы были против политического Учредительного собрания, тем более мы против Учредительного собрания в области искусства”.²⁴⁷

Партия заявляет о своем решении руководить искусством, руководить культурой. Руководство культурой складывается из двух элементов: руководитель указывает чего нельзя писать, рисовать, ваять и так далее, руководитель указывает, что нужно писать, рисовать, ваять и так далее. Первая часть программы осуществлялась легко: была введена еще в 1917 году цензура печати, 8 июня 1922 г. „СНК решил учредить Главный комитет по делам печати в целях объединения всех родов цензуры, существующих в России”. Был издан декрет об основании Главного управления по делам литературы и искусства (Главлит). В обязанности Главлита, говорится в декрете, входят „предварительный просмотр всех предназначенных для печатания и распространения литературных произведений, периодических и неперiodических изданий, карт и т. д. Кроме того Главлит выдает разрешение на издание всех родов печатных произведений, составляет списки запрещенных книг, вырабатывает постановления касательно типографий, библиотек, книжной торговли”.²⁴⁸ Запрещать было нетрудно, хотя приходилось возвращаться к традициям, исчезавшим в России после 1905 года. Нетрудно было составить и первые — за ними последовали другие — списки запрещенных книг.

Труднее было руководить „положительной” стороной программы: еще не было опыта в практике принуждения людей искусства делать то, что требует партия.

Прежде всего, однако, партия должна была утвердить свое неотъемлемое право быть единственным руководителем культуры. Конкурентом выступил „пролеткульт”. Еще до революции была создана — прежде всего А. А. Богдановым — теория самостоятельной пролетарской культуры. Организационное начало буржуазии — индивидуализм. Индивидуалистический характер носит и буржуазная культура. Организационное начало пролетариата — коллективизм. И с этой точки зрения пролетариат должен пересмотреть всю предшествующую культуру, переоценить и овладеть ею. Затем, полагал Богданов, пролетариат перестроит всю старую науку и создаст новую „всеобщую организационную науку”, которая позволит ему „стройно и целостно организовать всю жизнь человечества”. После Февральской революции „пролеткультуровцы” провозглашают свою организацию „независимой рабочей организацией”, независимой от Министерства просвещения. После Октября создаются многочисленные кружки, студии, лаборатории Пролеткульта для рабочих, пишущих стихи, рисующих, желающих выступать на сцене. Пролеткульт издает книги и брошюры, открывает Пролетарский университет в Москве, созывает конференции. Идет работа по „созданию пролетарской культуры”.

Ленин объявляет войну Пролеткульту. Мало того, что им руководил бывший его друг, а потом противник А. Богданов, философские труды которого Ленин не переставал опровергать, Пролеткульт пытался „отгородиться от партийного руководства”.²⁴⁹

А. Богданов утверждал, что „Пролеткульт — это культурно-творческая классовая организация пролетариата, как рабочая партия — его политическая организация, профессиональные союзы — организация экономическая”. Ленин утверждал, что у пролетариата есть только одна организация — партия, которая „руководит не только политикой, но также экономикой и культурой”.²⁵⁰ В 1919 году в Москве закрывается Пролетарский университет, в частности за то, что в нем читался курс „организационной науки” Богданова, а на его месте создается Коммунистический университет. В октябре 1920 года Политбюро трижды разбирает вопрос о Пролеткульте. На заседании 9 октября Ленин выступает 9 раз, столько же выступает другой знаток культуры — Сталин.²⁵¹ 1 декабря 1920 года *Правда* публикует письмо ЦК РКП(б) „О Пролеткультгах”. Это первое — в бесконечном ряду — письмо ЦК по вопросам культуры. ЦК ликвидировал автономию Пролеткульта; члены партии, входившие в его

руководство, выводят из ЦК организации Богданова, признают руководящую роль партии. Письмо ЦК выразило свой взгляд и по вопросам искусства, указав, что футуризм — это „нелепые извращенные вкусы”. Немедленно после письма ЦК, Пролеткульт, близко связанный с футуризмом, поспешил от него отречься и принял резолюцию, гласившую, что „футуризм и комфутиризм являются идеологическими течениями последнего периода буржуазной культуры времени империализма”, а потому признаются „враждебными пролетариату, как классу”²⁵².

Смерть Александра Блока была символом гибели эпохи, крушения веры в революцию русской интеллигенции, гибели надежд. „Жизнь изменилась, — заносит в дневник 17 апреля 1921 года автор *Двенадцати*, поэмы, в которой революционеров ведет в будущее Христос, — вошь победила весь свет, и все теперь будет меняться в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы”. Выступая последний раз публично на собрании в 84-ю годовщину смерти Пушкина, А. Блок говорит о назначении поэта: „Но покой и волю тоже отнимают... Не внешний покой, а творческий. Не ребяческую волю... а творческую волю, — тайную свободу. И поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем; жизнь потеряла смысл”. А. Блок умрет через несколько месяцев. И смерть его символична. 29 мая 1921 года Горький обращается с письмом к наркомпросу Луначарскому: „Не можете ли Вы хлопотать в спешном порядке для Блока выезд в Финляндию”. Через 12 дней Луначарский обращается в ЦК: передает просьбу тяжело больного Блока. На следующий день вопрос о выезде Блока в Финляндию рассматривает Политбюро и принимает решение об „улучшении продовольственного положения А. А. Блока”. Блоку становится хуже. 23 июля Политбюро соглашается на выезд поэта, но жене разрешения не дает. Тяжело больной поэт сам выехать не в состоянии. 29 июля Горький шлет Луначарскому в Кремль телеграмму: „Срочно: положение крайне опасно. Необходим спешный выезд в Финляндию”. Луначарский 1 августа снова обращается в ЦК. Разрешение — дано.²⁵³ 7 августа А. А. Блок умирает. Ему было 40 лет. От первого письма Горького прошло 10 недель. Известно, что вопросы о выезде за границу видных представителей науки и культуры решал Ленин.

Протест значительной части интеллигенции против Октябрьской революции, уход в изгнание многих деятелей культуры не остановил развития искусства, толчок которому был дан в начале века. Его не останавливает даже отсутствие материальных средств: красок, полотна и мрамора для художников и скульпторов, бумаги для писателей. А. Белый пишет, что „в самые тяжкие дни России она

стала похожа на соловьиный сад, — поэтов народилось, как никогда раньше: жить сил не хватает, а все запели”.²⁵⁴ Но, как объяснял В. И. Ленин Кларе Цеткин, работа над созданием нового искусства и культуры в Советском Союзе „это — хорошо, очень хорошо”, задача партии состоит, однако, в том, чтобы направить этот стихийный поток в русло государственного строительства, поставить под контроль партийных органов.²⁵⁵ Виктор Шкловский напишет в это время: „Искусство должно двигаться органически, как сердце в груди, а его регулируют, как поезд”.

Регулирование искусства берут на себя коммунисты, занимающиеся искусством. Партийный билет в кармане давал право говорить от имени партии, от имени пролетариата и истории. Пролетарские писатели, пролетарские художники превращаются в руководителей культуры. Журнал пролетарских писателей так и называется — *На посту*. В 1923 году Троцкий дает название непролетарским деятелям культуры, которые хотят жить и работать в советской республике, но еще недостаточно подготовлены для этого; он называет их — попутчики. Попутчики это все те, кого не зачисляют во враги. Но граница тонкая: в попутчики зачисляется выехавший из страны Максим Горький, „бывший Главсокол, а ныне Центроуж”, по язвительному определению „напостовцев”. В попутчики отнесен В. Маяковский. Ведущий журналист *Правды* Л. Сосновский беспощадно отхлестал Маяковского, осмелившегося подать в суд на „старейшего нашего товарища И. И. Скворцова-Степанова” только за то, что „старейший товарищ”, руководивший Госиздатом „отказался уплатить гонорар за какую-то футуристическую чепуху, напечатанную в театральном журнале”. Довольно „маяковщины” — называет свою статью Сосновский, и сравнивает дерзкого поэта, желающего, чтобы ему платили за „чепуху”, с подпольным адвокатом у Глеба Успенского, который не переставал требовать: „Кладите об это место”. Л. Сосновский заканчивает статью без всяких эквивоков: „Шутить изволите, господа футуристы. Мы постараемся прекратить ваши неуместные и слишком дорогие для республики шутки”.²⁵⁶

Это не было первым предупреждением в адрес „попутчиков”. Их предупреждали расстрелом Гумилева, смертью Блока, высылкой за границу „людей мысли”, прямо грозили в газетных и журнальных статьях „хлыстом диктатуры”. 27 февраля 1922 года Оргбюро ЦК принимает резолюцию по докладу „О борьбе с мелкобуржуазной идеологией в области литературно-издательской”.²⁵⁷ В этой — второй уже — резолюции ЦК по вопросам культуры указывалось, что следует печатать, чего не следует. В частности, разрешалось печатать произведения молодых писателей, входивших в первое после-

революционное литературное объединение „Серапионовы братья”, при условии „неучастия последних в реакционных изданиях”. Какие издания были реакционными – тоже решала партия.

Об опасности, грозящей культуре, свободному творчеству, предупреждает Е. Замятин, первым обнаруживший подлинную суть Октябрьской революции, увидевший в ней начало новой эпохи: „Мы пережили эпоху подавления масс, – замечает он в 1920 году, – мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс”.²⁵⁸ В гениальном предвидении он пишет роман *Мы*, рисуя Единое государство, государство будущего, в котором есть только одна личность – Благодетель, а все граждане – номера. Судьба литературы, искусства, культуры в Едином государстве, где у граждан вырезается фантазия, чтобы они стали совершенно машиноподобны, предreshена: „Как могло случиться, – спрашивает герой романа, – что древним не бросалась в глаза вся нелепость их литературы и поэзии. Огромнейшая великолепная сила художественного слова – тратилась совершенно зря. Просто смешно – всякий писал – о чем ему вздумается”.²⁵⁹ В Едином государстве литература – государственная служба. И лучшие произведения полезной государственной литературы: „Ежедневные оды Благодетелю”, красные „Цветы судебных приговоров”, бессмертная трагедия „Опоздавший на работу”. Прошло 10 – 15 лет и страшное пророчество Замятина оказалось реальностью. Сегодня оно кажется банальностью, но в 1920 году „государственная литература” была понятием совершенно новым. Замятин был наиболее последовательным и бесстрашным защитником свободного творчества. Уже не в романе, который был запрещен к публикации, а в статье „Я боюсь”, он предостерегал: „Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. А если писатель должен быть благоразумным..., тогда нет литературы бронзовой, а есть только бумажная, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло”.²⁶⁰ Замятин не был один. Независимость искусства провозглашал К. Малевич: „Все социальные и экономические взаимоотношения насилуют искусство... Написать портрет какого-нибудь социалиста или какого-нибудь императора; построить ли замок для купца или избенку для рабочего, – исходная точка искусства не меняется от этой разницы... Давно пора, наконец, понять, – добавлял художник-новатор, – что проблемы искусства и проблемы желудка чрезвычайно далеки один от других”.²⁶¹ Жаловался старый писатель Вересаев: „Общий стон стоит почти по всему фронту современной русской литературы. Мы не можем быть сами собой. Нашу художественную совесть все время

насилюют. Наше творчество все больше становится двухэтажным — одно мы пишем для себя, другое — для печати”.²⁶² И даже как нельзя более преданный партии комсомольский бард А. Жаров печально замечает: „Грозь отметкой в партбилете, петь грустных песен не дают”.

К середине 20-х годов голосов протеста становится все меньше, звучат они все тише, проникают в печать все реже. Все громче, победительнее звучат голоса, восхваляющие политику партии, закабаление литературы. В последнем своем выступлении А. Блок, еще колеблясь, еще неуверенный отмечает поразительное явление: „Над смертным одром Пушкина раздавался младенческий лепет Белинского. Этот лепет казался нам совершенно противоположным, совершенно враждебным вежливому голосу графа Бенкендорфа. Он кажется нам таковым и до сих пор. Было бы слишком больно всем нам, если бы оказалось, что это — не так”.²⁶³ Блок не ошибся: советские „Белинские” превратились в советских „Бенкендорфов”, утерев „вежливый голос” шефа жандармов при Николае I, и, конечно, далеко опередив его в области техники и репрессий.

Ведущий литературный критик первой половины 20-х годов П. С. Коган провозглашает: „Революции на долго приходится забывать о цели для средства, изгнать мечты о свободе для того, чтобы не ослаблять дисциплины. Прекрасное иго, не золоченое, но железное, солидное и организованное — вот, что пока принесла революция нового: вместо золоченого — железное ярмо. Кто не понимает, что это единственный путь к освобождению, тот вообще ничего не понимает в совершающихся событиях”.²⁶⁴ П. Коган воспекает „железное иго” совершенно серьезно, не зная о том, что Замятин в романе *Мы* все уже предвидел. Единое государство отправляет в космос межпланетный корабль с заданием: „Вам предстоит благодетельному игу разума подчинить неведомые существа, обитающие на иных планетах, — быть может, еще в диком состоянии свободы. Если они не поймут, что мы несем им математически-безошибочное счастье, наш долг заставить их быть счастливыми”.²⁶⁵ П. Коган с одобрением отмечает „исключительный интерес, который проявляет современная беллетристика к чека и чекистам”.²⁶⁶ Чекист — символ почти нечеловеческой решимости, существо не имеющее права ни на какие человеческие чувства, в роде жалости, любви, сомнений. Это — стальное орудие в руках истории”.²⁶⁷ С помощью этого „стального орудия” можно выполнить свой долг перед ней: „заставить быть счастливым” народ.

1925 год, ознаменованный очередной смертью писателя — самоубийством Сергея Есенина, был высшей точкой НЭПа в политике, экономике и культуре. В искусстве продолжалось инерционное

действие могучей волны, родившейся в начале века; катаклизмы всегда давали плодотворную почву для литературы — было трудно вообразить себе больший катаклизм, чем войны и революции 1917—1922 годов. Наконец, благоприятным фактором были внутрипартийные споры, занимавшие внимание партийных вождей, мешавшие выработать единую, точную линию обуздания культуры. В результате действия всех этих факторов изобразительное искусство, театр, кино, литература имеют возможности развития, каких они не будут иметь больше никогда. Формальные поиски, языковые и сюжетные эксперименты А. Белого, В. Хлебникова, обновление языка А. Ремизовым и Е. Замятиным в сочетании с новыми темами дает в литературе прозу В. Пильняка, И. Бабеля, В. Иванова, поэзию О. Мандельштама, А. Ахматовой, Б. Пастернака, М. Цветаевой. В театре это эпоха В. Мейерхольда — глашатая театрального Октября; сторонника камерного театра — А. Таирова, приверженца экспериментов — Н. Форрегера и его ученика С. Эйзенштейна. Лев Кулешов и Дзига Вертов создают новую поэтику нового искусства — кино.

В 1925 году позиция Сталина, как Первого Вождя партии, не вызывает сомнений. Партия обращает более пристальное внимание на культуру. Она прокламирует генеральную линию в области культуры. Московский комитет партии собирает совещание, посвященное судьбам интеллигенции. Это была последняя встреча, на которой представители интеллигенции могли публично высказать свои взгляды и услышать точку зрения партии, адресованную непосредственно им. Партию представляли А. Луначарский и Н. Бухарин, интеллигенцию академик П. Сакулин и сменовеховец Ю. Ключников. Дискуссия шла о судьбе интеллигенции, то есть о свободе мышления. Луначарский, который делал „основной доклад”, напомнил прежде всего, что „никаких определенных бесспорных, отштампованных взглядов на судьбы интеллигенции у нас нет”.²⁶⁸ Есть цель: завоевание интеллигенции, то есть „убеждение или принуждение” интеллигенции работать с пролетариатом. Наркомпрос Луначарский сослался на Ленина, говорившего, что „если убеждение не действует, то надо принуждение”.²⁶⁹ Академик Сакулин напомнил, во-первых, что революция не могла быть чужда лучшей части русской интеллигенции, ибо „она самая лелеяла мечту о политическом освобождении и о социальном равенстве”.²⁷⁰ Он напомнил, во-вторых, что „в то время, когда у нас господствовал военный коммунизм, теперь ходом событий отмененный, положение интеллигенции было очень тяжелым”.²⁷¹ П. Сакулин имеет в виду не материальное положение, а „известное обращение к ученым”, обращение ЦК РКП(б), провозглашавшее идеологическую и методологическую диктатуру,

отменявшую свободу научного преподавания и исследования.²⁷² Обращаясь к представителям партии и государства, академик Сакулин изложил главное пожелание той интеллигенции, которая хотела работать с новой властью: „Нельзя брать монополию на истину... Ее существо требует свободы преподавания, исследования и научного соревнования”.²⁷³ Другую точку зрения высказал представитель сменовеховцев. „Поскольку советская власть, — заявил он, — борется в колоссальном вражеском окружении за свои идеалы и только через их победу может превратить развалившуюся Россию в мощный союз”, беспартийному интеллигенту „остается признать, что его судьба — подчиниться”.²⁷⁴ Ю. Ключников полагал, что интеллигент, „чтобы он мог творить”, должен быть помещен „в соответствующую среду, обеспечивающую возможность творчества”, но политической свободы для этой среды не нужно: „Нам, беспартийным интеллигентам, даже и тем, которые твердым шагом идут нога в ногу с советской властью, давать сейчас полную политическую свободу опасно — разболтаемся”.²⁷⁵ (Стенограмма отмечает в этом месте: аплодисменты.) Собравшиеся в Большом зале консерватории интеллигенты соглашались с тем, что они „разболтаются”, если дать им политическую свободу. Выступление Н. Бухарина свидетельствовало о том, что советская власть давать ничего не думает. Любимец партии, идеолог — в этот период — сталинского большинства был прям и откровенен: „свобода преподавания — это софизм”,²⁷⁶ такие категории, как „народ”, „благо”, „свобода” это „словесные значки — шелуха”.²⁷⁷ Партия пришла к власти, „шагая через трупы, для этого надо было иметь не только закаленные нервы, но основанное на марксистском анализе знание путей, которые нам отвела история”.²⁷⁸ Победа подтверждает правильность и правоту марксистской идеологии. Партия от „гегемонии марксизма” не откажется, потому что „это есть величайшее орудие в наших руках, которое позволяет нам строить то, что мы желаем”.²⁷⁹ И, в частности, заявил Н. Бухарин: „нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике”.²⁸⁰ Повторив, что „мы руля не выпустим”, „позиций не сдадим”, Н. Бухарин предложил интеллигенции „идти под знамена рабочей диктатуры и марксистской идеологии”.²⁸¹

Через несколько месяцев после совещания о судьбах интеллигенции отдел печати ЦК собирает совещание по вопросам политики партии в области художественной литературы. От общих определений партийной линии ЦК переходит к определению конкретной политики по отношению к важнейшему отряду интеллигенции — писателям.

Единогo взгляда не было. Пролетарские писатели, объединенные в группу „Октябрь” и выпускавшие с 1923 г. журнал *На посту*, требуют проведения политики „большой дубинки” по отношению к попутчикам. Попутчики публикуются прежде всего в журнале *Красная новь*, первом советском „толстом” журнале, руководимом старым большевиком А. Воронским. „... В 1921 г. тов. Воронскому, — рассказывал партийный деятель и „напостовец” И. Вардин, — были даны определенные директивы и определенные средства для того, чтобы удержать в Советской России известную группу писателей... Тогда нужно было заботиться о том, чтобы „пильняки” не убежали к белым”²⁸².

А. Воронский считал, что поскольку пролетарской литературы пока нет, необходимо „морально поработить”, по выражению Ленина, попутчиков. Эту линию поддерживал и Троцкий, считавший, что пролетарская литература не успеет сформироваться, ибо период диктатуры пролетариата будет слишком короток для этого. Напротив Бухарин, поддерживавший теорию „социализма в одной стране”, был за развитие пролетарской литературы. Попутчиков, он считал, необходимо частично переработать, частично изгнать. На совещании в ЦК предлагаются два варианта политики партии. Воронский предлагает: партия не становится на точку зрения того или иного направления, а оказывает содействие всем революционным группам, осторожно направляя их линию; Вардин предлагает: партия устанавливает диктатуру партии и в литературе, орудием диктатуры становится ассоциация пролетарских писателей, в отношении попутчиков учреждается „литературное Чека”. На совещании было зачитано письмо, подписанное 37 писателями: А. Толстым, Бабелем, Зощенко, Есениным, Кавериним, Вс. Ивановым и другими. Писатели говорили о своей связи с „советской пооктябрьской Россией”, признавались в ошибках и жаловались на нападки „напостовцев”, которые выдают свое мнение „за мнение РКП в целом”. Письмо это — явление совершенно новое: писатели просят защиты у партии. К партии обращаются они как к высшему арбитражу.

Резолюция ЦК²⁸³ сочетает обе точки зрения на формы руководства литературой, ибо по сути дела все были согласны в главном: партия, которая распознает „безошибочно общественно-классовое содержание литературных течений” (§ 13), должна ими руководить. Спор шел о соусе, под которым следовало жарить попутчиков.

Большинство советских писателей, страдавших от опеки „напостовцев”, приняли Резолюцию ЦК, как „Хартию писательских свобод”. Лишь немногие поняли ее смысл: Пастернак заявил, что страна переживает не культурную революцию, а „культурную ре-

акцию”,²⁸⁴ О. Мандельштам, как свидетельствует в *Воспоминаниях* Н. Мандельштам, понял, что петля на шее литературы будет затягиваться все туже. Нашлись и такие, которым пришлось по душе идея „напостовцев” о „литературном Чека”. Выступая 2 октября 1926 года на диспуте о „театральной политике советской власти”, Владимир Маяковский призвал к расправе с Михаилом Булгаковым, автором пьесы *Дни Турбиных*, поставленной МХАТом: „Мы случайно дали возможность под руку буржуазии Булгакову пискнуть — и пискнул. А дальше не дадим”.²⁸⁵ Маяковский полностью отождествляет себя с теми, кто „дает” или „не дает” писателям „пищать”. Бывший бунтарь становится гонителем „ереси”.

После Резолюции ЦК власть в литературе, искусстве, театре постепенно переходит в руки „напостовцев”, „неистовых ревнителей”, как их называли.

Глава четвертая ПОИСКИ КОНФЛИКТОВ (1926 – 1928)

1. Смерть НЭПа

Историки спорят о дате смерти новой экономической политики. Умирать она начала в конце 1926 года. Заготовительные кризисы 1927, а потом 1928 годов, выразившиеся в значительном сокращении закупок государством зерна, были зримыми проявлениями кризиса НЭПа. Но НЭП так или иначе, рано или поздно, был обречен. Советская система не была приспособлена, она не была создана, для решения важнейших государственных проблем в обстановке „гражданского мира” традиционными „нормальными” путями.

Система, рожденная революцией для осуществления „большого прыжка” в утопию, выработала в годы гражданской войны, под руководством Ленина, примитивные, но эффективные – в условиях кризиса – формы управления: устрашение, прямой террор, приказ. Только кризис позволял требовать – и брать! – от граждан полного подчинения и жертв. Система требовала жертв – для Цели, для Блага Будущих поколений – и таким образом перебрасывала мост из мира фикции, утопии в мир реальности. Без кризиса мир фикции – утопическая программа, был отделен стеной от мира реальной жизни.

Во второй половине 1926 года НЭП начинает задыхаться: восстановление экономики в главном завершено. Необходимо решить, в каком направлении идти дальше, как развивать экономику, как развивать – прежде всего – промышленность. Программа Бухарина, сконцентрированная в лозунге „обогащайтесь”, означала развитие мирное, традиционное. Н. В. Валентинов (Вольский), до 1905 года

большевик, затем меньшевик, хорошо знавший Ленина и других большевистских руководителей, в годы НЭПа редактировавший *Торгово-промышленную газету*, орган ВСНХ, полагает, что „правые коммунисты шли параллельно со Столыпиным”,¹ что программа Бухарина, поддерживаемая в 1925 году Сталиным, была сходна с реформой Столыпина. С той, правда, разницей, что премьер-министр Николая II верил в вечность результатов своей реформы, а „программа 1925 г.” утверждала частное хозяйство на национализированной земле временно. В 1925 году, однако, эта разница носила теоретический характер, хотя чувство неуверенности у крестьян было. Программа Бухарина оказывала благоприятное воздействие на развитие сельского хозяйства. „1925 год и первая половина 1926 г. были, — пишет Н. Валентинов, — поистине наиболее счастливым периодом в жизни деревни”.² Счастливым можно назвать этот период относительно: он был лучше предыдущего, и неизмеримо лучше того, который наступал. Но и в этот „счастливый период” крестьяне не были уверены в будущем, их „жали” налогами: на 250 рублей дохода крестьянин платил столько же налога, сколько мелкий коммерсант с 1 200 рублей, а рабочий — с 3 800.³ За пуд ржи крестьянин мог купить в 1913 году 5,48 метра текстиля, в 1927 году (июнь—июль) — 2, 55 метра, соли — соответственно — 103 фунта и 61,9 фунта, сахара — 8,24 и 3,93 фунта.⁴

Однако, положение крестьян было значительно лучше положения рабочих, класса-гегемона, от чьего имени была сделана революция. Росла безработица. „Девять лет после Октябрьской революции рабочие основных отраслей нашей промышленности не смеют даже мечтать о довоенной зарплате”.⁵ Недовольство рабочих политикой, позволявшей крестьянам жить лучше пролетариев, было совершенно естественным. В рядах партии, у рядовых членов и в среднем партаппарате, все сильнее ощущается тоска по утраченному раю военного коммунизма: „Были такие братья Райты, — вспоминает герой *Красного дерева*, сидя в подземельи, где собираются последние настоящие коммунисты, — они решили полететь в небо, и они погибли, разбившись о землю, упав с неба... Товарищ Ленин погиб, как братья Райты... Какие были идеи — теперь уже никто не помнит этого, товарищи, кроме нас. Мы — как братья Райты”.⁶ Так тоскует „коммунист призыва военного коммунизма и роспуска 1921 года”.

В 1928 году Артем Веселый публикует „полурассказ” *Босая правда*. Кубанцы-коммунисты, герои гражданской войны, жалуются своему бывшему командиру „Михаилу Васильевичу”: „Надо открыто сказать правду — в жизни нашей больше плохого, чем хорошего”. Они жалуются на бедность, на пренебрежительное отношение к ним

советских властей – бюрократического аппарата. „Не мимо говорит пословица, – пишут старые бойцы, с гордостью вспоминаящие свои подвиги в боях с белыми, – „лаял Серко – нужен был, а стар стал – со двора вон”. Герои гражданской войны задают главный вопрос: „За что мы, Михаил Васильевич, воевали – за кабинеты или за комитеты?”⁷ Свидетельством того, что вопрос этот, жалобы эти повторялись не только героями „полурассказа” А. Веселого, было специальное постановление ЦК ВКП(б) от 8 мая 1929 года – первое такого рода – объявлявшее „строгий выговор редакции „Молодой гвардии” за публикацию „полурассказа” Артема Веселого *Босая правда*, представляющего однобокое, тенденциозное и в основном карикатурное изображение советской действительности, объективно выгодное лишь нашим классовым врагам”.⁸

Герои *Босой правды* видят главное несчастье, гибель революции в том, что „кабинеты заменили комитеты”, в бюрократизме, в „аппарате”.

Советский государственный, экономический, партийный аппарат не переставал расти. В 1928 году он насчитывал 4 миллиона чиновников. Но этот гигантский аппарат, управляемый из центра, не был в состоянии справиться с управлением страной в нормальных условиях. „Шумят об „аппарате”! – писал в его защиту главный пролетарский поэт Демьян Бедный. – Ему нужно дьявольское напряжение, чтоб приводить пролетарский пароход в движение”. А к тому же „пароход еще тянет за собой громадную баржу, крестьянскую баржу, неохотливую, неподатливую, неповоротливую”.⁹ Аппарат был непригоден для выполнения стоявших перед ним задач в условиях „гражданского мира”: он был неповоротлив; неспособен к самостоятельным действиям, он складывался из двух враждебных элементов – из неквалифицированных, нередко неграмотных коммунистов-руководителей, и чиновников, дрожавших от страха. Страх этот культивировался систематически и непрестанно. Единственный орган советской власти, который знали все советские граждане (он приобрел широкую известность и за пределами страны) – ЧК-ОГПУ – стал синонимом хорошей работы. И каждый раз, когда необходимо было сделать что-то быстро, создавалось учреждение, которое называлось Чрезвычайная комиссия. Словосочетание это должно было само по себе подстегивать. А Микоян рассказывает, например, что в декабре 1922 года, когда понадобилось заготовить обувь и теплые вещи, Совет труда и обороны создал Чрезвычайную комиссию по заготовке валенок, лаптей и полушубков, сокращенно Чеквалап.¹⁰ Когда же необходимо было приложить особые усилия – создавалась чрезвычайная комиссия, а ее председателем назначался

Ф. Дзержинский. Он руководит Главным комитетом труда, железнодорожным транспортом, оказывает помощь беспризорным детям, возглавляет Чрезвычайную комиссию по борьбе со снежными заносами, продолжая, конечно, руководить ВЧК, а потом — ГПУ. Когда организуется массовое общество друзей советского кино — председателем избирается Ф. Э. Дзержинский.¹¹ Когда, наконец, создается в 1924 году „Общество изучения межпланетных сообщений”, и здесь не забыт председатель ГПУ.¹² Неуклонно выполнялась воля Ленина, провозгласившего: „ЧК должны стать орудием проведения центральной воли пролетариата, орудием создания такой дисциплины, которую мы сумели создать в Красной Армии”.¹³

31 января 1924 года Дзержинский назначается председателем ВСНХ — высшего органа, руководившего советской экономикой. „Дзержинский, — констатирует его биограф, — еще более приближает аппарат ОГПУ к задачам хозяйственного строительства”.¹⁴ Н. Валентинов в своих мемуарах о работе в ВСНХ рисует Дзержинского спокойным, рассудительным руководителем. Главное качество, которое ценит Н. Валентинов в председателе ОГПУ во время его службы председателем ВСНХ, в том, что он старался не пугать своих сотрудников. А после его смерти работники ВСНХ искренно горевали: „Жаль, умер Дзержинский! С ним было хорошо работать. Нас, специалистов, он ценил и защищал. При нем мы могли спокойно спать. Не боялись, что приедет „черный ворон”.”¹⁵ Сетования эти отлично передают климат „спокойных лет” НЭПа — только под крылом всемогущего Дзержинского ни в чем неповинные „спецы” могут спокойно спать. Рассудительность Дзержинского была сродни рассудительности умного рабовладельца, знающего, что рабы представляют собой материальную ценность. Но председатель ОГПУ не забывает напоминать: „Меня назначили в ВСНХ... и буду проводить плановое начало железной рукой. Кое-кому хорошо известно, что рука у меня тяжелая, может наносить крепкие удары. Я не позволю вести работу так, как ее до сих пор вели, то есть анархически”.¹⁶

Важнейшая особенность системы управления, созданной коммунистической партией, заключалась в том, что все проблемы решались только с точки зрения политических выгод. Экономика, народнохозяйственные проблемы также рассматривались исключительно с точки зрения политики.

Решение народнохозяйственных проблем в последний период НЭПа, как и выработка „генеральной линии” наталкивались на трудности, которых не было в годы „военного коммунизма”, когда авторитет Ленина сметал все возражения, и которых не будет после 1929 г., когда сметать возражения будет власть Сталина. Трудности

1925–1927 годов заключались в существовании оппозиции. Троцкий был разбит легко, но его лозунги, его критика „защитников кулачества” Бухарина и Сталина находили отклик в партии – среди тех, кто спрашивал: „за что боролись”, среди тех, кто вспоминал „идеи коммунизма”, среди рабочих, недовольных своим положением, среди почти двух миллионов безработных.¹⁷ Присоединение к Троцкому его бывших противников – Зиновьева и Каменева – привело к усилению критики. Вытесняемые из ключевых позиций в партийном аппарате, оппозиционеры имели еще возможность излагать свои взгляды в „Дискуссионных листках”, публикуемых изредка *Правдой* (перед съездами), распространять их, как скажут позднее, в „самиздате”. В партийных кругах известны были не только похвалы политике Сталина – Бухарина со стороны Устрялова, но и резкая критика этой политики марксистами-меньшевиками за то, что страна идет не к коммунизму, „а от старого помещичье-капиталистического к новому крестьянско-капиталистическому хозяйству”.¹⁸

На протяжении всего периода внутрипартийной борьбы лишь один раз была выдвинута идея совершенно новая: рабочий, коммунист с 1918 года, Яков Оссовский предложил создать в Советском Союзе вторую партию, установить двухпартийную систему. Как ортодоксальный марксист, он считал, что наличие двух секторов – государственного и частного – в экономике страны – делает необходимым существование двух партий: „Придерживаясь принципа абсолютного единства и единственности нашей партии, – писал Я. Оссовский, – в организациях и партийной печати не допускается свободный обмен мнениями, несмотря на то, что в самой партии, в связи с разнообразием экономики страны, различие мнений фактически существует”.¹⁹ Оссовский был осужден ЦКК и исключен из партии.²⁰ Он был осужден Бухариным: „Дискуссия недопустима потому, что она расшатывает самую основу диктатуры пролетариата, единство нашей партии и ее господствующее положение в стране, что она льет воду на мельницу групп и группировочек, жаждущих политической демократии”.²¹ Осудили предложение Я. Оссовского и оппозиционеры. Двух партий в Советском Союзе никогда не было. Но в 1925–28 годах взгляды оппозиции оказывали влияние на „генеральную линию”.

В 1927 году крестьяне резко сокращают продажу зерна и других продуктов государству. Югославский коммунист А. Чилига, приехавший в 1926 году в Москву представлять свою партию в Коминтерне, отмечает в воспоминаниях: „Московская осень 1927 года была отмечена новым для меня явлением: в магазинах не было масла, сыра, молока. Потом начались перебои в продаже хлеба”.²²

Продовольственные трудности, заготовительный кризис дают Сталину случай нанести очередной удар по оппозиции: в октябре 1927 года Зиновьев и Троцкий исключаются из ЦК. После их попытки организовать контр-демонстрацию по случаю Октябрьской годовщины, Троцкий и Зиновьев исключаются из партии.

Выгнав лидеров оппозиции из партии, Сталин начинает принимать их советы, их программу. Для ликвидации кризиса принимаются чрезвычайные меры: в деревню направляется 30 тыс. членов партии — для выколачивания хлеба. Выезжают „на места” партийные вожди: 15 января 1928 года Сталин покидает Москву и направляется в Сибирь — в последний раз совершает он такого рода поездку по стране. Он дает местным работникам директиву применять к тем крестьянам, которые не сдают хлеб статью 107 Уголовного кодекса, включенную в Кодекс в 1927 году. Статья предусматривала за умышленное повышение цен и укрывательство товаров тюремное заключение сроком на один год с конфискацией имущества или без оного. На поиски запрятанного зерна приглашаются „бедняки”, которым — за низкую плату или в кредит — выдается 25% конфискованного хлеба. Сталинский, его называют „урало-сибирский”, метод сбора хлеба распространяется на всю страну. Крестьяне говорят: „Вернулся 19 год”. За недоимки срывают крыши с хат. В деревни вводятся воинские части для поисков хлеба, виноватым во всем объявляется кулак. Еще совсем недавно Калинин писал, что „кулак это жупел, это призрак старого мира. Это не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, это вымирающие единицы”.²³ Рыков жаловался: „Мы черт знает, что делаем! Ведь в угоду Троцкому, Пятакову, Зиновьеву мы называем кулаком подлинного середняка, совершенно законно желающего быть зажиточным”.²⁴ В июле 1928 г. на пленуме ЦК Сталин гордо заявляет: „Мы давим и тесним постепенно капиталистические элементы деревни, доводя их иногда до разорения”.²⁵

Положение в русской деревне этого времени сжато представил Борис Пильняк: „Мужики в те годы недоумевали по поводу нижеследующей, непонятной им, проблематической дилеммы... Пятьдесят процентов мужиков вставали в три часа утра и ложились спать в одиннадцать вечера, и работали у них все, от мала до велика, не покладая рук: ... избы у них были исправны, как телеги, скотина сыта и в холе, как сами сыты и в труде по уши; продналоги и прочие повинности они платили государству аккуратно, власти боялись; и считались они: врагами революции, ни более, ни менее того. Другие же проценты мужиков имели по избе подбитой ветром, по тощей корове и по паршивой овце, — больше ничего не имели... государство

снимало с них продналог, и семссуду, — и они считались друзьями революции. Мужики из „врагов” по поводу „друзей” утверждали, что процентов тридцать пять друзей — пьяницы..., процентов пять — не везет..., а шестьдесят процентов — бездельники, говоруны, философы, лентяи, недотепы. „Врагов” по деревням всемерно жали, чтобы превратить их в „друзей”, а тем самым лишая их возможности платить продналог, избы их превращали в состояние, подбитое ветром”.²⁶

Ни мужики, ни Борис Пильняк еще не представляли себе в конце периода НЭПа, что будет сделано с деревней и крестьянством.

11 июля происходит тайная встреча представителя „объединенной” троцкистско-зиновьевской оппозиции Л. Каменева с главой „правых” Н. Бухариным. После нескольких лет тесного сотрудничества, после помощи оказанной Сталину, Бухарин вдруг признается, что „мы рассматриваем линию Сталина, как смертельную опасность для революции... Наши расхождения со Сталиным гораздо более серьезны, чем между нами и вами”. Бухарин вдруг обнаруживает, что „Сталин это беспринципный интриган, который подчиняет все своей жажде власти. Он меняет взгляды только для того, чтобы освободиться от кого-либо в данный момент”. Троцкисты, к которым попадает запись беседы Бухарин — Каменев, злорадно ее публикуют. Для Сталина это еще один материал в борьбе, которую он начинает против „правых”. В этой борьбе он принимает поддержку „левых”: многие „левые” оппозиционеры, сидящие в политизоляторах, находящиеся в ссылке, шлют заявления о своей „капитуляции”, о согласии с новой политикой Сталина, которая по сути дела является (как они убеждены) их политикой. Переиздается книга Е. Преображенского о „первоначальном социалистическом накоплении” — Сталин и его привлекает на свою сторону. В ответ на сомнения Преображенского в связи с тем, что Центральный комитет все еще стоит на „правых” позициях, Генеральный секретарь, — как передает разговор А. Чилига, — ответил: „Если надо я арестую весь ЦК, но пятилетний план выполню”.²⁷ Арест ЦК придет позже, но 16 января 1928 года Троцкий высылается в Алма-Ата, через год он будет выслан в Турцию.

Сталин объявит о конце НЭПа в декабре 1929 года, но „гражданский мир” он объявит расторгнутым уже в апреле 1928 года: „Мы имеем врагов внутренних, мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на минуту”.²⁸ Сигналом, возвестившим начало войны против общества, был Шахтинский процесс, состоявшийся в Москве летом 1928 года. 53 инженера и техника — руководители угольной промышленности Донбасса, обвиняются во вредительстве и шпионаже. Слово „вредитель” становится одним из

самых распространенных в русском языке. После процесса эсеров в 1922 году прошло 6 лет. Шахтинский процесс был первым публичным показательным судом после цезуры НЭПа. Роберт Конквест, автор наиболее полной (за исключением, конечно, *Архипелага ГУЛаг* Александра Солженицына) истории „большого террора”, полагает, что Шахтинское дело возникло по личной инициативе Е. Г. Евдокимова, уполномоченного ОГПУ на Кавказе.²⁹ Не исключая личной чекистской инициативы Евдокимова, бывшего уголовника, сделавшего в годы гражданской войны блестящую карьеру в „органах” (он имел, прежде всего за свою карательную деятельность, наград больше, чем все другие сотрудники ОГПУ), ставшего собутыльником Сталина,³⁰ можно, однако, думать, что Шахты не были выбраны случайно.

Среди обвиняемых было 3 немецких инженера. Шахтинский процесс был, таким образом, задуман для решения как внутренних, так и внешних задач. Он стал проверкой модели показательных процессов: обвинение во вредительстве и шпионаже в пользу той иностранной державы, с которой в данный момент были испорчены отношения; признание обвиняемых (в ходе шахтинского процесса двое из обвиняемых не предстали перед судом, видимо погибнув во время допросов, несколько человек не во всем соглашались с обвинителем — прокурором Крыленко); гнев народа. Двадцать лет спустя, Джордж Орвелл расскажет в романе *1984* о государстве будущего, в котором ежедневно проводятся „двухминутки ненависти”: граждане собираются перед телевизорами, на экране которых появляется изображение врага народа Гольдберга и все его ненавидят. В Советском Союзе в 20-е годы еще не было телевизоров. Используются газеты. Первый опыт организации „ненависти” был проведен по указаниям Ленина летом 1922 года во время процесса эсеров. Во время Шахтинского процесса ненависть организуется в значительно более широких масштабах.

Летом 1920 года в Екатеринбурге разбиралось дело об убийстве группы „спецов” — техников, работавших в егоршинских копях. Техников убили „местные партийные товарищи”, севшие „спецов” контрреволюционерами. Свидетели, допрошенные судом, показали, что „о контрреволюционной работе убитых техников они ничего не знают”. Защищал убийц адвокат Н. В. Коммодов: „... В их жилах течет здоровая кровь, — говорил он. — Они познали всю тяжесть социального неравенства и научились ненавидеть своих классовых врагов. Это чувство и руководило ими”.³¹ Восемь лет спустя *Правда* в передовой статье „Классовый процесс” писала: „Сегодня в Колонном зале Дома Союзов перед лицом Верховного суда СССР пред-

станет плеяда „героев” Шахтинского дела... Им твердо гарантирована смертельная классовая ненависть рабочих и трудящихся всего мира...”³² Адвокат Н. В. Коммодов, представлявший одного из обвиняемых, не нашел убедительных аргументов для защиты человека, в жилах которого текла „больная кровь” „спеца”. В ходе газетной кампании ненависти было опубликовано заявление 12-летнего сына одного из обвиняемых: сын просил расстрелять отца. Начиналась новая эпоха.

2. Внешняя политика

Рапальский договор открывает период нормальных дипломатических отношений с капиталистическим миром. 1924 – год „признания” советской республики: начала Великобритания в феврале, затем последовали Италия, Норвегия, Австрия, Греция, Швеция, Китай, Дания, в октябре – Франция. Но советская внешняя политика носит двухэтажный характер: традиционные дипломатические отношения – лишь один из ее этажей. Второй этаж – в 20-е годы не менее важный, чем первый – деятельность Коминтерна: после краха надежд на революцию в Германии главной задачей коммунистических партий становится выполнение внешнеполитических задач советской республики. В конце 1924 года представители „рабочей оппозиции” С. Медведев и А. Шляпников в открытом письме *Бакинскому рабочему* писали, что вся деятельность Коминтерна свелась „к насаждению материально-немогущих „коммунистических” секций и к содержанию их за счет того достоинства российских рабочих масс, за которое они платили своей кровью и жертвами, но которые они для себя использовать не могут при современных условиях; на деле создаются оравы мелкобуржуазной челяди, поддерживаемые русским золотом...”³³ Если можно согласиться с тем, что „коммунистические секции” жили за счет „русского золота”, трудно согласиться с тем, что к получению „русского золота” сводилась вся их деятельность. „Коммунистические секции” слепо выполняют все приказы, приходящие из Москвы, в случае недовольства малопослушными руководителями, они немедленно заменяются послушными. Кроме того иностранные компартии создают вокруг себя облако прокоммунистических, тайно или явно сочувствующих массовых организаций, обществ, клубов. Организующих, мобилизующих мировое общественное мнение на защиту Советского Союза. Немецкий коммунист Вилли Мюнценберг – организатор и руководитель МОПРа, Лиги борьбы с империализмом, прокоммунистического, то есть про-

советского журнально-газетного концерна в Германии, всемирных кампаний в защиту жертв капитализма (немецкого анархиста Макса Гельца, венгерского коммуниста Матиаса Ракоши, американских анархистов Сакко и Ванцети) — станет учителем новых методов пропаганды.

Нередко оба „этажа” советской внешней политики работали вместе и трудно разделить, где кончается один и где начинается другой. Вальтер Кривицкий, руководитель советской военно-разведывательной сети в Западной Европе, отказавшийся в 1937 году вернуться в Москву, где, как он твердо знал, его ждал расстрел, вспоминает в своих мемуарах: в 1923 году, когда французы оккупировали Рур, советское правительство ждало с минуты на минуту революции. Кривицкий и пять других офицеров направляются в Германию для создания в коммунистической партии ядра будущей германской Красной армии, ядра будущей германской ЧК, специальных отрядов по разложению — их задачей была подрывная деятельность в рядах армии и рейхсвера.³⁴ Осенью 1924 года положение в Германии стабилизировалось, но председатель Коминтерна Зиновьев заявляет, что революционная ситуация возникла в Эстонии. Начальник Разведывательного управления Красной армии Берзин получает приказ от Зиновьева поддержать революцию в Эстонии: 60 офицеров немедленно направляется в Эстонию. 1 декабря 1924 года в Ревеле вспыхивает „революция”. Советские агенты и местные коммунисты не получают никакой поддержки от населения — путч заканчивается кровавой баней.³⁵

Осенью 1927 года Сталин, который к этому времени сам руководил Коминтерном, обидевшись на упреки троцкистов, обвинявших его в предательстве мировой революции, решил, что революционная ситуация возникла в Китае. Сталин посылает в Кантон немецкого коммуниста Гейнца Неймана и советского коммуниста Бессо Ломинадзе. Агенты Сталина поднимают в декабре 1927 года восстание в Кантоне, которое немедленно подавляется. В Ревеле было расстреляно более 150 человек. В Кантоне было казнено более 5 тысяч человек.

Нераздельность традиционной дипломатической и новаторской коминтерновской деятельности выражалась даже в том, что нередко советские дипломатические представительства за границей были одновременно центрами Коминтерна. Г. С. Агабеков, видный сотрудник ОГПУ, резидент на Ближнем Востоке, рассказывал, что „в 1926 г. советское консульство в Мешед /Персия/ являлось одновременно представителем Третьего Интернационала, точно так же, как в 1924–25 гг. полномочный представитель СССР в Афганистане Старк одновременно являлся тайным представителем Коминтерна

в Афганистане и северных провинциях Индии”.³⁶

В 20-е годы Советский Союз сосредотачивал свое внимание на трех странах. Они главные объекты советской внешней политики: Германия, Англия, Китай.

Отличные отношения с Германией развивались в области традиционной дипломатии, одновременно поддерживалась Коммунистическая партия Германии, и не переставали развиваться и крепнуть отношения „третьего этажа” — экономические. Экономические отношения не ограничивались торговлей, они охватывали также все-стороннюю техническую и технологическую помощь Германии советской республике. Более 2 тысяч немецких инженеров и техников прибывают в Советский Союз после подписания Раппальского договора.³⁷ Они активно содействуют восстановлению советской промышленности. Особую главу составляло германо-советское военное сотрудничество. Версальский договор запретил 100-тысячному германскому рейхсверу иметь современное вооружение, в частности авиацию, танки. В середине 1923 года „Юнкерс” получает возможность строить самолеты в Филях, под Москвой. В 1924 году в Липецке открывается тренировочный центр для немецких летчиков. Русские и немецкие химики совместно испытывают отравляющие вещества. Крупп строит артиллерийские заводы в советской Средней Азии.³⁸ Проникавшие в свое время в печать сведения о германо-советском сотрудничестве в военной области, опровергаемые и советской, и германской сторонами, были полностью подтверждены документами, найденными в германских архивах после Второй мировой войны. Снова возникает вопрос: какая сторона выиграла в процессе советско-германского военного сотрудничества? Генерал фон Сект мог создавать рейхсвер, обходя Версальский договор, мог вооружать его новейшим оружием, которое строилось и испытывалось на советской территории. Красная армия также несомненно получала пользу: военные проходили стажировку в Германии, промышленность получала новую технологию. Поскольку, Сталин истребил всех офицеров и генералов, побывавших в Германии или встречавшихся с немецкими офицерами, можно сказать, что пользу получила только немецкая сторона.

Американский историк высказывает вполне обоснованное предположение, что включение немецких инженеров в число обвиняемых во время Шахтинского процесса, было связано с тем, что к концу 1927 года немецкая техническая помощь приобрела доминирующий характер, что число немецких инженеров и техников выросло слишком сильно. Решено было дать им урок. По Шахтинскому делу было привлечено к ответственности 3 немецких инженера, но аресто-

вано было в этот момент — 32. Само число арестованных дает представление об их значительной численности. После Шахтинского процесса советское правительство обращается за технической помощью к американцам: в середине 1929 года Советский Союз имел технические соглашения с 27 германскими фирмами и с 15 американскими. В конце 1929 года уже 40 американских фирм сотрудничало с СССР.³⁹

После признания Советского Союза Великобританией англо-советские отношения нормализуются, но Москва рассматривает Англию, как основного противника прежде всего в Азии (Афганистан, Китай). Советский Союз пытается использовать приход к власти лейбористов — впервые в истории Англии лейбористы побеждают на выборах и признают Советский Союз — для того, чтобы превратить коммунистическую партию в массовую организацию, чтобы проникнуть в профсоюзы. В том же 1924 году лейбористы терпят поражение на выборах. Одной из главных причин поражения Рабочей партии было так называемое „Письмо Зиновьева“. Английская печать опубликовала „тайное письмо Зиновьева“ — директиву английским коммунистам. Спор о том, было ли письмо подлинным или фальшивкой, идет до сих пор. Но даже если письмо было фальшивкой, в нем нет ничего, чего бы Зиновьев не мог написать. Директива особенно возмущившая английское общественное мнение — вести подрывную работу в армии — входила в число 21 условия, принятие которых было обязательно для всех коммунистических партий. Во время всеобщей забастовки 1926 года в Советском Союзе проводится сбор средств в пользу английских забастовщиков. Создается Англо-русский профсоюзный комитет.

Договор, подписанный в 1924 году с Китаем, предусматривал сохранение за Советским Союзом прав на КВЖД⁴⁰ и фактический протекторат над Внешней Монголией, которая объявляет себя Народной Республикой. Одновременно Советский Союз оказывает активную помощь национальной партии Гоминдан, руководимой Сун Ят-Сеном. В Китае работают советские военные советники, возглавляемые Галеном — В. Блюхером. Небольшая коммунистическая партия, действуя по указаниям Москвы, становится частью Гоминдана. Политика в Китае становится одной из главных тем спора между Сталиным и Троцким. Троцкий настаивает на необходимости разжигания революционной борьбы в Китае, опираясь на компартию; Сталин выступает за полттику поддержки Гоминдана и, возглавившего партию после смерти Сун Ят-сена, Чан Кай-ши. Сталин и Бухарин считают, что Гоминдан играет „объективно прогрессивную роль“. Чан Кай-ши сотрудничает с Москвой, но не хочет иметь в своей

партии коммунистов. В 1926 году их исключают из Гоминдала, арестовывают. В апреле 1927 года Чан Кай-ши организует резню коммунистов в Шанхае. Вскоре после этого Сталин, желая себя реабилитировать, посылает Неймана и Ломинадзе в Кантон. Неудачу кантонского восстания он назовет „победоносным арьергардным боем”.

Внешняя политика Советского Союза в этот период определяется тремя главными принципами: Советский Союз — важнейший фактор мировой революции, его укрепление равнозначно с укреплением мирового революционного движения, ради интересов Советского Союза можно жертвовать революциями, коммунистическими партиями в других странах; конфликт между Советским Союзом и капиталистическими странами неизбежен рано или поздно, революционное движение в капиталистических странах — резервная сила, которая поможет Москве; характер капиталистических стран таков, что ведение против них подрывной революционной деятельности не исключает возможности вести с ними нормальные дипломатические и торговые отношения.

Полный объем западной экономической и технической помощи Советскому Союзу не будет известен, пока не откроются советские архивы. Западные фирмы, сотрудничавшие с Москвой скрывали информацию почти так же тщательно, как и их советские партнеры. Тем не менее на основании немецких и американских архивов американский историк Сеттон пришел к выводу, что 95% советских промышленных предприятий получали западную помощь в форме машин, технологии, прямой технической помощи.⁴¹ Советский Союз умело использовал конкуренцию между капиталистическими фирмами. „В области технической помощи, — писала *Экономическая жизнь*, — мы не придерживаемся ни английской, ни немецкой, ни американской ориентации. Мы придерживаемся советской ориентации... Когда нам нужно модернизировать нефтяную, автомобильную и тракторную промышленность, мы обращаемся к Америке, ибо США ведущая страна в этих отраслях. Когда речь идет о химии, мы обращаемся к Германии...”⁴² *Экономическая жизнь* пишет об одинаковых возможностях обращения за помощью к Германии, Англии и США, хотя Германия и Англия „признали” СССР и имели дипломатические отношения, а „признание” США пришло лишь в 1933 году. Капиталистические фирмы, ожесточенно конкурируя друг с другом, спешили предложить свои услуги: приобретали концессии, поставляли новейшее оборудование, новейшую технологию, посылали инженеров и техников, принимали советских стажеров (320 советских инженеров проходило стаж на западных предприятиях в

1925—26 годах, более 400 — в 1927—8, более 500 — в 1928—29).

Миф о „блокаде”, „экономической изоляции”, „враждебном отношении” капиталистических „акул” к „родине социализма” разлетается вдребезги при знакомстве с фактами. Только помощь Запада позволила советской власти осуществить быстрое восстановление экономики страны в 20-е годы: транспорта, всех видов промышленности, добычи полезных ископаемых. Помощь эта давалась несмотря на политику советского государства, чинившего всевозможные препятствия капиталистическим фирмам, ликвидировавшего концессии, едва лишь западное оборудование и технология осваивались советскими специалистами. Никогда еще не сталкивавшиеся с таким могучим партнером, как государство, обладающее монополией на жизнь в стране, и гонимые жаждой прибыли, капиталистические фирмы всегда были в позиции слабости. Наряду с Коминтерном и прокоммунистическими организациями, жаждущие прибыли капиталисты были организаторами общественного мнения в пользу Советского Союза. Когда одна из крупнейших в мире нефтяных компаний „Стандарт ойл” решила построить по советскому заказу в Батуми нефтеперегонный завод, в Советский Союз был послан виднейший специалист по рекламе: „Стандарт ойл” хотела убедить американскую общественность в том, что страна социализма — государство как все другие. „Я слышал, — начинает свой рассказ о короткой прогулке по Советскому Союзу специалист по рекламе, — что русское правительство, коммунистическая партия и Коммунистический интернационал организовали заговор против человечества, прежде всего капиталистического человечества. Мне было очень интересно увидеть самому как выглядит этот заговор и как он функционирует”. Не зная ни слова по-русски, через несколько дней представитель Рокфеллера все понял: русские (он говорит все время о русских, не о советских) — о’кей! Поэтому США должны признать Советский Союз и дать ему кредиты.⁴³

Важную роль в развитии советско-капиталистических отношений сыграла деятельность иностранцев, игравших роль „живца”. В первую очередь следует назвать Арманда Гаммера. Сын доктора Юлиуса Гаммера, одного из основателей американской коммунистической партии, молодой доктор Арманд Гаммер приезжает в 1921 году в Москву с рекомендацией неофициального советского торгового представителя в США Мартенса. А. Гаммер привозит с собой вагон медикаментов в подарок советскому правительству. Он встречается с Лениным. Ленин проникается симпатией к молодому предприимчивому американцу, сыну коммуниста: свидетельствует об этом фотография, которую вождь мирового пролетариата дарит ему с над-

писью: „Товарищу Арманду Гаммеру от Вл. Ульянова (Ленина). 10.11.1921” (надпись по-английски). Но кроме фотографии Ленин дает американцу совет: взять в концессию Алапаевские асбестовые рудники — и лично организует немедленное оформление этой концессии (обычно это могло тянуться месяцами). А. Гаммер не ограничивается первым миллионом, который дает ему асбестовая концессия. До 1930 года он живет — вместе с многочисленной семьей: жена, мать, братья, дядя — в Москве. О московском жилищном кризисе написаны сотни страниц, лучшие из них принадлежат Михаилу Булгакову. А. Гаммер снимает в Москве дом в 24 комнаты и превращает его в неофициальное представительство США. Он берет в концессию производство карандашей и перьев: в 1926 году его фабрика выпускает 100 млн. карандашей и приносит фабриканту огромные доходы. Он их использует для скупки русских произведений искусства. В отличие от всех других концессионеров А. Гаммер имеет возможность обращать свои доходы в доллары. Пример его действует заразительно. А. Гаммер посредничает при заключении договора между советским правительством и ярым врагом коммунистов — Генри Фордом. „Американская объединенная компания” — 50% капитала А. Гаммера и 50% советского правительства — ведет дела „трех дюжин американских фирм”, торгующих с Советским Союзом.⁴⁴ Феноменальные успехи д-ра Арманда Гаммера, заработавшего в СССР миллионы, не могли не соблазнять капиталистов.

Убедительным свидетельством отсутствия „агрессивных капиталистических планов” был тот факт, что Красная армия, насчитывавшая в 1929 году 1,2 млн. человек, была оснащена русским довоенным и иностранным оружием. Советская промышленность не была еще в состоянии производить необходимое вооружение, его поставляют немцы, англичане, американцы, французы: тяжелые пулеметы — „Максим” и „Кольт”, легкие — „Браунинг” и „Льюис”; артиллерию — наряду с русской 76-дьюймовкой, английская гаубица; танки — „Рено”, сооружаемые в Филях с немецкой помощью и т. д.

Первый пятилетний план стал реальностью, начал выполняться лишь после того, как были подписаны контракты на строительство и техническую помощь с западными фирмами.

Успехи внешней политики на „третьем этаже” — экономическом, впрочем успехи скрываемые, отрицаемые, не мешают „поискам конфликтов” на первых двух этажах. Кризис в англо-советских отношениях, вызванный вмешательством советских профсоюзов, „независимых от государства”, как говорилось в ноте наркоминдела, в английские дела во время всеобщей забастовки 1926 года, привел, после налета лондонской полиции на советское торговое представи-

тельство, к разрыву дипломатических отношений. С 1927 до 1929 г. Англия и Советский Союз не имели дипломатических отношений. В том же 1927 году Франция потребовала отзыва советского посла Х. Раковского. Троцкист Раковский „капитулировал” и написал в ЦК покаянное письмо, в котором, в частности, обещал в случае войны с империалистами призывать солдат империалистических армий к дезертирству. Французы сочли такие обещания несовместимыми с дипломатическим статусом. Эмигрант Борис Коверда убил советского посла в Варшаве Войкова, принимавшего в 1918 году участие в убийстве царской семьи. Неудачу потерпел задуманный Сталиным путч в Кантоне.

Все эти разрозненные события советское руководство представляет, как звенья единого заговора, который должен завершиться неминуемой – в ближайшее время – войной, нападением империалистических держав. В историю этот эпизод вошел под названием „военная тревога 1927 года”. Историки спорят: верили ли сами советские руководители, прежде всего Сталин в неминуемость военного нападения на СССР. 1927 год был самым спокойным годом в мире после окончания войны. Экономические отношения с Западом развивались. Но „военная тревога” давала Сталину дополнительный аргумент в пользу быстрой ликвидации оппозиции, которая „подрывает единство” перед лицом империалистической интервенции. В 1929 году Чичерин, занимавший еще пост наркома по иностранным делам, но фактически давно уже отстраненный от дел, рассказывал в Висбадене, где он лечился, американскому журналисту Луи Фишеру: „В июне 1927 г. я вернулся из Западной Европы. Все в Москве говорили о войне. Я старался разубедить их: „никто не планирует нападение на нас”. Я настаивал. Тогда коллега меня просветил. Он сказал: „Шш. Мы это знаем. Но нам это нужно для борьбы с Троцким”.”⁴⁵

Шестой конгресс Коминтерна, собравшийся в июле 1928 года в Москве, определил новую политическую линию „второго этажа” советской внешней политики. Предпоследний конгресс Коминтерна (последний соберется в 1934 году, а в 1943 Третий Интернационал будет разогнан одним росчерком пера) собрался уже не в Кремле, как предыдущие, а в Доме союзов. Он подчеркнул необходимость укрепления дисциплины в компартиях и подчинения местных интересов интересам международного коммунистического движения, то есть интересам Москвы, и безоговорочного выполнения всех решений Коминтерна. По старой большевистской традиции новую линию представлял ее противник: „правый” Бухарин защищал крайне левую троцкистскую линию, поддерживаемую теперь Сталиным. Ком-

мунистические партии получили директиву считать главным врагом социалистические партии, объявленные „социал-фашистскими”. Марксистский научный анализ позволил Сталину прийти к выводу, что Запад вступил в полосу мирной стабилизации, поэтому задача коммунистов должна состоять в том, чтобы вырвать рабочий класс из-под влияния „социал-фашистов”. Затем, когда придет время кризисов и войн, неизбежных в связи с нарастающими противоречиями между главными капиталистическими странами, прежде всего между Англией и США, коммунисты смогут попытаться захватить власть.

В январе 1928 года Троцкий и его товарищи направляют письмо в Коминтерн с жалобой на репрессии. В письме признавалось, что репрессии могут играть чрезвычайно положительную роль — если они поддерживают правильную линию и способствуют ликвидации реакционных групп. Троцкисты подчеркивали, что, как большевики, они хорошо знают пользу репрессий и сами многократно пользовались репрессивными средствами против буржуазии, против меньшевиков. Они заявляли, что и в будущем не собираются, не думают даже, отказываться от репрессий против врагов пролетариата. Они считают только, что использование репрессий против них — несправедливо. Впрочем, — напоминали Троцкий и его товарищи, — репрессии против большевиков всегда оказывались неэффективными. Ибо в конечном счете все решает правильность политической линии. Тот, кто поддерживает правильную политическую линию — победит, кто поддерживает неправильную — потерпит поражение.

Неопровержимым доказательством справедливости троцкистско-марксистской логики была победа Сталина по всем линиям и поражение Троцкого. Впрочем, Троцкий утешал себя тем, что фактически Сталин следует его линии.

3. Заря новой цивилизации

В 1928 году походил конец „рыжему времени”. С лета, с Шахтинского процесса, закончившегося 5 расстрелами, оно все больше червенеет.

За годы НЭПа страна залечила самые страшные военные раны: была восстановлена экономика, несмотря на многочисленные трудности, особенно остро ощущаемые рабочими и трудовой интеллигенцией — учителями, врачами; жизнь принимала нормальный облик. Это были достижения. Но велика была их цена. Население жило в неуверенности, в страхе за завтрашний день, в страхе нарушить закон. Парадокс жизни в эту пору состоял в том, что те, кто

считал себя победителями и кто мог не бояться – рабочие – жили плохо; те же, кто знал, что они побежденные – крестьяне-середняки, нэпманы, интеллигенция – были обеспечены в материальном отношении, но жили в страхе.

Страна существовала в разных измерениях. Партия знала Цель, но ее вожди вели ожесточенную междоусобную войну за право вести к этой Цели единственно правильным, своим путем. Соединенные Штаты Америки – американская техника, Форд, Тейлор – становятся моделью, предметом поклонения. Сталин говорит о сочетании „русского революционного размаха и американской деловитости”; пролетарский поэт и создатель Лиги времени Алексей Гастев призывает: „Возьмем буран революции – СССР. Вложим пульс Америки и сделаем работу, выверенную как хронометр”. Л. Сосновский объявляет, что он будет искать „русских американцев”, людей, которые „умеют работать таким темпом и с таким напором и нажимом, каких не знала старая Русь”. Крестьянский поэт Петр Орешин восклицает: „И снится каждой полевой лачуге чудесный край – железный Нью-Йорк”. Писатель Н. Смирнов пишет роман *Джек Восьмеркин – американец*, о русском человеке, жившем в США и вернувшемся на родину, чтобы перенести американский опыт в советскую Россию. Крестьяне деревни, в которой поселяется Джек Восьмеркин встречают его недружелюбно. И не только потому, что крестьяне – косный народ, но и потому, что едва лишь крестьянин начинал применять передовые – хотя бы американские – методы, он начинал богатеть. И немедленно становился врагом власти.

Жизнь, казалось, возвращалась в норму, но борьба с религией и нараставшая антирелигиозная кампания, рождали тревогу: устраивались красные пасхи, крещения, молебны. В моде была замена имен и новые имена для новорожденных: в загсах вывешивались инструктивно-рекомендательные списки с именами. Предлагались – для девочек: Атлантида, Брунгильда, Индустрия, Октябрина, Февралина, Идея, Коммуна, Маина, для мальчиков – Червонец, Спартак, Текстиль, Стяг, Пламенный Владилен. На 4-ой странице *Известий* Демьян Касьянович Миронов извещал, что он меняет свое имя на Декамирон. Но в деревне 75% браков заключались в церкви и детям давали имена по христианскому календарю. Ожидалось отмирание не только семьи, но и школы. Ликвидировалась неграмотность. Но, как заметил немецкий историк, посетивший советскую страну, „большевики организовали народное образование так, чтобы никто не мог выйти за пределы официально разрешенного уровня знаний и образования, дабы не возникла для пролетарского государства опасность приобретения гражданами излишнего объема знаний, что превратило

бы их в „подрывной” элемент.⁴⁶ Американский писатель Теодор Драйзер, проведший в 1927 году 77 дней в Советском Союзе, говорил Бухарину тоже самое: „Вы берете ребенка и вдалбливаете ему определенные понятия. Кроме того, чему вы его обучаете, он ничего не знает — и не будет знать, вы постараетесь об этом. Успех вашей революции, таким образом, зависит от воспитания детей, не так ли? — Отчасти так, — согласился Бухарин...”⁴⁷

С 1921 по 1928 год советская литература переживает время расцвета. Но начинает складываться особый, неизвестный ранее тип писателя. „Не расстреливал несчастных по темницам”, — пишет Сергей Есенин, ставя себе в заслугу то, что всего десяток лет назад было естественным не только для писателя. Казалось, что слова Бухарина: „мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике” были метафорой, поэтическим образом. Но все чаще писатели, чувствуя несоответствие традиционного русского писательского призвания, состоявшего в предстательстве за малых и сырых, с новой действительностью, сами просят, как Илья Сельвинский: „Товарищ! ... обдумай нас, включи наши нервы И наладь в ход, как любой завод...” Маяковский констатирует свершившийся факт: „Я себя советским чувствую заводом...” Комсомольский поэт И. Уткин идет дальше всех: „Мы сами готовы горячим лечь в плавильную печь”. Сталин — для населения страны — еще вождь, как и многие другие, гораздо менее известный, чем, например, Троцкий. Но, давно прибрав к рукам партийный аппарат, все больше вникая в экономику, внешнюю политику, Сталин начинает выражать свои взгляды и на литературу. Пока еще в письмах, которые, однако, распространяясь в писательско-издательско-главлитовских кругах, приобретают директивный характер. Шолохов, которого некоторые пролетарские писатели обвиняют в плагиате и апологии белого казачества, объявляется Сталиным „знаменитым писателем нашего времени”,⁴⁸ поэма А. Безыменского „Выстрел” объявляется „образцом революционного пролетарского искусства для нашего времени”,⁴⁹ пьеса *Бег* М. Булгакова — „допыткой оправдать или полуоправдать белогвардейское дело”...⁵⁰

Живы еще революционные лозунги, надежды на мировую революцию, на пришествие бесклассового общества и отмирание государства, после окончательной победы над враждебными классами. В газетах много пишут о поисках отважным путешественником Куликом таинственного Тунгусского метеорита. Всеобщее внимание привлекают герои Арктики — бесстрашный норвежец Амундсен и итальянский генерал Нобиле. И, конечно, первые не связанные с войнами и революцией советские герои — моряки ледокола „Красин”

и полярные летчики, спасающие в Арктике гибнущих героев полюса.

Советская юстиция рождается как юстиция революционная и классовая. Она не стыдится террора — ибо он очищает землю для лучшего будущего. В московском Музее революции в отдельном зале собраны реликвии царской каторги: орудия пыток, макеты камер. „Тюрьмы были и есть, — объясняет Бухарин, — система принуждения есть, — только они направлены на другие цели”.⁵¹ „Мы, — добавляет он, — только перевернули понятие „свобода”.” То есть раньше была свобода для помещиков и капиталистов, а теперь — для рабочих и крестьян. Но число заключенных в тюрьмах (не менее 40% из них — по официальным данным были рабочие и крестьяне) не переставало расти. Простое сопоставление цифр показывает, что на десятом году революции число заключенных в советских тюрьмах превышало самое большое число заключенных когда либо отбывавших наказание в царских тюрьмах. В 1925 году в советских тюрьмах отбывало срок 144 тысячи, в 1926 — 149, в 1927 — 185 тыс. человек.⁵² В 1912 г. население царских тюрем составляло 183 864 человека, а потом неуклонно падало, дойдя в 1916 году до 142 399 человек.⁵³ Население советских тюрем и лагерей будет расти темпами, которых никто вообразить себе не мог. Сбудутся слова Ленина, с возмущением писавшего: „Вряд ли когда-нибудь в прошлом бывали до такой степени переполнены арестованными крепости, замки, тюрьмы, особые помещения при полицейских частях и даже временно превращенные в тюрьмы частные дома и квартиры. Нет места, чтобы поместить всех хватаемых, нет возможности, без снаряжения экстраординарных „экспедиций”, пересылать в Сибирь с обычными „транспортирами” всех ссылаемых”.⁵⁴ Когда Ленин негодовал по поводу бесчеловечности царского режима — в 1902 году — в тюрьмах находилось 89 889 человек.

После Октябрьской революции были ликвидированы тюрьмы. Они стали называться — дома заключения (домзак). Была ликвидирована — до 1943 года — каторга, она стала называться концентрационный лагерь. Вычеркнуто было из юридического словаря и слово „наказание”. Его заменило выражение: мера социальной защиты. Не было и наказания: лиц, нарушивших революционный закон, следовало либо уничтожить, либо изолировать, либо — социально близких, рабочих и крестьян, действовавших под влиянием пережитков проклятого прошлого — перевоспитать. По отношению к подлежащим „перевоспитанию” применяются западные, передовые методы. Политические заключенные — члены социалистических партий, а потом оппозиционеры — пользуются почти теми же правами, какие они имели в царское время. Юристы-марксисты говорят о близком

„отмирании” права, что приведет к ликвидации системы принуждения, тюрем и т. п.

С 1926 году прерогативы ОГПУ начинают расширяться. Немало надежд было связано с исчезновением „ВЧК”. ГПУ, констатирует немецкий путешественник, „работает более изысканно и элегантно, чем ВЧК. Сотрудники чрезвычайно вежливы, обаятельны и услужливы, желая стереть память о ЧК”.⁵⁵ Иного мнения были иностранцы, имевшие возможность познакомиться с „работой ГПУ” в качестве его клиентов. Одно из первых иностранных свидетельств о Соловецком концлагере, книга финна Бориса Цедергольма называлась *В стране НЭПа и ЧК*.⁵⁶ Формально это было неверно: следовало бы сказать — в стране НЭПа и ГПУ, но Б. Цедергольм различия не видит. Как не видит его и американский журналист Джорж Попов, озглавивший свои воспоминания о пребывании в 1924 году „на Лубянке, 2” коротко: *ЧК*.⁵⁷ ГПУ получило в наследство от ЧК главную резиденцию — Лубянка, 2, имя наводившее ужас: „Ночью растолкать кого-нибудь и брякнуть: „Лубянка” — взглянет на босые ноги, со всеми простится, молодой, здоровый — бык — заплачет, как мальчонка”.⁵⁸ Получило в наследство председателя — Дзержинского. Навыки работы. В первые годы НЭПа были сделаны нерешительные попытки „закрепить очень важное демократическое начало, согласно которому право назначать наказание принадлежало только судебным органам”.⁵⁹ Но попытки эти очень быстро прекратились. В октябре 1922 года ГПУ получает право применять внесудебные репрессии, включая расстрел, по отношению к бандитам. Круг клиентов быстро расширяется. 6 мая 1926 года центральные газеты поместили, например, сообщение о расстреле — по решению ОГПУ — трех работников наркомфина „за спекуляцию золотом, валютой и государственными облигациями”. В наследство от ЧК получило ОГПУ „собственные” места заключения, в том числе Соловки. До появления гитлеровских лагерей „Соловки” будут символом произвола, жестокости, тиранической власти. „Здесь власть не советская, а соловецкая”, — приветствовал заключенных на острове начальник лагеря. „Власть соловецкая” была властью ОГПУ, но это — квинтэссенция советской власти. С 1923 года ГПУ все активнее включается в партийную борьбу. В десятилетие „органов” *Правда* приветствует их достижения и провозглашает необходимость ГПУ для борьбы с классовым врагом, для охраны закона и порядка.⁶⁰ Весь 1927 год полномочия ГПУ не перестают расширяться: после убийства Войкова в июле „органам” предписывается принять решительные меры для защиты страны от иностранных шпионов, провокаторов и убийц, и их монархических и белогвардейских союзников.⁶¹ После взрыва партийного клуба

в Ленинграде – возможно провокационного – ГПУ объявляет о расстреле 10 бывших монархистов по обвинению в шпионаже. Репрессии расширяются и усиливаются. Гуманитарная пенитенциарная система подвергается критике, как проявление буржуазной гуманности, как антимарксистский уклон.

В 1928 году Бухарин, уже зная, что из себя представляет Сталин, заявляет: „Мы создаем и мы создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит „собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена”.⁶²

Не вдаваясь в оценку создаваемой цивилизации (есть, как известно, ценители Бетховена и любители „собачьего вальса”), можно согласиться с Н. Бухариным: рождалась цивилизация новая. Ее необычность почувствовал один из редких иностранцев, посетивших Советский Союз в 1927 году. Альфред Фабр-Люс понял, что он побывал „в будущем или в невозможном”. Я себя чувствую, пишет он в заключение своих дорожных заметок, „как герой Эйнштейна, который возвращается на родную планету, поседевший, после десяти-минутного путешествия”.⁶³

Осип Мандельштам определил рождавшуюся цивилизацию менее поэтически и гораздо точнее: они думают, – сказал он своей жене, глядя на спешивших по своим делам москвичей, – они думают, что все нормально, ибо ходят трамваи.

Глава пятая ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (1929 – 1934)

1. Пять в четыре

Мечта о плане, о плановой экономике, по образцу военной экономики Германии, томила Ленина уже в 1918 году. В 1920 был разработан первый перспективный план – ГОЭЛРО. План этот первоначально предусматривал строительство 100 электростанций. Ленин провозгласил электрификацию – ключом к коммунизму. В январе 1921 года Зиновьев говорил о 27 электростанциях. В конечном счете план остался на бумаге.

В 1927 году советские экономисты приступили к разработке первого пятилетнего плана: комплексного плана, предусматривающего развитие всех районов, использование всех ресурсов для индустриализации страны. Выполнение первого пятилетнего плана должно было начаться в октябре 1928 года, но только в апреле 1929 он был предложен на утверждение Шестнадцатой партконференции.

Как опытный боксер, который, готовя противника к нокауту, „размягчает” его ударами по печени, желудку, почкам, в сердце, так и Сталин „размягчал” страну, накануне „великого перелома”. Окончательно „размягчалась” партия. Добиваются „правые”: в феврале 1929 года на объединенном заседании Политбюро и ЦКК осуждается Бухарин „за беспринципность”, выразившуюся в секретных переговорах с Каменевым, а также Рыков и руководитель профсоюзов Томский. В апреле 1929 года ЦК снимает Бухарина с поста редактора *Правды* и председателя Коминтерна, Томского – с поста председателя ВЦСПС. Стронник Бухарина Угланов перестает быть секретарем

МК, секретарем ЦК и кандидатом в члены Политбюро. В ноябре 1929 Бухарин изгоняется из Политбюро. „Правый уклон” становится преступлением. В апреле Шестнадцатая партконференция принимает решение о проведении второй генеральной чистки (первая была в 1921 году): будут „вычищены” все, кто когда-либо (в 1923 – 29) голосовал против Сталина, поддерживал – безразлично какую – оппозиционную платформу. Чистка распространяется – по решению партконференции – на беспартийных работников советских учреждений. Проходят чистку – можно бы сказать „чистилище” – все советские служащие. К участию в проверке биографий, послужных списков, поведения, благонадежности привлекается „широкий актив трудящихся”. Создаются специальные отряды „легкой кавалерии” из комсомольцев, в роли судей выступают профсоюзные работники, ударники. Партия вовлекает в репрессивную деятельность широкие слои населения.

Инструкция наркомата рабоче-крестьянской инспекции делила всех „вычищенных” из советского аппарата на три категории. Вычищенные „по первой категории” лишались всех прав на пособие, пенсию, работу, выселялись из квартир. „Вторая категория” давала возможность получить работу в учреждениях другого типа или в другой местности. „Третью категорию” снижали в должности, делали отметку в биографии. Обвинения, достаточные для „чистки” по той или другой категории, были настолько широки (чистили „от элементов разложившихся, извращающих советские законы, срачивающихся с кулаком и нэпманом... от растратчиков, взяточников, саботажников, вредителей, лентяев...”)¹ настолько двусмысленны, что, учитывая сотни тысяч глаз „народных чистильщиков”, в страхе держалось все население страны. К тому же свеж в памяти был Шахтинский процесс.

Одним из результатов новой политики было бегство из Советского Союза ответственных чиновников и невозвращение на родину сотрудников советских дипломатических, торговых, разведывательных миссий, где также проводилась чистка. В начале 1928 года в Персию бежал Б. Бажанов, с 1923 года работавший помощником Сталина. Немедленно Г. Агабеков, начальник Восточного сектора иностранного отдела ОГПУ, получает приказ убить Бажанова. Пока он готовит убийство „из Москвы пришла телеграмма, отменявшая приказ о „ликвидации”... Выяснилось, что Бажанов по своей работе в Москве никаких особенных тайн не знал...”² Через несколько месяцев бежал и сам Агабеков. Остаются на Западе советские дипломаты Г. Беседовский, А. Бармин, С. Дмитриевский и многие другие.

Важное место в серии „размягчающих” ударов отводится очеред-

ному наступлению на церковь. 8 апреля 1929 года принимается закон, усиливающий контроль государства над приходами. 22 мая утверждается поправка к статье 13 Конституции, разрешающая свободу религиозных культов и одновременно антирелигиозной пропаганды. Религиозная пропаганда становится фактически государственным преступлением. Служители культа и их семьи лишаются гражданских прав. Как „лишенцы” они не имеют права на продовольственные карточки, медицинскую помощь, коммунальные квартиры. Их дети не могут поступить в школы и высшие учебные заведения. Дети священников вынуждены отречься от отцов, чтобы иметь возможность учиться, просто жить. Разрушаются сотнями церкви, в том числе исторические памятники. В сохранившихся церквях снимаются колокола, якобы для того, чтобы использовать металл для нужд промышленности, и чтобы колокольный звон „не мешал трудящимся”. 27 августа вводится „непрерывка”: была ликвидирована семидневная неделя, вместо нее введена пятидневка — пять дней работы, шестой выходной. „Утопия стала реальным делом, — восторгался писатель. — Непрерывная производственная неделя выбила наше время из календарного седла. С уничтожением сонного провала, которым был седьмой, воскресный день, страна пребывает в постоянном бодрствовании”.³ Промышленность не была готова к „непрерывке”, к непрерывной рабочей неделе, но система эта ликвидировала воскресенье. „Непрерывка” держалась до 1940 года, когда советское правительство по собственной воле подарило трудящимся воскресенье, как день отдыха.

Особое место среди факторов, создававших специфическую „атмосферу пятилетки”, создававших новое советское сознание, занимают „контрольные цифры пятилетнего плана”.

Составление детального плана развития народного хозяйства СССР на пять лет требовало „такой информации о межотраслевых связях, которой в то время не было”.⁴ Тем не менее план был составлен, причем в двух вариантах — отправном и оптимальном. Даже исходный вариант был очень оптимистическим. „Чудеса, — пишет английский историк, — редко происходят в экономической жизни, а без вмешательства Божественного Провидения, трудно было себе представить единовременный рост капиталовложений и потребления, не говоря о потрясающем росте выпуска промышленных и сельскохозяйственных товаров, производительности труда”.⁵ Но едва были приняты оптимальные цифры, Сталин поднял их на новую, невиданную высоту. Сравнительно недавно, в 1926 году, Сталин высмеивал „фантастические” проекты Троцкого, его планы „сверхиндустриализации”, его идею строительства электростанции на

Днепре. Днепрострой, утверждал в это время генеральный секретарь, потребует огромных средств, несколько сот миллионов рублей. „А это, — со свойственным ему юмором делал он сравнение, — все равно, как если бы мужик, скопивший несколько копеек, вместо того, чтобы починить плуг, купил себе грамфон”.⁶ В начале 1930 г. цифры Троцкого представляются уже Сталину „плюгавыми”. Из статистических, экономических, научно-исследовательских институтов выбрасываются, „вычищаются” меньшевики, правые, беспартийные — как „вредители”, а те кто приходит им на смену дают цифры, которых от них требуют — астрономические.

Кажется, что все можно достаточно написать на бумаге. Оптимальный план предусматривал удвоение добычи угля: 35 млн. тонн в 1927/28 году, 75 млн. тонн в 1932, сталинская цифра — 105 млн. тонн. То же было с нефтью: 11,7, 21,7 и 55 млн. тонн; с чугуном — 3,2, 10 и 16 млн. тонн. То же самое происходило со всеми другими цифрами пятилетнего плана.⁷ Но и это кажется недостаточным. В декабре 1929 съезд ударников призывает выполнить пятилетку в четыре года. Лозунгом дня становится: „Пять в четыре”. Но и этого мало — Сталин заявляет: „темпы решают все”. 4 февраля 1931 он говорит о возможности — следовательно необходимости — выполнения пятилетки в основных, решающих отраслях промышленности в три года.

Цифры опьяняют составителей планов, но они опьяняют и строителей — граждан страны. Кажется: еще одно усилие, еще один построенный завод, еще одна построенная плотина — и вот оно счастье, за углом. Еще один шаг и удастся „догнать и перегнать” капиталистические страны. Маяковский подгоняет: Время, вперед! Сталин утверждает: если мы за десять лет не пробежим путь, на который другие страны затратили 50—100 лет, нас сомнут! В популярнейшей пьесе начала 30-х годов — *Страх* А. Афиногенова — старый, реакционный, но перевоспитывающийся под влиянием ГПУ профессор Бородин заявляет, что „общим стимулом поведения 80% всех обследованных /советских граждан, М.Г./ является страх”. Остальные 20%, — объясняет профессор, — это рабочие, выдвиженцы. „Им нечего бояться, они хозяева страны”. Но, — добавляет ученый, — „за них боится их мозг... Мозг людей физического труда пугается непосильной нагрузки, развивается мания преследования. Они все время стараются догнать и перегнать. И, задыхаясь в непрерывной гонке, мозг сходит с ума или медленно деградирует”.

Вся страна уходит из мира реальности и начинает жить в мире фантазии, в мираже. Цифры перестают что-либо значить, они становятся лишь символом желания бежать вперед, как воздушный шар они уносят страну в несуществующий мир.

Но страна не могла уйти из реальности. На выполнение безумных планов бросается армия рабочих и техников. Возрождаются, казалось бы отвергнутые идеи Троцкого и Бухарина начала 20-х годов о милитаризации труда. Единственный показатель, который перевыполнялся быстрее, чем предусматривали самые фантастические цифры, — показатель занятости. В народном хозяйстве предполагалось занять 14,7 млн. человек, в 1932 году было занято 22,9 млн. человек. Нехватку квалифицированных рабочих покрывали количеством. Как на фронте шлют в бой массы солдат, если отсутствует достаточная огневая подготовка, так на выполнение пятилетки были брошены миллионы бывших крестьян, не умевших обращаться с инструментами, станками, недисциплинированных.

Бурный рост городского населения ведет к катастрофическому ухудшению жилищного положения. Резко ухудшается продовольственное положение в городах. С. Струмилин, ставший позднее академиком, один из составителей сталинского варианта пятилетнего плана, писал в 1927 году в *Очерках советской экономики*: темп накопления, „при сложившихся у нас издавна навыках потребительского аскетизма, может превзойти все известные нам рекорды”. Все рекорды „потребительского аскетизма” будут превзойдены в эти годы в советской деревне, умиравшей с голоду. Но и в городе положение было очень тяжелым. В апреле 1929 года вводятся карточки на хлеб. К концу года карточная система была распространена почти на все продовольственные товары, а потом и на промышленные. В 1931 году вводятся дополнительные „ордера”, ибо даже по карточкам нельзя было получить положенного пайка.

О действительном положении рабочих в этот период можно судить по рапортам сотрудников ГПУ, хранившимся в Смоленске. В 1929 г. (а положение затем только ухудшалось), рабочий получал 600 грамм хлеба в день, члены семьи — по 300, жиров — от 200 грамм до литра растительного масла в месяц, 1 килограмм сахара в месяц; рабочий получал в год 30-36 метров ситца.⁸ Значительная часть рабочих питалась в заводских столовых. В романе Ф. Гладкова рассказывается о столовой на строительстве Днепровской плотины: „Я бываю на фабрике-кухне и меня тошнит от одного вида гнусного ядева. Я бываю на участках работ, туда пища привозится в термосах. Эта синяя болтушка смердит трупом и выгребной ямой. Рабочие предпочитают только хлеб с водой”.⁹ Агент ГПУ доносит о жалобе рабочих, питающихся в столовой №7: „В том, что они называют щами, с трудом что-нибудь найдешь. Это не щи, а кипяченая вода из-под овощей; без жира, мясо часто плохо вымытое... Однажды в продуктах были обнаружены черви”.¹⁰

Летом 1931 года Сталин объявляет войну „уравниловке”. „Равенство” объявляется мелкобуржуазным понятием, само слово приобретает пренебрежительно-презрительную форму: „уравниловка”. Неравенство становится официально — социалистической добродетелью. Вводится новая тарифная сетка — оплата труда производится в зависимости от выработки, и от разряда. Материальные стимулы должны поощрять трудящихся. И нематериальные — ордена, почетные звания. Эти нематериальные стимулы всегда оборачиваются материальными: орденосцы получают повышение по службе, особые пайки и так далее. В стране действует по меньшей мере 6 разных цен на товары: 1) государственные цены на пайковые товары, выдаваемые по карточкам; 2) коммерческие цены — значительно более высокие — на товары без карточек; 3) „среднеповышенные цены” на товары, продаваемые в рабочих районах, — ниже коммерческих, выше государственных; 4) цены „образцовых магазинов” — универмагов, в которых цены выше коммерческих; 5) „торгсины” — магазины, в которых все товары продаются только за золото или валюту; 6) рыночные цены.

Все цены не перестают расти, зарплата повышается лишь номинально, нормы постоянно увеличиваются. Для увеличения темпа работы используется ударное движение, социалистическое соревнование.

Возникают специальные магазины, специальные столовые для различных категорий руководителей. Причем иерархия соблюдается строжайшим образом. Жена члена Политбюро Коммунистической партии Германии, находившаяся в 1931 году в Москве, вспоминает, как в один прекрасный день столовую в коминтерновской гостинице „Люкс” перегородили, выделив угол для высокопоставленных функционеров. И еду им стали давать лучше, чем функционерам второго или третьего разряда.¹¹

Как относились рабочие к новым порядкам, доносят агенты ГПУ в Смоленское управление. Ткачи ярцевской фабрики — доносят агенты — кричали на собрании, созванном в связи с повышением норм: „Банда негодяев, довольно вы сосали нашу кровь! 12 лет вы нас агитируете и мутите в голове! Раньше вы все кричали, что фабриканты нас эксплуатируют, но фабриканты не заставляли работать за четверых, а потом тогда магазины были полны...”¹² Рабочие Каменской бумажной фабрики — доносили агенты — говорят между собой: „Соревнование выдумали, чтобы рабочие надрывались”, „социалистическое соревнование — это рабство для рабочих и хорошая жизнь для дирекции”; „На заводе „Красный гигант” старый член партии накинулся на рабочего Пирульникова: „Предатель, подхалим, социалистическое соревнование это рабство для рабочих,

партия жмет нас как лимон!”...”¹³ В это же самое время старый ленинградский рабочий говорил А. Чилиге: „Мы живем сейчас хуже, чем при капитализме. Если бы тогда мы так страдали от голода, если бы при старых хозяевах мы получали такую низкую зарплату, мы бы тысячу раз уже бастовали”.¹⁴ Тем не менее рабочие бастовали: об этом есть донесения агентов ГПУ в Смоленском архиве. Но бастовать было очень трудно по многим причинам: рабочих увольняли, что влекло за собой лишение карточек, выселение с заводской жилплощади, даже арест; профсоюзы „работали рука об руку с дирекцией”;¹⁵ не прекращалась пропаганда, убеждавшая рабочих, что советская власть — их власть, что еще один шаг и наступит счастливое завтра — коммунизм. Мешают этому вредители, именно они виноваты во всех трудностях.

В апреле 1929 года, когда только еще начинались работы по выполнению пятилетнего плана, Сталин подготовил козла отпущения: „Шахтинцы” „сидят теперь во всех отраслях нашей промышленности”.¹⁶ Сталин заверял, что вредительство „имело и продолжает иметь место”.¹⁷ И — если не подлинные факты, то как нельзя более реальные — аресты и процессы подтверждали слова генерального секретаря. Годы первой пятилетки — время процессов: в августе 1930 года по обвинению в организации конского падежа закрытым судом судят группу бактериологов во главе с проф. Каратыгиным. Как раз в это время путешествовавший по Советскому Союзу индийский писатель Рабиндранат Тагор очень одобрительно отзывался — в многочисленных интервью — о всем увиденном на родине победившего пролетариата. В сентябре 1930 года сообщается о расстреле 48 руководителей пищевой промышленности, в том числе проф. Рязанова, по обвинению в организации продовольственных трудностей. В ноябре-декабре 1930 в Москве организуется второй — после Шахтинского дела — показательный процесс-спектакль: процесс Промпартии. В обвинительном заключении указывалось, что в подпольной „Промышленной партии” насчитывалось не менее 2 тысяч членов, перед судом предстало 8 человек. Шахтинский процесс показал, что слишком большое количество обвиняемых снижает зрелищность представления. Опыт был учтен. Подсудимых обвиняли в том, что они занимались вредительской деятельностью по указанию Раймонда Пуанкаре, Лоуренса Аравийского, Генри Детердинга. Кроме арестованных, никаких свидетелей не было, не было и вещественных доказательств. Арестованные — прежде всего „глава” Промпартии профессор Л. Рамзин — признали обвинения. Большевик в 1905-7 годах, отошедший затем от партии, посвятивший себя технике, проф. Рамзин добросовестно сотрудничал с советской

властью после революции. Затем он внезапно возглавил антисоветскую „подпольную организацию”. Подсудимые признавались во всем: в том, что они были связаны с эмигрантом-капиталистом Рябушинским и получали от него инструкции, в том, что на пост министра финансов после свержения советской власти прочили бывшего царского министра Вышеградского. В ходе процесса выяснилось, что и Рябушинский и Вышеградский умерли, но на исход дела это, конечно, повлиять не могло. Пятеро из числа подсудимых были приговорены к расстрелу, но помилованы. Рамзин был очень скоро освобожден.¹⁸ Использование провокаторов было обязательным для всех процессов, организованных „органами”, начиная, по видимому, с так называемого Таганцевского заговора в 1921 году.

Репрессии продолжались и после процесса „Промпартии”. Шла подготовка к организации процесса так называемой Трудовой крестьянской партии. Судя по массовым арестам экономистов-аграрников, агрономов, других сельскохозяйственных специалистов, кооператоров, „органы” хотели создать „подпольную” организацию, насчитывавшую десятки тысяч членов. Это было логично: в крестьянской стране „крестьянская партия” должна была быть соответственно больше „промышленной партии”. В вожди „Трудовой крестьянской партии” „органы” выбрали проф. Кондратьева. В качестве „программы” называли *Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии* — фантастический роман проф. Чаянова (опубликованный им в 1920 году под псевдонимом Кремнев), в котором предсказывалось, что в 1984 году (А. Чаянов первым выбрал эту дату, задолго до Орвелла) Россия будет свободной крестьянской страной. „Теперь, — писал Е. Ярославский в досье следователю, — после раскрытия этой подпольной организации буржуазных реставраторов, этот кулацкий манифест приобрел особое значение”.¹⁹ В газетах указывалось на прямую связь „кулацких заговорщиков” с правыми: „Кондратьевцы’ всеми своими симпатиями были на стороне правых в борьбе с партийным руководством. Правые разбиты. Верхушка кондратьевцев бдительностью диктатуры пролетариата посажена на паек ОГПУ”.²⁰ Процесс „Трудовой крестьянской партии” по неизвестным причинам не состоялся. Арестованные — в том числе Кондратьев и Чаянов — погибли в тюрьмах или лагерях.

В марте 1931 года состоялся в Москве процесс меньшевиков. Большинство обвиняемых работало в плановых организациях и обвинялось во вредительстве „в плановой области” — в занижении или завышении планов, что мешало их выполнению. Процесс этот представляет особый интерес для историков в связи с тем, что один

из обвиняемых — М. П. Якубович, отсидевший 22 года в тюрьмах и лагерях, выжил и в 1967 году в письме на имя Генерального прокурора СССР рассказал, как был фальсифицирован процесс.

Процессы „вредителей”, массовые аресты „вредителей” продолжаются и далее. Круг арестованных не ограничивается технической интеллигенцией — инженерами, техниками, плановиками, руководителями предприятий. Он включает и рядовых рабочих. „Классовый враг, — говорится в статье о причинах плохой работы железнодорожного транспорта, — белогвардейцы, кулаки все еще имеют возможность пробираться на железных дорогах на „скромные”, незаметные посты, такие, как смазчик...”²¹ Смазчики, стрелочники, рабочие железнодорожных мастерских, не говоря о машинистах и кочегарах, а также фрезеровщики, слесаря и т.д. отвечали за поломки на производстве, за невыполнение невыполнимых планов и — шли в тюрьмы и лагеря. Пополняя чудовищно разраставшуюся армию заключенных, которые занимали все более важное место в программе строительства коммунизма. Значительное число крупнейших объектов первой пятилетки строится с участием заключенных. Канал между Белым и Балтийским морем, будущий Беломорканал им. Сталина, сооружается исключительно заключенными: около 500 тысяч заключенных²² в течение 20 месяцев проббили голыми руками, без механизмов, в карельском граните канал, который оказался ненужным.²³

Но гонка продолжалась и, по словам Сталина, „партия как бы подхлестывала страну, ускоряя ее бег вперед”.²⁴

В 1932 году началось подведение итогов. Жонглирование цифрами — исчисление в процентах, в рублях, стоимость которых определяют по своему желанию планирующие органы, сравнивая с 1913 годом, — позволяет утверждать, что план — „по основным показателям” — выполнен. Там же, где он не был выполнен — виноваты вредители. Были, правда, показатели, которые поддавались проверке. Пятилетний план предусматривал повышение покупательной силы рубля на 15-20%. Инфляция была очевидна для всех советских граждан. План обещал „к концу пятилетки ликвидацию товарного голода”, увеличение реальной заработной платы на 69%, а „по ряду важнейших потребительских товаров удвоение норм потребления”.²⁵ Карточки, многочасовые очереди за товарами, которые полагались на карточки, в том числе за хлебом — не оставляли сомнения в невыполнении этих обещаний. Тем не менее, в необычайно короткие сроки были сооружены гигантские предприятия тяжелой промышленности — на Урале, в Кузбассе, на Волге, на Украине, были построены заводы в Москве и Ленинграде, текстильные фабрики в

Средней Азии и так далее. Была продлена Туркестано-Сибирская дорога, построенная до революции, проложена линия на Караганду. В общей сложности было проложено 5 500 километров железнодорожных путей (план предусматривал 16 тысяч).

Было сделано много. И Сталин имел право спросить на Семнадцатом съезде: „Не чудо ли это?“²⁶ Большевики не теряли надежду на чудо. Но достижения первой пятилетки не были чудом. Главным источником средств, пошедших на осуществление пятилетнего плана, были „внутренние накопления“. Они были получены прежде всего за счет того „потребительского аскетизма“, о котором писал Струмилин, то есть за счет безжалостной эксплуатации населения. Из страны вывозится сырье, в том числе продовольствие – хлеб, масло, сахар, в которых ощущается острая нужда. Вместе с тем прекращается ввоз совершенно необходимых товаров: шерсти, хлопка, риса, кожи. *Экономическая газета* требует: „перевести московскую мыловаренную промышленность на глину из Гжели, а мыловаренную промышленность Ленинграда, Казани и Нижнего Новгорода на местную глину“.²⁷ На экспорт – по демпинговым ценам – идет лес: „Мы вынуждены рубить не только то количество леса, которое ежегодно прирастает, но гораздо больше; в сущности не использовать лес, а уничтожить его“.²⁸ Вывозится нефть и золото, добыча которого увеличивается. Расширение добычи золота и леса идет за счет широкого употребления труда заключенных. Распродаются сокровища русских музеев. Золот выжимается всеми средствами из граждан. И даже – по свидетельству Вальтера Кривицкого – Сталин решает тряхнуть стариной и прибегнуть к самому простому способу приобретения валюты: изготовлению долларов в подвалах ГПУ. В 1908 году Сталин руководил „отъемом“ денег у государственного казначейства в Тифлисе (в революционных кругах это называлось „экспроприация“), четверть века спустя он дал приказ начать изготовление 100-долларовых бумажек в Москве, на Лубянке.²⁹

Пятилетний план не мог бы быть осуществлен без иностранной помощи. В 1928 году группа советских инженеров явилась в Детройт и предложила самой известной в США фирме промышленных архитекторов „Альберт Кан и Ко“ составить проекты производственных зданий стоимостью в два миллиарда долларов.³⁰ Около дюжины проектов должны были делаться в Детройте, остальные – в СССР. По договору с ВСНХ, подписанному в начале 1930 года, американская фирма обязалась запроектировать всю советскую тяжелую и легкую промышленность. Иностранцы проектировщики, конструкторы, инженеры и техники, квалифицированные рабочие сооружали предприятия первого пятилетнего плана. Прежде всего

это были американцы, после 1928 года вытеснившие с первого места немцев, затем немцы, англичане, итальянцы, французы и другие. Фирма известного американского гидростроителя – полковника Купера строила Днепрогэс, английская компания Метрополитен-Викерс снабдила оборудованием большинство крупнейших советских электростанций; западные фирмы конструировали, строили, снабжали оборудованием Магнитогорск и Кузнецк, Уралмашзавод и 1-ой Шарикоподшипниковый завод в Москве (им. Кагановича), автозавод в Нижнем и завод грузовых машин в Ярославле и так далее и тому подобное. Народный комиссар тяжелой промышленности Орджоникидзе мог с полным основанием заявить: „Наши заводы, наши шахты, наши фабрики теперь вооружены такой прекрасной техникой, которой ни одна страна не имеет... Откуда же мы ее взяли? Мы покупали у американцев, у немцев, у французов, у англичан самые усовершенствованные машины, самые последние достижения мировой техники, и этим вооружили свои предприятия”. И наркомтяжпром ехидно добавил: „А у них многие заводы и шахты вооружены еще машинами 19-го и начала 20-го века”.³¹ За 40 лет до выступления С. Орджоникидзе граф Витте писал Николаю II: „Действительно, какой смысл иностранным государствам давать нам капиталы?... Зачем создавать своими руками еще более страшного конкурента? Для меня очевидно, что, давая нам капиталы, иностранные государства совершают политическую ошибку, и мое единственное желание, чтобы их слепота длилась как можно дольше”. Желание С. Ю. Витте исполнилось в такой мере, в какой он, конечно, не ожидал.

Чтобы иностранные участники социалистического строительства не чувствовали себя излишне независимыми, чтобы советские граждане не забывали о враге, некоторых иностранцев время от времени арестовывали. В апреле 1933 года состоялся очередной процесс вредителей, произведший некоторую сенсацию: в числе 18 обвиняемых было 6 английских инженеров, работников „Метрополитен-Викерс”. Тот факт, что английская фирма, с 1923 года ставившая электрооборудование для советских электростанций, заняла как бы монопольное положение, послужил, видимо, поводом для привлечения английских инженеров к ответственности „за вредительство”. Англичане, несмотря на многочасовые допросы, не пожелавшие подтвердить обвинительное заключение, отделались легкими приговорами: руководитель группы – Торнтон – был приговорен к трем годам, Кушни – к двум, двое были высланы, третий – оправдан. Советские граждане получили сроки от 18 месяцев до 10 лет.

Итоги пятилетнего плана нельзя подвести, ограничиваясь резуль-

татами его выполнения (или невыполнения) в промышленности. В 1928 – 1932 годах был сделан значительный шаг в области индустриализации страны. Но главным направлением „великого перелома”, „великого перешиба”, как скажет А. Солженицын, было сельское хозяйство. Главным объектом решительного наступления, и главной его жертвой, стало крестьянство, то есть подавляющее большинство населения страны.

2. „На всех парах через болото”

Статья Сталина „Год великого перелома” появляется в *Правде* 7 ноября 1929 года. Речь идет, – говорится в статье, – „о коренном переломе в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию”.³² Сталин закончил свою статью словами: „Мы идем на всех парах по пути индустриализации”. Могло показаться, что это – поэтическая метафора.

Метафора стала реальностью через семь недель. О начавшейся революции Сталин объявляет 27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов. Неделю назад, 21 декабря Советский Союз отметил 50-летие Сталина. Впервые страна узнала, что у нее есть Великий Вождь – организатор Октябрьской революции, создатель Красной армии и выдающийся полководец, разгромивший армии белых и интервентов, хранитель ленинской „генеральной линии”, разгромивший всех оппозиционеров, нападавших на „линию”, вождь мирового пролетариата и великий стратег пятилетки. В невероятных количествах издаются портреты Вождя, его бюст, появляется во всех красных уголках. Массовым тиражом выходит брошюра, содержащая „юбилейные материалы”. Самую восторженную статью, намечавшую главные линии, по которым будет создаваться культ Сталина, написал Карл Радек. Образцом для него служила кампания по созданию культа Гитлера, начавшаяся в Германии в 1921 году. Национал-социалисты накопили к этому времени значительный опыт, который использует Радек. Сталин отвечает на приветствия обещанием отдать „если понадобится, всю свою кровь, каплю за каплей”, и все поздравления относит „на счет великой партии рабочего класса, родившей и воспитавшей меня по образу своему и подобию”.³³ С удивительной точностью, воспользовавшись образом из незабытой Библии, определил Сталин свое происхождение. Партия породила Сталина, а потом, как это нередко бывало, сын убил отца, и в свою очередь породил партию – по своему образу и подобию.

27 декабря Вождь объявляет о конце НЭПа, о начале новой эры. Вопрос стоит так, — заявляет он: „либо назад — к капитализму, либо вперед /жирный шрифт Сталина, М.Г./ — к социализму”.³⁴ В точном соответствии с большевистской традицией вопрос ставится в форме, позволяющей дать только один ответ. Ответ был очевиден — вперед, в наступление. „Что это значит? — спрашивает Сталин. И отвечает: „Это значит, что от политики **ограничения** эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике **ликвидации** кулачества, как класса”.³⁵ Путь вперед — это путь „сплошной коллективизации”, это путь „раскулачивания”. „Смешной вопрос!” — отвечает Сталин тем, кто спрашивал: необходимо ли „раскулачивание в районах сплошной коллективизации”. И, большой любитель русских пословиц, он вспоминает одну из них: „Снявши голову, по волосам не плачут”.³⁶ Два года назад, в ноябре 1927 года Сталин обещал: „Мы думаем осуществить коллективизм в сельском хозяйстве постепенно, мерами экономического, финансового и культурно-политического порядка... К этому дело идет, но к этому дело еще не пришло и не скоро придет. Почему? Потому, между прочим, что на это нужны громадные финансы, которых нет еще у нашего государства...”³⁷ В декабре 1929 года государство по-прежнему „громадных финансов” не имело, но Сталин объявляет „теперь у нас имеется достаточная материальная база...”³⁸

Следующие 65 дней потрясают страну гораздо больше, чем те 10 дней в октябре 1917 года, „которые потрясли мир”. За эти 9 недель были сломлены основы жизни более 130 миллионов крестьян Советского Союза, был изменен — окончательно сломан — характер экономики государства, был изменен характер самого государства.

Идет одновременно два процесса: создание колхозов и ликвидация „кулака”. Процессы эти были взаимосвязаны многими нитями. Прежде всего „раскулачивание” должно было дать „материальную базу”. С конца 1929 года до середины 1930 „было раскулачено свыше 320 тысяч кулацких хозяйств. Их имущество (стоимостью более 175 млн. рублей) было передано в неделимые фонды колхозов в качестве вступительных взносов батраков и бедноты. Это имущество составило более 34% общей стоимости колхозного неделимого имущества”.³⁹ Ликвидация „кулаков”, лишая деревню наиболее предприимчивых, наиболее независимых крестьян, подрывала дух сопротивления. Кроме того, судьба „раскулаченных”, выселяемых, вывозимых на Север, должна была служить примером того, как поступает советская власть с теми, кто не идет в колхоз. Идти в колхоз нужно было немедленно. Созданная 8 декабря 1929 г. при Политбюро комиссия, возглавляемая наркомземом Яковлевым,

предложила провести „сплошную коллективизацию” районов Нижней Волги к осени 1930 года, Центральной черноземной области и степной Украины – к осени 1931, левобережной Украины – к весне 1932, Севера и Сибири – к 1933 году. Сталин и ближайший его в это время соратник Молотов настаивали на еще большем убыстрении темпов. Вступление в колхоз означало передачу коллективу всего имущества. 10 декабря созданный в это время Колхозцентр направил директивную телеграмму „всем местным организациям в районах сплошной коллективизации”: „осуществить 100% коллективизации тяглового скота и коров, 80% – свиней, 60% овец и птиц, 25% коллективных хозяйств должны быть коммунами”.⁴⁰

В деревню направляются коммунисты – двадцать пять тысяч – для того, чтобы загнать крестьян в колхоз. Крестьянам заявляют: кто не идет в колхоз, тот враг советской власти. На 1 июля 1928 года в колхозах было 1,7% крестьян, в ноябре 1929 – 7,6%, в марте 1930 года – 58%.

Еще не решено было какой должна быть форма коллективного хозяйства – коммуна, товарищество по совместной обработке земли (ТОЗ), артель (колхоз); еще не было людей, умеющих руководить коллективным хозяйством, еще не было техники – тракторов и т. п. Ленин, не переставая надеяться на чудо, утверждал: „Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов... то средний крестьянин сказал бы: „я за коммунию” (т. е. за коммунизм)”.⁴¹ Сталин полностью разделяет непоколебимую веру Ленина в неразрывную прямую связь между материальным базисом и духовной надстройкой: 100 тысяч тракторов – я за коммунию. Но он признается, что нет у него 100 тысяч тракторов. Он обещает к весне 1930 года 60 тысяч, а к следующему году – магические 100 тысяч. В 1928 году имелось всего – по официальным данным – 26,7 тысяч тракторов.

Не смущаясь ничем, Сталин не перестает „подхлестывать” партийных работников на местах, а они в свою очередь – рядовых членов партии, „двадцатипятидесятыхников”. Растет число колхозников, сокращается число „кулаков”. Определения понятия „кулак” не было. Кулаками считали тех, кто использует наемный труд, в кулаки могли зачислить тех, у кого было две коровы, или две лошади, или хороший дом. Поскольку не было ясного представления, что такое „кулак”, каждый район получал норму коллективизации и раскулачивания. Норма коллективизации была всюду одинаковой – 100%, норма раскулачивания – разной, в среднем 5–7%. Но „многие из крестьян, которые ранее относились к середнякам или зажиточным середнякам, теперь были записаны в кулаки и подвергнуты „рас-

кулачиванию”. Впрочем выселению подверглись и многие мало-мощные середняки, бедняки и даже некоторые бедняки, которые... для удобства репрессий были обозначены нелепым термином „подкулачник”... В отдельных районах выселялось по 15–20% крестьян, на каждого выселенного кулака приходилось по 3–4 арестованных середняка или бедняка”.⁴² Так описывает положение в деревне, через 30 лет после событий, *История КПСС*. В приступе необъяснимого откровения называет она „нелепым” термин „подкулачник”, который был одним из самых страшных средств борьбы с крестьянством. Но создан был этот термин по образцу термина „околокадетский”, изобретенного Лениным. Создаваемые по этой модели термины прочно вошли в советский язык.

На основании постановлений ЦК, ЦИК и СНК от 30 января и 1 февраля 1930 года, и специальной инструкции от 4 февраля всех кулаков (и подкулачников) делили на три категории. „Инициаторов и исполнителей террористических актов, проводивших активную антисоветскую работу, изолировали и направляли в концлагеря. Кулаков, оказывавших менее активное сопротивление, высылали в отдаленные районы страны, где они трудились на лесоразработках, в сельском хозяйстве и т. п. Остальные кулаки оставались на прежних местах, но землю им выделяли за пределами колхозного массива”.⁴³ Впрочем, „в течение осени и зимы 1930/31 г. было проведено дополнительное выселение экспроприированных кулацких хозяйств”.⁴⁴

„Кулаков” и „подкулачников” выселяли с семьями, грудными детьми, стариками. В холодных нетопленных вагонах везли сотни тысяч высланных за тысячи километров – в отдаленные местности Урала, Сибири, Казахстана. Многие гибли в пути, многие гибли по прибытии на место, ибо, как правило, высланных высаживали на голом месте: в лесу, в горах, в степи. Вальтер Кривицкий в 1937 году вспоминал о том, что привелось ему видеть зимой 1934 г. на вокзале в Курске: „Того, что я увидел, я никогда не забуду. В зале ожидания набилось около шестисот крестьян – мужчин, женщин, детей – их как скот перегоняли из одного лагеря в другой... Многие лежали почти голые на холодном полу. Другие явно умирали от тифозной горячки. На каждом лице видны были голод, мука, отчаяние...”⁴⁵ Четверть века спустя – в короткий период „оттепели” – несколько советских писателей робко подтвердили то, что писал „невозвращенец”.

Еще не написана история этого первого социалистического геноцида 20-го века. Хронологически первым (в 20-м веке) следует считать геноцид, совершенный турками над армянами. В годы гражданской войны, по подсчетам М. Бернштама (*Вестник русского*

христианского движения, №128), было истреблено около одного миллиона казаков — 50% населения Донщины. Турки истребляли иноверцев, коммунисты истребляли казаков в разгар войны. Особенность геноцида крестьян в Советском Союзе заключается не только в его чудовищных размерах, но и в том, что истребление коренного населения производилось в мирное время собственным правительством.

В 1945 году, после разгрома гитлеровской Германии и раскрытия ее преступлений, юристы, социологи, психологи, историки, публицисты затеяли бесконечный спор: знал или нет немецкий народ о преступлениях нацистов? Нет никакого сомнения, что советский народ — жители городов — знали об истреблении кулаков. Впрочем никто этого не скрывал: Сталин сказал „ликвидация, как класса”, все его подручные ему вторили. Жители городов видели тысячи умиравших от голода женщин и детей, бежавших из деревень, видели на вокзалах... Владимир Тендряков в повести „Кончина” пишет: „По стране шел голодный год — тысяча девятьсот тридцать третий. В районном городе Вохрово, на пристанционном скверике, умирали высланные из Украины раскулаченные...”⁴⁶ Умирали кулаки, „раскулаченные”, „подкулачники”. Они не считались людьми, они были выплюнуты обществом, как выплюнуты были — после Октября — „лишенцы”, „бывшие”, потом — белогвардейцы, „вредители”. Как в гитлеровской Германии были выплюнуты, не считались людьми, евреи. Великий пролетарский гуманист Максим Горький создал формулу, отпускавшую геноцид: „Если враг не сдается — его уничтожают”. Статья М. Горького была опубликована 15 ноября 1930 года одновременно в *Правде* и *Известиях*, распространялась в речах, докладах, газетах, журналах, повторялась по радио. „Против нас все, что отжило свои сроки, отведенные ему историей, и это дает нам право считать себя все еще в состоянии гражданской войны. Отсюда следует естественный вывод: если враг не сдается, — его истребляют”⁴⁷

Официальные источники отмечают 45 выступлений против коллективизации, в которых участвовало 17 400 человек в начале марта 1930 года в Средней Азии, „мятежи и волнения в других местах”⁴⁸

Это смехотворное преуменьшение сопротивления крестьянства колхозам: против коллективизации выступали крестьяне Украины, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Кубани, Дона. Документы остаются в архивах КГБ. Редкие свидетельства позволяют все же представить размах сопротивления. На северном Кавказе и в ряде районов Украины против крестьян были брошены регулярные части Красной армии, использовавшие даже авиацию. Командующий пограничными

войсками НКВД Фриновский, руководивший подавлением крестьянских восстаний, докладывал на заседании Политбюро, что реки северного Кавказа сносят в море тысячи трупов. В некоторых районах красноармейцы отказывались стрелять в крестьян и немедленно расстреливались, в других — мелкие воинские части переходили на сторону восставших.

Объявив войну крестьянству, советская пропаганда с возмущением отмечает факты сопротивления, случаи убийства „двадцатипяти-тысячников” — „активистов”, загонявших крестьян в колхозы.

С подобной же яростью преследуется и пассивное сопротивление. Летом 1930 года в Воронеже был проведен „показательный процесс” 16 руководителей секты „федоровцев”. Секта, возглавляемая крестьянином Федоровым, возникает на территории бывшей Воронежской губернии в первые годы НЭПа. Основой веры „федоровцев” было „непротавление злу”, сочетавшееся со стремлением всячески, но пассивно, избегать соблазна „зла” и участия в „злом деле”. В годы НЭПа „федоровцы”, как и другие секты — духоборы, молокане, баптисты — не преследовались советскими властями, надеявшимися использовать сектантов в борьбе с канонической церковью. „Федоровцы” отказались пойти в колхозы. И немедленно превратились во „врагов”, „заговорщиков”, „кулаков”. По приговору суда 15 руководителей секты были приговорены к расстрелу и немедленно казнены, один — приговорен к пожизненному заключению в психиатрическую больницу. Около двух тысяч рядовых „федоровцев” были высланы в тайгу и тундру на медленную верную смерть. Три месяца „прочесывались” районы, зараженные идеей „непротавления злу”. Крестьяне не сопротивляясь, с молитвами-призывами, давали себя арестовать.

Пассивное сопротивление становится всеобщей формой сопротивления: крестьяне не идут в колхозы, пока хватает сил не поддаваться угрозам и насилию, а затем уничтожают — в виде протеста — скот. Гибнет и скот, переданный колхозам, из-за отсутствия подготовленных помещений, кормов, ухода. О размерах животноводческой катастрофы свидетельствуют цифры: в 1928 году в стране было 33,5 млн. голов лошадей, в 1932 — 19,6; коров — 70,5 и 40,7; свиней — 26 и 11,6; овец и коз — 146 млн. голов и 52,1.⁴⁹ В Казахстане от 19,2 млн. голов овец и коз осталось в 1935 году 2,6 млн.⁵⁰ В 1929—1934 гг. в общей сложности погибло 149,4 млн. голов скота. Ценность погибшего скота и погибшей продукции животноводства (шерсть, молоко, масло и т. д.) на много превышает ценность выстроенных заводов-гигантов. Гибель лошадей привела к потере 8 800 тысяч лошадиных сил. В 1935 году, когда имелось уже 379 500

тракторов, еще не хватало 2 200 тыс. лошадиных сил по сравнению с 1928 годом с его 26,7 тыс. тракторов.

Пассивное сопротивление крестьян, истребление скота, полная дезорганизация работы в колхозах, разорение деревни непрекращавшимся раскулачиванием и выселением, привели в 1932–33 годах к голоду, который по своим размерам и количеству жертв оставил за собой даже голод 1921-22 года. Особенностью нового голода было то, что государство не только не боролось с ним, но способствовало его распространению. Использовало голод как оружие в „гражданской войне” с крестьянством.

Отличие голода начала 30-х годов от голода начала 20-х не только в том, что голод, вызванный коллективизацией, был значительно больше по размерам, но и в том, что власти отрицали его: упоминание о голоде считалось государственным преступлением. В 1921 году советское правительство разрешило общественным деятелям обратиться за помощью к Западу; Ленин обратился к мировому пролетариату. В 30-е годы хлеб вывозится за границу: в 1928 году экспорт зерна составлял 1 млн. центнеров, в 1929 – 13 миллионов, в 1930 – 48,3 млн., в 1931 – 51,8 млн., в 1932 – 18,1 миллиона. Когда секретарь ЦК компартии Украины Терехов на совещании в Москве просил помочь зерном умиравшим от голода колхозникам Харьковской области, Сталин резко его оборвал: „... Оказывается вы хороший рассказчик – сочинили такую сказку о голоде, думали нас запугать, но не выйдет!”⁵¹ Сталина нельзя было запугать „сказками о голоде”: он не хотел спасать голодающих от смерти не потому, что не было хлеба (экспорт зерна свидетельствует об имевшихся возможностях), а потому, что голод, смерть крестьян ослабляли крестьянство как политическую силу, ломали остатки его сопротивления. Речь шла о крестьянстве вообще, не только о „кулаках”, о единоличниках, но и о тех, кто вошел в колхозы. Необходимо было им также показать, на чьей стороне сила, в чьих руках власть. „В глазах Сталина, – рассказывает в своих *Мемуарах* Хрущев, – крестьяне были вроде отбросов. У него не было никакого уважения к крестьянству и его труду. Он считал, что крестьян можно заставить работать только путем нажима. Жми, дави и силой забирай, чтобы кормить города”.⁵²

В городах не умирали с голоду, рабочие жили впроголодь, но руководство ни в чем себе не отказывало. Советский дипломат С. Дмитриевский, рассказывает, как он питался в санатории „для начальства” в Крыму. Крестьяне умирают с голоду, но в санатории: „Нормальный стол обильный и вкусный – из всего, чем только богата Россия. В 8 утра завтрак: яйца, ветчина, сыр, чай, какао, молоко. В 11 часов протокваша. Затем обед из четырех блюд: суп,

рыбное, мясное, сладкое и фрукты. В промежутке чай с пирожным. Вечером ужин — из двух блюд”.⁵³ Вальтер Кривицкий, отдыхавший в подобных условиях — в годы голода — в бывшем имении князей Барятинских под Курском, передает взгляды отдыхающих — советской элиты: „Мы идем трудным путем к социализму. Многие падут на этом пути. Мы должны хорошо питаться и отдыхать после работы, пользуясь в течение нескольких недель в году комфортом, еще недоступным другим, ибо мы строим Радостную Жизнь в будущем”.⁵⁴

Завершение первой пятилетки дает Сталину случай выступить в роли Благотетеля. С первых дней Октябрьской революции партия обманывает рабочих и беднейшее крестьянство, тех, от чьего имени она совершила революцию. Обманывает надеждой на мир, на землю, на управление государством, на Социализм — земной рай за углом. В конце 20-х годов обман — бессознательный и сознательный — превращается в ложь, которая в годы первой пятилетки становится Большой Ложью. Большому террору предшествует, неизменно сопровождает его — Большая ложь. Некий английский остроумец говорил, что есть три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика. Он не знал четвертого вида — сталинской статистики, и пятого вида — Сталинской Лжи. Подводя итоги первой пятилетки, Сталин, не стесняясь, заявляет, что зарплата рабочих выросла с 1928 года на 67%, что материальное положение рабочих и крестьян улучшается из года в год. В популярном московском анекдоте этого времени экскурсовод в зоопарке, показывая недавно привезенного в столицу крокодила, объясняет: от хвоста до головы в нем пять метров, а от головы до хвоста — шесть. Почему такая разница? — спрашивает один из посетителей. — Пойди, проверь, — отвечает экскурсовод. — Он тебе проверит. Примерно так же предупреждает Сталин тех, кто мог бы пожелать проверить его цифры: „только заклятые враги советской власти могут иметь сомнения относительно улучшения положения рабочих и крестьян в СССР”, — заявляет он.⁵⁵ На 15-м году после революции *Правда* провозглашает: пора усвоить, что „нет для коммуниста задачи более почетной, чем улучшение положения рабочих”.⁵⁶ Осень 1932 года, когда орган ЦК ВКП(б) пишет это, — разгар голода, разгар коллективизации. На 17-м году после революции Сталин заявляет: „Незачем было свергать капитализм в ноябре 1917 г. и строить социализм на протяжении ряда лет, если мы не добьемся того, чтобы люди жили у нас в довольстве. Социализм означает не нищету и лишения...”⁵⁷

В конце февраля 1930 года даже Сталину становится очевидным, что безумная гонка в колхоз, начатая по его приказу в конце 1929 г., грозит катастрофой. Недовольство начинает проникать в армию, со-

стоявшую из крестьянских детей. И Сталин делает шаг назад, делает вид, что отступает. 2 марта 1930 года *Правда* публикует его статью „Головокружение от успехов”. Всю вину за создавшееся положение он возлагает на исполнителей, на местных работников. Сотни статей, восхвалявших Сталина, не сделали столько для превращения его — в глазах советских граждан — в Вождя, Хозяина, сколько сделала статья „Головокружение от успехов”. Колхозники, крестьяне, загнанные в колхозы, прочли ее как конец коллективизации. Разве не писал Сталин: „Нельзя насаждать колхозы силой. Это было бы глупо и реакционно”. Разве не писал он: „Кому нужны эти искривления, это чиновничье декретирование колхозного движения, эти недостойные угрозы по отношению к крестьянам? Никому, кроме наших врагов”. Колхозы разваливаются после статьи, как карточные домики. В ЦЧО, где к марту было коллективизировано 82% хозяйств, к маю осталось в колхозах 18%. Сталин становится в представлении крестьян Верховной Доброй Справедливой Властью. Вся же беда — от исполнителей.

Шаг назад был сделан лишь для того, чтобы сделать десяток шагов вперед. В сентябре 1931 года коллективизировано было снова около 60% хозяйств. В 1934 году — 75%. Однако, вступление в колхоз, создание колхозов не означало еще прекращения антикрестьянских репрессий. Коллективизация имела целью „решение зерновой проблемы”, колхозы были организованы для удобства государства. Не сразу была найдена форма контроля. Вводится система обязательных поставок („первая заповедь колхозника”), обязательство колхозов отдавать государству по „твердой цене”, установленной государством, 25–33% продукции. Колхозы лишаются сельско-хозяйственных машин, лишаются тех самых тракторов, обладание которыми должно было побудить крестьян сказать: „Я за коммунию”. Колхозы располагали землей и рабочей силой. Машины давали государственные машино-тракторные станции (МТС) созданные декретом от 5 июня 1929 года. За свою работу МТС брали натурой — еще 20% урожая. От МТС, которые обрабатывали поля, нельзя было укрыть урожай. Они контролировали производственную часть колхозов. В январе 1933 года при МТС были созданы Политотделы для контроля колхозников. При каждом начальнике Политотдела имелся представитель ГПУ, который немедленно превращал „слово” в „дело” — в арест. Когда Сталин в январе 1933 года, иронизируя над теми, кто считает, будто после ликвидации кулаков нет врагов, указал, что врагами являются кладовщики, счетоводы, завхозы. Были немедленно арестованы по обвинению во вредительстве 34,4% всех кладовщиков, 25% всех бухгалтеров и так далее.⁵⁸

В числе наиболее красноречивых документов периода коллективизации — „Инструкция всем партийно-советским работникам и всем органам ОГПУ, Суда и Прокуратуры”. Эта „секретная, не для печати” Инструкция, хранящаяся в Смоленском архиве,⁵⁹ подводит итоги коллективизации и дает представление о формах и методах ее проведения. Инструкция, подписанная 8 мая 1933 года предсовнаркома Молотовым и секретарем ЦК Сталиным, состоит из двух пунктов: „Упорядочение производства арестов” и „О разгрузке мест заключения”. В пункте первом говорится: „Воспретить производство арестов лицами на то не уполномоченными по закону — председателями РИК, районными и краевыми уполномоченными, председателями сельсоветов, председателями колхозов и колхозных объединений, секретарями и пр.” Особенно выразительно в этом документе: „пр.” Оно означает, что крестьян могли арестовывать все. Инструкция отменяет этот порядок, но „для ДВК, Средней Азии и Казахстана” оставляет его еще на 6 месяцев. К чему привели массовые аресты показывает второй пункт. Инструкция устанавливает, что содержать под стражей в местах заключения — „кроме лагерей и колоний” — следует не более 400 тысяч человек. На 8 мая 1933 года их было вдвое больше, ибо Инструкция предлагает ОГПУ, наркомюстам республик и прокуратуре СССР „немедленно приступить к разгрузке мест заключения и в двухмесячный срок сократить общее число заключенных с 800 тыс. до 400 тысяч”.

„Разгрузка” не означала освобождения, она означала быстрее направление в лагеря: освобождалось место в тюрьмах, увеличивалось число рабочих рук в лагерях. Американский журналист В. Чемберлин, бывший в 30-е годы корреспондентом в Москве, писал в книге *Железный век России*: „Я был осведомлен из надежного источника, что в одной только Сибири в концентрационных лагерях было около 300 тысяч заключенных. Число советских граждан, которые в течение железного периода пятилетки были лишены свободы без всякого намека на суд, едва ли может быть исчислено менее, чем в 2 миллиона человек”.⁶⁰ Официальная цифра в 800 тысяч заключенных, содержавшихся в тюрьмах на 8 мая 1933 года, свидетельствует о том, что общее число заключенных далеко превосходило 2 миллиона человек.

Экономические итоги коллективизации были плачевными: за четыре года первой пятилетки валовые сборы зерна снизились — по официальным подсчетам — с 733,3 млн. ц. в 1928 г. до 696,7 млн. ц. в 1931-32. Урожайность зерна в 1932 году составляла 5,7 ц/га против 8,2 ц/га в 1913.⁶¹ Валовая сельскохозяйственная продукция составляла в 1928 году 124% по сравнению с 1913 годом, в 1929 —

121%, в 1930 — 117%, в 1931 — 114%, в 1932 — 107%, в 1933 — 101%. Животноводческая продукция составляла в 1933 году 65% уровня 1913 года.⁶² Но Сталин, подводя 7 января 1933 года итоги коллективизации, был доволен: „Партия добилась того, что вместо 500–600 миллионов пудов хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать 1 200 — 1 400 миллионов пудов зерна ежегодно.

Этот успех был оплачен прежде всего миллионами человеческих жертв. Демографические итоги коллективизации были трагическими. Число жертв коллективизации никогда не было — и теперь уже не будет — точно подсчитано. (Зато, как мы отметили выше, до последней овцы подсчитаны потери поголовья скота.) Данные о рождаемости, смертности, численности населения после 1932 года перестали публиковаться. Статистикой стал ведать лично товарищ Сталин. В январе 1934 года на Семнадцатом съезде, съезде победителей, он отметил „рост населения со 160 млн. чел. в конце 1930 г. до 168 млн. в конце 1933 г.” Десять лет спустя Сталин скажет Черчиллю, что в годы коллективизации „бедняки” расправились с „десятью миллионами” „кулаков”, причем „громадное большинство” было „уничтожено”, остальные отправлены в Сибирь.⁶³ Молотов в 1935 г. сообщил, что в 1928 насчитывалось „кулаков, зажиточных и старательных” крестьян 5 618 000 душ. На 1 января осталось — после „раскулачивания” — 149 000.⁶⁴ Другой официальный источник насчитывает в стране накануне коллективизации 6,8 млн. человек — представителей класса, который нужно было уничтожить.⁶⁵ Александр Орлов сообщает, что иностранные журналисты, даже те, кто похвально отзывались о политике Сталина, оценивали число жертв голода в 5–7 млн. человек. ОГПУ, в информации передаваемой Сталину, называло цифру — 3 300 — 3 500 тысяч.⁶⁶ Советский демограф Б. Урланис отмечает сокращение населения на 7,5 млн. человек с конца 1932 до конца 1933 года.⁶⁷ Сопоставляя все возможные подсчеты, Роберт Конквест приходит к осторожной цифре жертв голода и болезней в 1929–1933 годах: 5–6 миллионов.⁶⁸ Н. Валентинов, писавший для *Современных записок* экономические обзоры под псевдонимом Е. Юрьевский, подсчитал, что за годы „сталинской аграрной реформы” страна „потеряла по меньшей мере 14,8 млн. человек по сравнению с нормальным движением населения в до-революционное время”, включая понижение рождаемости. И. Г. Дядькин в „самиздатовской” статье, написанной в 1976–78 гг., оценил потери населения в 1929–1936 гг. в 15,2 млн. человек. Точность цифры была оценена властями, арестовавшими ученого.⁶⁹

Размеры этого чудовищного кровопускания, которое следовало после очень короткого перерыва вслед за кровопусканием периода войны и революции, становятся очевиднее, если мы вспомним гневное обвинение, брошенное Бакуниным самодержавию: „Система Царская истребила в продолжении каких-нибудь двухсот лет далеко более миллиона человеческих жертв, вследствие какого-то скотского пренебрежения к человеческому праву и к человеческой жизни”.⁷⁰ Сравнение двух эпох: двухсотлетнего правления царской власти и четырехлетнего – сталинской, сравнение числа жертв убедительно демонстрирует разницу между самодержавием и тоталитаризмом, между неспешным существованием в истории и безумным бегством вперед к прогрессу. К тому же Бакунин относил на счет „царской системы” жертвы войн, эпидемий и других стихийных бедствий, случившихся на протяжении двух сотен лет.

В 1919 г. Иван Бунин с удивительной пронизательностью открыл „адский секрет большевиков” – убить восприимчивость. „Люди живут мерой, – записывал писатель себе в дневник, – отмерена им и восприимчивость, воображение, – перешагни же меру. Это – как цены на хлеб, на говядину. „Что? Три целковых фунт!?” А назначь тысячу – и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. „Как? Семь?!” – „Нет, милый, не семь, а семьсот!” И уж тут непременно столбняк – семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят”.⁷¹

Ивану Бунину, мерившему восприимчивость категориями 19-го века, не могло, конечно, прийти в голову, что число повешенных, расстрелянных, замученных будет измеряться миллионами.

Среди важнейших итогов коллективизации – социологический шок. Всколыхнувший страну послеоктябрьский шок не задел глубинные слои общества. Шок коллективизации разрушил деревню до самых корней, ликвидировал крестьянство, породил новый социальный слой – колхозников, людей очень быстро потерявших любовь к земле, интерес к труду на земле. Во второй половине 20-х годов писатели – К. Федин, Вс. Иванов, Л. Леонов – пишут книги о русской пореволюционной деревне, утверждая, что революция никак на ней не отразилась, что она продолжает жить в 16-м веке, в лучшем случае – в 17-м. Они рисуют страну, напоминающую допотопного зверя – бронтозавра или ихтиозавра с огромным неподвижным телом – деревней, и маленьким мозгом – городом. Коллективизация убила бронтозавра. Андрей Платонов, оставивший лучшие книги о коллективизации – никогда не напечатанный в Советском Союзе *Котлован* и опубликованную в 1931 году повесть *Впрок*, немедленно вызвавшую гнев критики и Сталина самым на-

званием — задает вопрос: нужна ли была стране эта безумная попытка „достать социализм бумажкой“? Сергей Залыгин, опубликовавший в 1964 году лучшую после Платонова повесть о коллективизации, как войне против крестьян, заканчивает ее повторением вопроса Платонова: кому такая цена нужна, кому она впрок?⁷² Вся дальнейшая история Советского Союза показала, что коллективизация нанесла экономике страны глубокую, незаживающую рану. Борис Пастернак писал в *Докторе Живаго*: „Я думаю, коллективизация была ложной неудавшейся мерой, и в ошибке нельзя было признаться. Чтобы скрыть неудачу, надо было всеми средствами устрашения отучить людей судить и думать, и принудить их видеть несуществующее и доказывать обратное очевидности“. Пастернак очень точно говорит о последствиях коллективизации: устрашая, людей отучают думать, создают иллюзорный мир, который требуют считать реальным. Но писатель не прав, полагая, что „боялись признаться“ в ошибке. Для Сталина коллективизация не была ошибкой. Она была его великой победой.

В политическом отношении коллективизация была замечательным успехом. С точки зрения Сталина, она была необходимостью. Советский дипломат С. Дмитриевский, отказавшийся вернуться в Москву из Стокгольма в 1930 году, опубликовал в 1931 первую биографию Сталина, которую можно считать первой апологией Вождя, вышедшей на Западе, и выражением идей, которые вождь открыто на родине не выражал. „Здание сталинской диктатуры, — пишет С. Дмитриевским, — может держаться и осуществлять свои планы, только полностью монополизировав в своих руках и политическую и экономическую власть в стране. Политическая власть давно уже в руках Сталина. Но полной экономической власти в его руках до сих пор еще нет. Она возможна только на базе охватывающего всю без исключения экономическую жизнь страны монополистического государственного капитализма“.⁷³ С. Дмитриевский отмечает угрозу „зданию сталинской диктатуры“ со стороны крестьянства: „Победа крестьянства внутри страны была бы победой Запада: его основной идеи — индивидуализма и либерализма в политической жизни“.⁷⁴ Первый биограф Сталина писал свою книгу в разгар коллективизации. После завершения коллективизации вся экономическая жизнь страны оказалась полностью в руках Сталина, все граждане были целиком зависимы от государства и в политическом, и в экономическом отношении. Одновременно была завершена и монополизация духовной жизни.

3. Неудержимое восхождение Иосифа Сталина

С. Дмитриевский описывает заседание Политбюро в 1930 году: „Председательствует обычно Рудзутак – твердо, бесстрашно. Но центром, решающим даже своим обычным безмолвием, является Сталин. Все глаза направлены на него. Его многие в этом собрании не любят, даже ненавидят, – но пока что он – никто иной самодержец российского государства”.⁷⁵ Американский журналист Луи Фишер закончил свою корреспонденцию о ходе Шестнадцатого съезда партии (июнь–июль 1930) словами: „Добрый товарищ мог бы посоветовать Сталину прекратить оргию личного восхваления Сталина, которой позволено залить страну... Ежедневно сотни тысяч телеграмм, переполненных супер-восточными комплиментами: „Ты величайший Вождь”, „вернейший ученик Ленина” и т. п., направляются на его адрес. Его именем названы три города, бесчисленное количество деревень, колхозов, школ, заводов и учреждений... Если Сталин и не ответственен за это, он во всяком случае это терпит. Он мог бы это прекратить одним нажатием кнопки”.⁷⁶ Когда Сталину перевели эту корреспонденцию, как узнал впоследствии Луи Фишер, вождь ответил коротко и ясно: „Сволочь”. Американский биограф Сталина Роберт С. Таккер полагает, что „культ Сталина”, его обожествление, начинается только в конце 1931 года, после того, как он объявляет себя единственным интерпретатором Маркса в статье, опубликованной в журнале *Пролетарская революция*. Нет, однако, сомнения, что хотя в 1929 году Сталин еще не присвоил себе все атрибуты Вождя и Учителя, каждое слово которого становилось законом для всего прогрессивного человечества, он не только обладал громадной властью, но и – как, впрочем, подтверждает Луи Фишер – был объектом культа. Тем не менее, верно и то, что культ этот еще не был обожествлением, которое придет очень скоро. Об этом свидетельствуют две попытки – в годы первой пятилетки – посягнуть на авторитет Сталина. Обе эти попытки были совершены не старыми оппозиционерами, но представителями молодого поколения большевиков.

В ноябре 1930 года был раскрыт „заговор” Сырцова, по выражению С. Дмитриевского, или „право-левацкий блок”, по официальной номенклатуре, полагающей возможным такое сочетание двух взаимоисключающих слов. Всего несколько месяцев назад С. Сырцов сделал молниеносную карьеру, став председателем Совнаркома РСФСР, кандидатом в члены Политбюро. Падение его было таким же внезапным, как и возвышение. С. Дмитриевский, приводящий наиболее подробные сведения о „заговоре”, говорит о том, что Сырцов,

„фаворит Сталина”, и „группа ответственных работников партии и государства пришли к сознанию необходимости самых решительных мер для изменения политики власти, к которой сами они принадлежали”.⁷⁷ С. Дмитриевский подчеркивает, что в своих статьях, во всех своих выступлениях Сырцов „остается тем, чем был — преданнейшим сторонником системы идей Сталина”. Недоволен он был системой управления, невероятным бюрократизмом советской государственной машины. К этой „не идеологической, но чистопрактической платформе”⁷⁸ присоединились Бессо Ломинадзе, в свое время отправленный Сталиным в Кантон делать революцию, и комсомольский вождь Шацкий. Более того, как утверждает автор *Советских портретов*, были слухи, что Сталин сам был как-то замешан в этот „заговор”, желая воспользоваться им для ряда коренных реформ”.⁷⁹ Зная Сталина, нельзя отвергать даже этого фантастического слуха: почему бы и не выступить ему лично в роли провокатора? „Заговорщики” были арестованы, сняты с должностей, но подвергнуты лишь мягким санкциям. В последний раз критика линии партии рассматривается в качестве политической оппозиции.

Летом 1932 года бывший сторонник Бухарина, в свое время секретарь МК Рютин составил программу на 160 страницах, содержание которой сводилось к трем важнейшим пунктам: 1) экономическое отступление (замедление ритма индустриализации, отказ от насильственной коллективизации), 2) внутрипартийная демократия, 3) удаление Сталина.⁸⁰ Целая глава в программе была посвящена Сталину, которого Рютин называл „злым гением партии и революции”, „могильщиком революции”, „провокатором”.

Рютин, бывший секретарь МК Угланов, бывшие члены ЦК и наркомы Толмачев и Эйсмонт были обвинены в попытке создать „контрреволюционную буржуазно-кулацкую организацию” с целью „реставрировать в СССР капитализм”. Поскольку Рютин одно время был редактором *Красной звезды*, его обвинили в попытке создать террористскую группу среди курсантов Военной школы ВЦИК для убийства Сталина. Впервые членов партии за высказывание оппозиционных взглядов обвинили в терроризме. Впервые Сталин потребовал казни „заговорщиков”, но Политбюро отказалось санкционировать казнь Рютина. По утверждению В. Кривицкого, Киров выступил против смертной казни и объединил вокруг себя большинство.⁸¹ Сталин вспомнит „рютинскую платформу” через 4 года, а поведение Кирова — через полтора года.

Рютин выступает со своей программой в разгар голода, в разгар коллективизации, в сумасшедшие месяцы гонки для выполнения „пятилетки в четыре года”. В это самое время молчат правые оп-

позиционеры, в том числе Бухарин и Рыков. Поддерживает Сталина левая оппозиция, то есть Троцкий.

Троцкисты встретили решение о коллективизации положительно, хотя Троцкий, изгнанный в 1929 году из Советского Союза, упрекал Сталина — в *Бюллетене оппозиции*, который он начал издавать в Париже в июле того же года — в теоретической неграмотности, в том, что Сталин не учитывает, осуществляя коллективизацию, второй том *Капитала*.⁸² Иногда можно встретить в *Бюллетене оппозиции* корреспонденции из Советского Союза (*Бюллетень* очень хорошо информировался местными корреспондентами), в которых коллективизацию упрекали за ее недостаточно радикальный характер. „... На смену раскулаченным и высланным, — сетует, например, А. Т. в письме от 12 июня 1930 года, — на унавоженной центрискими иллюзиями земле пробиваются новые капиталистические побеги”.⁸³ В 1931 году Троцкий пишет *Проблемы развития СССР* и называет в этой работе коллективизацию „новой эпохой в истории человечества, началом ликвидации идиотизма деревенской жизни”. А. Чилига, сидевший с 1930 года в тюрьме и в лагере, рассказывает, в каком незавидном положении оказывались заключенные троцкисты, получавшие от своего вождя инструкции, из которых следовало, что Советский Союз является „пролетарским государством”. Троцкий, правда, отвергал утверждение „сталинской фракции у власти”, что СССР вступил в фазу социализма, — на самом деле, учил вождь „левых”; он вступил лишь „в первую фазу эволюции к социализму”. В 1932 году Троцкий пишет своему сыну, что не следует „в данный момент” выступать с лозунгом „долой Сталина”, ибо „Милюков, меньшевики и термидорианцы” будут охотно вторить крику „снять Сталина”. Возможно, продолжает великий стратег революции, через несколько месяцев Сталину придется защищаться против нажима термидорианцев и тогда нам придется временно поддержать его.⁸⁴

С такими врагами Сталин мог себе позволить не иметь друзей.

Годы первой пятилетки были годами неудержимого восхождения Сталина: он сосредотачивает в своих руках власть во всех областях жизни, власть материальную и духовную. Его объявляют творцом — рядом с Лениным — Октябрьской революции, создателем — рядом с Лениным — партии, создателем Красной армии и победителем в гражданской войне, корифеем всех наук, великим марксистом, великим мыслителем и великим практиком. Одно его слово приводит в движение или останавливает страну. Он бросает короткис лозунги и политика меняется: Техника решает все, Темпы решают все, даже — Кадры решают все. Он разоряет деревню и убивает миллионы крестьян, а потом — винит исполнителей, он вводит для рабо-

чих рабский режим, но он же заявляет: „Из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим являются люди, кадры”. Он объявляет: „Жить стало лучше, жить стало веселей” и обливающаяся кровью и слезами страна, обязана начать радоваться.

Сотни книг написаны о Сталине. Сотни авторов пытаются разгадать тайну Сталина, его культа, его успехов, тайну его неудержимого восхождения и безграничной власти, какой, возможно, не знал никто в истории. Он сам раскрыл секрет своих успехов в простой формуле: „Ты отстал, ты слаб – значит ты неправ, стало быть, тебя можно бить и поработать. Ты могуч – значит ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться”.⁸⁵ Сталин имел в виду государственную силу, мощь государства, которое, став сильным, всегда право, как в своих внешних сношениях, так и во внутренней политике – в отношениях с гражданами. Наконец, он имел в виду и политическую борьбу.

Взгляды Троцкого на десятилетия определили отношение к Сталину большинства биографов „несменяемого генерального секретаря”, как назвал его Б. Суварин. Сталин изображался посредственностью, „серым пятном”, по выражению Суханова, лжецом, подлецом, негодяем, случайно занявшим место, которое по праву принадлежало Троцкому – блестящему организатору и публицисту, теоретику и практику. После смерти Сталина появилось у многих биографов желание изображать его дьяволом, чуть ли не с детства задумавшим захват власти в партии и государстве. И действовавшим соответственно. Черты зрелого Сталина, обезумевшего от чудовищной власти, переносились на Сталина, боровшегося за власть, и победившего потому, что лучше всех своих конкурентов он понимал характер партии большевиков и слабости своих конкурентов.

Планы будущего государства, будущего общества кристаллизуются у Сталина, можно полагать в конце 20-х годов, когда победа его над другими претендентами – Троцким, Зиновьевым, Бухариным – не вызывала уже сомнения: был выброшен за границу Троцкий, исключены из партии Зиновьев и Каменев, готовился к закланию Бухарин, которого совсем еще недавно Сталин прикрывал своей грудью. „Они требуют крови Бухарина, – защищал он „любимца партии” от Зиновьева и Каменева, – не дадим вам его крови, так и знайте...”

Представление о планах Сталина, о его идеях и мечтах, можно получить, знакомясь с книгами С. Дмитриевского, которых биографы Сталина знать не желают.

С. Дмитриевский, несомненный последователь главных идей Устрялова, развивает дальше идеологию „сменовеховства”, изображая Сталина человеком, воплотившим в России национал-коммунизм.

Сталин, а затем *Советские портреты*, рассчитанные в свое время на привлечение русской эмиграции на сторону Сталина, представляют особый интерес сегодня. То, что казалось в 1931, в 1932 году странным и невероятным, вскоре начало осуществляться Сталиным.

С. Дмитриевский констатирует: в России идет процесс — „люди, которые вначале искренне считали себя только коммунистами, стали сейчас национал-коммунистами, а многие из них стоят уже на пороге чистого русского национализма”.⁸⁶ Автор *Сталина* видит будущее России, как „народную империю”, а генерального секретаря, как человека, ведущего страну к этому. „Может быть, — задает он вопрос, зная ответ, — только такой тупой таран, как Сталин, и сможет пробить для России дверь в будущее?”⁸⁷ Диктатура Сталина для него „во многих отношениях народная диктатура”. Во всяком случае, по Дмитриевскому, эта власть, „гораздо более связанная с народными массами, чем любая так называемая демократия”.⁸⁸ В „народности” диктатуры, а „не только в штыхах — сила сталинского строя”.⁸⁹

Программу Сталина его биограф и апологет излагает в нескольких пунктах. Прежде всего: провести „политику максимального зажима, как в партии, так и в государственном аппарате, так чтобы все скрипело вокруг...” Затем наступает очередь осуществления идеи „красного”, „пролетарского”, русско-азиатского империализма. Мир раскололся на два лагеря: на лагерь империализма и на лагерь борьбы против империализма. Во главе недовольных и борющихся на смерть с империализмом становится наша страна, Советский Союз.⁹⁰ Так, по словам Дмитриевского, формулирует совокупность своих идей Сталин. Но борьба с империализмом это борьба с Западом: „Надо догнать и перегнать ненавистный Запад — раздавить его, сломить его надменную мощь. Ради этого он готов принести в жертву не один только маленький народ, среди которого родился, но все ныне живущие поколения”.⁹¹

Враг демократии, враг Запада, беспощадный деспот, у „которого нет сомнений, которому никого и ничего не жаль”, строит национальную народную империю. Россия, — пишет С. Дмитриевский в своей второй книге, — „постепенно все основательнее стряхивает с себя назойливую муху марксизма — и все дальше идет по пути к национальному строю. Победа Сталина была первой ступенью на этом пути, поскольку она сломала хребет основным силам боевого марксизма в нашей стране”.⁹²

Для Троцкого в 1932 году, когда Дмитриевский пишет эти слова, Сталин был еще марксистом — недостаточно подготовленным теоретически, нарушавшим букву учения, но марксистом; для биографа Сталина — он был борцом с марксизмом. Правы оба: Сталин был

марксистом, когда марксизм помогал ему, он был против него, когда марксизм ему мешал своими догмами. Но это верно и по отношению к сталинскому национализму. Национализм для Сталина так же страдал догмами, как и марксизм. Главным было, как верно замечает С. Дмитриевский: „Отечество у нас есть только когда и пока в нем „наша“ власть, „рабочая“, сталинская”.⁹³

Национализм, марксизм все шло как строительный материал для укрепления власти Сталина, полученной им в наследство от Ленина. С. Дмитриевский видел в Сталине предшественника будущего русского Цезаря, строителя будущей национальной России. Сталин был сам себе Цезарем и построил сталинское государство.

Апофеоз Сталина, его триумф празднуется в январе 1934 года на Семнадцатом съезде партии. Подведены итоги индустриализации, завершена коллективизация, окончательно прибрана к рукам духовная жизнь общества, приняты новые законы, полностью лишившие граждан свободы. За пять лет страна изменилась неузнаваемо. И больше никто не осмеливается оспаривать право Сталина на единоличную власть.

Киров, которому остается жить меньше года, назовет съезд „съездом победителей”. В сентябре того же 1934 года Гитлер объявляет национал-социалистам, собравшимся в Нюрнберге, что они это – „съезд победителей”.

Выступая на съезде Сталин обещает мир и спокойствие: „Если на Пятнадцатом съезде приходилось еще доказывать правильность линии партии и вести борьбу с известными антиленинскими группировками, а на Шестнадцатом съезде добивать последних приверженцев этих группировок, то на этом съезде – и доказывать нечего, да, пожалуй, и бить некого”. Съезд встречает эти слова овацией. Из 1966 делегатов Семнадцатого съезда только 59 приняли участие в следующем – Восемнадцатом съезде. Около 2/3 делегатов „съезда победителей” были арестованы в последующие пять лет и лишь очень немногие выжили.

На множестве иностранных языков – и на русском – выходит первая официальная биография Вождя. Сталин не перестает надеяться, что биографию напишет М. Горький. Но отец пролетарской литературы не торопится, и „социальный заказ” вручается французскому писателю Анри Барбюсу. Поговаривают, правда, что книгу написал немецкий писатель-коммунист Альфред Курелла, а знаменитый автор *Огня* лишь ее подписал. *Сталин* Барбюса будет очень скоро в Советском Союзе запрещен, ибо почти все упомянутые в нем друзья и соратники Вождя окажутся врагами революции и народа. Но он даст несколько отличных формул для пропагандистов

культы. И начертает портрет: „Вы, кто не знаете его, он давно знает вас и заботится о вас. Кем бы вы ни были, вы нуждаетесь в этом благодетеле. Кем бы вы ни были, лучшая часть вашей судьбы находится в руках этого человека, который заботится обо всем и трудится”.⁹⁴ Был уже портрет Дмитриевского: „... спокойный, неподвижный сидит Сталин — с каменным лицом допотопной ящерицы, на котором живут только глаза. Все мысли, желания, планы стекаются к нему. Он читает, слушает, напряженно думает. Уверенно, не спеша, отдает приказания. Плетет сеть интриг. Возвышает своих людей, растаптывает других. Покупает, продает тела и души”.⁹⁵ Барбюс дает более лестный внешний облик Благодетеля — это „человек с головой ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата”.⁹⁶

В феврале 1934 года, на Семнадцатом съезде партии, Киров подводит итог, он называет Сталина „самым великим человеком всех времен и народов”. Сталин достиг высшей власти. Следующий ее этап начнется убийством Кирова.

4. Спокойствие на всех границах

Спокойствие на границах было необходимым условием успеха „революции сверху”, начатой Сталиным. И советская дипломатия — „первый этаж” советской внешней политики — стремится в годы первой пятилетки это спокойствие обеспечить.

Лишь один инцидент серьезно нарушает спокойствие, но, впервые после гражданской войны, дает возможность Красной армии проявить себя. С 1928 года между Китаем и Москвой не было дипломатических отношений. Летом 1929 правительство Чан Кай-ши провоцирует Советский Союз: подвергаются аресту консульские работники в Манчжурии и Северном Китае (консулаты в Харбине и Мукдене действовали несмотря на отсутствие дипломатических отношений), советские граждане — работники КВЖД, затем захватывается КВЖД. После отказа Китая освободить советских граждан и вернуть КВЖД, советские войска в нескольких боях наносят поражение китайской армии. Особой Дальневосточной Красной армией командует В. Блюхер — в 1924—27 годах военный советник при армии Гоминдана. В декабре 1929 на советско-китайской границе восстанавливается статус-кво. Чан Кай-ши просчитался, недооценив силу и решительность советского правительства. Советское правительство, в свою очередь, опасаясь серьезных международных осложнений, тем не менее пользуется случаем, когда он представляется. В конце 20-х годов Москва вмешивается в гражданскую войну

в Афганистане, поддерживая свергнутого хана Амманулла. Г. Агабеков, рассказывая об этом эпизоде, сообщает, что было решено поддержать Амманулла, опирающегося на южные племена, „естественно“ враждебные Англии, а не его противника Бача-Саккау, который опирался на население Северного Афганистана и, следовательно, мог стараться „распространить влияние на советский Туркестан“. Для поддержки Амманулла была направлена в Афганистан „ударная группа“ под командованием героя гражданской войны, бывшего советского военного атташе в Кабуле Примакова. Одержав ряд побед в стычках с отрядами Бача-Саккау, советская военная часть была отозвана, ибо Амманулла отказался от борьбы с восстанием.⁹⁷

Отношения с Германией были в центре интересов советской внешней политики в годы первой пятилетки. Лишь в конце этого периода советская дипломатия осуществляет свой давнишний план, подписывая договор о ненападении с Францией (парафирован в 1931 г.) и, несмотря на возражения Германии, – с Польшей (1932). В 1926 и в 1931 годах Германия и Советский Союз пролонгируют Рапальский договор. Их привилегированные отношения двух противников „Версальской системы“ распространяются на дипломатию, экономику, и – в особенности – на военное сотрудничество. Германская внешнеполитическая линия вырабатывалась в борьбе между „западниками“ и „восточниками“, между сторонниками тесных связей с Советским Союзом и сторонниками западной ориентации. Представителями восточной ориентации были: рейхсвер, консервативные политики, часть промышленников, „западниками“ были прежде всего социал-демократы. Легко понять, почему нелюбовь Сталина к социал-демократам, к социалистам вообще, была особенно острой по отношению к германским социал-демократам. Склонность Сталина к „восточникам“, к консерваторам объяснялась не только тем, что они были сторонниками просоветской ориентации, но и пристрастием генерального секретаря к сторонникам сильной власти. Отношения Советского Союза с фашистской Италией были отличными с момента прихода Муссолини к власти. А. Бармин рассказывает, что в 1924 году советский посол в Италии Юренив пригласил на обед Муссолини. Накануне обеда лидер оппозиции социалист Маттеотти был похищен фашистами, а затем убит. Итальянские коммунисты и либералы потребовали от Юренива взять назад приглашение Муссолини. Советский посол отказался это сделать и торжественно принял Дуче.⁹⁸ В годы первой пятилетки Италия получила от Советского Союза огромные заказы на промышленное оборудование, итальянские промышленники в свою очередь предоставили СССР долгосрочные кредиты, гарантированные государством.⁹⁹

На „втором этаже” советской внешней политики с лета 1928 года осуществляются решения Шестого конгресса Коминтерна, объявившего, что „враг слева”, что главный враг — „социал-фашисты”. Выражение это, пущенное в обиход Зиновьевым в 1922 году, означало не только, что социал-демократы, социалисты, были главным врагом рабочего класса, но и то, что фашисты и национал-социалисты, получившие в 1930 году 6,5 млн. голосов, не были серьезным врагом. Рост нацизма рассматривался Москвой скорее, как феномен положительный. Он свидетельствовал, по мнению лидеров Коминтерна, о том, что массы теряют свои парламентские и демократические иллюзии. С другой стороны нацисты были врагами западных демократии и не могли — по мнению Сталина — придерживаться прозападной ориентации. В 1931 году Сталин спросит члена Политбюро КПГ Гейнца Неймана: „Не думаете ли вы, что если в Германии придут к власти националисты, они будут заниматься только Западом, так, что мы сможем свободно строить социализм?”¹⁰⁰ Коммунистическая партия Германии получает директиву вести беспощадную борьбу с социал-демократами, в особенности с ее левым крылом. Коммунисты, подчиняясь приказу Москвы, нередко объединяют силы с нацистами для борьбы с социалистами. Причем немецкие коммунисты меняют свою тактику мгновенно: еще вчера линией партии был лозунг Неймана: бей фашиста, всюду где его встретишь. Сталин, решив изменить политику, вызывает в Москву трех членов Политбюро — Тельмана, Неймана, Реммеле. Вернувшись они дают приказ: враг — социал-демократы.

Среди историков распространена версия, что Сталин, прокладывая путь победе Гитлера, исходил из убеждения, выраженного в формуле: победа Гитлера сегодня — победа коммунистов завтра. Лозунг такой имел распространение в коммунистических кругах в Германии в начале 30-х годов. Политика Сталина в отношении Германии складывалась из трех элементов. Прежде всего из ненависти к социал-демократии. Но чувство это не было личной фобией Сталина. Его разделяли все большевики. В том числе и Троцкий. Он был, правда, против использования термина „социал-фашист”, но одновременно выступал против союза с партиями и организациями, которые не порвали с реформизмом и хотят возрождения социал-демократии. Отношение Сталина и Троцкого к социал-демократии и нацизму в 30-е годы убедительно демонстрирует разницу между двумя наследниками Ленина и не менее убедительно показывает, что подлинным ленинцем был Сталин. С 1931 по 1941 годы Сталин, не стесняясь ничем, не останавливаясь ни перед чем, руководствуясь только своими интересами, по крайней мере четырежды меняет свою поли-

тику на 180°. В июне 1933 года, уже после прихода Гитлера к власти, журнал *Коммунистический интернационал* высмеивал предложение „австро-марксистов” заключить союз с „демократиями”: „Австро-марксизм предлагает СССР заключить союз с „великими демократиями” в международном масштабе для борьбы с фашизмом... Социал-фашизм советует пролетариату СССР заключить союз с „демократической” Францией и ее вассалами против немецкого и итальянского фашизма. Социал-фашисты делают вид, что забывают о существовании французского, британского и американского империализма”.¹⁰¹ Менее чем через год „пролетариат СССР” поступил именно так, как советовали ему „австро-марксисты”. Но Троцкий и в 1938 году продолжал утверждать: „И действительно, что бы мог означать блок империалистических демократий против Гитлера? Новое издание версальских кандалов, даже еще более тяжелые, еще более кровавые, еще более невыносимые... Борьба против фашизма в союзе с империализмом это тоже самое, что бороться в союзе с дьяволом против его рогов и когтей”.¹⁰² В 1938 году Сталин — союзник демократии, и Троцкий беспощадно его критикует за измену делу пролетариата и мировой революции. Но в июне 1940 Троцкий остается на своей позиции: „Социалист, который выступает сегодня в защиту „отечества” играет такую же реакционную роль, как вандейские крестьяне, которые пошли защищать феодальный строй, то есть свои собственные узы”.¹⁰³ И в этот момент Троцкий оказался в одном лагере со Сталиным, который успел дважды переменить лагерь и был с 1939 года в союзе с Гитлером. Троцкий оставляет впечатление часов, остановившихся в 1917 году, а Сталин — часов, которые движутся туда, куда хочет их хозяин. Причем и Троцкий, и Сталин утверждают, что их часы показывают верное время, ибо идут по законам Истории.

Вражда к социал-демократии — первый из элементов политики Сталина по отношению к Германии. Второй элемент — убеждение, что нацисты — это националисты, для которых главный враг — Версальская система. Карл Радек пытался в 1923 году использовать рождавшуюся нацистскую партию, как силу, разрушавшую Веймарскую республику, и тем самым способствовавшую коммунистической революции. Радек дал нацистам их первого героя — расстрелянного французами в оккупированном Руре Шлагетера, — произнес в его честь знаменитую траурную речь, одобренную Сталиным и Зиновьевым. Радек высказывал убеждение лидеров Коминтерна, что „огромное большинство национально-мыслящих масс принадлежат не к лагерю капиталистов, а к лагерю рабочих”, что „сотни Шлагетеров” придут в лагерь революции.¹⁰⁴ Гитлер, в свою очередь,

высказывал своим товарищам убеждение, что из коммуниста всегда может получиться хороший нацист, а из социал-демократа – никогда. Наконец, третий элемент – страх перед приходом коммунистов к власти в Германии. На Четвертом конгрессе Коминтерна Зиновьев говорил: „Мы хорошо знаем, что всего через несколько лет многие промышленные страны нас перегонят и займут первое место в Коминтерне и тогда мы, как говорил товарищ Ленин, станем отсталой советской страной среди развитых советских стран”. Зиновьев как будто против такой перспективы ничего не имел. Категорически против был Сталин. Первого места в Коминтерне он уступать никому не намеревался.

В 30-е годы появляется новый важный фактор на внешнеполитической сцене: просоветское мировое общественное мнение. Обработка общественного мнения Запада начинается сразу же после Октябрьской революции. О ее результатах пишет американский журналист Джордж Попов в книге *ЧК*, в которой рассказывает о своем аресте в 1922 году: „Один из величайших политических успехов московских деспотов это такая обработка мировой общественности, что каждый, кто осмеливается говорить о недостатках, причем неоспоримых, советского государства, объявляется „антибольшевиком” и обвиняется в отсутствии объективности”.¹⁰⁵ В глазах западной интеллигенции, мировой экономической кризис превращает Советский Союз – страну пятилетки – в рай на земле. Артур Кестлер, посетивший Советский Союз в 1932–33 гг. и писавший о нем так же восторженно, как и все другие западные писатели, журналисты, бизнесмены, гораздо позднее, сводя в автобиографии счёты с прошлым, заметил: „Если бы сама История была сторонницей коммунизма, она не смогла бы так ловко синхронизировать самый тяжелый кризис западного мира и первую фазу русской промышленной революции. Контраст был так силен, что неминуемо вел к выводу: они – будущее, мы – прошлое”.¹⁰⁶ Хаосу западной экономики противопоставлялось советское планирование, миллионам западных безработных – отсутствие безработицы в Советском Союзе. Термин „железный занавес” вошел в общее употребление после выступления Черчилля в Фултоне в 1946 году. До него употреблял это выражение Геббельс. Впервые использовал его Василий Розанов в 1917 году: „С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес. – Представление окончилось. Публика встала. – Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось”.¹⁰⁷ Для Розанова железным занавесом была революция, прервавшая русскую историю. В этом же смысле употребляет термин эмигрант-

ский публицист С. Поляков в 1921 году. В 1930 статья „Железный занавес” появляется в *Литературной газете*. Лев Никулин начинает ее словами: „Когда на сцене пожар, сцену отделяют от зрительного зала железным занавесом. С точки зрения буржуазии, в Советской России 12 лет кряду длится пожар. Изю всех сил нажимаю на рычаги, там стараются постепенно опустить железный занавес, чтобы огонь не перекинулся в партер”.¹⁰⁸ В Советском Союзе бушевал пожар. В 1930 г. он пожирал миллионы людей — Запад ничего не знал об этом, ибо не хотел знать. Конец НЭПа и „великий перелом” означали, в частности, прекращение всех неполностью контролируемых связей с остальным миром, которые были еще возможны во второй половине 20-х годов. Но отделение Советского Союза от остального мира железным занавесом было возможно лишь при соучастии Запада. Было несложно изолировать советский народ: строжайшая цензура, запрещение частных выездов, переписки с заграницей, бесед с иностранцами, непрекращающаяся пропаганда. Кестлер был несколько удивлен, когда ему — немецкому коммунисту, советские граждане задавали вопросы о положении на Западе: Когда вы ушли с работы в буржуазном журнале, забрали ли у вас продуктовые карточки и выгнали ли вас с квартиры? Какова средняя цифра французских рабочих, ежедневно умирающих с голоду? Каким образом западные коммунисты смогли предотвратить интервенцию против СССР, которую готовит монополистический капитал с помощью социал-фашистских изменников? Кестлер добавляет, что вопросы ему задавали (одни и те же во всех городах, которые он посетил) на неорусском, джугашвилиевском языке.¹⁰⁹ Невежество советских граждан было результатом совместных усилий „органов” и пропаганды. Но десятки книг, сотни и сотни статей, написанных о Советском Союзе французскими, немецкими, английскими, американскими демократами, либералами, консерваторами, получившими разрешение совершить прогулку по стране, строящей социализм, укрепляли железный занавес с западной стороны: не позволяли Западу узнать правды об СССР. В обмане участвовали и журналисты, подолгу жившие в Советском Союзе, такие, например, как многолетний корреспондент *Нью-Йорк Таймс* в Москве Уолтер Дюранти. По самым разным соображениям: нежелание обидеть советские власти, нежелание прослыть „необъективным”, желание следовать политике своего правительства — западные корреспонденты скрывали факты, искажали их, фальшиво их интерпретировали. Именно с их помощью от мира был скрыт голод 1931—33 годов, его чудовищные размеры.

Западная интеллигенция, увидевшая в Октябрьской революции зарю новой эры, увидевшая в кризисе 30-х годов знак гибели западной цивилизации, поверила, что Советский Союз это – радостное завтра человечества. „Я видел будущее и оно действует”, – заявил влиятельнейший американский журналист, верный друг Советского Союза Линкольн Стеффенс. „Советский коммунизм – новая цивилизация?”¹¹⁰ – спрашивают почтенные фабианцы Сидней и Беатрис Вебб, и категорически утверждают: да, новая цивилизация. „Никогда я так хорошо не ел, как во время поездки по Советскому Союзу”. – заявляет знаменитый мастер парадокса Бернард Шоу, посетивший страну будущего в разгар голода. Выезжая, он вписывает в „золотую книгу” гостиницы „Метрополь”: „Завтра я покидаю эту землю надежды и возвращаюсь на Запад, где царит безнадежность”. Американка Элла Винтер, побывавшая в СССР в 1932 году говорит о проходящих трудностях, как о родовых схватках: „Счастлива ли женщина, рожая долгожданного ребенка? Они рожают новый мир с новым мировоззрением и в ходе этого процесса вопросы личного удовлетворения становятся второстепенными”.¹¹¹ Лейборист Гарольд Ласки заявляет после прогулки по СССР в 1934 году: „Никогда в истории человек не достиг такого совершенства, как при советском режиме”.

Артур Кестлер рассказывает как он рассуждал во время поездки по СССР, готовя восторженную книгу о стране социализма: он рассуждал диалектически. Жизненный уровень низок, но в царское время он был ниже. В капиталистических странах рабочие живут лучше, но у них положение ухудшается, а в СССР – улучшается.

Главным, однако, для всех зарубежных поклонников нового общества был аргумент: у нас будет иначе. Так рассуждали французы, англичане, американцы. Эдмунд Вильсон, влиятельнейший литературный критик США, предложил даже в знаменитом „Обращении к прогрессистам” „забрать коммунизм у коммунистов”,¹¹² чтобы построить его своими руками. В Советском Союзе, – писал он, – „я себя чувствовал, как в святыне морали, где не перестает светить свет”.¹¹³

Восторженная просоветская кампания оказывала стране Сталина огромные услуги. Обрабатывала общественное мнение. И выполняла конкретные практические услуги. Нью-Йоркское бюро путешествий набирало рабочих для Советского Союза с помощью рекламы: „Иди в Советскую Россию. Интеллигенты, работники разных специальностей, мужчины и женщины сердечно приглашаются в Советскую Россию... где осуществляется величайший в мире социальный эксперимент – среди мириада красочных национальностей, чудесных

пейзажей, великолепной архитектуры и экзотических цивилизаций".¹¹⁴ В значительной степени под влиянием общественного мнения США признают в 1933 году Советский Союз, с которым уже установлены тесные экономические и культурные связи.

Характернейшей чертой мировой просоветской кампании был ее язык. Все книги, написанные в это время о Советском Союзе, безразлично на немецком, французском или английском языках, профессиональными ли борзописцами вроде Анны Луизы Стронг, или изысканными эстетами вроде Эдмунда Вильсона, кажутся написанными на одном „джугашвилиевском”, советском языке. Ложь, сознательно или бессознательно распространяемая ими, окрашивает всю эту продукцию в один цвет. Зараза лжи и инструмент ее распространения – советский язык – расходятся по всему миру. И казалось нормальным, что после поджога рейхстага, когда гестапо начинает охотиться за политическими противниками, руководство КПГ заявляет: „Пролетариат не проиграл битвы, он не потерпел поражения... Происходит лишь временное отступление”.¹¹⁵

Те немногие представители западной интеллигенции, которые пытаются прорвать железный занавес, разоблачить заговор лжи о Советском Союзе, написать о нем правду, подвергаются остракизму, безжалостно изгоняются из лагеря прогрессивного человечества. Так случилось, например, в начале 30-х годов с румынским писателем Панайотом Истрати, в конце 20-х годов – с американцем Максом Истменом.

Апологеты Советского Союза покорно принимали все повороты сталинской внешней политики, объясняя их в первую половину 30-х годов необходимостью срывать происки империалистов и социалфашистов, а во вторую половину 30-х годов и позднее – мудростью Сталина. Его гений прославлялся ими с еще большей, если это возможно, беззастенчивостью, чем даже в Советском Союзе. Выдающийся английский биолог с умилением приводит рассказ о том, как Сталин лично приходит по ночам на товарные вокзалы в Москве, чтобы подсобить грузчикам”.¹¹⁶ Генрих Манн утверждал, что Сталин ставит Geist (дух) гораздо выше Macht (силы).¹¹⁷ И так далее, и так далее...

5. „Жить стало веселее...”

Когда Панайот Истрати пробовал во время своего пребывания в СССР говорить о том, что не все соответствует тому, как он представлял себе страну социализма, ему отвечали: нельзя сделать омле-

та, не разбив яиц. Румынский писатель возражал: я вижу разбитые яйца, но не вижу оmlета.¹¹⁸

Яйца разбиваются беспощадно, но после того, как строительно-разрушительная машина коллективизации и индустриализации была пущена в ход, начинает появляться абрис „оmlета”. 13 декабря 1931 Сталин дает интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу, автору биографий великих людей. „Задачей, которой я посвящаю свою жизнь... является... укрепление государства социалистического, и значит — интернационального”.¹¹⁹ Слово было сказано: укрепление государства. Слово это ревизовало все обязывавшие в то время теории, которые считались ортодоксально марксистскими. На основании этих теорий, а на их подкрепление шла армия цитат из Маркса, государство должно было очень скоро отмереть. Сталин еще употребляет прилагательное „интернациональное”, но главным является существительное — „государство”. И глагол — „укреплять”. Цементом этого государства должен был быть страх. Эмиль Людвиг спросил Сталина: „Мне кажется, что значительная часть населения Советского Союза испытывает чувство страха, боязни перед советской властью и что на этом чувстве страха в определенной мере покоится устойчивость Советской власти”.¹²⁰ Эмиль Людвиг формулирует свой вопрос, как если бы он был знаком с результатом исследований проф. Бородина, героя пьесы А. Афиногенова *Страх*. „80% всех обследованных, — говорил проф. Бородин, — живут под вечным страхом окрика или потери социальной опоры. Молочница боится конфискации коровы, крестьяне — насильственной коллективизации, советский работник — непрерывных чисток, партийный работник боится обвинений в уклоне, научный работник боится обвинения в идеализме, работник техники — обвинения во вредительстве. Мы живем в эпоху великого страха”. Нет в Советском Союзе ни одной профессии, ни одной социальной группы, которая бы не боялась. Сталин, отлично пьесу Афиногенова знавший, отвечает Э. Людвигу: „Вы ошибаетесь... Неужели вы думаете, что можно было бы в течение 14 лет удерживать власть и иметь поддержку миллионных масс благодаря методу запугивания, устрашения? Нет, это невозможно”. Но, Сталин добавляет: „конечно имеется некоторая небольшая часть населения, которая действительно боится Советской власти и борется с ней... Но тут речь идет не только о политике устрашения этих групп, которая действительно существует. Всем известно, что мы, большевики, не ограничиваемся здесь устрашением и идем дальше, ведя дело к ликвидации этой буржуазной прослойки”.¹²¹ Сталин поправляет немецкого писателя: не устрашение, а ликвидация „части населения” — „буржуазной прослойки”. Вряд ли эта поправка могла

подействовать успокаивающим образом на те части населения, которые полагали себя вне „групп”, предназначенных к ликвидации.

В годы первой пятилетки принимается серия законов, направленных на укрепление государства. Принимаются законы, укрепляющие „трудовую дисциплину”: сотни тысяч крестьян пришедших в город, на заводы и фабрики „перевоспитываются”, превращаются в пролетариев с помощью административных принудительных мер.

Хозяином предприятия, единоличным начальником, по постановлению ЦК от сентября 1929 года, становится директор. До сих пор предприятием руководил „треугольник”: директор, секретарь парткома, председатель профкома. Директор получает право решать все вопросы самостоятельно, увольнять рабочих, без уведомления профсоюзов, которые в 1933 году ликвидируются даже формально — сливаются с наркомтрудом (постановление говорило, что профсоюзы ликвидируются по просьбе самих профсоюзов). За прогул — самовольный невыход на работу (даже в течение одного дня) — рабочий отдавался под суд. Но директор, получивший широкие права, также жил под угрозой: если предприятие не выполняло план или выпускало плохую продукцию, под суд отдавался директор. „Трудовой кодекс не только не продвинулся дальше норм и декретов первых лет диктатуры пролетариата, но в ряде положений пошел назад”.¹²²

В августе 1932 года принимается самый жестокий из серии законов, направленных на „укрепление” государственной дисциплины, постановление „Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной социалистической собственности”. Поскольку в Советском Союзе все было „общественной собственностью” — закон этот распространялся на всех служащих государства. К ним были причислены и колхозники, которые представляли один из главных его объектов. Особенностью закона было „применение в качестве судебной репрессии” одного лишь наказания: „высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией всего имущества”. При „смягчающих обстоятельствах” расстрел заменялся „лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества”.¹²³ Закон этот вскоре был распространен — „по аналогии” — на „обширный круг преступлений... в том числе спекуляцию, саботаж сельскохозяйственных работ, кражу семян и так далее”.¹²⁴

Ныне советские историки отмечают: „... Закон от 7 августа был излишне суров и юридически недостаточно отработан. Наряду со злостными расхитителями, под его действие попадали лица, совершившие незначительные проступки”.¹²⁵ Но именно в этом и со-

стояла роль закона от 7.8.1932: универсальность и предельная жестокость делали его одним из важнейших инструментов „укрепления государства”.

Не менее важен был и, принятый в конце 1932 года, закон о введении в стране системы внутренних паспортов. Паспорта, которые всего два года назад назывались „важнейшим орудием полицейского воздействия и податной политики в т. н. полицейском государстве”,¹²⁶ становятся очередным достижением на пути к социализму. Паспорта ограничивали свободу передвижения граждан, облегчали контроль за ними. Главное же, поскольку паспорта выдавались только городским жителям, колхозники, паспортов не получившие, оказались прикрепленными к земле. „Юрьев день” кончился. Запрещение самовольно покидать предприятия и право наркомтруда переводить квалифицированных рабочих и специалистов на работу в другую местность, в другие отрасли промышленности — прикрепляли „к земле” жителей городов. Все граждане страны становились слугами государства, которое определяло им место службы и запрещало его покидать под угрозой сурового наказания.

Закон от 8 июня 1934 г. завершал систему закабаления граждан: „измена Родине” наказывалась смертной казнью. Закон этот окончательно реабилитировал понятие „Родина”, понимая под ним советское государство, которое — по решению партии и правительства — возвращалось в историю России. Закон реабилитировал термин „наказание”, который с 1924 года не употреблялся. Тем самым государство отказывалось от идеи „перевоспитания” нарушителей и объявляло о намерении строго наказывать преступников. В после-революционное десятилетие господствовало — с убывающей силой — убеждение, по Марксу, что бытие определяет сознание. Следовательно, изменив бытие, экономические условия, окружающую среду, государство изменит сознание. Следовательно, за исключением тех, кого следовало истребить, как неисправимых, остальных можно было исправить, перевоспитать. Но к 1934 году было объявлено, что это вина не общества, а индивида. Он виноват, что не смог избавиться „от родимых пятен капитализма”, от „пережитков прошлого”. И его следует наказывать. Ибо, хотя бытие изменилось, его сознание осталось неизменным.

Наконец, закон от 8 июня 1934 г. реабилитировал семью: закон вводил коллективную ответственность для членов семьи за вину, допущенную одним из них. Для членов семьи, которые знали о намерениях „изменника Родине”, предусматривалось заключение в лагерь на срок от 2 до 5 лет, а для тех, кто не знал, полагалась ссылка на 5 лет (эта последняя мера была исключена из закона в 1960 году). Введение круговой поруки отражало возродившуюся заинтересован-

ность государства в крепкой семье. Новый кодекс о семье и браке будет принят в 1936 году, но уже в 1934 изменение отношения к семье становится очевидным. Началось восстановление разрушенной семьи, но на новой основе. Каждая советская семья должна была принять нового члена — советское государство. Закон об измене Родине предупреждал советских граждан о солидности „железного занавеса”.

Над каждым советским гражданином в конце первой пятилетки висит свой дамоклов меч: все равны, ибо все на краю пропасти, все боятся. Сталин очень хорошо объяснил Эмилию Людвигу, как система страха действует: если есть группа населения, предназначенная для ликвидации, совершенно естественно возникает иерархия страха. Боятся все, но в разной степени и разного наказания. При этом все помнят о существовании тех, кто предназначен для ликвидации и больше всего боятся попасть в эту категорию. Юрий Ларин на той самой конференции марксистов-аграрников в декабре 1929 года, на которой Сталин дал сигнал к „ликвидации кулака как класса”, объяснял, что эта ликвидация не означает немедленного расстрела всех кулаков. Достаточно было о приговоре объявить, часть осужденных расстрелять, и оставить остальных ждать. Ждать пришлось не очень долго.

В годы первой пятилетки окончательно вырабатываются специфические черты сталинской политики: он натягивает струну до отказа и в последнюю минуту когда она должна лопнуть, отпускает ее, чтобы затем натянуть еще сильнее. Нередко он ее натягивает и отпускает почти одновременно. Он бросает страну то в жар, то в холод. Некоторые американские историки называют завершающие годы первой пятилетки „Большим отступлением”. Именно такое представление о своих действиях Сталин и хотел вызвать: после безумных цифр сталинского пятилетнего плана, даже шаг назад к цифрам по-прежнему невыполнимым, но сократившимся, казался победой здравого смысла. Колхозникам разрешили обрабатывать приусадебные участки, но в том же самом 1932 году принят вышеупомянутый закон от 7 августа. Осенью 1932 г. советская печать забила тревогу: на заводах-гигантах, в цехах, в совхозах, в столовых „забыли о человеке”. *Правда* возмущалась: „Пора положить конец бюрократическому, барскому пренебрежению к вопросам общественного питания и наконец усвоить, что нет для коммуниста задачи более почетной, чем улучшение положения рабочих”.¹²⁷ Такой призыв — на 15-м году пролетарской революции — мог бы показаться странным, если бы не раздался он в то самое время, когда положение рабочего класса было хуже, чем когда-либо после гражданской войны. В

1928 году ЦК принимает особую резолюцию, клеймящую техническую интеллигенцию как классового врага. В 1931 г. секретная инструкция предлагает улучшить отношение к технической интеллигенции и улучшить ее материальное положение, но в 1933 году очередное постановление требует усилить борьбу с „вредительством”. Это не была просто политика кнута и пряника. Выдаваемый „пряник” становился новым источником страха, страха его лишиться. В годы первой пятилетки складывается сложная иерархическая система привилегий. В годы военного коммунизма привилегиями пользовался узкий слой руководителей. В годы НЭПа часть привилегий – материального порядка – ускользнула из ведения партии. Деньги открывали возможности жить припеваючи, будучи независимым от партии и государства (если не учитывать, конечно, чувства перманентного страха, которое грызло нэпманов). В годы пятилетки, значительно расширившей слой руководителей, распорядителем всех без исключения привилегий становится партия, то есть Сталин. Но он дает привилегии не только руководителям, он их дает всем гражданам. Его статья „Головокружение от успехов” была освобождением (пусть всего на несколько месяцев) от колхозов, его заявление: жить стало лучше, жить стало веселее – в острейший период голода – было разрешением на „веселье”. Комсомольский вождь А. Косарев, получив это разрешение, убеждает молодежь: „напрасно думают, что мы против личного благополучия, против комнат, уютно обставленных, против опрятности, против модного костюма, ботинок, что мы давим стремления отдельной личности... мы не против музыки, мы не против любви, не против цветов...”¹²⁸

Цветы нужны, в частности, и для того, чтобы подносить их стоящему на мавзолее Сталину. Ибо все, что запрещается, запрещается по просьбе трудящихся, все, что разрешается, разрешается по указаниям партии, то есть Сталина. Борьба, объявленная с 1932 года аскетизму, становится очередным орудием укрепления государства: аскетам нечего терять, кроме их идей. Те, кого облагодетельствовал Сталин, могут потерять квартиру, положение, специальный паек, с ним связанный. В 1932 году Исаак Бабель, находясь в Париже, беседовал с Борисом Сувариним. Автор *Конармии* нарисовал красочный портрет Сталина начала 30-х годов, как его видели современники, люди близкие ко „двору”. Характеризуя отношение „гениального секретаря” к людям, Бабель рассказал, как Сталин вызвал к себе ответственного работника наркомнаца, которого Политбюро решило наказать за какой-то проступок. Сталин объявил о наказании, отобрал поочередно удостоверения всех учреждений, где наказанный прежде работал, партбилет, а когда разжалованный уходил, Сталин вернул

его от дверей: Отдайте пропуск в кремлевскую столовую.¹²⁹

В годы первой пятилетки сооружается государство, фундаментом которого становится сложнейшая система привилегий и страх их потерять. Система эта прочна, ибо в государстве царит голод и нищета; поэтому все является привилегией. С другой стороны система эта напоминает шерстяной чулок: все зависят от вышестоящего благодетеля, как в феодальной системе вассалы зависели от сюзерена. Достаточно было „потянуть” одного „благодетеля”, чтобы за ним потянулся бесконечный ряд облагодетельствованных.

Сталинское государство нуждается в сталинском обществе. Революция разрушила старое общество, в годы НЭПа живет гибрид: умершие остатки старого и зачатки нового послереволюционного общества; в годы пятилетки общество эпохи НЭПа разрушается. Из осколков дореволюционного и нэповского общества складывается по указанию Великого Архитектора, как назвал Сталина Радек, общество, которое ему нужно. Это общество не нуждается в аскетах и идеалистах, оно не нуждается в последователях каких-либо идей, в том числе и марксистских, оно нуждается в исполнителях.

В 1931 году ЦК принимает решение о школе. В школу возвращаются старые – осужденные после революции – методы, возвращаются уроки, предметы. Нарком просвещения Луначарский, бывший символом революционной школы, заменяется А. Бубновым, служившим долгие годы начальником ПУР Красной армии. В школу, перегруженную „чуждым элементом”, как говорится в решении ЦК, направляется 350 „опытных партработников” и 100 комсомольских работников. В 1932 году все эксперименты в области программ обучения объявляются „левацким уклоном” и „скрытым троцкизмом”. В школе вводится „твердое расписание”, „твердая дисциплина” и целая гамма наказаний, вплоть до исключения.

Роль „школы”, как „воспитательного”, „цивилизационного” фактора отводится системе тюрем и концентрационных лагерей, начавшей свое бурное развитие в годы первой пятилетки. Труд заключенных включается в пятилетний план. В 1928 году уголовное законодательство начинает пересматриваться, приспособливается к расширению системы лагерей, которые становятся необходимыми в результате резкого увеличения числа заключенных. В 1930 г. задача охраны общества от „особо социально опасных правонарушителей путем изоляции, соединенной с общественно полезным трудом, и приспособления их к условиям трудового общежития”¹³⁰ возлагается на „исправительно-трудовые лагеря”. Все лагеря еще в 1929 г. были переданы в ведение ОГПУ, которое уже долгие годы ведало лагерем-моделью – Соловками. ОГПУ становится крупнейшей

строительной организацией страны. Располагая практически неограниченным источником неквалифицированной рабочей силы, ОГПУ производит массовые аресты инженеров и техников для руководства работами. Возникает новый — чисто советский институт — „шарашка”: инженеры, ученые, исследователи работают по специальности, находясь в заключении. На крупнейших стройках, на „заводах-гигантах” появлялись инженеры и техники, руководившие работами и сопровождаемые часовыми. Крупнейшую стройку пятилетки, канал Белое море — Балтика, строят заключенные под руководством инженеров-„вредителей”. Мечта Троцкого о „милитаризации труда” осуществляется Сталиным в форме „пенализации труда”. Ворота лагерей украсят слова Сталина: „Труд в СССР есть дело чести, дело доблести и геройства”.

Дно советского общества составляли заключенные, вершину, пик — Вождь. В 1933 году А. Афиногенов, после успеха *Страха*, пишет новую пьесу — *Ложь*. Понимая взрывчатость темы, он посылает текст „лично товарищу Сталину”. Сталин долго работает над текстом, поправляет, вычеркивает, дописывает. Потом — за неимением времени — отсылает рукопись рукопись неотделанной. Мнение свое выражает Сталин так: „Тов. Афиногенов! Идея пьесы богатая, но оформление вышло небогатое”.¹³¹ Не исключено, что идея пьесы была — для Сталина — выражена в словах одного из персонажей: „Думать должны вожди”.¹³² Несколько лет спустя, на Всесоюзном совещании жен командного и начальственного состава РККА, одна из жен рассказала о своей беседе на Дальнем востоке с представителем местного населения — гольдом. Гольд ехал в лодке, гребла его жена. — Ты почему не гребешь? — спросила его приезжая. — Думаю, — ответил он. Когда она ехала с ним второй раз — греб гольд, а жена сидела сзади. — Теперь, — объяснил он, — Сталин думает, как мне жить, а я могу работать.¹³³

Перестройка материальной базы общества шла одновременно с полной переделкой надстройки.

Духовная жизнь общества впрягается в колесницу государства в размерах, которые еще недавно казались невозможными. Нарком юстиции, прославленный обвинитель и любитель шахматной игры Крыленко заявляет в 1932 году: „Мы должны раз и навсегда покончить с нейтралитетом шахмат. Мы должны раз и навсегда осудить формулу „шахматы для шахмат”, как формулу „искусство для искусства”. Мы должны организовать ударные бригады шахматистов и начать немедленно выполнять пятилетний план по шахматам”. „Пятилетний план по шахматам” был невинной игрой в сравнении с „антирелигиозной пятилеткой”, объявленной 15 мая 1932 года.

Согласно плану, к „1 мая 1937 года на всей территории СССР не должно было больше остаться ни одного молитвенного дома, и само понятие Бога должно было быть изгнано, как пережиток средневековья, как орудие угнетения рабочих масс”. Атаке подвергаются все науки: „Философские, естественные и математические науки, — заявляет журнал *Естествознание и марксизм*, — носят такой же политический характер, как экономика и исторические науки”. В 1929 году удваивается число академиков. При выборе трех марксистов — философа Деборина, историка Лукина и литературного критика Фриче — 9 академиков, в том числе И. Павлов — в последнем бунте в защиту свободы науки голосуют против. После перебаллотировки марксисты избираются в академию. „Плюнь, батюшка, поцелуй у злодея ручку”, — увещевал бунтарей математик и кораблестроитель А. Крылов.¹³⁴ Укрощение Академии наук не ограничилось выбором марксистов. В 1930 году она получает новый устав. Задача Академии наук формулируется в нем, как „содействие выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения, планомерное направление всей системы научного знания к удовлетворению нужд социалистической реконструкции страны и дальнейшего роста социалистического общественного строя”.¹³⁵

В декабре 1930 года Сталин дает интервью группе философов Института красной профессуры. Выдвигая задачу борьбы с „меньшевистствующим идеализмом” Деборина и с меньшевистскими взглядами Плеханова, Сталин призывал не обращать внимания на скромность Ленина, не считавшего себя профессиональным философом, и отвести вождю Октябрьской революции должное ему место — главы русского марксизма, крупнейшего русского философа-марксиста, одного из корифеев марксизма, вместе с Марксом и Энгельсом. Намек был понят. В сентябре 1931 года орган ЦК *Большевик* публикует статью, в которой разоблачался „меньшевистствующий идеализм” Деборина и его школы, и указывалось, что „необходимо разработать материалистическую диалектику”, но разработать „на основе трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина...” Сталин объявляется классиком марксистской философии, равным среди четырех. В 50-ю годовщину смерти Маркса *Правда* говорит о необходимости изучать Маркса по трудам Сталина. Представленные в январе 1934 года Семнадцатому съезду партии цифры издания „классиков” красноречиво свидетельствовали о том, что все „классики” были равны, но один из них был равнее других: Маркс и Энгельс были изданы тиражом в 7 млн., Ленин — 14 млн., Сталин — 60 с половиной миллиона. Американский корреспондент Юджин Лайонс, прогуливаясь по Москве 7 ноября 1933 года, подсчитал количество портретов Ленина и Сталина в

витринах домов на улице Горького. Счет был 103:58 в пользу Сталина. Большую популярность приобретает четырехголовый портрет: четыре профиля — Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, — глядящих в будущее. Геббельс счел этот портрет великолепной пропагандистской находкой и немедленно изготовил подобный немецкий, правда, лишь с тремя профилями — Фридриха II, Бисмарка, Гитлера. Эта троица тоже уверенно смотрела в будущее.

Философия была — и есть — неперменным атрибутом Вождя коммунистической партии, Верховного жреца Учения. Но, быть может, еще более важное значение придает Сталин истории. Овладение историей было несколько труднее, чем провозглашение себя корифеем марксизма. В истории, кроме теории, имеются факты. В октябре 1931 года журналы *Пролетарская революция* и *Большевик* публикуют статью (в форме письма в редакцию) Сталина „О некоторых вопросах истории большевизма”. В качестве предлога Сталин использует статью А. Слуцкого о взглядах Ленина на внутрипартийную борьбу среди германских социал-демократов накануне войны 1914 г. Вряд ли можно сказать, что проблема эта в конце 1931 года была жгуче актуальной. Но нельзя отрицать важнейшего исторического значения этой статьи: она знаменует установление идеологического самодержавия Сталина.

Сталин диктует в своем письме, что следует делать историкам, и как следует им работать. Первая задача — переделка истории партии, затем пересмотр русской истории. Стержнем новой истории партии должны быть: непогрешимость Ленина, который никогда не ошибался, наличие двух вождей партии, двух ее руководителей. Роберт Такер отмечает, что в определенном смысле Ленин „вырос” — ибо стал всегда прав, но „привязанный как сиамский близнец к своему преемнику, он во многом неизбежно стал меньше. Крупномасштабной идеализации подвергались лишь те грани его жизни и деятельности, которые были связаны со Сталиным”.¹³⁶ Что же касается методологии, то Сталин заявляет, что только „архивные крысы”, „безнадежные бюрократы” могут заниматься поисками документов, фактов. Главное это — правильная установка. Интерпретируя слова Сталина в речи в Институте красной профессуры, Л. Каганович подчеркивал, что при создании истории партии необходимо использовать в качестве ключа „гибкую ленинскую тактику”: неважно, что сделал или не сделал „подлинный большевик” в свое время, — факты и документы необходимо интерпретировать с точки зрения текущего момента.¹³⁷ Сталин „с точки зрения текущего момента” „интерпретировал” Троцкого: „троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии”, следовательно —

Троцкий всегда был, есть и будет агентом контрреволюции.

Утверждается доктрина, отличающаяся одновременно гибкостью и жесткостью: она может меняться мгновенно, переходить в свою противоположность, но в промежутке между переменами — она абсолютно неподвижна. И выразить ее можно лишь словами вождя, не меняя даже запятой. Сталинское письмо в *Пролетарскую революцию* находит — впервые — немедленный отклик во всех областях советской жизни. Журнал *Пролетарская музыка* (январь 1932) посвящает ему передовую под заголовком: „Наши задачи на музыкальном фронте”, а передовая журнала *За советское счетоводство* (февраль 1932) называется: „За большевистскую бдительность на бухгалтерском фронте”, *Журнал невропатологии и психиатрии* (февраль 1932) публикует статью „За большевистское наступление на фронте психоневрологии”. Сталинское письмо изучают историки и философы, но также экономисты, естественники и техники. Максим Горький присоединяет свой голос к общему хору, заявляя: „Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина”.¹³⁸ От Горького до работников „бухгалтерского фронта” все реагируют — публично — одинаково и все говорят об этом — одинаково. Причем говорят одинаково не только на территории Советского Союза, где власть Сталина становится абсолютной, но и всюду там, где действуют коммунистические партии — секции Коминтерна. Артур Кестлер рассказывает о том, что в январе 1935 года, когда в Сааре готовился референдум, который должен был решить, останется ли Саар под французской администрацией или войдет в состав германского рейха, компартия дала указание голосовать „За Красный Саар в Советской Германии”. „За кого же мне голосовать? — спрашивал в отчаянии саарский горняк руководителя коммунистической ячейки. Ясно, — отвечал тот, — за Красный Саар в Советской Германии. — Но Советской Германии нет, значит мне нужно голосовать за Гитлера? — Центральный комитет, — возражал секретарь ячейки, — вам такого указания не давал. — Значит голосовать за статус-кво? — Голосуя за статус-кво, — пояснял секретарь, — вы голосуете за социал-фашистских агентов французского империализма. — Так за кого же мне, черт побери, голосовать? — кричал горняк. — Вы ставите вопрос механически, — упрекал его секретарь. — Правильная революционная политика: голосовать за Красный Саар в Советской Германии”.¹³⁹ После выборов, на которых Гитлер получил более 90% голосов, орган саарских коммунистов вышел с заголовком на первой странице: „Поражение Гитлера в Сааре”. По законам марксистско-сталинской диалектики, гитлеровцы,

ожидавшие 98% голосов, потерпели поражение, набрав всего лишь 90%.

Письмо в *Пролетарскую революцию* начинает поворот в отношении к русской истории. Сталин указывает, что историю европейского марксизма следует писать с точки зрения русских большевиков. Они были — как и предсказал Ленин в 1902 году — авангардом международного пролетарского движения. Русская революция стала началом мировой революции. И не западным марксистам давать уроки русским товарищам, а наоборот. В письме Сталин говорит об истории русского большевизма. В 1930 году Сталин — и ЦК в особом решении — упрекают Демьяна Бедного в том, что он в своих фельетонах, прежде всего в *Слезай с печки*, клеветет на русский революционный пролетариат, и на „прошлое России”. В личном письме Демьяну Бедному Сталин обвиняет поэта в том, что тот представляет „лень”, „сидение на печке”, „национальными чертами русских вообще” и таким образом „клеветет на народ, развенчивает СССР, пролетариат СССР, русский пролетариат”.¹⁴⁰ 4 февраля 1931 года Сталин излагает свой взгляд на гражданскую русскую историю: „История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость”.¹⁴¹ Это еще интерпретация русской истории в соответствии со взглядами Покровского. 15 мая 1934 года постановление „О преподавании гражданской истории в школах СССР” ознаменует разрыв со старой политикой в отношении к истории России, начало новой политики. В 1936 году советская печать опубликует письмо Сталина, Жданова, Кирова (рецензию на учебники по истории СССР) — инструкцию, как преподавать русскую историю. В 1934 году Сталин — победитель, творец коллективизации и индустриализации, строитель государства и Верховный Идеолог открыто берет на вооружение русский национализм. В определенном смысле сбылись предсказания Устрялова и Дмитриевского. Но лишь в определенном, специфическом смысле. Сталин использует русский национализм, как он использовал множество других самых различных кирпичей для строительства своей империи. Русский национализм необходим Сталину для легитимизации своей власти. Он не может — возможно и не хочет — быть наследником революции, разрушающей стихии, в то время, когда он — строит. Он выбирает себе поэтому новую линию предков — русских князей и царей — собирателей и строителей могучего государства. После 1934 года Сталин, а за ним все советские историки, перестают говорить о том, что Россию „все били”.

Начинают говорить о том, что она всех била. Дается сигнал к разгрому исторической школы Покровского. История России, которая после 1917 года пересматривалась с точки зрения классовой борьбы, начинает пересматриваться с точки зрения борьбы за создание сильного государства. В центре остается народ: но у Покровского он хотел освобождения, у Сталина он хочет сильной власти.

Одним из наиболее важных участков „идеологического фронта” была литература. Положение в ней в первый год пятилетки запоздало отражает сложные извивы внутривластной борьбы. В литературных журналах, в литературных объединениях и союзах еще остались представители левых взглядов, сторонники Троцкого, еще занимают видное место сторонники „правых”, Бухарина, который был специалистом в деле руководства интеллигенцией, но который подвергается все более ожесточенным атакам; все чаще начинает высказывать свои взгляды по вопросам литературы Сталин. Все активнее прибирает к своим рукам руководство всей литературной жизнью Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП). Летом 1928 г. ЦК публикует очередную резолюцию по вопросам культуры. В первой фразе цитируется резолюция 1925 г., наиболее успокаивающий ее пассаж, но далее объявлялась война „скатыванию с классовых позиций, эклектизму или благожелательному отношению к чуждой идеологии”. Резолюция объявляла, что литература, театр, кино, живопись, музыка и радио должны принять участие „в борьбе /.../ против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, против водки, филистерства”, а также „против возрождения буржуазной идеологии под новыми ярлыками и рабского подражания буржуазной культуре”.¹⁴² Начинается культурная революция: объявляются „литературные промфинпланы”, организуется призыв ударников в литературу. Литература объявляется делом слишком важным, чтобы его можно было поручить писателям. „Необходимо пересмотреть список наших корифеев, — писала *Литературная газета*. — Необходимо и среди них произвести чистку. В связи с лозунгом культурной революции актуальнейшее значение приобрела задача создания массовой литературы”. И *Литературная газета* поясняла: хорошие писатели, корифеи, массам непонятны — они пишут слишком сложно. Проще пишут писатели-средняки. Поэтому: „Больше внимания писателям-среднякам”.¹⁴³ Писатели ищут путей ликвидации литературы. РАПП объявляет, что искусство это „могучее оружие в классовой борьбе”. Маяковский требует, чтобы писателю дали „социальный заказ”. Лифовец С. Третьяков заявляет: „Мы не можем ждать вечно, пока профессиональный писатель будет метаться в кровати, чтобы родить что-нибудь известное и полезное ему одному”.

Третьяков предлагает создать мастерские, в которых будет производиться сборка литературных произведений: одни будут приносить материалы (путевые дневники, биографии и т. д.), другие монтировать их, третьи — формулировать на доступном читателю языке. Литературовед-марксист В. Переверзев считает и это недостаточным: „Творец /класс, М.Г./ сам делает свое дело, он не заказывает его другим... он приказывает, а не заказывает... Мы вовсе не обращаемся с заказом ни к левовцам, ни к вапповцам, мы просто, как власть имущие, приказываем петь, кто умеет петь нужные нам песни, и молчать тем, кто не умеет их петь”.¹⁴⁴

В январе 1929 года был арестован („за троцкизм”) А. Воронский, главный сторонник использования „попутчиков” в советской литературе. Осенью 1929 года начинается погромная кампания против Бориса Пильняка и Евгения Замятина. Их обвиняют в публикации за границей своих книг: *Красного дерева* Пильняком, *Мы* Замятиным. Обвинение было предлогом: советские писатели до этого времени регулярно публиковали свои книги за границей. Пильняк объяснил, что *Красное дерево* собиралась публиковать „Красная новь”, Замятин объяснил, что *Мы* вышел на Западе в 1926 году. Председатель московского отделения Союза писателей (профессиональной беспартийной организации) Б. Пильняк и председатель ленинградского отделения Е. Замятин были выбраны в качестве показательных жертв. Выбор не был случаен — за Пильняком был серьезный грех — *Повесть непогашенной луны*, в которой рассказывалось о странной смерти на операционном столе командарма Гаврилова, легшего на операцию по приказу „Номера первого” (в командарме Гаврилове легко распознавался М. Фрунзе); за Замятиным был роман *Мы*, статья „Я боюсь”, в которой предупреждалось, что если нетерпимое отношение к литературе со стороны власти будет продолжаться, у русской литературы останется лишь одно будущее — ее прошлое. Непростительным грехом Замятина была его непримиримая честность, которую он считал необходимым условием подлинной литературы. *Литературная газета*, посвятившая всю первую страницу опальным писателям, предупреждала: „Концепция советского писателя — не географическая, а социальная. Только тот, кто связывает себя и свою работу с социалистическим строем в нынешний период реконструкции, период, когда пролетариат атакует остатки капитализма, период бешеного сопротивления классового врага, только тот может называть себя советским писателем”.¹⁴⁵ Значительная часть газетной полосы была заполнена возмущенными телеграммами-резолуциями, осуждавшими „постыдное поведение” Замятина и Пильняка. Такая кампания была организована впервые, по образцам

кампаний против „вредителей” и т. п. Никогда не читавшие осуждаемых книг, организации и многочисленные представители культуры писали: „Предатели революции”, „Братание с белогвардейцами”, „Литературный саботаж”, „Предательство на фронте”. Б. Пильняк сдается, выпрашивает разрешение переделать книгу и пишет – под художественным руководством секретаря ЦК Н. Ежова, прославившегося впоследствии вне литературы, роман *Волга впадает в Каспийское море*. Замятин обращается к Сталину с письмом, в котором заявляет о невозможности ему быть писателем в Советском Союзе, просит – и получает по протекции Горького – разрешение на выезд за границу.

Резолюция ЦК объявляет в конце 1929 года РАПП организацией, литературная политика которой близка партии, и призывает к объединению литературных сил вокруг РАППа. Маяковский вступает в РАПП. В апреле 1930 г. он кончает самоубийством. В 1929 Маяковский в *Бане* влагает в уста Победоносикову кредо советской литературы на новом этапе: „А я вас попрошу от имени всех рабочих и крестьян меня не будоражить. Подумаешь, будильник! Вы должны мне ласкать ухо, а не будоражить, ваше дело ласкать глаз, а не будоражить... Мы хотим отдохнуть после государственной и общественной деятельности. Назад к классикам! Учитесь у величайших гениев проклятого прошлого...” Даже „наступая на горло собственной песне”, Маяковский „будоражил”, и был ненужен, вреден. Если даже Демьян Бедный говорил о себе: „Но я, однако, не шарманщик, чтоб сразу дать другой мотив”, тем более трудно было сразу „дать другой мотив” Маяковскому. А менять мотивы приходилось – ежедневно. Троцкий, комментируя опалу Демьяна Бедного, заметил, что Бедный продавался оптом, но трудно ему было продаваться в розницу, следить за меняющимися инструкциями, следовать каждому зигзагу. Еще труднее было продаваться в розницу Маяковскому. Зато самоубийство позволило Маяковскому войти в „пантеон”. Сталин убил его второй раз, назначив (в резолюции тов. Ежову) „лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи”. Подчеркнув, что он им „был и остается”.¹⁴⁶ Исполнилось то, чего, в страшном провидении, боялся А. Блок: Бенкендорф стал Белинским, а Белинский охотно занял пост Бенкендорфа.

В 1932 году очередное постановление ЦК ликвидирует все литературные школы, течения, объединения, в том числе и РАПП. Решение это своей неожиданностью было как гром с ясного неба: еще вчера Авербах и его подручные – руководители РАППа держали в страхе всю советскую литературу, сегодня, одним росчерком пера, они были свергнуты с пьедестала. В ответ на вопрос Б. Суварина, кто же по-

влият на Сталина, принявшего решение распустить РАПП, Бабель ответил: никто. „Сталин все решает сам, по собственной инициативе. В течение двух недель он принимал у себя и слушал Авербахов, Безыменских и им подобных. Потом решил: с этими толку не будет. На Политбюро он внезапно предложил свою резолюцию. Никто глазом не моргнул”.¹⁴⁷ Можно полагать, что Бабель слегка упрощает. Можно думать, что определенную роль сыграло желание Сталина купить Горького, очень не любившего рапповцев. В 1932 г. Сталин часто посещал Горького, где встречался с писателями. Во время одной из таких встреч он подарил писателям гордое звание: „инженеры человеческих душ”. В то же время несомненно, что после своего письма в *Пролетарскую революцию* Сталин решил лично руководить литературой, как он уже руководил философией и историей. В качестве „приводных ремней” ему нужны были исполнители, а не „марксистские идеологи” типа Авербаха. Они слишком „будоражили”. Вместо пролетарских писателей Сталин принимает решение опереться на попутчиков, но таких, которые готовы – как говорил Переверзев – „петь нужные нам песни”, когда им прикажут. Сталин твердо рассчитывал на помощь Горького в осуществлении плана окончательного подчинения литературы (как, впрочем, и всей культуры) партии, то есть ее вождю. В 1928 году Горький, живший на Капри, начинает получать письма и телеграммы от советских учреждений и частных лиц, от писателей, рабочих и пионеров, с просьбой вернуться на Родину. Поток просьб, регулируемый председателем ОГПУ Ягодой, достигает таких размеров, что Горький не может не удовлетворить просьбы трудящихся. Действовали безусловно и другие факторы: тоска по родине, соблазн занять место главы русской культуры, уговоры секретаря Крючкова, агента ГПУ. В конце 1928 года Горький возвращается в Москву. Нет сомнения, что Горького действительно ожидали в Советском Союзе: его авторитет великого писателя, великого гуманиста, защитника угнетенных был велик. К тому же Горький не был членом партии. До 1933 года Горький наезжает в Советский Союз, где в его распоряжение предоставляется роскошный дом в Москве, две роскошные виллы – одна под Москвой, другая в Крыму, его именем называют город, заводы, школы, исправительно-трудовые колонии. В 1933 году ему отказывают в визе на выезд в Италию, и он живет в Стране Советов до своей смерти в июле 1936 года. В 1932 Бабель, на вопрос Б. Суварина о Горьком, заявляет, что во время отъездов Сталина из Москвы на дачи, его замещает Каганович, но „в более общем плане – вторая фигура в государстве – Горький”.

Государственная ответственность меняет писателя. Он по-прежнему клеймит несправедливость, голод, нищету, пороки право-

судия — но на Западе. На родине он все только хвалит и одобряет. В первый же день процесса „Промпартии” он обращается „К рабочим и крестьянам” со статьей, которая начинается словами: „В Москве Верховный суд рабочих и крестьян Союза Социалистических Советов судит людей, которые организовали контрреволюционный заговор против рабоче-крестьянской власти”.¹⁴⁸ Мог бы, казалось, подождать великий писатель с приговором до конца суда, но нет, он уже знает: „организовали контрреволюционный заговор”. Проходит только две недели и *Правда* и *Известия* печатают очередную статью Горького — „Гуманистам”. Пролетарский гуманист обрушивается на буржуазных гуманистов, в особенности на „профессора Альберта Эйнштейна и господина Томаса Манна” за то, что те подписали протест немецкой „Лиги защиты прав человека” против „казни сорока восьми преступников, организаторов пищевого голода в Союзе Советов”.¹⁴⁹ Исчез Горький, метавший громы и молнии по поводу угрозы смертной казни, нависшей над эсерами во время процесса 1922 года. И исчез Горький, не переставший возмущаться чудовищной жестокостью буржуазной юстиции. 48 руководителей пищевой промышленности расстреляли после закрытого суда — или вовсе без суда. Но Горький заявляет: „Неописуемая гнусность действий сорока восьми мне хорошо известна...”¹⁵⁰

Ответственный чекист А. Орлов пишет, что узнав о расстреле 48, Горький впал в истерику и упрекал Ягоду в убийстве невиновных людей, чтобы свалить на них вину за голод.¹⁵¹ Даже если это и верно, облик Горького становится еще более гнусным. Тем более, что в 1931 году он выезжал отдыхать от строительства социализма на Капри и мог оттуда осудить казни. Но отъезд не мешает ему выступить с новым осуждением новой группы обвиняемых по поводу нового процесса. На этот раз это процесс меньшевиков, состоявшийся 1–8 марта 1931 года. Горький не только согласен с судом, что „все преступники” „на протяжении нескольких лет” занимались вредительством, но и, что не все еще выловлены. И следует продолжать — ловить.¹⁵² Особенность процесса меньшевиков и статьи Горького о нем — в том, что среди осужденных были его хорошие знакомые и близкий друг — Н. Суханов. Горький не упускает случая поиздеваться над осужденным Сухановым, называя автора семитомной истории русской революции „самовлюбленным ученым”.¹⁵³

Утверждая необходимость утешительной лжи, прекрасного обмана, как лучшего средства воспитания людей, Горький проявляет такую ретивость, что заслуживает даже нежного упрека со стороны Сталина. В одном из самых трагикомических эпизодов истории советской культуры Горький требует запрещения в Советском Союзе самокритики, а Сталин уговаривает его: „Мы не можем без самокритики. Никак не можем, Алексей Максимович”.¹⁵⁴

В своих выступлениях, статьях, письмах иностранным друзьям А. М. Горький разоблачает „легенду” о принудительном труде в СССР и о терроре, он разоблачает „пошленькую сказку о том, что в Союзе Советов единоличная диктатура”.¹⁵⁵ Он разоблачает „ложь” о насильственной коллективизации, о голоде. На Первом съезде советских писателей – лето 1934 года – Горький, назначенный Сталиным в вожди советской культуры, великолепно справляется со своей задачей. Обязательным методом советской литературы – а затем и всей культуры – становится „социалистический реализм”, метод „утешительной лжи”, необходимый – по Горькому – для создания „новой действительности”.¹⁵⁶ Съезд восторженно принимает новую этику „инженеров человеческих душ”, участников строительства „новой действительности”. С трибуны съезда Виктор Шкловский доносит на Достоевского: „... если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника. Ф. М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника”.¹⁵⁷ Шкловский хорошо знал о чем он говорит: в 1932 году по его сценарию был сделан фильм *Мертвый дом*, в котором Достоевский обвинялся в „психологическом сотрудничестве” с жандармами. Федор Михайлович в свое время уже отсидел и мог не бояться за будущее. Но с трибуны съезда писатели доносят друг на друга: А. Безыменский заявляет, что Н. Заболоцкий – „опасный враг, надевший маску юродства”;¹⁵⁸ писатели с удовлетворением рассказывают, как „на наших колхозных полях... дети-пионеры ловят своих отцов – пособников классового врага на хищении социалистической собственности и приводят их перед революционные трибуналы”;¹⁵⁹ писатели с гордостью повествуют о поездке на Беломорканал, откуда была привезена самая позорная в истории литературы книга: восхваление концлагеря. В финале съезд воспел Сталина. Говорили о нем все – по мере своего литературного дарования: „Товарищ Сталин – мощный гений рабочего класса”¹⁶⁰ или: „вождь, самый любимый из вождей всех эпох и народов”.¹⁶¹

Запевалой и здесь был Горький. В начале своей съездовской речи он говорил: „Вождизм – это болезнь века... Внутренне „вождизм” – результат изжитости, бессилия и нищеты индивидуализма, внешне он выражается в формах таких гнойных нарывов, каковы, например, Эберт, Носке, Гитлер и подобные герои капиталистической действительности. У нас, где создается действительность социалистическая, такие нарывы, конечно, невозможны”.¹⁶² А заканчивал словами: „Да здравствует партия Ленина – вождь пролетариата, да здравствует вождь партии – Иосиф Сталин!”¹⁶³

Первый съезд советских писателей завершает процесс национализации литературы, начавшийся после Октябрьской революции. Съезд утверждает принятое ЦК решение о создании единого писательского союза – Союза советских писателей, фактическое руководство которого поручается представителю ЦК Александру Щербакову. На пальцах одной руки можно пересчитать писателей, которые не выступали на съезде с присягой верности партии: М. Булгаков, А. Платонов, О. Мандельштам, А. Ахматова. Все другие – присягнули. По образцу съезда писателей собираются съезды представителей других видов культуры. Они также создают свои единые союзы, и также приносят присягу. В январе 1935 года к присяге приводятся кинематографисты. Кинематографии, которую еще Ленин назвал самым важным из искусств, Сталин уделяет особое личное внимание. Еще в 1928 году „группа режиссеров” – Эйзенштейн, Пудовкин, Козинцев, Трауберг и другие – обратилась с просьбой „проводить твердую идеологическую диктатуру... на участке кино”.¹⁶⁴ В январе 1935 они приветствуют идеологическую диктатуру. А. Довженко заявляет: художники СССР создают искусство, которое „основывается на „да”, на утверждениях: „поднимаю, вдохновляю, учу”.¹⁶⁵

К 1934 году была не только завершена коллективизация и начата индустриализация страны, была национализирована – надстройка. Духовная жизнь страны, при активной помощи „творческой интеллигенции”, „властителей дум”, была целиком поставлена на службу государству, на службу Сталину.

Максим Горький клеймил позором „предателя Дмитриевского”, который писал: „мы – рабы; нам нужны учителя, вожди, пророки”. Это верно, – ораторствовал Горький – „они охотно ползут за любым вождем, ожидая от каждого из них всегда одного и того же: может быть, вождь расширит пределы „мещанского счастья” в условиях капиталистического строя”.¹⁶⁶ Он требовал идти не „за любым вождем”, но только за тем, который строит „новую, социалистическую действительность” в „стране, освещенной гением В. И. Ленина, в стране, где неутомимо и чудодейственно работает железная воля Иосифа Сталина”.¹⁶⁷

Еще не оценена по достоинству поистине гигантская деятельность М. Горького в последнее десятилетие его жизни. С его прежде всего помощью было осуществлено духовное закабаление страны. Горький требует следовать за „руководящей единой идеей, которой нет нигде в мире, идеей крепко сформулированной в шести условиях Сталина”.¹⁶⁸ Горький не перестает вдалбливать в головы советских граждан, опираясь на свой престиж великого писателя и великого человеколюба, что „органы” являются важнейшей культурной си-

лой в стране. Он утверждает: „Работой чекистов в лагерях наглядно демонстрируется гуманизм пролетариата”,¹⁶⁹ он мечтает в январе 1936 года: „лет этак через пятьдесят, когда жизнь несколько остынет и людям конца 20-го столетия первая половина его покажется великолепной трагедией, эпосом пролетариата, – вероятно, тогда будет достойно освещена искусством, а также историей, удивительная культурная работа рядовых чекистов в лагерях”.¹⁷⁰ Мечта Горького исполнилась чуть раньше, через каких-нибудь 40 лет: Александр Солженицын „осветил”, как художник и историк, „культурную работу чекистов” в *Архипелаге ГУЛаг*. Среди самых позорных страниц горьковской прозы почетное место занимает его послание „Ударникам на стройке канала Москва – Волга”. Защитник женщин, десятилетиями плакавший над их судьбой в царской России, М. Горький, обращаясь к женщинам-заклученным, умиравшим от непосильной работы, пишет: „Ваша работа еще раз показывает миру, как прекрасно действует на человека труд, осмысленный великой правдой большевизма, как чудесно организует женщин дело Ленина-Сталина”.¹⁷¹

Благодаря „духовным учителям”, Сталин смог к 1934 году утвердить свою безраздельную власть над страной и населением. Сталин был прав, когда говорил Эмилю Людвигу, что одним страхом нельзя было бы удержать власть. Она была удержана и ложью. „Духовные учителя” создавали мираж, в который заставляли верить, утверждая, что мираж – реальнее действительности. Что он и есть действительность.

Завершив строительство базиса и сооружение надстройки, Сталин переходит к решению следующей задачи, к завершающему рывку на пути в социализм. 1 декабря 1934 года в Ленинграде, в Смольном, был убит Сергей Киров.

Глава шестая СОЦИАЛИЗМ ЗАВОЕВАН (1935 – 1938)

1. Убийство Кирова

В 1956 году Хрущев в так называемом тайном докладе на Двадцатом съезде подтвердил то, что говорили уже за границей давно: убийство Кирова имело „истинных организаторов”. Сомнений относительно имени главного организатора у делегатов съезда не было. Об этом писал в 1934 году Вальтер Кривицкий, руководитель советской разведки в Западной Европе, об этом писал в 1954 г. Александр Орлов, чекист, представлявший Сталина в Испании. Об этом писала Елизавета Лермоло, возможно, единственный свидетель событий, которому удалось попасть на Запад. Жена бывшего офицера, осужденного на 10 лет, Лермоло случайно встречается в ссылке с будущим убийцей Кирова Леонидом Николаевым, приехавшим в гости к тетке. Ее имя находят в записной книжке Николаева, она попадает в центр „дела Кирова” и допрашивается лично Сталиным. В течение шестилетнего пребывания в тюрьмах, она встречалась и говорила с членами семьи Николаева, в том числе с его женой Мильдой, которая также удостоилась чести быть допрошенной Сталиным.¹ Иностранцы коммунисты-оппозиционеры, сидевшие во время убийства Кирова в заключении – А. Чилига и Виктор Серж – рассказывают, что заключенные оппозиционеры считали выстрел Николаева началом борьбы за новую линию в партии. Сегодня ход событий, приведших к убийству секретаря ЦК и Ленинградского комитета, члена Политбюро Кирова, реконструирован: обиженный за что-то на Кирова, молодой коммунист Николаев попадает в руки

заместителя начальника Ленинградского управления НКВД Запорожца, который создает ему возможность застрелить Кирова. Восстановленная ныне история убийства была рассказана во время процесса в 1938 году одним из участников заговора – наркомом внутренних дел Ягодой, опустившим только имя „истинного организатора”. Спор продолжается вокруг вопроса: почему Сталин убил Кирова? Проницательный историк Б. Николаевский, бывший меньшевик, хорошо знавший многих большевиков, беседовавший в Париже в феврале 1936 года с Бухариным, полагал, что Киров представлял некую новую линию, особую политику, отличную от политики Сталина. Эту точку зрения, изложенную Б. Николаевским в *Социалистическом вестнике* в 1956 г., подхватили советские историки в 1964 г. в угаре „борьбы с культом”, недолго длившейся после Двадцатого съезда. Советские историки пробовали доказать, что Семнадцатый съезд выражал недовольство Сталиным, его политикой и думал даже о замене его Кировым. Советских историков можно понять: съезд, идущий без слова протеста на закланье, партия, идущая без слова протеста на закланье, вызывают недоуменные вопросы: почему, как? Миф о „сопротивлении” Сталину со стороны „лучших” коммунистов, подлинных ленинцев, позволяет таких вопросов избежать. Рождаются, однако, другие вопросы: почему даже оппозиционеры не могли составить солидной альтернативной программы, а верный сталинец Киров таковую составил? И когда? После того, как Сталин победил на всех фронтах? Действия Кирова в Ленинграде и области были, быть может, не хуже, но и не лучше, действий других наместников Сталина; следов какой-либо особой программы, изложенной им, в его выступлениях найти нельзя. Как всегда, когда историки, останавливаясь перед очередным преступлением Сталина, задают вопрос: почему? – они не могут дать убедительного ответа. Вполне вероятно, что Сталин видел в Кирове соперника. Молодой, энергичный, твердый, непримиримый враг всех оппозиционеров, русский по национальности, Киров мог выглядеть конкурентом. К тому же Ленинград, колыбель революции, казался вторым центром партии, который мог посягнуть на права Москвы. Эти предположения не дают, однако, ответа на вопрос: почему Сталин решил убить Кирова. Правильнее ставить вопрос: зачем? Зачем был убит Киров?

Вальтер Кривицкий летом 1934 года находился в Москве. Ночью 30 июня он готовил материалы о положении в Германии для чрезвычайного заседания Политбюро. Рассматривался вопрос о „ночи длинных ножей” в Германии, о ликвидации Гитлером его бывших соратников – руководителей СА. На заседание Политбюро был приглашен, среди нескольких других специалистов, начальник разведо-

вательного управления Красной армии Берзин. С его слов и рассказывает Кривицкий: отвергая мнение тех, кто видел в убийстве Гитлером Рема и других бывших соратников ослабление власти Гитлера, Сталин резюмировал: „События в Германии отнюдь не свидетельствуют о близком крахе нацизма. Наоборот, они должны привести к консолидации режима и укреплению власти самого Гитлера”.²

„Консолидация” власти Сталина начинается в день убийства Кирова. 1 декабря подписывается закон, предусматривающий рассмотрение политических дел ускоренным порядком и немедленное приведение в исполнение „приговоров о высшей мере наказания”. Роберт Конквест пишет, что убийство Кирова „можно с полным правом назвать преступлением века”.³ В последующие годы будут уничтожены миллионы советских граждан, обвиняемых в самых различных преступлениях. „Дело Кирова” дает толчок, который приведет к страшному землетрясению „большого террора”. Немедленно после убийства, к смертной казни приговаривается 37 „белогвардейцев” в Ленинграде, потом 33 – в Москве.⁴ Потом – 28 в Киеве.⁵ Елизавета Лермолу рассказывает, что в Ленинградском управлении НКВД расстреливали целыми ночами: по утрам в подвале скапливалось 200 трупов.⁶ ЦК рассылает закрытое письмо всем партийным организациям: „Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова”. Ищут – и находят – по всей стране троцкистов. В Ленинграде арестовывается 30 – 40 тысяч человек. А. Чилига встречает их в ссылке на Севере.⁷ 22 декабря *Правда* опубликовала сообщение, что найден подлинный виновник убийства Кирова – „ленинградский центр”, зиновьевцы. А. Чилига вспоминает, что в Верхне-Уральский изолятор вскоре после процесса прибыли Зиновьев, Каменев, другие „зиновьевцы”, затем лидеры бывшей „Рабочей оппозиции” Шляпников и Медведев, потом лидер „Демократического централизма” Тимофей Сапронов и т. д. Как пишет Чилига, половина обитателей Кремля в 1917–27 гг. переселилась в Верхне-Уральск.⁸ Чистка партии, начатая в 1933 году, должна была закончиться в 1935, но немедленно ЦК постановил проверить у членов и кандидатов партии партийные документы, а с 1 февраля начался обмен партийных документов. Начиная с 1933 года партия была под психологическим прессом: каждый член партии чувствовал себя под микроскопом. Из его биографии, из его души не вылезали „чистильщики”. Этот пресс был школой партийного характера. С 1924 по 1933 партия колоссально разрослась: с 472 тысяч до 3 555 338 членов. С января 1931 по январь 1933 года было „вычищено” более миллиона членов. Молодые члены партии учились, как нужно

себя вести, чтобы не попасть в число исключенных, учились льстить начальству, быть сверхосторожными в высказываниях, быть бдительными по отношению к товарищам, быть чрезвычайно разборчивыми в выборе знакомых. Партийный билет давал обладателю право входа в элиту, в правящий слой общества. Но потеря билета отбрасывала его в положение парии, которое было хуже положения беспартийного. Каждый исключенный немедленно становился объектом внимания „органов”. В июле 1934 года — это становилось уже традиционным знаком победы — „органы” были переименованы: вместо ОГПУ появился народный комиссариат внутренних дел — НКВД, председатель стал именоваться народным комиссаром. Как и в 1922 г., после переименования ВЧК в ГПУ, так и в 1934, переименование ОГПУ в НКВД пробудило надежды, которые, как и 12 лет назад, поощрялись обещаниями сократить prerogatives „органов”.

Убийство Кирова используется Сталиным для создания в стране напряжения, конфликтной ситуации, позволявшей решать все вопросы с помощью силы, широко используя „органы”. В 1935 году главный удар направляется против партии. Партия объявляется в опасности. Оппозиция, обожествлявшая партию, охотно соглашалась на жесточайший террор против всех слоев населения, против всех социальных групп, но не могла себе представить террора против партии. Сталин не имел никаких предрассудков. Он действовал, как если бы знал слова Макиавелли: никто не закрепляет своей власти с товарищами, которые помогли ему эту власть завоевать. В 1935 г. Сталин закрывает две организации, которые были символом революционного прошлого: Общество старых большевиков и Общество политкаторжан. Их распускают, ибо они напоминают о революции. К тому же в Обществе политкаторжан были террористы — последние народовольцы. Терроризм же стал главным государственным преступлением. Изменяется даже экспозиция в Музее революции, террористы — убийцы Александра II — перестают напоминать о возможностях изменения формы правления с помощью бомб: их портреты убираются в подвал. Общества распускаются еще и потому, что они были обществами, организациями. Вскоре будут ликвидированы все организации: от филателистических до эсперанто.

В августе 1929 года в *Правде* появилась статья „Каким будет СССР через 15 лет”. Автор статьи Ю. Ларин заключал ее словами: „Наше поколение сможет увидеть социализм своими глазами”.⁹ Предсказание сбылось значительно раньше, чем предвидел Ларин. В августе 1935 года представитель Сталина в Коминтерне Д. Мануильский объявил на Седьмом конгрессе: „Между Шестым и Седьмым конгрессами Коммунистического интернационала произошло круп-

нейшее событие в жизни народа — окончательная и бесповоротная победа социализма в СССР.¹⁰ Так граждане Советского Союза узнали, что они прибыли к Цели. Правда, Сталин, год спустя докладывая о проекте новой конституции съезду советов, предупредил, что хотя „наше общество осуществило в основном социализм”, это пока еще „то, что у марксистов называется иначе первой или низшей стадией коммунизма”. Это значило, что нужно было идти дальше, причем в трудных условиях, ибо, подчеркивал Сталин, чем ближе будет конечная цель, тем упорнее будут сопротивляться враги: чем будет лучше, тем будет хуже. Но главное — социализм был уже построен. Американский газетный магнат Рой Говард, интервьюировавший Сталина в марте 1936 года, спросил, не было бы правильнее назвать существующий в СССР строй „государственным социализмом”. Сталин категорически отверг такое определение: наше общество является социалистическим, подлинно социалистическим, „потому что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной”.¹¹

1935 год, год решительного наступления на партию, был годом „поворота к человеку”. „Человек самый ценный капитал”, „кадры решают все” — лозунги дня. Это подлинный „социализм с человеческим лицом”. Но это лицо — Сталина. В связи с „поворотом” Сталин „очеловечивается”. К стандартным эпитетам, сопровождающим его имя: мудрый, гениальный, стальной, железный, прибавляются: „дорогой”, „родной”, „обожаемый”, „добрый”, „отзывчивый”, „великий человеколюбец”. Во время майского шествия 1935 года демонстранты несли „тысячи портретов Сталина, и были еще барельефы и статуи вождя, и имя его, повторенное в это утро миллионнократно, то было вылито из металла, то написано на нежных и прозрачных газовых тканях, то было обвито хризантемами, розами, астрами”.¹² Реабилитированы цветы, фокстрот и танго, открываются парки культуры и отдыха. В 1935 году в московском Центральном парке культуры и отдыха организуется для жителей столицы социалистического государства карнавал. В июле 1935 года Сталин организует в Москве на Красной площади гигантское зрелище — физкультурный парад. Образцом служат гигантские зрелища, организуемые в гитлеровской Германии. Но там — военные марши, под которые шагают штурмовики и эсесовцы. Здесь — спорт, улыбка, дети. Это они открывают парад. 5 тысяч пионеров „несут вытканый из живых цветов лозунг: „Привет лучшему другу пионеров товарищу Сталину”. „Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь” — реет лозунг над колонной пионеров Дзержинского района.¹³ Откликается на парад

физкультурников и неизменный М. Горький: „Да здравствует, — пишет он, — Иосиф Сталин, человек огромного сердца и ума, человек, которого вчера так трогательно поблагодарила молодежь за то, что он дал ей „радостную юность“!”¹⁴ С 1935 года Сталин — лучший друг детей: газеты публикуют фотографию самого человеческого из людей с дочкой Светланой, затем с другими девочками, дарящими ему цветы. Особой популярностью (плакат распространен в миллионах экземпляров) пользуется фотография Сталина с черноглазой скуластенькой девочкой Гели Маркизовой, сделанная 27 января 1936 года в Кремле на „приеме трудящихся Бурят-Монгольской АССР”. Плакат еще долго продолжал радовать советских граждан, хотя отец Гели был расстрелян, как „враг народа”, а мать арестована и потом покончила самоубийством.

С 1 января 1935 года отменяются карточки на продовольственные товары, а цифры выполнения второго пятилетнего плана, который начался в 1933 году, пробуждают надежды на улучшение жизни. 30 августа 1935 года рядовой беспартийный советский горняк Алексей Стаханов вырубает за смену 102 тонны угля, вместо 7 по норме. „Стихийный почин” Стаханова „подхватывают” другие шахтеры, он распространяется на другие отрасли промышленности. В декабре ЦК одобряет „инициативу трудящихся”. Нормы в промышленности повышаются на 15—50%. В советской печати начинается злобная кампания против „псевдо-специалистов”, которые мешают стахановскому движению, аргументируя наличием так называемых научных норм. Карикатуристы рисуют гигантских рабочих, сметающих ползающих у их ног „специалистов”. Рабочие, для которых очевидна фальсификация „рекордов”, подготовляемых целыми бригадами, и очевидна цель — повышение норм, отвечают избиениями, даже убийствами „стахановцев”. Эти действия рассматриваются и преследуются, как террористические акты. Бернард Шоу, рассказывая о своей беседе со стахановцем (через переводчика, разумеется) с восторгом отмечает, что стахановец чрезвычайно популярен среди своих товарищей. Это вызывает некоторое недоумение у знаменитого сатирика, ибо в Англии, добавляет он, за такие действия — перевыполнение нормы — английские рабочие бьют по голове кирпичом. Но Шоу соглашается что в СССР все иначе; например, в тюрьмах так хорошо, что главная забота тюремных властей: „убедить заключенных, отбывших срок, выйти из тюрьмы”.¹⁵

В 1935 году, на восемнадцатом году после революции подавляющее большинство населения страны живет хуже, чем до революции. Академик Струмилин подсчитал, что в 1935 году потребление важнейших сельскохозяйственных продуктов составляло в среднем

в месяц: хлеба и круп – 21,8 кг, картофеля – 15,9, молока и молочных продуктов – 4,07 кг. Струмилин доволен результатами и подчеркивает, что трудящийся в СССР потребляет в день такое количество хлеба, которому „позавидовали бы, вероятно, многие рабочие в странах фашизма”.¹⁶ Сравнение с „рабочими в странах фашизма” было для рабочих страны социализма делом нелегким: где взять цифры? Они зато могли сравнить свое положение с положением наемного сельского батрака в Саратовской губернии в 1892 году. Как подсчитал Ленин, батрак потреблял в среднем в год 419,3 кг зерновых продуктов.¹⁷ По Струмилину советский гражданин потребовал в среднем в год 261,6 кг. Ленин еще говорит о том, что батрак съедал 13,3 кг сала. Струмилин о сале ничего не говорит.

Анкета, проведенная в конце 1934 года в 83 200 колхозах РСФСР, Украины и Белоруссии, показала, что по трудодням выдавалось: в 1932 году – 1,30 центнера за год, в 1933 – 2,33 ц, в 1934 – 2,59.¹⁸ Минимальной продовольственной нормой в дореволюционной России считалось 2,5 ц на человека. Нужно учесть, что из полученного зерна крестьяне должны уделять какую-то долю скоту. Положение крестьян с февраля 1935 года, когда они получили разрешение иметь приусадебный участок, а колхозный устав разрешал иметь каждому двору корову, двух телят, свинью с поросятами и десять овец, стало улучшаться. Одновременно индивидуальные хозяйства стали поставлять на рынок продукты.

Отмена карточек на продтовары не улучшила положения рабочих. Были ликвидированы коммерческие цены и введены единые, которые, однако, были значительно выше прежних „нормированных” цен, по которым рабочие платили за продукты по карточкам. Например, нормированная цена на хлеб была в 1933 году 60 коп. за килограмм, коммерческая – 3 руб., единая цена составила 1 рубль, цена сахара была 2 рубля и 10 рублей, стала – 4 рубля.¹⁹ Русский экономист Н. А. Базили подсчитал, что средняя месячная зарплата рабочего позволяла купить в 1913 году 333 кг черного хлеба, в 1936 – 241 кг, масла – 21 кг и 13 кг, мяса – 53 кг и 19 кг, сахара – 83 кг и 56 кг.²⁰ В годы НЭПа рабочий тратил на питание около 50% своей заработной платы, а в 1935 – 67,3%.²¹

В конце 1936 года Советский Союз посетил в составе французской рабочей делегации шахтер Клебер Леге. Решив, еще до выезда из Франции, не дать себя обмануть, он тщательно записывал все факты и цифры, стараясь проверить их. Он приводит цены на продовольственные и промышленные товары: белый хлеб – 1 р. 20 коп., мясо – от 5 до 9 руб., картошка – 40 коп., сало – 18 рублей; мужские туфли – 290 руб., мужские сапоги – 315 руб., дамские туфли–

280 руб., мужское пальто — 350 руб., детский костюм — 288 руб., мужская рубашка — от 39 до 60 рублей.²²

Средняя заработная плата рабочего равнялась 150 — 200 рублям, пенсия 25 — 50 рублям. Бесплатный отпуск составлял 12 дней. Рабочие должны были подписываться на заем в размере двух-четырехнедельного заработка. Рабочие платили очень низкую квартирную плату, но в 1929—1932 годах население городов увеличилось с 28 до 40 миллионов. За это же время жилищная площадь увеличилась на 22 млн. кв. метров. На душу, следовательно, прибавилось в городах менее двух квадратных метров. Рабочие живут, как правило, в коммунальных квартирах без удобств, или с минимальными удобствами.

Значительными привилегиями пользовались стахановцы. Особое постановление ВЦСПС предписывало давать стахановцам в первую очередь путевки в дома отдыха, санатории, курорты. Их заработки в 1935 году составляли от 700 до 2000 рублей в месяц. В 1936 году они еще больше повысились, доходя до 4000 рублей в месяц.²³ Их награждают орденами. „Орденосец” в 1935 году — равнозначно вхождению в элиту общества. Впрочем возвращается из дореволюционного словаря слово: знатный. Стахановцы объявляются новой знатью, новыми знатыми людьми. В сентябре 1935 года советский словарь обогащается „враждебными” словами: лейтенант, капитан, майор, полковник, маршал. Новые звания, пишет *Правда*, вводятся для того, чтобы „еще выше поднять роль, значение и авторитет начальствующего состава Красной Армии”.²⁴ Устанавливается иерархия и среди артистов: вводится звание „Народный артист СССР”. Троцкий в *Бюллетене оппозиции* пишет: „Никогда еще Советский Союз не знал такого неравенства, как теперь, почти два десятка лет после ноябрьской революции: заработная плата в 100 рублей и заработная плата в 8—10 тысяч рублей. Одни живут в бараках и ходят в рваной обуви, другие ездят в роскошных автомобилях и живут в великолепных квартирах. Одни бьются, чтобы прокормить себя и семью, другие, помимо автомобиля, имеют прислугу, дачу под Москвой, виллу на Кавказе и т. д.”²⁵ Правильная эта оценка не мешала Троцкому продолжать утверждать, что, поскольку заводы, фабрики и земля в СССР национализированы, рабочий класс по-прежнему осуществляет диктатуру, хотя не имеет никаких прав и ведет жалкое, нищенское существование. Совершенно не соглашался с марксистом Троцким марксист Бухарин. Он утверждает, что советская власть, диктатура пролетариата, новый тип государства „вступает теперь в стадию быстрого развития пролетарской демократии. Расширяются бесчисленные формы массовой само-

деятельности, с самыми разнообразными системами отбора лучших, вожяков, ударников, стахановцев, героев советской страны, падают ограничения, вытекающие из другого сочетания общественных сил. Это — закономерное развитие самой советской демократии”.²⁶ Величайшими достижениями „настоящей демократии, а не ее буржуазного фальсификата”²⁷ считал Бухарин приглашение стахановцев на совещания в Кремль: всесоюзное совещание, съезд колхозников-ударников. Примерно то же писала в *Правде* рядовая колхозница Евдокия Федотова, председательствовавшая на одном из заседаний съезда колхозников-ударников и удостоенная внимания Сталина: „По лестнице я сбежала, как молода-молодешенька: и радость во мне, и гордость, что он видел, как я хозяйствовала, и ему понравилось”.

Некоторые ограничения действительно, как писал Бухарин, падали. В 1935 году дети „лишенцев” получили право беспрепятственно поступать в школу, в мае 1936 было даже запрещено отказывать в приеме на работу, в связи с буржуазным происхождением. Появлялись, однако, новые ограничения. 8 апреля 1935 особый закон распространяет на детей, начиная с 12-летнего возраста, все санкции Уголовного кодекса, в том числе и расстрел. Примерно в это время Сталин начал фотографироваться с детьми на руках. „Закон о детях” преследовал несколько целей. Прежде всего он входил в число мер, принимаемых с целью укрепления семьи, родительской власти. Глава семьи становился представителем государства в семье. Затем этот закон как бы дополнял закон 1934 года об измене родине: 12-летние дети также становились ответственными за недоносительство, включались в цепь круговой поруки. Закон этот казался настолько типично советским, что когда десять лет спустя, в 1944 году, гитлеровцы ввели подобный, Гиммлер оправдывался: „Мы вводим абсолютную ответственность всех членов клана... И пусть никто не говорит, что это большевизм... Это возвращение к древним традициям наших предков”.²⁸ „Закон о детях” преследовал и практические цели: он давал возможность приступить к окончательному решению проблемы беспризорности, он дал в руки следователей великолепный инструмент нажима на обвиняемых.

Процесс превращения советской семьи в семью социалистическую, частью которого был „закон о детях”, идет в двух, казалось бы, противоположных направлениях. С одной стороны все прежние теории о семье объявляются буржуазными предрассудками, вылазкой врага. С другой стороны, *Правда* утверждает: „Семья — это самая серьезная вещь в жизни...”²⁹ В 1936 году принимается новый кодекс о семье и браке. Значительно затрудняется развод. Это было логично: в стране, где граждане лишились всех прав, полная свобода

развода казалась кощунством. Запрещается аборт. 18 ноября 1920 г. аборт был разрешен в интересах женщины. 27 июня 1936 года аборт был запрещен, ибо, говорилось в законе, „только в условиях социализма, где отсутствует эксплуатация человека человеком и где женщина является полноправным членом общества... можно серьезно поставить борьбу с абортами...” Аборты будут разрешены 23 ноября 1955 г. в результате „непрерывного роста сознательности и культурности женщин...” Апостолом социалистической семьи становится А. Макаренко, талантливый педагог, долгие годы работавший в исправительных колониях ГПУ и НКВД. Макаренко предлагает сделать свой опыт воспитания малолетних преступников, беспризорных универсальным методом советской педагогики. Он предлагает две модели коллектива, в котором следует воспитывать ребенка: исправительная колония и армия. Теория Макаренко становится государственной теорией воспитания.

Она сводится к трем главным пунктам: коллектив, военизация, авторитет. Ребенка необходимо воспитывать коллективистом, воспитывать в коллективе полувоенного типа, воспитывать в уважении авторитета коллектива и того, кому коллектив поручает руководящий пост. Послереволюционная педагогика утверждала теоретический принцип: наказание воспитывает раба. Макаренко протестует: „наказание может воспитывать раба, а иногда может воспитывать и очень хорошего человека, и очень свободного и гордого человека”.³⁰ Теория Макаренко оказывается как нельзя более подходящей в период, когда за „недисциплинированность” будет подвергаться наказанию все общество. В 1937 году А. Макаренко пишет *Книгу для родителей*, в которой распространяет свои взгляды и на семью. Семья — это также коллектив, и главное в ней — интересы коллектива, выражаемые тем, кто их авторитетно представляет. Создавалась таким образом законченная система воспитания: ребенок воспитывался в авторитарной семье, затем в авторитарной школе, так же как и семья представлявшая государство в миниатюре, и входил в жизнь — в авторитарное государство.

Вторым направлением процесса формирования социалистической семьи было утверждение государства, как высшего сверхавторитета.

Литература, кино и другие виды искусства пропагандируют предательство семьи в интересах государства. Семья была коллективом, но государство — значительно большим коллективом, несравненно важнейшим. Поэтому в фильме *Партбилет* (1936) жена разоблачает мужа и передает его органам. Поэтому героем советских детей становится 12-летний Павлик Морозов, предавший отца. Горький требует от писателей восхвалять „Павла Морозова”, который „не считаюсь

с родством по крови, обнаружил родство по духу”;³¹ писатель Леонид Леонов пишет роман *Скутаревский*, в котором старый интеллигент, великий ученый предаёт своего сына. Призыв предавать родственников относился в равной степени ко всем членам семьи, — и здесь царило полное равенство.

2. Сталинская демократическая

1936 год был отмечен двумя событиями: принятием конституции и публикацией „Замечаний” Сталина, Кирова, Жданова на учебник истории СССР. События эти, казавшиеся современникам неравными по значению, представляются историку в одинаковой мере важными в процессе формирования социалистического государства.

Конституция формально закрепляла характер нового общества; „Замечания” Сталина и других провозглашали национализацию гражданской истории, национализацию памяти.

Решение об изменении советской конституции было принято „по инициативе товарища Сталина” Седьмым съездом советов 6 февраля 1935 года, всего через несколько недель после убийства Кирова. По словам Н. Бухарина, автором конституции был он. „Внимательно осмотрите это вечное перо, — говорил Бухарин Б. Николаевскому в Париже в 1936 году, — им написана вся новая советская конституция от первого до последнего слова. Я ее написал, лишь Карлуша /Радек/ немного мне помог”.³² Бухарин очень гордился новой конституцией, которая — по его словам — не только вводила всеобщее и равное избирательное право, но и равенство всех граждан перед законом. Он полагал, что конституция создает необходимые условия для перехода от диктатуры одной партии к подлинной народной демократии.

Конституция 1936 года, „Сталинская конституция”, как она будет немедленно названа, действительно предоставила советским гражданам демократические права: слова, собраний, свободу печати, шествий и демонстраций, отправления религиозного культа и антирелигиозной пропаганды, неприкосновенность жилища и тайну переписки. Права свободного передвижения не было, но зато все граждане получили избирательные права — ликвидировалась категория „лишенцев”, а выборы вводились тайные, прямые, равные. Сталинская конституция была немедленно объявлена в Советском Союзе и друзьями его за границей „самой демократической в мире”.

А. Солженицын скажет, что конституция эта не выполнялась ни одного дня. Действительно, Сталин делает доклад о проекте кон-

ституции в 1936 году, когда террор набирает силы каждый день. Первое голосование в Верховный Совет СССР происходит в 1937 г., когда террор достигает высшей точки. Нельзя, однако, сказать, что невыполнение конституции было полной неожиданностью. В предыдущих советских конституциях также предоставлялись права: шествий, печати, собраний, но они ограничивались „интересами трудящихся”. В конституции 1936 года все права гарантировались „в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя”. И говорилось совершенно ясно: „Тот кто ставит своей задачей расшатать социалистический строй, – тот враг народа”.³³

Подлинным новшеством конституции было предоставление всем гражданам одинаковых прав. Это был важный шаг в процессе формирования сталинского государства. До сих пор существовала официально категория париев – „лишенцев”: по сравнению с ними все другие категории имели больше прав. Новая конституция устанавливает общее равенство – все неравны одинаково. Ибо в конституции 1936 г. неизменным остается главное: „Проект новой конституции, – не скрывает Сталин, – действительно оставляет в силе режим диктатуры рабочего класса, как оставляет без изменения нынешнее руководящее положение коммунистической партии”.³⁴ Конституция в этом отношении делала шаг вперед: в предыдущих конституциях руководящая роль коммунистической партии подразумевалась, в конституции 1936 года об этом ясно, четко, недвусмысленно сказано в тексте.

Уравнение всех граждан и утверждение права партии представлять всех, руководить всем, решать обо всем оформляли завершение в первую половину 30-х годов строительства тоталитарного государства. В это время существовало и другое тоталитарное государство – гитлеровская Германия. Бухарин, как свидетельствует Николаевский, много думал о нацизме, видел в нем „ускоренное разложение социалистической системы” и говорил о необходимости предотвратить подобное разложение в Советском Союзе, и о необходимости бороться с гитлеризмом, организовать международное движение для борьбы с ним. Но прежде всего для борьбы с нацизмом необходимо выдвинуть идею против их идеи. Идея нацизма, как понимал ее Бухарин, это – насилие. Мы, говорил он, должны вести борьбу с насилием под знаменем нашего нового гуманизма, пролетарского гуманизма.³⁵

Разговоры, которые Бухарин вел с Николаевским в Париже, носят патетический и жалкий характер. Один из руководителей Октябрьской революции, один из тех, кто больше других способ-

ствовал восхождению Сталина, мечтает — туманно и колеблясь — о некой „второй партии” интеллигентов, которая давала бы добрые советы „первой партии”; он ищет в бумагах Карла Маркса незамеченного исследователями указания, как жить дальше. И не найдя, вздыхает: „Ох, Карлуша, Карлуша, почему ты не закончил /статьи о классовой борьбе, *М.Г.*/? Это, конечно было трудно, но как бы нам это помогло!”³⁶

Бухарин, несмотря на свое марксистское образование, а быть может, из-за него, не понимал, что он написал конституцию тоталитарного государства. Которое, правда, в одном отношении отличалось от гитлеровской Германии. Два лозунга могут служить иллюстрацией этого различия. Гитлер говорил: „Если нужно, будем бесчеловечны”. Сталин говорил: люди — самый ценный капитал. Советское тоталитарное государство опиралось на тотальный террор, как гитлеровское, и кроме того, на тотальную ложь. Создание этого государства было завершено, когда Сталин провозгласил „демократическую” конституцию. При Ленине террор назывался еще террором, бюрократия — бюрократией, восстания против большевиков — восстаниями против большевиков. И это были годы рождения тоталитарного государства. При Сталине, пишет Лешек Колаковский, давший великолепный анализ характера советского государства, „партия подвергается атакам врагов, но не совершает уже ни одной ошибки, советское государство — безупречно, а любовь народа к власти — безгранична”. Государство, ликвидировав все без исключения инструменты общественного контроля над властью, оправдывает свою власть тем, что оно „принципиально” воплощает интересы, нужды и желания трудящихся. Легитимизация, — говорит Лешек Колаковский, — носит идеологический характер. И добавляет: всевластие лжи возникло не в результате плохого характера Сталина, оно было установлено, как единственная форма легитимизации власти, основанной на ленинских принципах.³⁷

Всевластие лжи позволяло Сталину утверждать, что конституция 1936 года — „документ, свидетельствующий о том, что то, о чем мечтали и продолжают мечтать миллионы честных людей в капиталистических странах, — уже осуществлено в СССР”. И, как ни парадоксально это звучит, в данном случае Сталин говорил правду — миллионы людей в капиталистических странах верили, что в СССР осуществлены „мечты человечества”. Подлинный характер советского государства остается непонятым еще долгие-долгие годы.

Многие — неспособны увидеть правду. Многие — согласны быть обманутыми. Ю. Пятаков, исключенный на Пятнадцатом съезде из партии, „высланный” в торгпредство в Париж, капитулировавший

перед Сталиным, работавший на него и убитый им в 1938 году, объяснял в 1928 Н. Валентинову: „Так как, по вашим словам, изменить убеждения в кратчайший срок как будто нельзя, вы заключаете, что наши заявления, в том числе мои, неискренни, лживы... Я согласен, что не большевики, и вообще категория обыкновенных людей не могут сделать мгновенного изменения, переворота, ампутации своих убеждений... Мы ни на кого не похожи. Мы партия, состоящая из людей, делающих невозможное возможным... и если партия этого требует, если для нее нужно и важно, актом воли сумеем в 24 часа выкинуть из мозга идеи, с которыми носились годами... Да, я буду считать черным то, что считал и что могло мне казаться белым, так как для меня нет жизни вне партии, вне согласия с ней”. Пятаков, настоящий большевик, готов на все, ибо „в революции, подвигающейся к миру, неужели вы думаете, что я не буду участвовать? Неужели вы думаете, что в великом мировом перевороте, в котором решающим фактором будет наша партия, я буду вне ее?”³⁸ И через восемь лет, снова в Париже (заставлял, видимо, этот город задушиваться), Бухарин говорит Николаевскому: „Жизнь для нас тяжела... Что нас спасает это вера в то, что прогресс продолжается. Это как поток, который рвется к берегу. Выйдя из потока, вы будете отброшены в сторону”.³⁹

Коммунисты, закрывавшие глаза на действия Сталина, соглашавшиеся принимать белое за черное, ради того, чтобы не выпасть из „исторического потока”, рассуждали примерно так же, как автор негритянского гимна, прославленного Луисом Армстронгом: „Когда святые маршируют в рай, я хочу быть в их числе”.

Часть западной интеллигенции несомненно хотела быть в „числе тех”, кто маршировал в рай. Другая часть не хотела видеть особенностей советской тоталитарной системы, ибо находила ее естественной для России. Сталин изображался прямым наследником Ивана Грозного и Николая I. Марксисты утешали себя таким образом, что социализм Сталина не имеет ничего общего с подлинным социализмом, немарксисты утешали себя, что в странах без русского „проклятого прошлого” ничего подобного случиться не может. Блестящая и очень поверхностная книга маркиза де Кюстина *Россия 1839* становится убедительнейшим доказательством специфически русского характера сталинского государства. Следует признать, что броские формулы маркиза не нуждались в комментариях: „Политический режим России можно определить одной фразой: это страна, в которой правительство говорит то, что хочет, ибо только оно имеет право говорить... В России страх заменяет, лучше сказать, парализует мысль... Путешественник не может ничего видеть без гида... Въезжая

в Россию, вы должны на границе, вместе с паспортом, сдать ваши взгляды... В России мысль не только преступление, она — несчастье...” Судьба путевых записок Кюстина поучительна: после их публикации, они имеют во Франции колоссальный успех, — Николай I считает даже необходимым организацию ответа. Книга продолжает иметь успех в канун Крымской войны. А затем ее постепенно забывают. Путешественники, посещавшие Россию в конце 19-го — начале 20-го века, Кюстина не вспоминают: нарисованный им образ мало схож с реальностью. Вспоминают его в Москве после революции. В начале 30-х годов выходит несколько забытых книг: их публикация носит несомненно оппозиционный антисталинский характер. Во время процесса 1936 года прокурор А. Вышинский обвинял Каменева, в числе других преступлений, в публикации *Князя Макиавелли* и в написании предисловия к нему.⁴⁰ Публикуются *Замогильные записки* В. С. Печерина — трагические мемуары одного из первых русских „невозвращенцев”, профессора Петербургского университета, не вернувшегося из заграничной командировки в 30-е годы прошлого века. „Я бежал из России, — писал он, — как бегут из зачумленного города. Тут нечего рассуждать — чума никого не щадит — особенно людей слабого сложения. А я предчувствовал, предвидел, я был уверен, что если б я остался в России, то с моим слабым и мягким характером, я бы непременно сделался подлецим верно-подданным чиновником или попал бы в Сибирь ни за что ни про что. Я бежал не оглядываясь, чтобы сохранить в себе человеческое достоинство”. Общество бывших политзаключенных переиздает вышедшее в 1910 году сокращенное издание путевых записок Кюстина: *Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника маркиза де Кюстина*. Путешественник пробыл в России десять недель, он не знал ни слова по-русски, но, острый и внимательный наблюдатель, он подметил немало черточек николаевского режима, характерных для каждого деспотического строя. Кюстин поехал в Россию отлично подготовленный друзьями — польскими эмигрантами. Поляки, бежавшие из растерзанной страны, после несчастного восстания 1830 года, оплакивавшие гибель родины, разорванной тремя захватчиками, имели все основания представлять одного из захватчиков, Россию, как воплощение зла. К тому же деспотический характер николаевского режима не вызывал сомнений.

Удивительным было то, что через сто лет после путешествия Кюстина, его книга оказывалась путеводителем по сталинскому Советскому Союзу: то, что у французского путешественника было предвидением, угадыванием заложенных возможностей, преувеличением, карикатурой — стало осуществленной реальностью, умножен-

ной в тысячу раз. Но умножение в тысячу раз недостатков и пороков деспотии было средством создания государства особого типа, основанного на идеологии особого типа: тоталитарного государства с тоталитарной идеологией. Русские черты вошли в ту новую идеологию, но не они были определяющими. В последней четверти 20-го века есть возможность проверить результаты опыта, проделанного историей. В лаборатории одним кроликам прививают болезнь, а других оставляют здоровыми, чтобы выяснить характер заболевания, его симптомы. История 20-го века показала, что нет иммунитета против тоталитарной идеологии советского типа. От Кубы до Албании, от Вьетнама до Германии (восточной) привитая идеология вызывает абсолютно идентичные симптомы: специфические черты каждой из этих стран — национальные, исторические, религиозные — оказывают меньшее влияние на характер государства, чем идеология. Во всех этих странах Кюстин — не только полезное руководство для путешественников, но и запрещенная книга для местных жителей. И еще более удивительным по точности описанием советской действительности и действительности всех ее близнецов оказывается иронический учебник обмана и лицемерия, написанный французским республиканцем Морисом Жоли, изгнанным из страны Наполеоном III. Морис Жоли пишет сатирический портрет Франции времен Второй империи и ее императора, политическая линия которого состоит в том, чтобы отделить мораль от политики, заменить право силой и хитростью, парализовать дух индивидуализма, обманывать народ видимостью, льстить национальным предрассудкам, не позволять стране знать то, что происходит за границей, а столице — то, что происходит в провинции, превратить инструменты мысли в инструменты власти, применять без угрызения совести казни без суда и ссылки, требовать непрерывного восхваления своих действий, самому обучать истории своего царства, создать полицию, которая служит опорой режима, превратить культ узурпатора в своего рода религию, эксплуатировать легкость, с какой люди становятся доносчиками, овладеть обществом, используя его пороки, говорить как можно меньше и прямо противоположное тому, что думаешь, переменить смысл слов... Борис Суварин цитирует удивительный *Диалог в аду между Макиавелли и Монтегкье* Мориса Жоли, комментируя: „Кажется, что это написано для Сталина”.⁴¹ В 1935 году Борис Суварин добавлял, что к „основателю советского государства” это не относится. В начале 80-х годов оговорка эта представляется излишней. Сегодня можно сказать, что сатира на французское государство середины 19-го века оказалась реализованной сначала в СССР, а затем в самых разных уголках земного шара. *Диалог в аду между Макиавел-*

ли и *Монтескье* послужил материалом для самой знаменитой подделки 20-го века — *Протоколов сионских мудрецов*. Но „всемирный еврейский заговор” — подпольная организация, действующая по учению *Макиавелли в аду* — реализована лишь в фантазии анти-семитов.

1936 год — год сталинской конституции — был ознаменован очередным сокрушительным ударом по „надстройке”, по духовным и умственным силам общества. *Правда* устанавливала непосредственную связь: „В проекте Сталинской конституции отразился факт исключительного значения, факт полноправия интеллигенции...” Но *Правда* тут же напоминала интеллигенции слова, с которыми Иван Павлов обращался к молодым ученым: „Никогда не думайте, что вы уже все знаете”.⁴² Призыв великого физиолога все проверять и во всем сомневаться превратился в *Правде* в грозное предупреждение: все знает только партия и ее Вождь. Виктор Шкловский со свойственным ему в молодости афористическим талантом утверждал: нет правды о цветах, есть наука ботаника. С конца 20-х годов советская власть начинает настойчиво проводить идею: есть правда о цветах, о животных, о людях! О мироздании! И правду эту знает партия и Вождь. Цель этой политики сделать „ученую публику управляемой”, науку — управляемой.⁴³ Ученых пугают: их подвергают аресту по одиночке, а потом группами: в 1929 году группу историков — С. Платонова, С. Бахрушина, Е. Тарле и других, в 1930 — группу микробиологов, потом агрономов, физиологов, авиаконструкторов и так далее. Исследователь советской науки Марк Поповский приводит факты о том, как убивали ученых и как их ломали морально: в 1934 году арестованного профессора В. Писарева заставляют писать донос на друга — академика Вавилова, ему грозят: „убьем детей, замучаем жену, убьем тебя самого”.⁴⁴ Академика Ухтомского заставляли отречься от брата — арестованного епископа, от арестованных студентов.⁴⁵ Великий ботаник академик Н. Вавилов, заморенный голодом в саратовской тюрьме, говорил, что происходит отбор в науку людей „без гена порядочности”. Но тот же самый Николай Вавилов ради своей науки, „для пользы дела”, соглашался в 1924 г., за разрешение поехать в Афганистан на поиски родины пшеницы, „сфотографировать крепость на индо-афганской границе”; в страшные годы голода, 1931–33, выезжая за границу, „прославлять успехи советского сельского хозяйства и советской власти”, а потом он согласился ввести за руку в науку Т. Лысенко, который и отправил его на мученическую смерть.⁴⁶ В 1924 году, споря с И. Павловым, Бухарин заявил, что он руководствуется „не категорическим императивом Канта и не заповедями христианской морали, а революцион-

ной целесообразностью”.⁴⁷ В 1936 году Бухарин в разговоре с Николаевским много говорил о „гуманизации” коммунистических теорий. Николаевский ответил: „Николай Иванович, то о чем вы сейчас говорите не что иное, как возвращение к Десяти заповедям”. На что Бухарин возразил: „Вы думаете, что Десять заповедей устарили?”⁴⁸ Возможно, что Бухарин вспомнил о Десяти заповедях потому, что встретил дьявола. Разговаривая в Париже с лидером меньшевиков Федором Даном, он утверждал: „Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, не человек, а дьявол!”⁴⁹ Речь шла о Сталине.

К 1936 году дьявол и все его многочисленные помощники, в том числе и те, которые раскаивались про себя или шепотом, сделали свое дело: наука стала управляемой. Академия наук постановила: „Мы решим стоящие перед нами задачи единственным научным методом — методом Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина”.⁵⁰

4 июля 1936 года ЦК ВКП(б) производит вполне удавшийся опыт ликвидации целой науки одним росчерком пера, одним „Постановлением”. Ликвидируется „так называемая педология”, ибо она „базируется на ложнонаучных, антимарксистских положениях”.⁵¹ Всего несколько лет назад эта же самая педология была „наукой о развитии нового социалистического человека”, „единой самостоятельной наукой, строящейся на основе диалектического материализма”.⁵² За упразднением педологии последовало закрытие других наук: генетики, социологии, психоанализа, кибернетики и так далее. Педология была первой в длинном ряду.

Беда педологии заключалась в том, что она хотела быть точной наукой, изучающей ребенка с помощью, как говорилось в постановлении, „бессмысленных и вредных анкет, тестов и т. п.” До тех пор пока официальная идеология исходила из того, что бытие определяет сознание, педология была полезна, ибо доказывала, что плохие условия, плохая среда влияют на ребенка отрицательно, задерживают его развитие. В 1936 году было объявлено, что социализм построен, а „бессмысленные и вредные анкеты, тесты и т. п.” показывали, что дети продолжают жить в плохих условиях. Когда педолог, обследовав чувашских детей, пришел к выводу, что они плохо учатся из-за плохих условий, журнал *Педология*, ликвидированный вместе с наукой и педологами, немедленно откликнулся: какие это плохие условия обнаружил исследователь? Условия, созданные советским государством и коммунистической партией? В 1928 году на первом педологическом съезде — он же был и последним — А. Залкинд в главном докладе определил задачи педологии так: „Педология должна была внятно, недвусмысленно ответить, годится ли, с педологической точки зрения, новая социалистическая среда для

создания нового массового человека”. Через два года этот вопрос звучал подозрительно, а в 1936 году – контрреволюционно.

В области культуры 1936 год открывается статьей в *Правде*: „Сумбур вместо музыки”. Центральный орган ЦК ВКП (б) подверг безжалостной, сокрушительной критике оперу Д. Шостаковича *Катерина Измайлова*. Выступление *Правды* по вопросам музыки было свидетельством того, что „укрощение искусства” завершается. Еще недавно партийные указания передавались по профессиональным каналам: так в профессиональном журнале указывалось, что „вместо того, чтобы призывать композиторов к овладению методом диалектического материализма, мы на страницах *Пролетарского музыканта* до сих пор читаем призывы к овладению бетховенским творческим методом...”⁵³ Теперь ЦК, не передоверяя руководства никому, вмешивается в творческие вопросы сам. Статья „Сумбур вместо музыки” – без подписи, это означало выражение официального взгляда – носила общий характер, касалась советской культуры в целом: „Левацкое уродство в опере растет из того же источника, что и левацкое уродство в живописи, в поэзии, в педагогике, в науке”.⁵⁴ Статья предупреждала: „Эта игра в заумные вещи может закончиться плохо”.

6 февраля *Правда* публикует вторую статью против Шостаковича, – на этот раз мишенью выбран его балет *Светлый ручей*. 20 февраля достается архитекторам: статья „Какофония в архитектуре”, 1 марта – живописцам: „О художниках-пачкунах”, 9 марта – театру и драматургии: „Внешний блеск и фальшивое содержание” (громится спектакль по пьесе М. Булгакова *Мольер*, показанный МХАТом).

Писатели, художники, музыканты, артисты организуют собрания, митинги, на которых одобряют статьи *Правды*, разоблачают друг друга, каются. Аркадий Белинков, книги которого о Юрии Тынянове и Юрии Олеше могут считаться первым опытом подлинной истории советской культуры, писал: „Силомером гнусности тиранического режима служит искусство. По быстроте обращения его в прах можно судить о гнусности этого режима”.⁵⁵

И нельзя объяснить случайностью, что в то самое время, когда *Правда* беспощадно судила советскую культуру, выбирая то, что нужно социалистическому государству, *Фелькишер Беобахтер* устанавливал те же самые критерии для национал-социалистической культуры: „Только национал-социалистическая концепция культуры может иметь силу закона при оценке произведения искусства в национал-социалистическом государстве. Только Партия и Государство в состоянии, исходя из этой национал-социалистической концепции культуры, определять ее ценность”.⁵⁶

Как нельзя объяснить случайностью то, что в основу своей концепции культуры нацисты кладут ленинскую „партийность”, называя ее „тенденциозностью”. Определяя это понятие, Геббельс почти дословно цитирует Ленина: „Нет искусства без тенденциозности, а наиболее тенденциозно то искусство, творцы которого претендуют быть от него свободными”.⁵⁷

Как мы уже отметили, вторым важнейшим событием 1936 года была публикация „Замечаний” Сталина, Жданова, Кирова „по поводу конспекта учебника по *Истории СССР*” и „о конспекте учебника *Новой истории*”.⁵⁸ Написанные в июле 1934 года „Замечания” были опубликованы лишь полтора года спустя, и завершали процесс национализации духовной жизни общества. Значение этой публикации было огромным: огосударствлению подверглась память.

История занимает в советской идеологии центральное место. Телесологичность идеологии делает историю фактором легитимности: история узаконивает руку, ведущую к Цели. „При каждом большом историческом зигзаге приходится переделывать историю заново. Таких больших переделок было три”,⁵⁹ – Троцкий писал это, имея в виду период с 1923 по 1929 год. Знаменательно, что „переделки”, о которых пишет Троцкий (он имеет в виду историю партии и революции), происходят всего через несколько лет после событий, на виду живых свидетелей: факты вычеркиваются, переделываются, фальсифицируются. И члены партии это принимают: история дает легитимность партии и вождям.

Публикуя в 1936 году „Замечания”, Сталин берет в свои руки изучение истории (как СССР, так и всеобщей), узурпирует память. Карл Радек не преминул немедленно подчеркнуть целевую установку „Замечаний”: „Не историки „специалисты”, а партийное руководство, в лице тов. Сталина, поставило эти вопросы...”⁶⁰

„Замечания” объявляли Сталина Главным Историком и тем самым свергали с пьедестала Покровского – главу советской школы историков-марксистов. В передовой *Правды*, посвященной публикации „Замечаний”, говорится без обиняков: схема Покровского „упрощенная, он не видел переходов и передвижений в рамках одной формулы”. Он сам признал ненаучность своей схемы, из чего следовал вывод: „ненаучная не может не быть антиленинской”.⁶¹ В официальном документе „На фронте исторической науки” – имевшем подзаголовок: „В Совнарком Союзу СССР и ЦК ВКП(б)” – „подчеркивалось”, что „ошибочные исторические взгляды, свойственные так называемой „исторической школе Покровского”, привели к укоренению среди историков, „особенно историков СССР”, „анти-марксистских, антиленинских, по сути дела ликвидаторских, анти-научных взглядов на историческую науку”.

В 1936 году французский писатель Андре Жид, верный друг Советского Союза, посетил по высочайшему приглашению страну социализма. Его путевые заметки *Возвращение из СССР*, содержавшие немало критических замечаний, хотя в целом впечатление путешественника было благоприятным, вызвали скандал среди „прогрессивных” деятелей мировой культуры, прежде всего в Советском Союзе. Андре Жид был заклеен навсегда, как враг социализма. Французский писатель отметил совершенно справедливо, что „в СССР каждый знает наперед, раз и навсегда, что по каждому вопросу может быть только одно мнение... Каждое утро *Правда* учит советских людей, что они должны знать, думать, во что должны верить”.⁶²

Главное, однако, было не это. А. Жид не понял того, что у *Правды* была еще и другая, гораздо более важная задача — заставлять советского гражданина каждый день думать иначе, помнить другое и забыть то, что ему велели помнить и знать вчера.

В 1934 году, когда Сталин и товарищи писали „Замечания”, намечается курс на изменение отношения к истории России. „Замечания” прежде всего указывают на необходимость написания „истории СССР”, то есть истории Руси вместе с историей народов, которые вошли в состав СССР. „Замечания” меняют формулу: вместо „Россия — тюрьма народов”, они вводят: „царизм — тюрьма народов”. В 1936 году среди статей в *Правде*, посвященных вопросам культуры, появляется специальное решение ЦК о постановке оперы-фарса Бородина *Богатыри* с новым текстом Демьяна Бедного. В 1932 году фарс *Крещение Руси* был встречен очень одобрительно: „Спектакль имеет ряд смелых проекций в современность, что повышает политическую действенность пьесы. Былинные богатыри выступают в роли жандармской охранки, Соловей-разбойник становится олицетворением именитого купечества, Византия перекликается с фашистским Западом. Сам князь Владимир... к концу спектакля принимает образ предпоследнего царя-держиморды”.⁶³ В 1936 году все переменялось: „Спектакль ... а) является попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси как положительный революционный элемент, что противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции; б) огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время, как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа; в) дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа...”⁶⁴

Вместе с „Замечаниями” было опубликовано постановление ЦК и СНК о создании комиссии „для просмотра и улучшения, а в не-

обходимых случаях и для переделки написанных уже учебников по истории”.

3 марта 1936 года был объявлен конкурс на „лучший учебник для начальной школы по элементарному курсу истории СССР с краткими сведениями по всеобщей истории”. Результаты были объявлены в августе 1937 года. В Постановлении жюри Правительственной Комиссии был назван „лучший учебник”, но, прежде всего подверглись жесточайшей критике все указания, данные в „Замечаниях” Сталиным, Ждановым, Кировым. Критиковались, конечно, не авторы „Замечаний”, а „работники исторической науки”. О том, что критика не носила чисто академического характера свидетельствует факт: из 10 членов жюри 9 были в 1937–38 годах арестованы. Остался на свободе лишь председатель жюри – А. Жданов.

В 1934 – 1936 годах история национализируется и релятивизируется. Исторические факты, исторические события существуют лишь постольку, поскольку о них говорит Сталин и лишь в той интерпретации, какую он им дает. И если Сталин заявляет: „варвары и рабы с грохотом повалили Римскую империю”, то профессор, позволяющий себе заметить студентам, что после восстания Спартака Римская империя существовала еще 550 лет, идет в тюрьму. И если Сталин случайно роняет, что „азербайджанский народ, видимо, происходит от мидян”, лингвисты будут 15 лет искать в азербайджанском языке мидийские слова, „хотя мидийский язык является мифическим”.⁶⁵

„Прошлое, все прошлое, – описывает Д. Орвелл общество без памяти, – начиная со вчерашнего дня, уничтожено... Каждый документ подделан или уничтожен, каждая книга переписана, каждая картина перерисована, каждая статуя, улица и здание переименованы, каждая дата изменена. И процесс этот идет изо дня в день, минута за минутой. История остановилась. Ничего не существует, кроме бесконечного настоящего. А в настоящем Партия всегда права”.⁶⁶

„Марксистско-ленинская история” объявляется „научной правдой о прошлом”.⁶⁷ Если первой ее функцией является легитимизация власти Сталина, как человека, воплощающего партию, которая воплощает революционный пролетариат, который воплощает идею прогресса, то вторая ее функция – воспитание нового советского человека. „История, – указывает *Правда*, – в руках большевиков должна быть конкретной наукой, объективной правдой и тем самым великим оружием в боях за социализм”.⁶⁸ И снова: „Партия большевиков придает огромное значение истории в политическом воспитании советского гражданина, борца за свою родину, строителя социализма”.⁶⁹ Это понимание истории, как „конкретной науки”,

как „объективной правды”, то есть простого инструмента, используемого – с полным пренебрежением фактами, истиной – для целей воспитательных, полностью разделял другой творец „нового человека” – Адольф Гитлер: „... Историю изучают не для того, чтобы знать что произошло в прошлом; ее изучают для того, чтобы она научила поведению, которое необходимо в будущем для борьбы за существование своего народа”.⁷⁰

Сталин занимает положение Великого Историка, громя школу Покровского – это было одной из причин, по которым он реабилитировал русский патриотизм, русский национализм. Покровский был ярким разоблачителем русского империализма, русского колониализма, русского самодержавия. Для Покровского „московский империализм” существует уже в 16-м веке, когда „был захвачен южный конец великого речного пути из Европы в Азию, от Казани до Астрахани и началась попытка захватить северный конец, выход на Балтийское море...”⁷¹ Для Покровского завоевания Кавказа и Средней Азии были преступными колониальными войнами: „Трепет азиатов перед русским именем был достигнут нелегко и стоил недешево... Целые кишлаки выжигались дотла за какое-нибудь одно тело убитого русского, найденное по соседству”.⁷² Покровский разоблачает пороки русских царей: сифилитика Петра I, изверга Ивана Грозного, который „уверенно заявлял, что он не русский, а немец; и подражая своему царю, все знатные бояре сего времени выводили свой род от какого-нибудь именитого иностранца”.⁷³

Завершив создание своего государства, Сталин нуждается в цементирующей идее, которую не мог дать ортодоксальный марксизм с его обещанием „отмирания государства”. Цементирующей идеей становится патриотизм, который называют советским, но который все чаще звучит, как русский. Для Сталина важно было, что русский патриотизм имел подлинные корни в русском народе, кроме того русская история давала материал для воспитания в советских людях некоторых нужных Вождю качеств: верности государству, верности самодержцу, воинской отваги. Сталин выбирает из русского прошлого то, что ему нужно: героев, черты характера, врагов, которых следует ненавидеть, друзей, которых нужно любить. Он выдает народу его прошлое как подарок от себя лично, он выдает его по каплям: сегодня одно имя, завтра другое, послезавтра запрещенный ранее факт.

Советская история, препарированная Сталиным, приобретает вид чудовищного гибрида: национализма и марксизма. В учебнике по истории разрешается упоминание введения христианства, ибо оно было „прогрессом по сравнению с языческим варварством”, раз-

решается говорить о „прогрессивной роли монастырей в первые века после крещения Руси”, поскольку они насаждали грамоту и были „колониционными базами”.⁷⁴ Прогрессивным объявляется строительство могучего государства, стремление к морю. В связи с этим появляются „прогрессивные” князья и цари — те, кто отражал прогрессивные законы истории, и реакционные народные выступления — если они мешали „прогрессивным” действиям князя или царя. Народ „прогрессивен”, когда он поддерживает царя. Впрочем, как правило, он поддерживает царя и выступает вместе с ним против феодалов-реакционеров. Схема ортодоксального марксизма о борьбе классов хитроумно увязывается со схемой ортодоксального национализма.

Воплощением прогрессивных сил истории становятся герои, вожди — князья и цари. В 1930 году Алексей Толстой пишет первую часть романа *Петр I*, в 1934 выходит вторая часть романа. Алексей Толстой как бы предвидит меняющееся отношение партии — Сталина — к истории. Рапповская критика встретит роман резко отрицательно, обзовет его „идеологически чуждым”. В 1931 году в беседе с Эмилем Людвигом Сталин ответит на вопрос „Считаете ли Вы себя продолжателем дела Петра Великого?” категорически: „Ни в каком роде. Исторические параллели всегда рискованны. Данная — бессмысленна”.⁷⁵ В 1937 году *Правда* негодует: „С нележкой руки М. Н. Покровского у многих наших историков устанавливается такое пренебрежительное отношение к личности Петра I”. Орган ЦК такое отношение к Петру резко осуждает: „Петр — великий политик и реформатор своего времени, личность яркая, колоритная, красочная”. Историческая справка, публикуемая газетой, объясняет: „Эпоха Петра I — одна из наиболее прогрессивных эпох в русской истории 17 — 18 веков”.⁷⁶ В 1937 году рождается новый великий прогрессивный деятель — князь Александр Невский. Воскрешение Святого Александра, прах которого в свое время выкидывался из Лавры, понадобилось по соображениям внешнеполитическим. Оказался нужным враг немцев, победитель немцев.

Малая советская энциклопедия в первом томе — это был первый том первой советской энциклопедии — отзывалась об Александре Невском неодобрительно: „княжил в Новгороде, оказал ценные услуги новгородскому капиталу, победоносно отстоял для него побережье Финского залива. В 1252 году достает себе в Орде ярлык на великое княжение. Александр умело улаживал столкновения русских феодалов с ханом и подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой дани татарам”. В 1937 г. Александр Невский объявляется великим патриотом русского народа, великим

воином, остановившим „Дранг нах Остен” Германии, великим государственным деятелем, стремившимся к централизации, к объединению русских княжеств под „одной рукой”. По заданию Сталина Сергей Эйзенштейн ставит фильм, доказывающий, что основной враг — немец. „С монголом подождать можно, Опасней татарина враг есть... ближе, злей, от него данью не откупишься — немец”.⁷⁷ В 1937 году, когда С. Эйзенштейн и П. Павленко писали сценарий, в 1938, когда вышел фильм, слова эти звучали, как внешне-политический обзор в *Правде*: с одной стороны „монгол” — Япония, с другой „немец” — Гитлер. Слова эти перестали звучать актуально через 9 месяцев после выхода фильма, в августе 1939 г. он был снят с экрана: немец перестал быть врагом, от него удалось скупиться.

Александр Невский нес и внутриполитическую идею: он показывал вред вече и пользу единоличной власти, которую безгранично любит народ. Сталин лично правил сценарий и вычеркнул сцену смерти Александра, заявив: „Сценарий кончается здесь /триумфальным въездом в Псков, М.Г./ Не может умирать такой хороший князь!”⁷⁸ Хороший царь Петр объяснял подданным в сценарии А. Толстого: „Суров я был с вами, дети мои. Не для себя я был суров, но дорога мне была Россия”.

Александр Довженко, выступая в 1940 году на совещании об историческом фильме, отмечал одну его особенность: „... И в *Петре*, и в *Александре Невском*, и в *Минине и Пожарском*, и в *Богдане Хмельницком*... есть какое-то угодливое желание притянуть историю поближе к нам и даже реплики героев перемешать чуть ли не с речами вождей. Получается так, что Александра Невского можно, право, назначить секретарем Псковского обкома, а Петра и Минина и Богдана тоже чем-то в этом роде...”⁷⁹ Смелость слов А. Довженко удивительна: он прекрасно знал, что Петра и Александра Невского можно было назначать генеральными секретарями ЦК ВКП(б), и что Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) назначал себя Петром, Александром Невским, потом — Иваном Грозным. Любимый кино-сценарист Сталина Петр Павленко в романе о будущей войне *На Востоке*, который он пишет одновременно со сценарием *Александра Невского*, изображает, как Сталин идет по Москве в ночь начала войны — изображает теми же словами, какими описывал въезд триумфатора Александра в Псков: „Толпа кричала и звала: „Сталин! Сталин! Сталин!” — и это был клич силы и чести, он звучал, как „Вперед”. В минуту народной ярости толпа звала своего вождя, и в два часа ночи он пришел из Кремля в Большой театр, чтобы быть вместе в Москве... Его спокойная фигура, в наглухо застегнутой простой шинели, в фуражке с мягким козырьком, была проста до

слез. В ней не было ничего лишнего и случайного. Лицо Сталина было строго. Он шел, торопясь и часто оборачиваясь к окружающим его членам Политбюро и правительства, что-то им говорил и показывал рукой на людские толпы”.⁸⁰ Через четыре года, когда война действительно началась, Сталин не вышел к народу, он спрятался на даче.

„Исторические” фильмы, „исторические” романы, иллюстрирование сталинскую концепцию истории, воспитывали советских граждан, приводили их, как скажет историк гитлеровского кино, „в необходимое психологическое состояние”. Поражает сходство в отношении к истории в советском и нацистском кино 30-х годов. Столкновение между отцом — прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I и его сыном — будущим Фридрихом II, когда король требует от сына абсолютного повиновения отцу, главнокомандующему и главе государства (*Старый и молодой король*, 1935), было почти дословно повторено в конфликте между Петром I и царевичем Алексеем (*Петр I*, 1937). С той лишь разницей, что Петру не удалось сделать из сына великого царя и, убедившись в этом, он его убил. „Все действия Гитлера, — пишет историк нацистского кино, — становились приемлемыми, ибо уже во времена Фридриха-Вильгельма I говорилось: „Страна рухнет, если ее не будет возглавлять воля””.⁸¹

Ликвидировав память, Сталин использует историю в своих личных целях. Освальд Шпенглер использует в своих размышлениях минералогический термин: псевдоморфоз. Вода вымывает из камня вкрапленные в него кристаллы минерала. В ходе геологического процесса, в ходе вулканических движений, разрушающих горы, вытекает лава которая застывает и кристаллизуется. Но она заполняет пустые места, некогда заполненные кристаллами. И таким образом возникают фальсифицированные формы, кристаллы, внутренняя структура которых противоречит их внешней структуре, один вид камня в форме другого. Минералоги называют это — псевдоморфоз.⁸²

Сталин использует пустые места, где когда-то находились вымытые революцией кристаллы любви к отечеству, религии, морали и заполняет их советским патриотизмом, советской моралью. Один вид камня приобретает форму другого, но его внешняя структура противоречит его внутренней структуре, отрицает ее.

Ликвидация „школы историков-марксистов”, окончательно развязала Сталину руки. В схеме Покровского существовало несколько незыблемых точек опоры: классы, роль пролетариата и т. п. Покровский, в соответствии с ортодоксальным марксизмом, утверждал, например, что полуфеодалная Россия не могла быть прогрессивнее капиталистической Англии. Сталин отменяет все эти „талмудистские

тонкости”. Отмечает их, используя марксистскую фразеологию и неограниченные возможности, какие дает марксизм для опровержения самого себя. Теперь Сталин определяет, что такое „марксизм”, он объявляет лишним чтение Маркса: Сталин читает его за всех!

Поворот на „историческом фронте” имел важные практические последствия прежде всего по отношению к национальностям, составлявшим Советский Союз.

Первый период истории национальных республик – от принятия конституции СССР до начала первой пятилетки – проходит под знаком „коренизации”. Термин этот, впервые появившийся в решениях Десятого съезда, означал „выращивание” местных кадров, опору на коренное население республики. Советская власть не могла в этот период обойтись без местной интеллигенции и вынуждена была привлечь ее на свою сторону. Республики пользуются сравнительно широкими правами во внутренних делах, в том числе экономических. Особенно широки эти права в области культуры. Каждая республика не только может, она обязана иметь свой язык. Белоруссия была вынуждена объявить белорусский – официальным языком, хотя население республики говорило на многих языках. Каждый, даже самый маленький народ, получает свой язык и свою письменность. В данном случае играет роль не только желание способствовать развитию национальной культуры, но и стремление помешать объединению народов Кавказа, Средней Азии, других районов вокруг одного большого языка. Этой цели служит также и административное дробление, прежде всего Средней Азии.

Политика „коренизации” дает определенные результаты, в частности в области культуры. На Украине это годы замечательного культурного расцвета, годы культурного Возрождения.

Эти успехи имели, однако, оборотную сторону. „Коренные” кадры проявляют тенденцию к независимости от центра, к национально-культурной автономии, к „национал-коммунизму”. Национал-коммунизм в союзных республиках подобен русскому национал-большевизму: это стремление сочетать идеи коммунизма с национальными традициями. Особенность национал-коммунизма в советских республиках заключалась в том, что он содержит в себе, как важный элемент, недовольство „централистско-советским колониализмом”. Об этой опасности Сталин сигнализирует уже в 1926 году. В письме Кагановичу и другим членам Политбюро украинской компартии он предупреждает, что движение „на Украине за украинскую культуру и общественность... возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы... против „Москвы” вообще, против русских вообще, против

русской культуры и ее высшего движения – ленинизма”.⁸³ Когда в 1930 году состоится сфабрикованный процесс группы украинских интеллигентов во главе с академиком С. Ефремовым, по обвинению в создании никогда не существовавшей организации СВУ (Спілка визволення України), начало ее деятельности отнесли к 1926 году:⁸⁴ недаром товарищ Сталин предупреждал.

С конца 20-х годов до середины 30-х, – признает советский историк, – „произошли существенные изменения в области взаимоотношений между союзными органами власти и республиками. Были значительно расширены права союзных органов власти, усилена централизация союзного государства”.⁸⁵ Это второй период в истории взаимоотношений между республиками и центральной властью. Москва отбирает у республик все права: „хозяйственная самостоятельность республик все больше сужалась”, „в ряде случаев централизация стала осуществляться с нарушением ленинских принципов, что находило свое выражение в умалении суверенных прав союзных республик”.⁸⁶

Во всех республиках идут аресты; чистка, которая начинается в 1929 году, а затем будет продолжаться без перерыва десять лет, нанесет особо тяжелый удар по национальным кадрам. На Украину посылается со специальным заданием Павел Постышев. Выступая в Харькове, тогдашней столице Украины, он заявит, что „большое искусство руководить” заключается в том, чтобы „больно стукнуть кого следует в пример и науку другим”.⁸⁷ Кого следует „стукнуть”, решает он сам – по согласованию с Москвой. Главным объектом нападок Постышева становится нарком просвещения, старый большевик Микола Скрыпник, горячий сторонник „украинизации”. В 1928 году Скрыпник утвердил новое украинское правописание, в 1933 году его обвиняют, в частности, в том, что он стремился „оторвать украинский язык от русского” и „продать его” польскому, немецкому и другим западным языкам.⁸⁸ 7 июля 1933 года Скрыпник кончает самоубийством. Через полгода Сталин будет говорить о „грехопадении Скрыпника”.⁸⁹ В Таджикистане исключают из партии председателя Совнаркома Ходжибаева, председателя ЦИК Максума и других руководителей.⁹⁰ „Чистится” руководство Белоруссии, Киргизии и так далее. Резолюция ЦК ВКП(б) от 1932 года о ликвидации литературных течений, групп и объединений, ставит национальную культуру под прямое руководство Москвы.

Сталинская интерпретация истории дает центральной власти новое могучее орудие в борьбе со всеми проявлениями национальной независимости, в какой бы форме они ни проявлялись. В „Замечаниях” Сталина, Жданова, Кирова указывалось на необходимость давать не

русскую историю, а историю СССР. Премированный в 1937 году учебник — *Краткий курс истории СССР* под редакцией проф. Шестакова — начинался с истории государства Урарту. История Союза Советских Социалистических Республик начиналась таким образом возле озера Ван в 9 веке до нашей эры. „Постановление” жюри конкурса на лучший учебник по истории СССР шло дальше и пересматривало главный тезис концепции Покровского, рассматривавшего присоединение к Российской империи других народов, как абсолютное зло. Предлагалось рассматривать присоединение, как „наименьшее зло”. Пройдет несколько лет и историкам будет предложено рассматривать присоединение к Российской империи, как абсолютное благо. Отношение к Богдану Хмельницкому, единственному положительному герою, обнаруженному в национальных республиках, иллюстрирует, что из себя представляет „история СССР”. В 1928 году украинский историк писал о присоединении Украины к России: „Украинцы не знали, что в будущем ждет их в руках московских дворян и их самодержца „белого царя” судьба страшнее, чем под властью шляхты”.⁹¹ В 1931 году *Малая советская энциклопедия* информировала: „... Хмельницкий показал блестящие военные и дипломатические способности, которые применил в конце-концов в деле предательства революции... Предал крестьянскую революцию, обратившись к крепостнической Москве...” В 1940 г. все то же самое историческое событие, о котором имеется достаточное количество документов, описывалось иначе: „Включение Украины в русское государство было для нее меньшим злом, чем захват панской Польшей или султанской Турцией”.⁹² Затем и по нынешний день о присоединении Украины к России будут (историки) говорить не иначе, как об „объединении двух великих братских народов”.

Новая концепция, смысл которой заключался в том, что она была абсолютно внеисторичной и позволяла распоряжаться историей — фактами, событиями, датами, персонажами — в соответствии с очередными решениями очередных пленумов ЦК, открывала широчайшие практические возможности. В 1940 году, например, когда Молотов объяснял причины присоединения прибалтийских республик (это называется в послесталинское время „победа социалистической революции в Прибалтике”),⁹³ он сослался на то, что эти народы уже входили ранее в состав СССР.⁹⁴ До 1930 года полагалось считать, что революция открыла народам СССР путь к дружбе. После 1934–36 годов, дружба народов СССР объявляется „вечной” — они дружили всегда, со времен Киевской Руси и московских князей, и будут дружить всегда. Даже сомнение в этом становится преступлением. Последующие годы — период бурной вспышки террора—

пройдут под знаком укрепления вечной дружбы народов СССР и массовых репрессий в союзных республиках. Сложившееся тоталитарное государство, добившееся унификации во всех областях жизни, стремится к превращению всех советских народов в один социалистический народ — с единым прошлым, без памяти.

3. Обыкновенный террор

Убийство Кирова начинает эпоху, которую историки, по названию книги Роберта Конквеста, называют „большим террором”. Период этот привлекает внимание историков именами жертв — руководителей партии, государства, экономики, армии, — тем, что партия самоистреблялась. По своим размерам, однако, репрессии 1935–38 уступают размерам жертв крестьянского геноцида 1930–34. „Большой террор”, если оставить за ним это название, был завершением политики „чистки” страны в процессе строительства социализма. Нельзя считать случайным то, что начинается этот период одновременно: началом новой волны репрессий и началом подготовки новой конституции, которая „законодательно закрепила факт построения, в основном, социалистического общества”.⁹⁵

Особенностью „большого террора” была прежде всего его универсальность. Если предыдущие волны имели своей целью определенные социальные группы, слои, то, начиная с 1935 года, объектом террора было все общество.

Загадка „большого террора” не переставала интересовать историков, социологов, психологов. Английский дипломат Фицрой Маклин, в течение 10 дней следивший за процессом Бухарина, Рыкова, Ягоды и других в московском Доме Союзов, рассказывает, как пытался он с американским дипломатом, будущим послом в Москве, Боленом, понять, что происходит, найти теорию, объясняющую происходившее.⁹⁶ Но ищет ответа и человек, стоявший рядом с механизмом террора — Никита Хрущев спрашивает в своих воспоминаниях: „Почему Сталин совершил эти преступления? Может быть, он был обманут? Но если он был обманут, то кем? И сколькими жертвами мы заплатили за этот обман?”⁹⁷

На вопрос о причинах „большого террора” дается множество разнообразных ответов: от — необходимости сменить старое поколение руководителей новым, построить вместо старой партии новую, до — сумасшествия Сталина. Все ответы — за исключением сумасшествия Сталина — могут быть частями разгадки. Если есть серьезные симптомы, позволяющие говорить о том, что Сталин после

войны был психически больным,⁹⁸ нет оснований считать его больным в 1935—38 годах. Хотя, конечно, проявляемое им видимое удовольствие, с каким он мучал людей, вряд ли может быть признаком совершенно здорового человека. В 1937 году Сталин предложил всем руководящим работникам подготовить „по два заместителя”, четырежды он назначал на пост народного комиссара почт и телеграфа людей, которые потом уничтожались. Это было проявлением сталинского „юмора”, который очень ценил Черчилль. С большим одобрением отзывался Сталин о Фуше: „всех обманул, всех оставил в дураках”. Борис Суварин отмечает „любопытное сходство психологии и темперамента” между Сталиным и Фуше, отмечая и то, что оба были в юности семинаристами.⁹⁹ Но Сталин не был Фуше, по той простой причине, что Фуше так и не стал императором. Прочитав книгу Стефана Цвейга *Жозеф Фуше*, имевшую в 30-е годы огромный успех в Москве, Сталин мог побаиваться Фуше. И Ежов, придя в НКВД, обвинял Ягоду в том, что тот „вел политику Фуше”.¹⁰⁰ Политика Сталина была иной: строя социалистическое, то есть тоталитарное государство (быть может, теоретически социалистическое не является синонимом тоталитарного, но практика показала, что понятия эти тождественны), он должен был иметь монолитную партию, послушную ему, по известному немецкому выражению, как труп. Но в 1935 году партия уже так пронизала все клетки государственного организма, что удар по партии не мог не отразиться на всем организме. И в этом объяснение тотального террора. Потянутая нитка потащила за собой весь клубок: государственный аппарат, хозяйственный, армейский, культуру. Безумие овладевает страной. Враг — всюду. 3 и 5 марта 1937 года Сталин выступает с наиболее откровенной из своих речей на знаменитом „февральско-мартовском” пленуме ЦК, посвященном вопросам террора. Сталин предупреждает: враги проникли всюду, он предупреждает: человек с партийным билетом — главная опасность. „Для выполнения шпионских задач, — разъясняет мысль Сталина один из многочисленных авторов брошюр под единым названием: *О некоторых коварных приемах вербовочной работы иностранных разведок*, — все средства хороши: и „активность” в общественной жизни, и „стахановская работа”... и, наконец, неоднократные женитьбы” и „разводы” с целью подыскания более подходящей партии”.¹⁰¹ Всяду враг. Врагами были „бывшие”. Потом „вредители”. Потом „кулаки”. Теперь враги „шпионы”. Верить никому нельзя. Об этом твердят газеты. В этом убеждают фильмы. В романе Павленко *На Востоке* истерзанный пытками китайский коммунист бежит, когда его ведут расстреливать. В фильме, сделанном по роману, истерзан-

ный пытками коммунист оказывается шпионом. А. Довженко ставит фильм *Аэроград*, в котором положительный герой убивает своего друга, оказавшегося шпионом. Положительный герой и шпион похожи друг на друга внешне, как братья. Режиссер подчеркивает: врагом, шпионом может быть каждый, можешь быть ты. Страшный анекдот этого времени: человек смотрит в зеркало и говорит „или ты или я...”

Сюзеренно-вассальная система, лежащая в основе партии, ведет к тому, что арест видного партийного деятеля влечет за собой аресты в геометрической прогрессии. 5 марта 1937 г. Сталин говорит: назначенный в Казахстан секретарем ЦК Мирзоян забирает с собой из Азербайджана и Урала, где он прежде работал, „тридцать-сорок своих людей и доверяет им ответственные посты”. Мирзоян, – говорит Сталин, – имеет „свою артель”. Как и все другие партруководители. Совершенно очевидно, что такая „артель” погибала после ареста „старосты”. Но этого мало: Сталин говорит, что имеются товарищи, которые всегда „боролись с троцкизмом, но тем не менее сохраняют личные отношения с некоторыми троцкистами”. Личные отношения с врагами народа также становятся достаточным основанием для ареста. Хрущев рассказывает, как Берия, после своего назначения на пост наркома НКВД предупреждал: у тебя были слишком дружественные отношения с бывшим наркомом НКВД Ежовым. Хрущев говорит, что „в этот период партия начала терять авторитет и была подчинена НКВД”. И действительно все аресты и казни проводил НКВД, в его ведении находилась и система лагерей. НКВД не ограничивался арестами знакомых и друзей арестованных. Террор носил плановый характер: областные и районные управления получали план арестов. Владимир Петров, работавший в шифровальном отделе НКВД в Москве, вспоминает тексты отправляемых телеграмм: „Фрунзе. НКВД. Уничтожить десять тысяч врагов народа. Об исполнении доложить. Ежов”.¹⁰² В Свердловск была послана телеграмма с приказом уничтожить 15 тысяч „врагов народа”.

Но НКВД, ставший хозяином страны, был, одновременно, так же беззащитен, как и все другие учреждения Советского Союза, работники НКВД – так же беззащитны, как и все другие граждане социалистического государства. 25 сентября 1937 года Сталин посылает из Сочи в Москву телеграмму Кагановичу, Молотову и „другим членам Политбюро” (подписывает ее и Жданов): „Мы считаем абсолютно необходимым и спешным, чтобы тов. Ежов был назначен на пост Народного комиссара внутренних дел. Ягода определенно показал себя явно неспособным разоблачить троцкистско-зиновьевский блок. ОГПУ отстает на четыре года в этом деле. Это

замечено всеми партийными работниками и большинством представителей НКВД”.¹⁰³ И этого достаточно для того, чтобы всеильный Ягода, который с 1933 года был вернейшим подручным Сталина, в руках которого был могучий аппарат, пошел на смерть, как овца, как миллионы советских граждан, которых он убивал. Когда Ежов 18 марта 1937 года в клубе НКВД на Лубянке объявил собравшимся высшим офицерам НКВД, что их недавний руководитель был с 1907 года агентом Охранки (Ягоде было в 1907 г. 10 лет), что он был немецким шпионом, а вместе с ним шпионами были его ближайшие сотрудники — никто не моргнул глазом.¹⁰⁴ И чекисты „ягодовского призыва” покорно, как овцы, пошли на смерть. В июле 1938 года Сталин повторяет операцию: назначает заместителем Ежова Берию, а в декабре Берия становится наркомвнутделом и ликвидирует без малейшего сопротивления „ежовский призыв”.

Безумная волна террора как бы еще больше подгоняется кровавыми зрелищами — показательными московскими процессами. Это как бы поплавки-отметки в разбушевавшейся стихии. В августе 1936 года судят Зиновьева, Каменева и 14 „соучастников”. Полтора года назад их осудили за признанную ими „моральную ответственность” в убийстве Кирова. Теперь их судят за убийство Кирова, а кроме того за подготовку убийства Сталина, за шпионаж в пользу иностранных разведок и т. п. В январе 1937 году судят Л. Пятакова, К. Радека и 15 сообщников, ассортимент обвинений остается в основном тем же. 13 июня 1937 *Правда* опубликовала приказ наркома обороны Ворошилова, в котором говорилось об аресте группы высших советских военачальников, о том, что они признались в „предательстве, вредительстве и шпионаже”. В органе ЦК сообщалось, что все арестованные расстреляны по приговору военного суда. В числе расстрелянных были заместитель наркома обороны Тухачевский, командующий Киевским военным округом Якир, Белорусским — Уборевич, заместитель командующего Ленинградским военным округом Примаков, военный атташе СССР в Лондоне — Путна, комкоры Эйдеман и Фельдман, командарм Корк. В числе предателей назвали и заместителя наркома обороны, начальника ПУРа Гамарника, о котором было сказано, что он застрелился.

„Чулок” потянулся и в армии. Красная армия была обезглавлена. Были уничтожены лучшие высшие командиры. В 1932 году Суварин спросил Бабеля: Есть ли возможности каких-либо изменений в Советском Союзе? Бабель ответил одним словом: Война. — А в случае войны, кто возглавил бы армию? И Бабель, отлично знавший высший командный состав, ответил без колебания: Путна.¹⁰⁵ Витовт Путна,

служивший до революции вместе с Тухачевским в гвардейском Семеновском полку, был уничтожен в первую очередь. „С мая 1937 по сентябрь 1938 г. подверглись репрессиям около половины командиров полков, почти все командиры бригад, все командиры корпусов и командующие военными округами, члены военных советов и начальники политических управлений округов, большинство политработников корпусов, дивизий и бригад, около трети комиссаров полков, многие преподаватели военных учебных заведений”.¹⁰⁶ Потери армии были, в действительности, значительно больше; в войну она вступила неподготовленной, без обученного командного состава.

Побочным эффектом террора была новая волна „невозвращенцев”. Один из них, Вальтер Кривицкий, успел до того, как его убили советские агенты, рассказать о некоторых сталинских секретах. В том числе он сообщил, как по заданию Сталина НКВД в сотрудничестве с гестапо подделал документы, ставшие „основанием” для ареста и казни Тухачевского с товарищами. После войны сотрудник гестапо Альфред Науекс, непосредственно руководивший подделкой документов, подтвердил точность сведений Кривицкого. С тем лишь, что Науекс полагал, будто идея подделки документов родилась в голове у шефа гестаповской службы безопасности (СД) Гейдриха, верившего, что „если дело удастся, это будет для России величайшая катастрофа после революции”.¹⁰⁷ Ни Гейдрих, ни Гитлер, разрешивший операцию, не знали, что задумал ее Сталин. Сталин, лично руководивший всеми деталями „чистки”. На Двадцать втором съезде КПСС было раскрыто, что никакого суда над руководителями Красной армии не было. Решение об из казни было принято Политбюро. А потом газеты напечатали состав военного суда и приговор.

Руководство Сталина состояло в подписывании списков на арест и казни десятков тысяч ответственных партийных, советских, хозяйственных работников. Он непосредственно руководил допросами, вписывая или вычеркивая показания, какие обвиняемый должен был давать, вписывая или вычеркивая имена, какие он должен был упоминать. „Невозвращенец” Александр Орлов, руководивший деятельностью НКВД в Испании,¹⁰⁸ а во время подготовки первого московского процесса занимавший ответственный пост в наркомате, свидетельствует, что Сталин собственноручно вычеркнул имя Молотова из списка „любимых вождей нашей партии”, против которых обвиняемые „подняли оружие”. В число „любимых вождей” входили: Сталин, Орджоникидзе, Ворошилов, Каганович, Косиор, Постышев и Жданов.¹⁰⁹ И не было Молотова. „Шесть недель Сталин держал Молотова между жизнью и смертью и, наконец, помиловал”.¹¹⁰ То есть, в показания арестованных, подготавливаемых к очередному

процессу велел включить „любимого вождя” Молотова. Сталин лично настаивал на применении пыток. Александр Орлов вспоминает о своем разговоре с чекистом Мироновым, ближайшим помощником Ягоды, руководившим подготовкой первого московского процесса. Когда Миронов, явившись к Сталину, доложил, что Каменев не хочет признаваться в несодеянных преступлениях, Вождь спросил чекиста: сколько весит наше государство, вместе с заводами, фабриками, станками, армией и флотом? Недоумевающий Миронов ответил, что не знает. Сталин настаивал. Миронов ответил, что вес государства выражается, наверное, в астрономических цифрах. „Так вот, — попытожил Вождь, — может ли Каменев или кто-либо другой выдержать такую астрономическую тяжесть? Не являйтесь ко мне без признания Каменева в портфеле”.¹¹¹

Точное число жертв периода „большого террора” вряд ли будет когда-либо известно. Роберт Конквест, проанализировав все доступные на 1971 год (год второго издания книги) данные, приходит к „в высшей степени осторожной оценке”. Английский историк полагает, что на январь 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось около 5 миллионов человек. Между январем 1937 года и декабрем 1938 было арестовано около 7 миллионов. В это число Конквест не включает „обычных уголовников”, считая, что их „нельзя рассматривать как жертв сталинского террора”. Я думаю, что это неверно: среди уголовников было большое число детей „жертв сталинского террора”. Историк подсчитал, что в период „ежовщины” (январь 1937 — декабрь 1938) было расстреляно около 1 миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек.¹¹² Александр Солженицын приводит и другую цифру: 170000 расстрелянных к 1 января 1939.¹¹³ Роберт Конквест в *Большом терроре* пишет о том, что только на Колыме до 1950 года погибло не менее 2 миллионов заключенных. В своей новой книге *Колыма* он использует беспристрастный и объективный источник — „Регистр” Ллойда, в котором застрахованы были все корабли, возившие заключенных на Колыму, и приходит к выводу, что на Колыме погибло не менее 3 миллионов заключенных. Английский историк добавляет, что с 1938 года на Колыме всегда было по крайней мере вдвое больше заключенных, чем во всех тюрьмах в царской России в 1912 году (самая высокая цифра в истории России — 183 949 человек), а в одном только лагере на Серпантинке было в 1938 году расстреляно больше заключенных, чем за последние сто лет царского строя.¹¹⁴ А. Солженицын писал о чудовищной невообразимости размеров социалистической лагерной империи: эски преувеличивали число заключенных, называя цифры в 20-30 миллионов, „когда на самом

деле сидело всего лишь 12-15 миллионов человек”.

Первое социалистическое тоталитарное государство построено. В этом государстве создана лагерная империя, какой не знала история человечества. Гитлер обижался, что его упрекают за концентрационные лагеря: „Если бы у меня была необъятная Сибирь, я не нуждался бы в концлагерях...”¹¹⁵ Сталин использует для своих лагерей всю территорию Советского Союза и по числу заключенных оставляет Гитлера позади. Лагерная империя, „архипелаг ГУЛаг”, как назовет ее Солженицын, выполняет важную экономическую и психологическую воспитательную роль. Население страны, в которой число заключенных исчисляется миллионами, не может не ощущать ежедневного, ежеминутного давления, ломающего психику людей.

Чудовищный террор „ежовщины” был очередным шоком, который потряс страну, завершил ликвидацию всех тех, кто мог проявить инициативу, кто сохранял еще веру в моральные ценности, кто еще верил в революцию, кто верил во что либо, кроме Сталина. Террор нанес неисчислимый урон стране. Но Сталин построил социализм и построил партию, о которой он мечтал: партию — „орден меченосцев”. Партия эта была осуществлением мечты Ленина о партиармии, партии нового типа. 3 марта 1937 года Сталин говорит о „руководящих кадрах нашей партии”: 3-4 тысячи — высший командный состав, 30-40 тысяч — офицерский состав, 100-150 тысяч — унтер-офицерский состав. Все остальные — рядовой состав, серая скотина.

Верховный главнокомандующий и Верховный жрец — Сталин. Власть его безгранична. Когда в 1937 году польский поэт Антони Слонимский, любитель пошутить, опубликовал в варшавской литературной газете „корреспонденцию из Москвы” о короновании Сталина, нашлось немало читателей, поверивших в это сообщение. И можно не сомневаться, что если бы Сталин захотел короноваться, он мог бы это без труда сделать, став первым социалистическим монархом. Партия была готова принять от него все. Хрущев, входивший в 1937 году в число партийных генералов, рассказывает, что, когда Сталин показал ему (и другим руководителям) показания Тухачевского, Якира и других, он не усомнился даже в показаниях своего близкого друга, который „признавался”, что убил во время гражданской войны своего командира — Николая Щорса, чтобы занять его место.¹¹⁶ За несколько часов до самоубийства А. Фадеев, не перестававший верить в Сталина, горевал: сколько писателей „было уничтожено вражескими руками Ежова и Берии...”¹¹⁷ О людях, которых Сталин подбирал в руководство коммунистической партии, а тем самым страны, можно бы сказать словами А. Кестлера:

„они верили во все, что могли доказать и могли доказать все, во что они верили”. Кестлер не добавил лишь, что для „доказательства” им достаточно и фальшивки.

Сталин твердо держит в руках машину террора. Антони Иден, большой поклонник Сталина, рассказывал, что в декабре 1941 года Сталин, во время разговора, вдруг заметил, что Гитлер проявил себя исключительным гением. Он сумел в невероятно короткий срок превратить разоренный и разделенный народ в мировую державу. Он сумел привести немецкий народ в такое состояние, что тот беспрекословно подчиняется его воле. Но, — добавил Сталин, — „Гитлер показал, что у него есть фатальный недостаток. Он не знает, когда нужно остановиться”. Иден рассказывает, что в этот момент он не мог удержаться от улыбки. Сталин, который говорил очень серьезно, сначала как бы обиделся и спросил, что в его словах смешного. Но прежде чем Иден ответил, Сталин сам ответил на свой вопрос: „Я понял, почему вы улыбнулись, мистер Иден. Вы спрашиваете себя, а я сам могу ли остановиться. Ну, что ж, могу вас заверить, что я всегда смогу остановиться”.¹¹⁸

В 1938 году Сталин показал, что он может остановиться и может остановить машину, которая, казалось, летела в пропасть. В июле Ежов был назначен наркомом водного транспорта (шутка Сталина!), а в декабре Берия взял в свои руки НКВД. Приход Берии должен был означать „отступление”, очередную „либерализацию”. Но даже Н. Хрущев признает, что „террор отнюдь не прекратился — он стал тоньше и разборчивей”.¹¹⁹

Наиболее характерной чертой социалистического тоталитарного государства было отрицание существования террора. В 1918 году молодая советская власть провозгласила миру и стране красный террор. Крестьянский геноцид шел под слегка уже завуалированным, но достаточно ясным лозунгом: ликвидация кулака как класса. Массовый террор второй половины 30-х годов шел под лозунгом расширения демократии. Газеты сообщали о процессах, о наличии врагов, которых то и дело раскрывали. Сталин на Восемнадцатом съезде даже обнаружил прямую связь между казнями врагов и расширением демократии, за которую народ не перестает благодарить советскую власть: „В 1937 г. были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали советской власти 98,6% всех участвовавших в голосовании. В начале 1938 г. были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги... Выборы дали советской власти 99,4% всех участвовавших в голосовании...” Но все эти казни врагов, аресты врагов, не касались

(по мысли Сталина) народа, жившего уже при социализме, счастливого, довольного советской властью.

Завершение строительства социализма было завершением строительства общества, которое принимало слова Вождя за реальность и отвергало реальность, живя в ней.

Широкую популярность приобретает в 1937 году французская песенка „Все хорошо, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...” Написанная во Франции в 1935 году, она с невиданной быстротой попадает в Советский Союз. Власти полагают, видимо, что она нецело отражает положение в стране социализма. Вторым советским гимном становится „Песня о Родине”, в которой особенно актуально звучали слова: „Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек”.

4. На путях к войне

Международное положение во второй половине 30-х годов определялось появлением государств, не скрывавших агрессивных намерений по отношению к соседям. Фашистская Италия нападает в 1935 на Абиссинию, Германия в 1936 захватывает демилитаризованную Рейнскую область, формально похоронив Версальский договор, Япония захватывает Манчжурию, создает там марионеточное государство Манчжоу-го, начинает войну с Китаем.

Сталин руководит советской внешней политикой, оставаясь в тени, очень редко давая интервью иностранным журналистам, не встречаясь с иностранными дипломатами. Вкус к таким встречам он приобретет через несколько лет. „Сталин не занимает никаких правительственных постов, — объяснял, посмеиваясь, наркоминдел Литвинов английскому послу, желавшему встретиться с генеральным секретарем, — он встречаться с иностранцами не любит, поручает это мне”.¹²⁰ Генеральный секретарь делает исключения лишь для первого американского посла Уильяма Буллита и для сменившего его Джозефа Девиса. Сталинские идеи в области внешней политики не были сложными. Советская печать в 1941 году необычайно возмущалась словами сенатора Гарри Трумена, заявившего, что следует подождать, кто будет побеждать в войне — Германия или Англия с Францией, а потом поддержать победителя. Гарри Трумен, не подозревая об этом, повторил мысль Сталина, высказанную им еще в 1925 году, но опубликованную впервые в 1947: „... Если война начнется, то нам не придется сидеть сложа руки, — нам придется выступить, но выступить последними. И мы выступим для того, чтобы бросить решающую гирию на чашку весов, гирию, которая могла бы перевесить”.¹²¹

Два важнейших объекта советской внешней политики: Германия и Япония. В отношениях с Японией Советский Союз стремится с одной стороны разрешить спорные проблемы мирным путем — в 1935 году КВЖД, предмет конфликтов, была продана Манчжоу-го, с другой стороны — втянуть Японию в войну с Китаем. Сталин надеялся, что новый президент США Рузвельт поведет более активную политику против японской агрессии в Китае, но быстро разочаровался.

Отношения с Германией Сталин хотел строить на основах сотрудничества, как это было до прихода Гитлера к власти. Идеологические разногласия не казались ему препятствием. „Если он не принимает всерьез большевизма, — писал Борис Суварин 7 мая 1939, предупреждая, единственный в мировой печати, о возможности соглашения Сталин—Гитлер, — то почему он должен принимать всерьез нацизм или фашизм“.¹²² Главное сегодня — сила. Германия — самая сильная страна в мире, — говорил в 1936 году Ежов Кривицкому, передавая слова Сталина „мы должны прийти к соглашению с могучей державой, какой является нацистская Германия“.¹²³

Политика по отношению к Германии ведется по двум каналам. Открытый канал: вступление 19 сентября 1934 года в Лигу наций, презренное еще совсем недавно „сборище разбойников“, подписание 2 мая 1935 советско-французского договора, политика „народного фронта“, проводимая коммунистическими партиями. Сталин, однако, не любит демократий, не верит в их силу. Седьмой (и последний) конгресс Коминтерна, собравшийся в августе 1935 года в Москве, принял резолюцию, в которой утверждалось, что „главным противоречием в империалистическом лагере является англо-американский антагонизм“.¹²⁴ Демократические страны представлялись раздираемыми внутренними противоречиями, которые предлагалось компартиям разжигать. Компартии всех капиталистических стран получили директиву бороться против военных расходов, против „милитаризации молодежи“. Исключение делалось для Франции, ставшей союзницей СССР.

О разном отношении к двум главным объектам советской политики свидетельствуют две разные директивы: китайским коммунистам было предложено вести борьбу с японским агрессором всеми средствами, германским коммунистам было предложено вступать в нацистские организации, например в Рабочий фронт, и бороться за повышение зарплаты, улучшение положения трудящихся.

Открытый канал советской внешней политики представлял наркоминдел Литвинов, звавший к „коллективной безопасности“, к сопротивлению агрессорам. Председатель Совнаркома Молотов, близкий сотрудник Сталина, выступая в 1935 году с речью, по-

священной внешней политике, главное внимание уделил советско-германским отношениям. Документы германского министерства иностранных дел, опубликованные в 50-е годы в Лондоне, позволяют утверждать, что секретные переговоры между представителями Сталина и гитлеровским правительством начались в 1933 году. Евгений Гнедин, бывший советник советского посольства в Берлине, затем журналист-международник и заведующий отделом печати НКВД, считает, что представителем Сталина, которого немецкий посол в Москве фон Твардовский называет в своих донесениях „наш советский друг”,¹²⁵ был Карл Радек. Немецкий дипломат Густав Хильгер, работавший в Москве со времен Октябрьской революции, говоря о 1934—35 годах, пишет: „Мы замечали у многих советских лидеров глубокую и неизменную ностальгию о былых днях германо-советского сотрудничества”.¹²⁶ Летом 1935 года советский торгпред в Берлине Канделаки начал по поручению Сталина зондировать почву о возможностях советско-германского сотрудничества в ходе переговоров с германским министром экономики Шахтом. В мае 1936 г. Канделаки беседует с Герингом. В сентябре 1936 года Германия и Япония подписывают Антикоминтерновский пакт. Сталин снова поручает Давиду Канделаки выяснить возможности достижения соглашения с Германией. Кривицкий сообщает, что Сталин заявляет в это время в Политбюро: „В ближайшем будущем соглашение с Германией будет подписано”.¹²⁷ Кривицкий получает приказ свернуть разведывательную работу в Германии. Слова Сталина сбылись лишь через два с половиной года.

18 июля 1936 генерал Франко поднял мятеж в Испании. Только 4 октября Сталин в телеграмме испанским коммунистам выражает поддержку испанской республике. Советский Союз ведет в Испании политику, рассчитанную на умеренную поддержку республиканцев, на умеренное сотрудничество с демократическими странами. Чрезвычайно строго соблюдается „двухэтажность” советской внешней политики: вся помощь Испании идет через Коминтерн, официальная советская дипломатия ведет себя сдержанно. Несмотря на то, что Италия и Германия посылают на помощь Франко регулярные воинские части, Советский Союз ограничивается посылкой советников. Набор добровольцев в Интернациональные бригады производится среди коммунистов и антифашистов во всем мире, но не в Советском Союзе. Чрезвычайно активную деятельность развивают в Испании работники НКВД. Террор распространяется на иностранных коммунистов-интербригадцев, на испанских коммунистов, троцкистов, анархистов. Начиная с 1937 года основным врагом Сталина в Испании являются „троцкисты” и их „пособники”. Ликвидация иностранных

коммунистов, живущих в Советском Союзе, продолжается в Испании. Тот, кто думал уйти от московского террора, отправившись добровольцем в Интернациональные бригады, находил своих палачей в Испании. Сталину не нужна была любая революция, его не интересовало „освобождение рабочего класса” и тому подобные вещи, ему была нужна **его** революция, такая, которая приводила к власти людей, послушных ему „как трупы”.

Террор „мясорубка”, по выражению Хрущева, наносит серьезный ущерб советской внешней политике. Мир, глядя с изумлением на процессы, в которых осуждаются на смерть крупнейшие руководители государства, делает логический вывод о неизлечимой внутренней слабости этого государства. Уничтожение командного состава Красной армии подрывает доверие к ее боеспособности. В числе причин, объясняющих англо-французскую политику „умиротворения”, было неверие в боевые возможности Красной армии.

Изменения, происходившие в Советском Союзе в тридцатые годы, успехи фашистских стран, находят свое отражение среди русских эмигрантов, в русской диаспоре. Прежде всего эмиграция вынуждена признать непреложный факт: надежды на гибель большевистского режима рухнули. На Западе не оказалось охотников на интервенцию, внутри страны сил для свержения режима не оказалось, не погиб он и от внутрипартийных свар и экономической разрухи. Признание этого факта логически влекло за собой у части эмиграции признание Советского Союза – Россией. Идеи сменовеховцев, евразийцев принимают форму движения за „возвращение на родину”. И. Бунаков-Фондаминский, один из основателей и редакторов *Современных записок* и – вместе с Г. Федотовым – редактор *Нового града*, так излагал аргументы „возвращенцев”: иностранная политика национализируется, то есть защищает национальные интересы, армия дисциплинируется, земельные владения укрепляются и в части становятся индивидуальными (эмигранты имели здесь в виду разрешение иметь приусадебный участок), школа реорганизуется и молодежь ставит вопросы о любви к семье и родине. И. Бунаков так резюмировал эти взгляды: „Под красным флагом СССР становится национальной Россией – надо возвращаться на Родину”.¹²⁸ Сам Бунаков утверждал: возвращаться не надо, ибо „обинтеллигентивая народ, большевистская власть неотвратимо готовит себе гибель”. Созрев, разившись, молодежь начнет ставить „еще более важные вопросы – о личности, свободе и Боге. И тогда конфликт с большевистской идеократией станет неизбежным”.¹²⁹ И. Бунаков считал, что нет смысла возвращаться на родину, ибо скоро оттуда начнется новая эмиграция тех, кто захочет „додумать недодуманное, оформить

осознанное и на чужой территории поставить центральную радиостанцию для посылки волн свободной мысли на родину”.

Успехи фашистских держав вызывают противоречивую реакцию среди эмигрантов. Появляется тяга к национал-социалистским или фашистским идеям: корпоративное государство, сильная личность, вражда к демократии, шовинизм, антисемитизм. Но сознание, что гитлеровская Германия представляет собой угрозу России раскалывает эмигрантов на „оборонцев” — тех, кто считает, что в случае войны следует поддерживать Сталина, и на „пораженцев” — тех, кто считает, что свержение советского строя даже с помощью Гитлера является благом.

Зловещую роль играет в политической жизни эмиграции НКВД, достойный наследник ВЧК и ОГПУ. Вальтер Кривицкий вспоминает о разговоре с „Фурмановым, заведующим отделом контрразведки, занимающимся белой эмиграцией”.¹³⁰ В будущей истории эмиграции необходимо отвести немало места Фурманову, его предшественникам и преемникам. Операция „Трест” нанесла жесточайший удар по анархическому крылу эмиграции, по объединению офицеров — Российскому общевоинскому союзу (РОВС). Пронизав все эмигрантские организации, „органы” направляют особое внимание на те из них, которые ведут так называемую „активную” работу, засылая в Советский Союз диверсантов. „Активизм”, который Георгий Федотов называет „безумным геройством слепцов”, приводит к фактическому разгрому РОВСа, к тяжелым потерям, которые несет, созданный на съезде молодежных и студенческих эмигрантских организаций в 1930 году Национальный союз русской молодежи, позднее Национально-трудовой союз русских солидаристов (НТС). В 1930 году в Париже агенты ОГПУ похищают председателя РОВС генерала Кутепова. 35 лет спустя в *Красной звезде* была опубликована статья, припоминавшая заслуги „воспитанника Дзержинского” чекиста С. В. Пузицкого, который „блестяще провел операцию по аресту Кутепова...”¹³¹ В 1937 году в Париже был похищен заменивший Кутепова на посту председателя РОВСа генерал Миллер. Только тогда стало очевидным, что заместитель Кутепова и Миллера прославленный белый генерал Скоблин является агентом НКВД. Скоблин сумел скрыться, но была арестована его жена знаменитая исполнительница русских народных песен Надежда Плевацкая, умершая во французской тюрьме. Много позднее стало известно, что и она служила „органам”. Московский театральный деятель вспоминает, что в середине 20-х годов певица стала проситься через своего старого антрепренера домой, но когда антрепренер явился к Дзержинскому, тот не разрешил Плевацкой покинуть поста:

„Дзержинский знал-то, — пишет мемуарист, — чего не знал антрепренер...”¹³² И Плевицкая продолжала терзать измученные тоской эмигрантские души своей песней „Занесло тебя снегом, Россия...”

„Мясорубка” второй половины 30-х годов заставила эмигрантов еще раз „уточнить” свое отношение к родине. Углубляется раскол между теми, кто вопрос о Родине, о России рассматривает в плане моральном, и теми, кто его рассматривает в плане политическом. Г. Федотов пишет: „... Никогда нельзя простить того глубокого и страшного искажения народной души, какое ведет за собой /больше-вистский/ режим. В большей степени, чем проповедь материализма и безбожия, чем сознательное разрушение семьи, эта деморализация связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновением политического сыска в самые недра народной жизни. Нужно лгать, чтобы жить, соучаствовать в предательстве, чтобы сохранить кусок хлеба”.¹³³ Среди тех, кто „мыслит политически”, есть группировки, прежде всего правые, которые одобрительно относятся к сталинскому террору, избавляющему страну от коммунистов и евреев. „Возвращенцы” видят в успехах советского строительства свидетельство возрождения России, в терроре — необходимую борьбу с врагом. „Союз возвращения”, действующий под высоким покровительством советского посольства в Париже, привлекает немало эмигрантской молодежи. Железный занавес отгородил эмиграцию от Советского Союза в 1929—30 гг. наглухо. Почти совсем прекратились выезды за границу из СССР, то есть и встречи с эмигрантами, газеты и журналы перестали публиковать, как было раньше, критические статьи об эмигрантских писателях. В 20-е годы такие статьи печатались, и хотя в них эмигрировавшие писатели „разоблачались”, как реакционеры, и доказывалось, что, покинув родину, они потеряли талант, читатели могли хотя бы почерпнуть информацию о существовании литературы на чужбине. С начала 30-х годов эмиграции как бы не существовало. Так, лишь после смерти Сталина стали доходить в Советский Союз слухи о писателе Набокове. В 1929 году Вера Инбер, прощаясь с Парижем перед отъездом домой, писала другу: „Через год ли, два ли, или через век свидимся едва ли, милый человек. По различным тропкам нас судьба ведет: ты — продукт Европы, я — наоборот”. Молодые эмигранты стремившиеся в „Союз возвращения” хотели быть „наоборот”. Но их сразу же предупреждали: возвращение на родину необходимо заслужить. Одним предлагали поехать сражаться в Испанию, другим давали иные задания. Активный деятель „возвращенческого движения” Сергей Эфрон, муж Марины Цветаевой, направляет своего знакомого в Испанию „к товарищу Орлову”,¹³⁴ который оказывается главным

представителем НКВД в Испании. Когда Игнатий Райс, видный советский разведчик, порывает в 1937 году „со Сталиным и сталинизмом” („Назад к Ленину, его учению и делу”, пишет он в письме генеральному секретарю), в Париж приходит приказ ликвидировать предателя. Сергей Ефрон и несколько кандидатов на „возвращенцев” выполняют приказ: изрешеченное пулями тело Райса находят возле Лозанны. Ефрон „возвращается” на родину, где его ждут тюрьма и смерть.¹³⁵

В 1938–39 годах эмиграция выбирает между Сталиным и Гитлером. Большая её часть выбирает Сталина: и потому, что он воплощает Россию, и потому, что Гитлер кажется хуже. Но те, кто выбирают Гитлера, после его поражения в войне обнаруживают родство двух тоталитаризмов и перебегают из гитлеровского в коммунистический лагерь без колебания. Часть из них возвращается в Москву, где находят теплый прием. Фюрер Российской фашистской партии Константин Родзаевский, сдавшийся в 1945 году советским властям в Харбине, с безграничной наивностью покаялся в письме Сталину: „Ложный принцип „освобождения Родины от еврейского коммунизма любой ценой” предопределил мою роковую ошибку – неправильную генеральную линию РФП во время германо-советской войны... Я выпустил обращение к Неизвестному Вождю, в котором призывал сильные элементы внутри СССР для спасения миллионов русских жизней выдвинуть какого-нибудь командира X, „Неизвестного Вождя”, способного свергнуть „еврейскую власть” и создать Новую Россию. Я не замечал, что таким Неизвестным Вождем волею судьбы, своего гения и миллионов трудящихся масс становится вождь народов, товарищ И. В. Сталин”.¹³⁶

Историки не перестанут гадать, чьей „волей” стал Сталин „вождем народов”. Но все согласны с тем, что в конце 30-х годов строительство социализма в Советском Союзе было завершено.

В феврале 1938 года в Москве состоялся третий и последний „большой процесс”, завершавший период „ежовщины”. Это был самый знаменитый из процессов, ибо судили „любимца партии” Бухарина, последнего из ленинских соратников, судили и Ягоду, верного сталинского палача, знавшего слишком много секретов. Третий московский процесс завершал период строительства социализма. Публикация в сентябре 1938 года *Истории всесоюзной коммунистической партии (большевиков)*. *Краткий курс* начинала новую эпоху.

Социалистическое тоталитарное государство получило свою библию.

Было завершено создание общества, в котором человек целиком — тотально — зависел от государства: государство давало ему пищу телесную и пищу духовную. И нигде больше не смел он получать ни телесной, ни духовной пищи. Даже память была отобрана у него. История стала важнейшим орудием обезчеловечения человека.

В декабре 1938 года Берия заменил на посту наркома внутренних дел Ежова. Это был сигнал: очередной шок подходил к концу. „Либерал” пришел на смену кровавому палачу. Начиналась спокойная жизнь. Страна на всех парах шла к войне.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

1. А. М. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 27, стр. 333.

Глава 1: Кануны

1. Edmond Thery, *La transformation de la Russie*. Paris, 1914, p. XIII.
2. С. Н. Прокопович, *Народное хозяйство СССР*. Нью-Йорк, 1952, т. 1, стр. 318.
3. Н. А. Базили, *Россия под советской властью*. Париж, 1937, стр. 10.
4. *История СССР. Эпоха социализма*. Москва, 1975, стр. 16.
5. Л. М. Спириин, *Классы и партии в гражданской войне в России*. Москва, 1968, стр. 36.
6. Norman Stone, *The Eastern Front 1914–1917*. London, 1975, p. 18.
7. Edmond Thery, *op. cit.*, p. XII.
8. *Ibid.*, p. XIX.
По подсчетам советских историков численность населения в России в 1917 г. – в границах 1914 г. – составляла 179 041,1 тысяч человек. См. Ю. А. Поляков, И. Н. Киселев, *Население России в 1917 г.* В: *Вопросы истории*, 1980, №6.
9. В. В. Шульгин, *Дни*. Белград, 1925, стр. 59.
10. Thery, *op. cit.*, p. XVI.
11. Basile Kerblay, *La Société soviétique contemporaine*. Paris, 1977, p. 146.
12. *The Times Book of Russia*. Paris, 1917, p. 266.
13. L. Trotsky, *The History of the Russian Revolution*. London, 1967, vol. I, p. 64.
14. В. Д. Набоков писал в 1914 году в газете *Речь*: „Можно смело сказать: еще 10–15 лет тому назад такой процесс был бы невозможен”. Для

- депутата Думы от кадетской партии процесс Бейлиса был нарушением норм судопроизводства, недопустимым после судебных реформ 60-х годов 19-го века. Пройдет менее 10 лет после статьи Набокова и процесс Бейлиса покажется образцом юстиции.
15. В. Н. Коковцев, *Из моего прошлого*. Париж, 1933, том 2, стр. 355.
 16. *Былое*, 1922, №19, стр. 101–176.
 17. *Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–14 годы*. Москва, 1922, стр. 698.
 18. Там же, стр. 700 и сл.
 19. А. Л. Сидоров, *Экономическое положение России в годы первой мировой войны*. Москва, 1973, стр. 5-6.
 20. Л. Маевский, *Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны*. Москва, 1957, стр. 63.
 21. Шульгин, указ. соч., стр. 63.
 22. Там же, стр. 85.
 23. Там же, стр. 96. М. М. Бок в *Воспоминаниях о моем отце П. А. Столыпине* (Нью-Йорк, 1953) пишет, что Николай II произнес эту фразу в разговоре со своим премьер-министром, стр. 331.
 24. Сидоров, указ. соч., стр. 350.
 25. Stone, op. cit., p. 208-211.
 26. Шульгин, указ. соч., стр. 101.
 27. А. Блок, *Последние дни императорской власти*. Петербург, 1921, стр. 8.
 28. Спирин, указ. соч., стр. 38.
 29. William G. Rosenberg, *Liberals in the Russian Revolution. The Constitutional Democratic Party, 1917–1921*. Princeton, 1974, p. 18.
 30. *Пролетарская революция*, 1928, №4, стр. 67.
 31. Ц. Зеликсон-Бобровская, *Записки рядового подпольщика*. Москва, 1924, стр. 126.
 32. В январе 1913 года Ленин пишет Горькому: „Малиновский, Петровский, Бадаев шлют вам горячий привет. Парни хорошие. Особенно первый”. *Полное собрание сочинений*, т. 48, стр. 140.
 33. А. Шляпников, *Семнадцатый год*. ГИЗ, 1925, часть 3, стр. 187.
 34. Цит. по М. Алданов, *Современники*. Париж, 1928, стр. 244.
 35. А. Спиридович, стр. 229.
 36. А. Е. Бадаев, *Большевики в Государственной Думе*. Москва, 1930, стр. 228-229.
 37. *Большевики*. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывшего Московского Охранного Отделения. К печати подготовил и предисловием снабдил М. А. Цявловский. Москва, 1918, стр. XV.
 38. Блок, указ. соч., стр. 21.
 39. А. М. Анфимов, *Российская деревня в годы первой мировой войны*. Москва, 1962, стр. 290.
 40. Stone, op. cit., p. 298-299.
 41. Блок, указ. соч., стр. 28.
 42. Цит. по Н. А. Базили, указ. соч., стр. 35.
 43. Шляпников, указ. соч., книга 1, стр. 40.

44. Блок, указ. соч., стр. 45-46.
45. Там же, стр. 63, 64.
46. Н. Суханов, *Записки о революции*. 7 томов. Берлин, 1920, т. 3, стр. 48.
47. В. Каюров, *Шесть дней революции*. В: *Пролетарская революция*, 1923, №1, стр. 157-170.
48. Шульгин, указ. соч., стр. 150.
49. Шляпников, указ. соч., книга 1, стр. 119.
50. *Октябрьское вооруженное восстание*. Москва, 1957, т. 1, стр. 65.
51. В. И. Ленин, т. 31, стр. 20. Первое „Письмо издалека”, 8 марта 1917 г.
52. Ленин, т. 35, стр. 297-299.
53. Шляпников, указ. соч., книга 2, стр. 183-184.
54. Влад. Бонч-Бруевич, *На боевых постах Февральской и Октябрьской революции*. Москва, 1931, стр. 21.
55. Ленин, т. 24, стр. 199.
56. Г. В. Плеханов, *Год на родине*. Париж, 1921, т. 1, стр. 180.
57. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 23-24.
58. Суханов, указ. соч., т. 3, стр. 57.
59. M. Ferro, *La revolution de 1917*. Paris, 1967, vol. 1, pp. 174-190.
60. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 2, статья „ВКП (б)”, стр. 176.
61. Шляпников, указ. соч., книга 3, стр. 107.
62. М. Горький, *Заметки из дневника*. Воспоминания. Берлин, 1924, стр. 198.
63. Троцкий вспоминает, что через несколько дней после прихода к власти Ленин „в комическом отчаянии” жаловался на еще существовавшую свободную печать, склонявшую на все лады большевистский лозунг „грабь награбленное”. Но кто произнес эти слова? – с деланным удивлением спросил Троцкий. – Это выдумка? – „Нет, – возразил Ленин. – Я действительно однажды сказал „грабь награбленное”, но затем сразу же забыл”. А буржуазная печать – помнила. Да и народ ни один другой лозунг Ленина не принял с такой охотой. См. Leon Trotsky, *Lenin*, Paris, 1925, p. 117.
64. *История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс*. Госполитиздат, 1950, стр. 186.
65. *История Коммунистической партии Советского Союза*. Госполитиздат, 1959, стр. 218.
66. Г. Зиновьев, *Н. Ленин. Владимир Ильич Ульянов*. Изд. Петроградского совета, 1917, стр. 56.
67. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 77.
68. Л. Троцкий, *Моя жизнь*. Берлин, 1930, ч. 2, стр. 34.
69. Ленин, т. 25, стр. 148.
70. Там же, стр. 160.
71. Там же, стр. 196.
72. Там же, т. 35, стр. 260.
73. М. Алданов, *Картины октябрьской революции*. В: *Последние новости*, 7.9.1935.

74. Шляпников, указ. соч., книга 1, стр. 50.
75. Там же, стр. 116.
76. Алданов, указ. соч.
77. Богатый фабрикант Н. П. Шмидт, член партии большевиков, умерший в 1905 году, оставил наследство сестрам. На старшей сестре, выполняя поручение партии, женился большевик В. Таратута, передавший деньги в партийную кассу. На младшей сестре тоже женился большевик. „Тифлисское мокрое дело” – нападение на кассира государственного банка, организованное Сталиным и осуществленное Камо, принесло большевистской кассе 250 тысяч рублей. Правда, деньги были в крупных купюрах и большевики с трудом могли их реализовать за границей.
78. W. S. Woytinsky, *Stormy Passage. A Personal History through Two Revolutions to Democracy and Freedom*. New York, 1969, pp. 347-349.
79. W. H. Chamberlin, *The Russian Revolution 1917–1921*. New York, 1935, vol. 1, p. 236.
80. Ленин, т. 25, стр. 305-310.
81. Американский журналист Гаррисон Солсбери полагает, что Ленин в этот период находился в состоянии возбуждения, свойственного людям, страдающим маниакально-депрессивным психозом. Такое состояние описал в книге *Встречи с Лениным* Н. Валентинов, часто видевшийся с будущим вождем революции в Швейцарии в 1904 году.
82. *История ВКП (б)*, стр. 196.
83. *Всесоюзное совещание историков*. Москва, 1964, стр. 281.
84. Ленин, т. 26, стр. 69-84.
85. *Пролетарская революция*, 1922, №10.
86. Pierre Pascal, *Mon journal de Russie, 1916–1918*. L'Age d'Homme, 1975, p. 214.
87. Там же, стр. 239. П. Паскаль имеет в виду одного из крупнейших русских промышленников.
88. *Правда*, 6.11.1918.
89. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 136.
90. В июле 1917 года, когда в печати появляются многочисленные статьи о сотрудничестве большевиков с немцами, Ленин обращается за помощью к *Новой жизни*. Он просит их напечатать свое письмо, начинающееся словами: „Позвольте, товарищи, обратиться к вашему гостеприимству...” (т. 25, стр. 160).
91. David Francis, *Russia from the American Embassy*, pp. 177-179.
92. Цит. по Д. Анин, *Революция 1917 года глазами ее руководителей*. Рим, 1971, стр. 455.
93. *Воспоминания о В. И. Ленине*. Т. 2, стр. 449-450.
94. Министр юстиции Временного правительства, „режим” его трудно назвать тираническим.
95. Leon Trotsky, *On Lenin. Notes Towards a Biography*. London 1971, pp. 91-92.
96. Н. И. Подвойский, стр. 449-450.
97. В. И. Ленин, 28 февраля 1921 года.

98. Суханов, указ. соч., т. 7, стр. 257.
99. С. Мельгунов, *Как большевики захватили власть*. Париж, 1953, стр. 158.
100. Л. Троцкий, *Воспоминания об Октябрьской революции*. В: *Пролетарская революция*, 1922, №10, стр. 61-62.
101. В. Чернов – лидер партии социалистов-революционеров.
102. Ан-ский. *Архив русской революции*. Т. 1, стр. 48-49.
103. *Протоколы ЦК РСДРП (б)*, стр. 136.
104. *Правда*, 26.10.1917.
105. Leon Trotsky, *The History of the Russian Revolution*. Ibid., vol. 3, p. 279.
106. См. А. Я. Грунт, *Москва 1917, революция и контрреволюция*. М. 1976.
107. Максимилиан Волошин, *Пути России*. „Эхо”, 1969, стр. 48. Стихотворение написано 29. 4. 1921 года в Симферополе.
108. М. Горький, *Несвоевременные мысли*. В: *Новая жизнь*, 9.1.1918.
109. В. И. Невский, *История РКП*. Москва, 1926, часть 1, стр. 448.
110. Спирин, указ. соч., стр. 59.
111. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 245. Биографы Ленина не обратили должного внимания на то, что о самых серьезных вещах Ленин всегда говорил „смеясь”. Видимо был он очень веселый человек, хотя и со странным чувством юмора.
112. Там же, стр. 243.
113. Там же, стр. 245.
114. Там же, стр. 249.
115. Там же, стр. 189.
116. М. Горький, *Несвоевременные мысли*. В: *Новая жизнь*, 9.1.1918.

Глава 2: Из царства необходимости в царство свободы (1918 – 1920)

1. Николай Бердяев, *Истоки и смысл русского коммунизма*. Париж, 1955, стр. 93.
2. *Протоколы ЦК*, стр. 201.
3. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 254.
4. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 1.
5. *Новая жизнь*, 19.1.1918.
6. Там же, 17.1.1918.
7. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 262.
8. Там же, стр. 296.
9. Там же, стр. 302.
10. *Известия*, 8.12.1917.
11. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 190.
12. Там же, стр. 191-192.
13. Когда начали бастовать рабочие, появились словечки: 'волынки', 'буза'.
14. А. Я. Таиров, *В поисках стиля*. В: *Театр и драматургия*, 1936, №4, стр. 202.
15. Е. Замятин, *Я боюсь*. В: *Лица*. Нью-Йорк, 1955, стр. 186.
16. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*, 1917, №3.
17. Ленин, т. 35, стр. 275.

18. *Новая жизнь*, 21.5.1918.
19. 1920, №3, стр. 91.
20. *Профессиональный вестник*, 1918, №7-8, стр. 7.
21. А. Вольский, *Умственный рабочий*. Нью-Йорк, 1968, стр. 359.
22. Отчет о Чрезвычайном собрании уполномоченных был издан брошюрой в марте 1918 г. А. Солженицын опубликовал ее текст в журнале *Континент* №2. Цитирую по этой публикации, стр. 387.
23. См. *Континент*, №2, стр. 415-416.
24. *Труды I Всероссийского съезда совнархозов*. Москва, 1918, стр. 380.
25. Ленин, *Собрание сочинений*, изд. 2, т. 16, стр. 133-134.
26. Б. Книпович, *Очерки деятельности народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920)*. Москва, 1920, стр. 9.
27. Н. Д. Кондратьев, *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции*. Москва, 1922, стр. 238–245.
28. Ленин, первоначальный вариант статьи „Очередные задачи советской власти”. В: *Коммунист*, 1962, №14, стр. 4.
29. Там же, стр. 13.
30. Ленин, *Собрание сочинений*, изд. 2, т. 24, стр. 569-570.
31. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 36, стр. 529.
32. Там же, т. 37, стр. 137.
33. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 356.
34. Ленин, *Полное собрание сочинений*, т. 27, стр. 150.
35. Там же, т. 24, стр. 441.
36. Там же, т. 24, стр. 423.
37. Там же, т. 25, стр. 212.
38. Там же, т. 36, стр. 200.
39. Бонч-Бруевич, указ. соч., стр. 153.
40. Hermann Rauschning, *Gespräche mit Hitler*. 1940, S. 143.
41. *Хлеб и революция. Прод. политика коммунистической партии и советского правительства в 1917–22 гг.* Москва, 1972, стр. 41. И. Эренбург напишет о „шикарной лестнице пайков, от восьмушки хлеба до бутербродов с икрой”. См. *Хулио Хуренито*. В: *Собр. соч. в 9 томах*. Москва, 1962, т. 1, стр. 175. Ленин, по свидетельству Н. Крупской, с удовольствием читал *Хулио Хуренито*.
42. Ленин, т. 35, стр. 558.
43. Trotsky, Lenin. Op. cit., p. 116.
44. Ibid., p. 117.
45. Ладис (Судрабс), *ЧК в борьбе с контрреволюцией*. Гиз, 1921, стр. 8.
46. В 60-е годы заключенные советских лагерей решили отмечать в этот день память жертв террора и лагерной системы, существующих с первых дней советской власти.
47. П. Мальков, *Записки коменданта московского Кремля*. Москва, 1962, стр. 163. Автор книги с гордостью заявляет, что „собственноручно” застрелил Ф. Каплан.
48. Петерс, *Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции*. В: *Былое*, Париж, 1933, кн. 47, стр. 123.

49. *Еженедельник ВЧК* (Москва), 1918, №1, стр. 11.
50. Лацис (Судрабс), указ. соч., стр. 54.
51. Троцкий, *Как вооружалась революция*. Москва, 1923, т. 1, стр. 216.
52. Троцкий, *Сочинения*, т. 17, ч. 1, стр. 290-291.
53. Троцкий, *Как вооружалась революция*, стр. 232-233.
54. Ленин, т. 50, стр. 143-144.
55. *Еженедельник ВЧК*, №1, стр. 11.
56. Там же.
57. *Из истории ВЧК, 1917–1921*. Москва, 1958, стр. 95.
58. Ленин, т. 35, стр. 358.
59. *Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства*, 1918, №44, стр. 536.
60. Лацис (Судрабс), указ. соч., стр. 56.
61. *Известия*, 19.7.1918.
62. *Декреты советской власти*. Москва, 1968, т. 4, стр. 627.
63. *Стенограмма выступления Ф. Э. Дзержинского на 8-м заседании ВЦИК 17 февраля 1919 г.* В: *Исторический архив*, 1958, №1, стр. 6–11.
64. *Еженедельник ВЧК*, №2, стр. 11.
65. Решение ЦК РКП(б) от 12 декабря 1918 г. по докладу Дзержинского „о злостных статьях о ВЧК, появившихся в печати”.
66. М. Лацис, *Дзержинский и ВЧК*. В сборнике: *Ф. Дзержинский*. Москва, 1931, стр. 173-174.
67. *Красная книга ВЧК*. Под ред. П. Макинциана. Москва, 1920, т. 1, стр. III.
68. Там же, стр. 208.
69. Там же, стр. 210.
70. И. И. Вацетис, *Мятеж левых эсеров*. См. *Прометей*, Москва, 1967, т. 4, стр. 250.
71. *Красная книга ВЧК*, стр. 211.
72. Вацетис, указ. соч., стр. 253.
73. *Красная книга ВЧК*, стр. 231.
74. *Правда*, 8.7.1918.
75. Андрей Белый, *Петербург*. Москва, 1978, стр. 23.
76. *Сборник указов и постановлений Временного Правительства, 1*. Петроград, 1917, стр. 46–49; Декрет 20 марта 1917.
77. И. Сталин, *Сочинения*. Москва, 1947, т. 4, стр. 5.
78. См. С. А. Пионтковский, *Гражданская война в России. Хрестоматия*. Москва, 1925, стр. 344.
79. Цит. по: Иван Кошелівець, *Микола Скрипник*. В: *Сучасність*, 1972, с. 21.
80. Там же, стр. 20.
81. *Декреты советской власти*. Москва 1957, т. 1, стр. 40.
82. И. И. Грошев, О. И. Чеченкина, *Критика буржуазной фальсификации национальной политики КПСС*. Москва, 1974, стр. 89.
83. Richard Pipes, *The Formation of The Soviet Union*. Harvard University Press, 1964, p. 90.
84. *Ibid.*, p. 94.
85. Спирин, указ. соч., стр. 418.

86. А. Ставровский, *Закавказье после Октября*. М.—Л., 1925, стр. 38.
87. Ленин, *Сочинения*, изд. 4, т. 17.
88. Там же, т. 20, стр. 29.
89. С. Гилилов, *В. И. Ленин — организатор советского многонационального государства*. Москва, 1960, стр. 25.
90. Боротьбисты — до 1918 г. левое крыло украинской партии эсеров, захватили затем руководство в партии, впоследствии вошли в РКП.
91. Ленин, *Сочинения*, т. 30, стр. 172.
92. Сталин, *Сочинения*, т. 4, стр. 85—89.
93. Там же, стр. 32.
94. Артем Веселый, *Россия кровью умытая*. Москва, 1970, стр. 73.
95. Одна десятая — 1,093 га.
96. А. А. Гордеев, *История казаков*. Часть 3. Париж, 1970, стр. 271.
97. *Знамя труда*, 16.5.1918.
98. Ф. Попов, *Чехо-словацкий мятеж и самарская учредилка*. Самара, 1939, стр. 44—46.
99. См. напр. *Известия* за 9 апреля, 11 мая, 19 мая о голодных бунтах в Павлов-Посаде, Рыбинске, Звенигороде, Колпино.
100. *Красная книга ВЧК*, стр. 101—115, 123.
101. Троцкий, *Терроризм и коммунизм*. Москва, 1920, стр. 57.
102. Троцкий, *Как вооружалась революция*, т. 1, стр. 123-124.
103. Е. Городецкий, *О записках Н. М. Потапова*. В: *Военно-исторический журнал*, 1968, №1.
104. Stone, op. cit., p. 233.
105. *Петроградская правда*, 21 и 22 апреля 1918.
106. Троцкий, *Как вооружалась революция*, т. 1, стр. 135.
107. Isaak Deutscher, Trotsky. Le Prophet armé. Paris, 1962, p. 565.
108. А. И. Деникин, *Очерки русской смуты*, т. 3, стр. 146.
109. М. В. Фрунзе, *Избранные произведения*. Москва, 1934, стр. 228.
110. Троцкий, *Сочинения*, т. 17, книга 2, стр. 325.
111. Léon Trotsky, Staline. Paris, 1948, p. 449.
112. Sir Robert Bruce Lockhart, *Memoirs of a British Agent*. London, 1952, p. 287.
113. Деникин, т. 5, стр. 146.
114. Там же, стр. 118.
115. Г. К. Гинс, *Сибирь, союзники и Колчак*. В: „*Колчаковщина*”. *Из белых мемуаров*. Ленинград, 1930, стр. 29.
116. Декрет Рабоче-крестьянского правительства Украины от 11 февраля 1919 г. Цит. по: М. Кубанин, *Махновщина*. Ленинград, 1928, стр. 54.
117. В. П. Милютин, *Социализм и сельское хозяйство*. Цит. по: М. Кубанин, указ. соч., стр. 59.
118. *Воспоминания И. И. Вацетиса*. В: *Память. Исторический сборник*, 2. Москва, 1977; Париж, 1979, стр. 69.
119. Архив Троцкого. См. Deutscher, Trotsky. Op. cit., p. 574.
120. Сталин, *Сочинения*, т. 4, стр. 118.
121. Циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) всем ответственным работникам в казачьих войсках. Цит. по: М. Бернштам, *Стороны в гражд-*

- данской войне 1917–1922 гг. В: *Вестник русского христианского движения* (Париж, Нью-Йорк, Москва), 1979, №128, стр. 301.
122. Там же, стр. 317.
 123. См. *Память*, 2, стр. 72.
 124. Ленин, т. 44, стр. 166.
 125. В. Г. Короленко, *Из дневников 1917–1921 гг.* В: *Память*, 2, стр. 392.
 126. Расстрел был произведен по прямому приказу Ленина, в январе направившего Склянскому шифрованную записку, в которой предлагал по занятии Иркутска казнить Колчака, но сообщить, что расстрел был произведен местными властями до вступления Красной армии. См. Ленин, т. 23, стр. 127.
 127. См. *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке Республики*. Москва, 1971; Л. И. Жаров, В. М. Устинов, *Интернациональные части Красной армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР*. Москва, 1960; *Латышские стрелки в борьбе за советскую власть в 1917–1920 гг. Воспоминания и документы*. Рига, 1962.
 128. A. Józwienco, *Misja Marchlewskiego w 1919 roku na tle stosunków polsko-radzieckich*. W: *Z badań nad wpływem i znaczeniem rewolucji rosyjskich 1917 roku*. Wrocław, 1968.
 129. *L'Internationale Communiste*, 15.12.1919.
 130. Владислав Грабский – польский экономист, премьер-министр.
 131. М. Алданов, *Огонь и дым*. Париж, 1922, стр. 39-40.
 132. Троцкий, *Как вооружалась революция*, т. 3, стр. 165.
 133. К. Радек, *О характере войны с белой Польшей*. В: *Правда*, 11 и 12.5.1920.
 134. Н. Е. Какурин, В. А. Меликов, *Война с белополяками*. Москва, 1925, стр. 475.
 135. Norman Davies, *White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War*. London, 1972, p. 105.
 136. Ленин, т. 25, стр. 298.
 137. *Дневник капитана Бернера*. См. Adolf Józwienco, *Polska a „biała” Rosja (od listopada 1918 do kwietnia 1920)*. Wrocław, 1979, str. 235.
 138. Троцкий, *Как вооружалась революция*, т. 2, ч. 2, стр. 166.
 139. L.-O. Frossard, *De Jaurés à Lenine. Notes et Souvenirs d'un militant*. Paris, 1930, p. 137.
 140. Г. В. Кузьмин, *Разгром интервентов и белогвардейцев в 1917–22*. Москва, 1977.
 141. Там же, стр. 357.
 142. С. С. Каменев, *Записки о гражданской войне и военном строительстве*. Москва, 1963, стр. 167.
 143. Английский историк подсчитал, что французский займ Польше – 375 млн. фр. – составлял сумму, которую французская армия в период мировой войны расходовала в течение одного дня. См. Davies, op. cit., p. 92.
 144. К. Радек, *Внешняя политика советской России*. М.–Л. 1923, стр. 61.

145. Davies, op. cit., p. 174.
146. Ibid., p. 169.
147. Maxime Weigand, *Memoires*, II. Paris, 1957, p. 166.
148. Lord D'Abernon, *The Eighteenth Decisive Battle of World History*. London, 1931, p. 8-9, 11.
149. П. Аршинов, *История махновского движения (1918–1921 гг.)*. Берлин, 1925.
150. Кузьмин, указ. соч., стр. 366.
151. *Коммунисты Урала в годы гражданской войны*. Свердловск, 1959, стр. 172.
152. Спирин, указ. соч., стр. 262.
153. Там же.
154. Андрей Платонов, *Чевенгур*. Париж, 1972, стр. 70.
155. И. Я. Трифонов, *Классы и классовая борьба в СССР*, стр. 73.
156. А. И. Хрящева, *Группы и классы в крестьянстве*. Москва, 1924, стр. 62.
157. Трифонов, указ. соч., стр. 54.
158. П. Г. Софинов. *Очерки истории ВЧК*. Москва, 1960, стр. 82.
159. М. И. Калинин, *За эти годы*. Кн. 2. Москва, 1926, стр. 92.
160. Текст письма, неопубликованный на русском языке, приводится Роем Медведевым в его книге *Октябрьская революция и проблема исторической закономерности*, вышедшей на французском языке: Roy Medvedev, *La Révolution d'Octobre était-elle inéluctable*. Paris, 1976, pp. 134–180.
161. Кубанин, указ. соч., стр. 61.
162. Я. А. Яковлев, *О борьбе с бандитизмом*. Доклад на Пятой Всеукраинской партийной конференции в 1920 г. См. Кубанин, указ. соч., стр. 61.
163. Г. Лелевич, *Стрекопытовщина*. Москва, 1923, стр. 36.
164. Б. Чистов, *Чапанное восстание*. Историческая справка в: А. Веселый, *Чапаны*. Куйбышев, 1936.
165. Мусульманских крестьян, воевавших с советской властью с 1918 по 1927 год, называли „басмачи” – разбойники. Сами себя восставшие крестьяне называли беклар харекати – движение свободных людей.
166. А. Веселый, *Россия кровью умытая*, стр. 426.
167. М. Н. Покровский, *Контрреволюция за 4 года*. Москва, 1922, стр. 4.
168. Трифонов, указ. соч., стр. 3-4, 259. Для сравнения, численность белых армий на 1–15 февраля 1919 г.: Южный фронт – 85 тысяч, Восточный – 140 тыс., Западный – 104 тыс., Северный – 12,5 тыс., Северный Кавказ – 7,5 тыс. См. Н. Какурин, *Как сражалась революция*. М.–Л., 1926, т. 2, стр. 137.
169. Из листовки Политуправления Западного фронта. Цит. по: Трифонов, указ. соч., стр. 112.
170. Трифонов, указ. соч., стр. 260.
171. Там же, стр. 265.
172. Там же, стр. 250, 253.
173. Леонидов, *Эсэро-бандитизм в Тамбовской губернии и борьба с ним. В: Революция и война*. Москва, 1922, сборн. 14-15, стр. 168.

174. Трифонов, указ. соч., стр. 215-216.
175. Антоновщина. Сборник статей и воспоминаний. Истпарт. Тамб. губкома, 1923, стр. 24.
176. Ему направляет В. И. Ленин записку с предложением использовать „бронепоезда, броневики, аэропланы” для борьбы с повстанцами. Ленин, т. 35, стр. 404.
177. Об использовании провокации для проникновения в штаб Антонова рассказывает Д. Смирнов в *Записках чекиста*. Минск, 1972.
178. Антоновщина, стр. 45-46.
179. См. Трифонов, указ. соч., стр. 219, 212, 94. Советский историк использовал редко доступные партийные архивы. В Сибири, по приказу Сибирского ревкома от 12 февраля 1921 года, ответственность за сохранение железнодорожного пути было возложено на окрестное население, из которого брались заложники. При повторном налете на железную дорогу заложники подлежали расстрелу без суда, а их имущество конфисковалось.
180. М. Тухачевский. В: *Война и революция*, 1926, №7, стр. 16.
181. *Из истории ВЧК. Сборник документов*. Москва, 1957, стр. 437.
182. Ленин, т. 40, стр. 278.
183. См. Г. В. Шарапов, *Разрешение аграрного вопроса в России после победы Октябрьской революции*. Москва, 1961, стр. 165.
184. См. Трифонов, указ. соч., стр. 96-97, 98, 110.
185. Кубанин, указ. соч., стр. 63.
186. Нестор Махно, *Под ударами контрреволюции*. Кн. 2. Париж, 1936, стр. 126.
187. Там же, стр. 125.
188. Ф. Дан, *Два года скитаний (1919–1921)*. Берлин, 1922, стр. 122.
189. *Правда*, 22.1.1921.
190. Дан, указ. соч., стр. 107.
191. *Правда о Кронштадте*. Прага, 1921, стр. 9.
192. Там же, стр. 13.
193. Троцкий, *Сочинения*, т. 14, кн. 2, стр. 518.
194. *Правда о Кронштадте*, стр. 23.
195. Ю. А. Щетников, *Сорванный заговор*. Москва, 1978, стр. 93.
196. *Красный меч*, №1, 18.8.1919.
197. Paul Avrich, *La tragédie de Cronstad*, 1921. Paris, 1975, p. 206.
198. Щетников, указ. соч., стр. 102.

Глава 3: Поиски генеральной линии

1. *Историк-марксист*, 1940, №11, стр. 12.
2. С. И. Якубовская, *Объединительное движение за образование СССР (1917–1922)*. Москва, 1947, стр. 99.
3. Ф. Махарадзе, *Советы и борьба за советскую власть в Грузии (1917–1921)*. Тифлис, 1928, стр. 223.
4. Архив Троцкого. См. Pipes, op. cit., p. 236.

5. Ной Жордания, *Моя жизнь*. Станфорд, Калифорния, 1968, стр. 109.
6. Г. Жвания, *В. И. Ленин и партийная организация Грузии в период борьбы за советскую власть*. В: *Заря Востока* (Тифлис), 21.4.1961.
7. Ной Жордания, указ. соч., стр. 111.
8. Ленин, т. 26, стр. 187-188.
9. Там же, стр. 192.
10. Заявление наркома по продовольствию А. Д. Цюрупы. *Правда*, 30.4.1925.
11. Пионтковский, указ. соч., стр. 456.
12. Ленин, т. 44, стр. 207.
13. Ю. Ларин, *Производственная пропаганда и советское хозяйство на рубеже 4-го года*. Доклад на съезде политпросветов, 4.11.1920.
14. Троцкий, Речь на Третьем Всероссийском съезде профсоюзов, 9.4.1920.
15. Там же.
16. Там же.
17. *Правда*, 30.8.1922.
18. Ю. А. Поляков, *1921: Победа над голодом*. Москва, 1975, стр. 14, 19-20.
19. Мих. Осоргин, *Времена*. Париж, 1955, стр. 159.
20. *Последние новости*, 19.4.1930.
21. *Красная газета*, 10.8.1921.
22. А. Беляков, *Юность вождя*. Москва, 1960, стр. 82.
23. *Ленинский сборник*, XXXVI, стр. 287.
24. Е. Кускова, *Месяц соглашательства*. В: *Воля России*, 1928, № 3 – 5.
25. Ленин, т. 52, стр. 80 – телеграмма 24.2.1921.
26. Там же, стр. 322-3 – телеграмма 4 мая.
27. *Ленинский сборник*, XX, стр. 274 – 12.7.1921.
28. Кускова, указ. соч.
29. *Правда*, 25.5.1922.
30. См. С. Н. Прокопович, *Народное хозяйство СССР*, т. 1, стр. 59.
31. М. Максудов, *Потери населения СССР в 1918 – 1958 гг.* Подписанная псевдонимом работа советского демографа распространялась в сам-издате, была опубликована на французском языке журналом *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, vol. XVII–3.
32. *Последние новости*, 11.11.1921.
33. Горький, *О русском крестьянстве*. Берлин, 1922, стр. 43-44.
34. Там же, стр. 40-41.
35. *Правда*, 5.8.1921.
36. *Красная газета*, 6.9.1921.
37. Е. Дабкина, *Зимний перевал*. В: *Новый мир*, 1968, №10.
38. Г. З. Беседовский, *На путях к термидору*. Изд. „Мишень”, Париж, 1930, стр. 121-122.
39. Радек, *Внешняя политика Советской России*. М.–П., 1923, стр. 76-77.
40. Радек, *Пять лет Коминтерна*. 2 тома. Москва, 1924, т. 1, стр. 228.
41. Л. Каменев, *Ленинизм или троцкизм*. В: *Об „уроках Октября”*. Ленинград, 1924, стр. 3.
42. Ленин, т. 31, стр. 465.
43. Ленин, т. 27, стр. 112.

44. Сталин, т. 6, стр. 37.
45. Николай Асеев, *Стихотворения и поэмы*. Библиотека поэта. Ленинград, 1967, стр. 465.
46. Платонов, *Чевенгур*, стр. 122.
47. Там же, стр. 134.
48. И. С. Кондурушкин, *Частный капитал перед советским судом*. М.–Л., 1927, стр. 48.
49. Михаил Булгаков: *Ранняя неизданная проза*. Мюнхен, 1976, стр. 53.
50. Ленин, т. 29, стр. 535.
51. *Правда*, 17.4.1921.
52. Ленин, т. 33, стр. 7.
53. *Двенадцатый съезд РКП (б)*, стеногр. отчет, стр. 144-145.
54. *Правда*, 25.1.1921.
55. С. И. Либерман, *Дела и люди*. Нью-Йорк, 1944, стр. 115.
56. А. Коллонтай, *Рабочая оппозиция*. Цит. по: Е. Ярославский, *Краткая история ВКП (б)*. Москва, 1930, стр. 348.
57. Троцкий, *Сочинения*, т. 17, кн. 2, стр. 325.
58. Сталин, *Сочинения*, т. 5, стр. 71.
59. Юрий Либединский, *Неделя*. В: *Наши дни. Альманах*. Москва, 1922, №2, стр. 108-109.
60. Там же, стр. 111.
61. Там же, стр. 110-111. В последующих изданиях писатель „очистил” роман от всех реалистических деталей советской жизни в 1921 году.
62. Горький, *Несвоевременные мысли*. В: *Новая жизнь*, 7 (20). 11.1917.
63. *Правда*, 12.11.1921.
64. *Правда*, 21.3.1926.
65. Rosa Luxemburg, *La révolution russe. Oeuvres*, II. Paris, 1971, p. 85.
66. Сталин, *Сочинения*, т. 4, стр. 118.
67. Там же, т. 5, стр. 356.
68. Merle Fainsod, *Smolensk à l'heure de Staline*. Paris, 1967, p. 181-182.
69. *Правда*, 25.3.1922.
70. Советские историки пришли к выводу, что и дореволюционный русский пролетарий „не являлся „чистым” пролетарием”. См. Э. Э. Крузе, *Положение рабочего класса в России в 1900–1914 гг.* Ленинград, 1976.
71. *Правда*, 15.11.1923.
72. *Правда*, 22.11.1923.
73. А. И. Микоян, *В начале двадцатых...* Москва, 1975, стр. 250.
74. Fainsod, op. cit., p. 60.
75. Nikita Struve, *Les chretiens en U.R.S.S.* Paris, 1963, p. 20.
76. *Вопросы истории религии и атеизма*. 5. Москва, 1958, стр. 16–20р
77. Так подписывался священник-расстрига Галкин, до революции один из завсегдатаев Распутина. См. А. Левитин, В. Шавров, *Очерки по истории русской церковной смуты*. В 3 томах. Кюзнахт, 1977, т. 1, стр.58.
78. Мих. Горев, *Троицкая лавра и Сергей Радонежский*. Москва, 1920, стр. 47.
79. Кускова, указ. соч.

80. *Правда*, 17.11.1922.
81. *Вестник РСХД* (Париж, Нью-Йорк), 1970, №98, стр. 57.
82. Там же, стр. 56.
83. Struve, op. cit., p. 34.
84. *Правда*, 5.8.1922.
85. Struve, op. cit., p. 32.
86. Левитин, Шавров, указ. соч., стр. 54.
87. Мих. Горев, *Агония церковной контрреволюции*. В: *Известия*, 2.6.1922.
88. *Правда*, 6.8.1922.
89. Ленин, т. 51, стр. 48.
90. Там же, стр. 52.
91. Д. Л. Голиков, *Крушение антисоветского подполья в СССР*. Т. 2, стр. 115.
92. Софинов, указ. соч., стр. 238.
93. *В. И. Ленин и ВЧК*. Сборник документов. Москва, 1975, стр. 640.
94. Голиков, указ. соч., стр. 110.
95. Там же, стр. 111.
96. Там же, стр. 112.
97. Либерман, указ. соч., стр. 93.
98. Ленин, т. 53, стр. 169.
99. Victor Serge, *Memoirs d'un revolutionnaire. 1901–1941*. Paris, 1951, p. 166.
100. И. Эренбург, *Рвач*. В: *Собр. соч. в 9 томах*, т. 2. Москва, 1964, стр. 79.
101. *Правда*, 1.3.1923.
102. Голиков, указ. соч., стр. 156-157.
103. Ленин, т. 54, стр. 265–267.
104. И. Вознесенский, *Имена и судьбы. Над юбилейным списком АН*. В: *Память*. Выпуск первый. Москва, 1976, Нью-Йорк, 1978, стр. 377.
105. Ленин, т. 54, стр. 265-266.
106. Там же, т. 45, стр. 190-191.
107. Там же, стр. 189.
108. Там же, т. 45.
109. Leszek Kołakowski, *Główne nurty marksizmu*. Paryż, 1977. Т. 2, str. 518.
110. Г. Федюкин, *Великий Октябрь и интеллигенция*, стр. 287.
111. Ленин, т. 44, стр. 5.
112. П. Е. Ковалевский, *Зарубежная Россия*. Париж, 1972, стр. 12.
113. И. Я. Трифонов, *Ликвидация эксплуататорских классов в СССР*. Москва, 1975, стр. 169.
114. Федюкин, указ. соч., стр. 233.
115. Там же, стр. 271.
116. И. Гурович, *Записки эмигранта*. Петроград–Москва, 1923, стр. 166.
117. Д. Аминадо, *Поезд на третьем пути*. Нью-Йорк, 1954, стр. 282-283.
118. Там же.
119. *Правда*, 30.5.1920.
120. Н. Устрялов, *В борьбе за Россию*. Харбин, 1920, стр. 63.
121. Там же, стр. 21.
122. Там же, стр. 47.

123. Там же, стр. 34.
124. Там же, стр. 55.
125. Там же, стр. 36.
126. Там же, стр. 69.
127. Там же, стр. 48.
128. Там же, стр. 36.
129. Там же, стр. 36.
130. Там же, стр. 55.
131. В. Шульгин, *1920 год*. София, 1922, стр. 275-276.
132. Н. Устрялов, *Под знаком революции*. (Сборник статей). Харбин, 1927, стр. 26.
133. Там же, стр. 15.
134. Там же, стр. 28.
135. Б. Пильняк, *Избранные произведения*. Москва, 1976, стр. 95.
136. Устрялов, *Под знаком революции*, стр. 28.
137. *Большая советская энциклопедия*. Изд. 1, т. 64, стр. 162.
138. Устрялов, *Под знаком революции*, стр. 72.
139. *Известия*, 13.10.1921.
140. *Правда*, 14.10.1921.
141. Устрялов, *Под знаком революции*, стр. 70.
142. Там же, стр. 102.
143. Там же, стр. 142.
144. *Правда*, 3.9.1922.
145. Устрялов, *Под знаком революции*, стр. 111.
146. И. П. Трайнин, *СССР и национальная проблема*. Москва, 1924, стр. 26.
147. Ленин, т. 45, стр. 358.
148. Мария Скрыпник, *Воспоминания об Ильиче*. Москва, 1965, стр. 68-69.
149. Сталин, т. 5, стр. 301–312.
150. *Первый съезд советских писателей. Стенографический отчет*. Москва, 1934, стр. 66.
151. В. В. Пентковская, *Роль В. И. Ленина в образовании СССР*. В: *Вопросы истории*, 1956, №3, стр. 17.
152. *Коммунист*, 1956, №10, стр. 37.
153. Ж. Л. Златопольский, *Образование и развитие СССР как союзного государства*. Москва, 1954, стр. 132-133.
154. Ленин, т. 45, стр. 345-346.
155. Ленин, *Сочинения*, изд. 4, т. 32, стр. 40.
156. Ленин, т. 45, стр. 346.
157. Boris Souvarine, *Staline: pourquoi et comment*. Dans: *Est et West*, 1977, Nr 602 (1–15.XI).
158. Троцкий, *Уроки Октября*. Москва, 1924, стр. 28.
159. Цит. по Ярославский, указ. соч., стр. 391–393.
160. Boris Souvarine, *Staline*. *Aperçu Historique du Bolchevisme*. Paris, 1977.
161. Либерман, указ. соч., стр. 80.
162. Ярославский, указ. соч., стр. 387.
163. В. Колбановский, *Изучение мозга Ленина*. В: *Молодая гвардия*, 1929, №2, стр. 81.

164. Там же, стр. 82.
165. Мариэтта Шагинян, *Дневники*. Ленинград, 1930, стр. 39.
166. *Ленинградская правда*, 26.7.1925.
167. М. Ларсонс, *На советской службе. Записки спеца*. Париж, 1930, стр. 70.
168. Шагинян, указ. соч., стр. 113.
169. Н. Евреинов, *Как живет рабочий*. Изд. ВЦСПС, 1925, стр. 64.
170. Кондурушкин, указ. соч., стр. 220.
171. Там же, стр. 48.
172. Микоян, указ. соч., стр. 24.
173. *Правда*, 4.9.1922.
174. Сталин, т. 9, стр. 192.
175. Цит. по: Г. Фурман, *Антиалкогольная неделя. В: Революция и культура*, 1929, №18, стр. 72.
176. Там же, стр. 73.
177. Кондурушкин, указ. соч., стр. 221.
178. Лев Гумилевский, *Собачий переулок*. Рига, 1928, стр. 204-205.
179. Serge, op. cit., p. 226.
180. Н. Бухарин, *Азбука коммунизма*. Москва, 1928, стр. 126.
181. А. Гойхберг, *Закон о браке*. Москва, 1922, стр. 63.
182. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 10.
183. В. Н. Шульгин, *Педагогика переходного периода*. Москва, 1927, стр. 97.
184. В. Катаньян, *Протоколы о несостоятельности*. В: *Молодая гвардия*, 1930, №17, стр. 103.
185. О. Литовский, *Догнать! Театральная зима 1930 г.* В: *Молодая гвардия*, 1930, №9, стр. 93.
186. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 1.
187. *Правда*, 2.12.1925.
188. Ленин, *Сочинения*, изд. 4, т. 33, стр. 55.
189. Михаил Кольцов, *Избранные произведения в 3 томах*. Москва, 1957, т. 1, стр. 578.
190. *Молодая гвардия*, 1923, №7.
191. Struve, op. cit., p. 39.
192. Лев Регельсон, *Трагедия русской церкви, 1917–1945*. Париж, 1977, стр. 118.
193. Сталин, т. 10, стр. 133.
194. *За рубежом. Хроника семьи Зерновых*. Париж, 1973, стр. 19.
195. П. Н. Милюков, *Эмиграция на перепутье*. Париж, 1926, стр. 72.
196. *Исход к Востоку*, стр. IV.
197. Там же, стр. I.
198. Там же, стр. 2.
199. Там же, стр. VII.
200. Там же.
201. Там же, стр. 83.
202. Там же, стр. 84.
203. Там же.
204. Там же, стр. 85.

205. В. С. Варшавский, *Незамеченное поколение*. Нью-Йорк, 1966, стр. 53.
206. *Евразийство. (Опыт систематического изложения)*. Евразийское книгоиздательство, 1926, стр. 47.
207. Г. Федотов, *И есть и будет*. Париж, 1932, стр. 133.
208. В. Набоков, *Годовщина*. В: *Речь*, 18.11.1927.
209. Сталин, *Сочинения*, т. 6, стр. 277-278.
210. Выступление члена ленинградской делегации Глебова-Авидова. *Четырнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет*. Москва, 1926, стр. 791.
211. Цит. по: Ст. Иванович, *ВКП. Десять лет коммунистической монополии*. Париж, 1928, стр. 172.
212. *Правда*, 28.11.1923.
213. *Правда*, 5.12.1923.
214. *Правда*, 22.11.1923.
215. *Правда*, 18.11.1923.
216. *Четырнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет*, стр. 570.
217. Там же, стр. 600-601.
218. *Известия*, 22.10.1923.
219. *Правда*, 8.12.1924.
220. *Партия в цифровом отношении*. Материалы по статистике личного состава партии. Москва, 1925, стр. 93-94.
221. Сталин, т. 7, стр. 379-380.
222. Сталин, т. 5, стр. 382.
223. Сталин, т. 6, стр. 275.
224. *Северная коммуна*, 14.3.1919 (в собраниях сочинений нет).
225. Есть в 2-м и 3-м изданиях „собраний сочинений“, нет в 4-м и 5-м.
226. Троцкий, *Блок правых и левых. Сентябрь 1931*. В: *Writings, 1930-1931*, р. 5.
227. Троцкий, *Writings 1932*, р. 336.
228. Троцкий, *Writings 1932-1933*, р. 279.
229. Троцкий, *Их и наша мораль*. Париж, 1966, стр. 95.
230. Kołakowski, op. cit., т. 3, str. 204.
231. E. H. Carr, *Socialism in One Country*. I, p. 195.
232. *Правда*, 28.11.1925.
233. Выступление Н. Бухарина на Четырнадцатом съезде. *Стеногр. отчет*, стр. 150-151.
234. Сталин, *Вопросы ленинизма*. Изд. 9. Москва, 1933, стр. 160. В позднейших изданиях этого текста нет.
235. Устрялов, *Под знаком революции*, стр. 194.
236. Там же, стр. 224.
237. Там же, стр. 234-235.
238. Там же, стр. 239.
239. Там же, стр. 236.
240. Там же, стр. 268-269.
241. *Правда*, 14.11.1922.
242. Сталин, т. 7, стр. 250.

243. *Пятнадцатый съезд ВКП (б). Стенографический отчет*, стр. 251-252.
244. Там же, стр. 261.
245. Сталин, т. 10, стр. 190.
246. Souvarine, Staline, p. 352.
247. *Новая жизнь*, 26.4.1918.
248. *Известия*, 14.8.1922.
249. В. В. Горбунов, *В. И. Ленин и Пролеткульт*. Москва, 1974, стр. 5.
250. Цит. по: Горбунов, указ. соч., стр. 146.
251. *Вопросы истории КПСС*, 1958, №1, стр. 33.
252. *Пролетарская культура*, 1921, №20-21, стр. 33.
253. *Архив А. М. Горького. Неизданная переписка*. Том 14.
254. Цит. по: Мариэтта Шагинян, *Литературный дневник*. М.—П., 1923, стр. 168.
255. *Воспоминания о В. И. Ленине в 5 томах*, т. 5. Москва, 1969, стр. 13.
256. *Правда*, 8.11.1921.
257. *За глубокую разработку истории советской литературы*. В: *Коммунист*, 1956, №12.
258. Замятин, *Лица*, стр. 189.
259. Замятин, *Мы*. Нью-Йорк, 1967, стр. 61.
260. Замятин, *Лица*, стр. 190.
261. Цит. по: Malevich. Amsterdam, 1970, p. 51.
262. Цит. по речи-доносу И. Лежнева на Первом съезде советских писателей. *Стенографический отчет*. Москва, 1934, стр. 174.
263. А. Блок, *Собрание сочинений в 8 томах*.
264. П. С. Коган, *Литература этих лет. 1917—1923*. Иваново-Вознесенск, 1924, стр. 79.
265. Замятин, *Мы*, стр. 5.
266. См. анализ „чекистской литературы” в: М. Геллер, *Концентрационный мир и советская литература*. Лондон, 1974.
267. Коган, указ. соч., стр. 73.
268. *Судьбы современной интеллигенции*. Московский рабочий, 1925, стр. 3.
269. Там же, стр. 7.
270. Там же.
271. Там же, стр. 17.
272. *Коммунистический труд*, 14.12.1920.
273. *Судьбы современной интеллигенции*, стр. 18-19.
274. Там же, стр. 31.
275. Там же, стр. 34.
276. Там же, стр. 24.
277. Там же, стр. 25.
278. Там же.
279. Там же, стр. 24.
280. Там же, стр. 27.
281. Там же, стр. 30.
282. Федюкин, указ. соч., стр. 357.
283. *Правда*, 1.8.1925.

284. *Журналист*, 1925, № 8-9.
285. *Литературное наследство*, т. 65. Москва, 1958, стр. 40.

Глава 4: Поиски конфликтов (1926 – 1928)

1. Н. Валентинов, *Доктрина правого коммунизма*. Мюнхен, 1960, стр. 44.
2. Там же, стр. 67.
3. *Экономическая жизнь*, 2.11.1926.
4. Там же.
5. *Большевик*, 13.9.1926.
6. Б. Пильняк, *Красное дерево*. В: *Опальные повести*. Нью-Йорк, 1955, стр. 185.
7. *Молодая гвардия*, 1929, №5, стр. 2–6.
8. *Молодая гвардия*, 1929, №10, стр. 83–92.
9. *Правда*, 12.1.1923.
10. Микоян, указ. соч., стр. 156.
11. *Краткая история советского кино*. Москва, 1969, стр. 132.
12. А. Тишков, *Первый чекист*. Москва, 1968, стр. 128.
13. *Коммунист*, 1957, №5, стр. 23.
14. Тишков, указ. соч., стр. 126.
15. Н. Валентинов (Вольский), *НЭП и кризис партии после смерти Ленина*. Институт Гувера. Станфорд, 1971, стр. 101.
16. Там же, стр. 102.
17. По данным *Планового хозяйства* (1926, №2, стр. 132) в 1925-26 гг. в стране было 1 728 364 безработных.
18. Цит. по: Н. Валентинов, *Доктрина правого коммунизма*, стр. 74.
19. *Большевик*, 1926, №14.
20. *Правда*, 14.8.1926.
21. *Правда*, 7.10.1926.
22. A. Ciliga, *Au pays du mensonge déconcertant*. Paris, 1950, p. 12.
23. *Известия*, 22.3.1925.
24. См. Валентинов, *Доктрина правого коммунизма*, стр. 79.
25. Сталин, т. 11, стр. 171.
26. Пильняк, *Красное дерево*, стр. 208-209.
27. Ciliga, *op. cit.*, p. 35.
28. Сталин, т. 11, стр. 63.
29. Роберт Конквест, *Большой террор*. Флоренция, 1974, стр. 989.
30. Alexander Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*. London, 1954, p. 21.
31. *Правда*, 19.5.1920.
32. *Правда*, 18.5.1928.
33. Ярославский, указ. соч., стр. 355-356.
34. W. G. Krivitsky, *I was Stalin's Agent*. London, p. 39.
35. *Ibid.*, p. 65.
36. Г. С. Агабеков, *Записки чекиста*. Берлин, 1930, стр. 104.
37. Anthony C. Sutton, *Western Technology and Soviet Economic Development 1917–1930*. Stanford University, 1972, p. 320.

38. Ibid., p. 263–265.
39. Ibid., p. 325-326, 347-348.
40. Китайская восточная железная дорога (КВЖД) – часть Сибирской магистрали, длиной в 1481 км. (с веткой от г. Харбина длиной в 240 км.) пересекавшая Манчжурию. Была построена русским правительством в 1903 году.
41. Sutton, op. cit., p. 348.
42. *Экономическая жизнь*, 29.9.1929.
43. Ivy Lee, USSR: A World Enigma. London, 1927.
44. Bob Considine, Un American à Moscou. La vie extraordinaire du docteur Armand Hammer. Paris, 1978, p. 73.
45. Цит. по: Robert C. Tucker, The Emergence of Stalin's Foreign Policy. In: *Slavic Review*, 1977, vol. 36, Nr 4, p. 567.
46. René Fülöp-Miller, The Mind and Face of Bolshevism. New York, 1927, p. 243.
47. Ruth Epperson-Kennel, The Draiser and Soviet Union. New York, 1969, p. 69-70.
48. Сталин, т. 12, стр. 112.
49. Там же, стр. 200.
50. Сталин, т. 11, стр. 327.
51. *Судьбы современной интеллигенции*, стр. 41.
52. *Итоги десятилетия советской власти в цифрах*. Москва, 1927, стр. 116.
53. М. Н. Гернет, *История царской тюрьмы в 5 томах*. Москва, 1960–1963, т. 4, стр. 23.
54. Ленин, т. 6, стр. 225.
55. Fülöp-Miller, op. cit., p. 270.
56. Boris Cederholm, Au Pays du Nep et de la Tschéka. Paris, 1928.
57. Georges Popoff, La Tschéka. Paris, 1926.
58. И. Эренбург, *Жизнь и гибель Николая Курбова*. Берлин, 1923, стр. 98.
59. *История советского государства и права*, т. 2, стр. 575.
60. *Правда*, 18.12.1927.
61. *Известия*, 9.6.1927.
62. Н. Бухарин, *Ленин и проблема культурной революции*. В: *Путь к социализму в России*. Нью-Йорк, 1967, стр. 375.
63. Alfred Fabre-Luce, Russie 1927. Paris, 1927, p. 264.

Глава 5: Великий перелом (1929–1934)

1. *КПСС в резолюциях*. Москва, 1970, т. 4, стр. 227.
2. Агабеков, указ. соч., стр. 152.
3. Л. Кассиль, *На злобу дня седьмого*. В: *Молодая гвардия*, 1930, №1, стр. 99.
4. Alec Nove, An Economic History of the USSR. 1972, p. 145.
5. Ibid., p. 146.
6. *Бюллетень оппозиции* (Париж), 1932, №29-30, стр. 34.

7. *Проблемы экономики*, 1929, №10-11, стр. 27.
8. Fainsod, op. cit., p. 348.
9. Ф. Гладков, *Энергия*. Москва, 1936, стр. 375.
10. Fainsod, op. cit., p. 348.
11. Margaret Buber-Neumann, Von Potsdam nach Moskau. Stationen eines Irrweges. Stuttgart, 1957, S. 322.
12. Fainsod, op. cit., p. 344.
13. Ibid., p. 346.
14. Ciliga, op. cit., p. 75.
15. Fainsod, op. cit., p. 344.
16. Сталин, т. 12, стр. 14.
17. Там же, стр. 12.
18. Глубокий политический, социологический и психологический анализ показательных процессов дан в *Архипелаге ГУЛаг* А. Солженицына.
19. Е. Ярославский, *Мечты Чайных и советская действительность*. В: *Правда*, 18.10.1930.
20. С. Крылов, *Кондратьевщина и правый уклон*. В: *Правда*, 10.10.1930.
21. *Плановое хозяйство*, 1933, №5-6, стр. 15.
22. Krivitsky, op. cit., p. 187.
23. А. Солженицын, прошедший по трассе канала в 1967 году, обнаружил, что канал не используется. *Архипелаг ГУЛаг*. Париж, 1972, т. 1.
24. Сталин, т. 13, стр. 183.
25. *Пятилетний план*. Москва, 1928, т. 1, стр. 104-105.
26. Сталин, Отчет на Семнадцатом съезде, 26.1.1934.
27. *Экономическая газета*, 18.6.1932.
28. Там же.
29. Krivitsky, op. cit., pp. 135–158.
30. Sutton, op. cit., vol. 2, p. 249.
31. *Правда*, 2.2.1935.
32. Сталин, т. 12, стр. 125-126.
33. Там же, стр. 140.
34. Там же, стр. 146.
35. Там же, стр. 169.
36. Там же, стр. 170.
37. Сталин, т. 10, стр. 221, 225.
38. Сталин, т. 12, стр. 168.
39. *История СССР в 10 томах*, т. 8, стр. 551.
40. *Вопросы истории КПСС*, 1962, №4, стр. 61–65.
41. Цит. по: Сталин, т. 12, стр. 134.
42. *История КПСС*. Москва, 1960, стр. 423.
43. *История СССР*, т. 8, стр. 550.
44. Там же, стр. 571.
45. Krivitsky, op. cit., p. 11.
46. Владимир Тендряков, *Кончина*. В: *Москва*, 1968, №3, стр. 37.
47. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 25, стр. 228.
48. *Исторические записки*, №76, стр. 20.

49. *Сельское хозяйство СССР*. Ежегодник. 1935, стр. 217.
50. *Народное хозяйство Казахской ССР*. Алма-Ата, 1957, стр. 141.
51. *Правда*, 26.5.1964.
52. Khrushchev Remembers, vol. 2, p. 112.
53. С. Дмитриевский, *Советские портреты*. Берлин, 1932, стр. 57.
54. Krivitsky, op. cit., p. 10-11.
55. Сталин, т. 13, стр. 204.
56. *Правда*, 2.10.1932.
57. Сталин, Отчетный доклад на Семнадцатом съезде, 26.1.1934.
58. *Исторические записки*, №76, стр. 52.
59. См. Fainsod, op. cit., p. 215.
60. W. H. Chamberlin, *Russia's Iron Age*. Boston, 1934, p. 157.
61. *История СССР*, т. 8, стр. 587-588.
62. Там же, стр. 594.
63. Winston S. Churchill, *The Second World War*. London, 1951, vol. 4, p. 447-448.
64. *Правда*, 29.1.1935.
65. Справочник ЦУНХУ *Социалистическое строительство СССР*. Москва, 1934.
66. Oglov, op. cit., p. 40.
67. Б. Ц. Урланис, *Проблемы динамики населения*. Москва, 1974.
68. Конквест, указ. соч., стр. 57.
69. Цит. по: *Народная правда* (Париж), декабрь 1949, стр. 2; И. Г. Дядькин, *Оценка неестественной смертности населения СССР в 1927–1958 гг.* „Самиздат”, Москва.
70. М. Бакунин, *Народное дело*. Лондон, 1862, стр. 19.
71. Сергей Залыгин, *На Иртыше*. В: *Избранные произведения в двух томах*. Москва, 1973, т. 1, стр. 492.
72. Иван Бунин, *Окаянные дни*. Лондон (Канада), 1973, стр. 71-72.
73. С. Дмитриевский, *Сталин*. Берлин, 1931, стр. 312.
74. Там же, стр. 313.
75. Дмитриевский, *Советские портреты*, стр. 106.
76. См. Robert C. Tucker, *The Rise of Stalin's Personality Cult*. In: *American Historical Review*, 1979, vol. 84, Nr 2, p. 348-349.
77. Дмитриевский, *Советские портреты*, стр. 142.
78. Там же, стр. 143.
79. Там же.
80. Ciliga, op. cit., p. 217.
81. Krivitsky, op. cit., p. 203.
82. Троцкий, *Сталин как теоретик*. В: *Бюллетень оппозиции* (Париж), 1930, №14 (август), стр. 24–37.
83. Там же, стр. 16.
84. Цит. по: Isaac Deutscher, *The Prophet Outcast*. Trotsky: 1929–1940. Oxford, 1963, p. 175.
85. *Правда*, 4.2.1931.
86. Дмитриевский, *Сталин*, стр. 8.

87. Там же, стр. 281.
88. Там же, стр. 297.
89. Там же.
90. Там же, стр. 304.
91. Там же, стр. 335.
92. Дмитриевский. *Советские портреты*, стр. 128.
93. Дмитриевский. *Сталин*, стр. 312.
94. Henri Barbusse, *Staline. Un Monde Nouveau vu a travers un Homme*. Paris, 1935, p. 319-320.
95. Дмитриевский. *Сталин*, стр. 335.
96. Barbusse, op. cit., p. 320.
97. Агабеков, указ. соч., стр. 178-179.
98. Alexandre Barmine, *Vingt ans au service de l'URSS. Souvenirs d'un Diplome Soviétique*. Paris, 1939, p. 239.
99. Ibid., p. 283.
100. Buber-Neumann, op. cit., S. 284.
101. The Communist International, X, Nr 11 (15.6.1933), p. 367.
102. Trotsky, *Writings 1938-1939*, p. 21.
103. Trotsky, *Writings 1939-1940*, p. 190.
104. Цит. по: Warren Lerner, Karl Radek. *The last International*. Stanford, 1970, p. 121.
105. Popoff, op. cit., p. IV.
106. Arthur Koestler, op. cit., p. 345.
107. Василий Розанов, *Избранное*. Мюнхен, 1970, стр. 494.
108. *Литературная газета*, 13.1.1930.
109. Arthur Koestler, *The Invisible Writing*. London, 1969, p. 189.
110. Книга издана в Москве в 1937 году.
111. Ella Winter, *Red Virtue: Human Relationship in the New Russia*. New York, 1933, p. 39.
112. Peter G. Filene, *Americans and the Soviet Experiment. 1917-1933*. Harvard University Press, 1967, p. 197.
113. David Caute, *Les Compagnons de Route. 1917-1968*. Paris, 1979, p. 85.
114. Filene, op. cit., p. 141.
115. Buber-Neumann, *La Revolution Mondiale*. Paris, 1970, p. 301.
116. Цит. по: Caute, op. cit., p. 86.
117. Ibid., p. 115.
118. Serge, op. cit., p. 301.
119. Сталин, т. 13, стр. 104-105.
120. Там же, стр. 109.
121. Там же, стр. 111-112.
122. *История советского государства и права*, т. 2, стр. 494.
123. *Свод законов*, 1932, №62, стр. 360.
124. *История советского государства и права*, т. 2, стр. 588.
125. *История СССР*, т. 8, стр. 584.
126. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 6.
127. *Правда*, 2.10.1932.

128. *Правда*, 7.7.1932.
129. Souvarine, Derniers entretiens avec Babel. Dans: Contrepoint, 1979, Nr 30.
130. *Свод законов*, 1930, №22, стр. 248.
131. См. М. Геллер, *Поэт и вождь*. В: *Континент*, 1978, №16.
132. *Стенографический отчет*. Наркомат обороны. Москва, 1937, стр. 384.
133. А. Караганов, *История одной пьесы*. В: *Знамя*, 1963, №1.
134. И. Вознесенский, *Имена и судьбы*, стр. 386.
135. Там же, стр. 397.
136. Tucker, The Rise of Stalin's Personality Cult, p. 364.
137. *Правда*, 12.1.1932.
138. Горький, *Собрание сочинений в 30 томах*, т. 27, стр. 333.
139. Koestler, The Invisible Writings, p. 329.
140. Сталин, т. 13.
141. Там же, стр. 38.
142. *Справочник партийного работника*, 1930, №7, стр. 410–422.
143. *Литературная газета*, 10.6.1929.
144. *Пролетарская революция*, 1929, кн. 1, стр. 61-62.
145. *Литературная газета*, 2.9.1929.
146. Резолюция, красным карандашом, на письме Л. Ю. Брик от 24.2.1935. См. *Память*, 1, стр. 310.
147. Souvarine, Derniers entretiens avec Babel.
148. Горький, т. 25, стр. 230.
149. Там же, стр. 235.
150. Там же.
151. Orlov, op. cit., p. 275.
152. Горький, т. 25, стр. 453.
153. Там же.
154. Сталин, т. 12, стр. 173.
155. Горький, т. 28, стр. 238.
156. Там же, стр. 460.
157. *Стенографический отчет*, стр. 550.
158. Там же, стр. 277.
159. Там же.
160. Там же, стр. 234.
161. Там же, стр. 277.
162. Там же, стр. 16.
163. Там же, стр. 681.
164. *Документ идеологической борьбы*. В: *Искусство кино*, 1964, №4, стр. 14-15.
165. *Всесоюзное творческое совещание работников советской кинематографии*. В: *За большое киноискусство*. Москва, 1935, стр. 65.
166. Горький, т. 25, стр. 196.
167. *Первый съезд советских писателей*, ч. 1.
168. Горький, т. 27, стр. 434.
169. Там же, стр. 509.
170. Там же.
171. Там же, стр. 422.

Глава 6: Социализм завоеван (1935–1938)

1. Elisabeth Lermolo, *Face of a victim*. New York, 1955.
2. Krivitsky, *op. cit.*, p. 18.
3. Конквест, указ. соч., стр. 95.
4. *Правда*, 6.12.1934.
5. *Правда*, 18.12.1934.
6. Lermolo, *op. cit.*, p. 264-265.
7. Ciliga, *op. cit.*, p. 221.
8. *Ibid.*, p. 222.
9. *Правда*, 29.8.1929.
10. Д. З. Мануильский, *Итоги социалистического строительства в СССР*. Москва, 1935, стр. 4.
11. *Ленин и Сталин о советской конституции*. Сборник статей, речей и документов. Москва, 1936, стр. 176-177.
12. *Правда*, 4.5.1935.
13. *Правда*, 1.8.1935.
14. *Правда*, 2.8.1935.
15. Saute, *op. cit.*, p. 85, 127.
16. *Правда*, 8.5.1936.
17. Ленин, *Развитие капитализма в России*.
18. *Народно-хозяйственный план на 1935 год*. Москва, 2 изд., стр. 533.
19. *Легкая индустрия*, 9.5.1937.
20. Базили, указ. соч., стр. 284.
21. Там же, стр. 286.
22. Kléber Legay, *Un Mineur français chez les Russes*. Paris, 1937, p. 70.
23. *За индустриализацию*, ноябрь 1935, май 1936: материалы о заработках стахановцев.
24. *Правда*, 23.9.1935.
25. *Бюллетень оппозиции*, 1936, №52-53.
26. *Известия*, 1.5.1936.
27. *Известия*, 1.1.1936.
28. Joachim Fest, Hitler, p. 407.
29. 28.5.1936.
30. А. С. Макаренко, *Сочинения*, т. 5, стр. 112.
31. Горький, т. 27, стр. 440.
32. Boris I. Nicolaevski, *Les dirigeants Soviétiques et la lutte pour le pouvoir*. Paris, 1969, p. 34.
33. *Правда*, 22.6.1936.
34. *Правда*, 26.11.1936.
35. Nicolaevski, *op. cit.*, p. 27.
36. *Ibid.*, p. 32.
37. Kołakowski, *op. cit.*, t. 2, str. 527.
38. Н. Валентинов, *Пятаков о большевизме*. В: *Новый журнал* (Нью-Йорк), 1958, кн. 52, стр. 149.
39. Nicolaevski, *op. cit.*, p. 37.
40. А. Я. Вышинский, *Судебные речи*. Москва, 1953, стр. 402-403.

41. Souvarine, Staline, p. 483.
42. *Правда*, 18.6.1936.
43. Марк Поповский, *Управляемая наука*. Лондон, 1978, стр. 25.
44. Там же, стр. 26.
45. Там же, стр. 28.
46. Там же, стр. 267.
47. Н. И. Бухарин, *Путь к социализму в России*. Нью-Йорк, 1967, стр. 213.
48. Nicolaevski, op. cit., p. 28.
49. *Новый журнал*, 1964, №75 (воспоминания Л. О. Цедербаум-Дан).
50. *Правда*, 30.12.1936.
51. *Правда*, 5.7.1936.
52. *Малая советская энциклопедия*. Москва, 1930, т. 6.
53. См. *Рабочий и театр*, 1932, №1, стр. 6-7.
54. *Правда*, 28.1.1936.
55. А. Белинков, *Юрий Олеша*. Мадрид, 1976, стр. 172.
56. *Völkischer Beobachter*, 29.11.1933.
57. *Film-Kurier*, 29.3.1933.
58. *Правда*, 27.1.1936.
59. Троцкий, *Сталинская школа фальсификации*. Берлин, 1932, стр. 8.
60. *Правда*, 27.1.1936.
61. Там же.
62. André Gide, *Retour de l'U.R.S.S.* Paris, 1936, p. 49.
63. *Рабочий и театр*, 1934, №1, стр. 14.
64. О пьесе *Богатыри* Демьяна Бедного. См. *Против фальсификации народного прошлого*. Москва–Ленинград, 1937, стр. 3-4.
65. *Всесоюзное совещание историков*. Москва, 1964, стр. 338.
66. Джордж Орвелл, *1984*. Рим, стр. 153.
67. *Правда*, 27.1.1936.
68. *Правда*, 22.8.1937.
69. Там же.
70. А. Hitler, *Mon Combat*. Paris, 1934, p. 420.
71. М. Н. Покровский, *Марксизм и особенности исторического развития России*. Ленинград, 1925, стр. 82.
72. Покровский, *К вопросу об историческом развитии России*. В: *Под знаменем марксизма*, 1924, №5-6, стр. 93.
73. Покровский, *Марксизм и особенности...*, стр. 78-79.
74. Постановление жюри Правительственной Комиссии... В: *Правда*, 22.8.1937.
75. Сталин, т. 13, стр. 104.
76. *Правда*, 26.6.1937.
77. Александр Невский. *Литературный сценарий*. В: Сергей Эйзенштейн, *Избранные произведения в 6 томах*. Москва, 1971, т. 6, стр. 159.
78. Там же, стр. 500.
79. *Искусство кино*, 1964, №3, стр. 4–9.
80. Петр Павленко, *На Востоке*. Москва, 1937, стр. 438-439.
81. Francis Courtade, Pierre Cadars, *Histoire du Cinema nazi*. Paris, 1972, p. 62.

82. Oswald Spengler, *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte*. 1963, p. 784.
83. Сталин, т. 8, стр. 152.
84. См. Гелий Снегирев, *Мама моя, мама... Лирико-публицистическое исследование*. В: *Континент*, №11--15.
85. *Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917-1936)*. Москва, 1968, стр. 447.
86. *Национально-государственное строительство в СССР*, стр. 450.
87. *Партийное строительство*, 1933, №5, стр. 16.
88. Иван Кошелівець, указ. соч., стр. 195.
89. Сталин, т. 13, стр. 361.
90. *Правда*, 2.1.1934.
91. М. Іаворскіі, *Історія України в стислому нарысі*. Харьков, стр. 58.
92. *Малая советская энциклопедия*, т. 9.
93. *История СССР. Эпоха социализма*. Москва, 1974, стр. 321.
94. *Правда*, 2.8.1940.
95. *История СССР*, стр. 308.
96. Fitzroy Maclean, *Eastern Approaches*. London, 1965, p. 96.
97. Khrushchev Remembers, p. 89.
98. См. Un Caligula au Kremlin. Dans: В.Е.І.Р.І. Paris, 1954, Nr 102.
99. Souvarine, *Staline*, p. 488.
100. Krivitsky, op. cit., p. 168.
101. С. Уранов, *О некоторых приемах вербовочной работы иностранных разведок*. Партиздат. ЦК ВКП (б), 1937, стр. 8. Тираж 1050 тысяч.
102. Vladimir et Eudokia Petrov, *L'Empire de la Peur*. Paris, 1957, p. 81.
103. Сталин вспомнит свою неудачную попытку расстрелять Рютина в 1933 г.
104. Krivitsky, op. cit., p. 166-168.
105. Souvarine, *Derniers entretiens avec Babel*.
106. *История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-45 в шести томах*. Москва, 1965, т. 6, стр. 124.
107. Günter Reis, Naujoks, *L'homme qui déclencha la guerre*. Paris, p. 88.
108. См. Кирилл Хенкин, *Испанский блокнот*. В: *Континент*, №16.
109. *Правда*, 24.8.1936. В 1953 году в издании *Судебных речей А. Вышинского* из списка „любимых вождей” были вычеркнуты Косиор и Постышев, стр. 422.
110. Orlov, op. cit., p. 164.
111. *Ibid.*, p. 129-130.
112. Конквест, указ. соч., стр. 962.
113. Александр Солженицын, *Архипелаг ГУЛаг*, т. 1, стр. 439.
114. Robert Conquest, Kolyma. *The Arctic death camps*. New York, 1978, p. 226-229.
115. См. John Toland, *Adolf Hitler*. Paris, 1978, vol. 1, p. 363-364.
116. Khrushchev Remembers, p. 88-89.
117. Лидия Либединская, *Зеленая лампа*. Советский писатель, 1966, стр. 374.
118. Цит. по: Guy Hentsch, *Staline négociateur*. Neuchâtel, 1967, p. 42-43.

119. Khrushchev Remembers, p. 99.
120. Fitzroy Maclean, op. cit., p. 23-24.
121. Сталин, т. 7, стр. 14.
122. Le Figaro, 7.5.1939. См. Est et Ouest, 1979, Nr 628.
123. Krivitsky, op. cit., p. 39.
124. VII Congress of CI: Stenographic Report of Proceedings. Moscow, 1939, p. 588.
125. Е. Гнедин, *Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Документы и современные комментарии*. Нью-Йорк, 1977, стр. 22.
126. G. Hilger, A. Meyer, *The Incompatible Allies. A Memoir History of German-Soviet Relations 1918- 1941*. New York, 1953, p. 262.
127. Krivitsky, op. cit., p. 38.
128. *Новый град*, 1935, №10, стр. 129.
129. Там же, стр. 131.
130. Krivitsky, op. cit., p. 254.
131. *Красная звезда*, 22.10.1965.
132. А. Шнейдер, *Записки старого москвича*. Москва, 1966, стр. 118-119.
133. Г. П. Федотов, *Россия, Европа и мы*. Париж, т. 2, стр. 288-289.
134. Хенкин, указ. соч., стр. 266-267.
135. Elisabeth K. Poretski, *Les nôtres. Vie et mort d'un agent soviétique*. Paris, 1969, p. 15-17, 256.
136. Копия письма хранится в Русском музее в Сан-Франциско. Цит. по: Петр Балакшин, *Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке*. В двух томах. Изд. Сириус, 1955, т. 2, стр. 125-126.

ХРОНОЛОГИЯ

1914

август Начало первой мировой войны.

1917

23 февраля Рабочие волнения в Петрограде.

28 февраля Создание Совета рабочих и солдатских депутатов и Комитета Думы. Сформирование Временного правительства.

2 марта Отречение Николая II.

3 марта Приезд Ленина в Петроград.

3 июля Вооруженная демонстрация рабочих и матросов в Петрограде. Репетиция переворота.

26 августа Неудача корниловского путча.

21-25 октября Большевики захватывают власть в Петрограде. В правительство – Совет народных комиссаров – входят также левые эсеры.

7 декабря Рождение ВЧК.

1918

5 января Созыв Учредительного собрания.

6 января Разгон Учредительного собрания.

3 марта Подписание мирного договора с Германией.

лето	Военный коммунизм: продрозверстка, запрещение торговли. полная национализация экономики.
30 августа	Покушение на Ленина.
осень	Развал империи, выступление окраин против советской власти, восстания в центре.
10 сентября	Красная армия, организуемая Троцким, одерживает победу под Казанью.
18 сентября	Утверждение первого советского кодекса – о семье и браке.

1919

4 марта	Создание III Интернационала.
осень	Красная армия утверждает свое превосходство на всех фронтах.

1920

январь	Страны Антанты снимают блокаду Советской республики.
февраль	Подписание мирного договора с Эстонией. За ним последуют договора с Латвией и Литвой.
апрель	Польша начинает войну против советской Украины.
7 мая	Польские войска вступают в Киев.
12 июня	Красная армия освобождает Киев.
июль	Красная армия вступает на территорию Польши.
август	Заключение торгового договора с Великобританией.
сентябрь	Поражение Красной армии под Варшавой. Конгресс народов Востока в Баку: провозглашение „священной войны британскому империализму”.
12 октября	Подписание мирного договора с Польшей.
ноябрь	Разгром армии Врангеля в Крыму – фактическое завершение гражданской войны.
апрель -май	Начало гражданской войны.
июнь	Создание первых концентрационных лагерей.
июль	Принятие Конституции РСФСР. Левые эсеры делают неудачную попытку свергнуть Ленина. Изгоняются из правительства, которое становится однопартийным – большевистским.

1921

- март Восстание моряков Кронштадта – высшая точка крестьянской войны, охватившей всю территорию страны. Кровавое подавление восстания.
X съезд партии: решение о переходе к новой экономической политике (НЭП), запрещение фракций.
- 18 марта Вторжение Красной армии в Грузию, капитуляция правительства республики. Завершение советизации Кавказа.
- лето Голод охватил территорию, на которой живет 20% населения.
- 21 июля Создание общественного Комитета помощи голодающим.
- 7 августа Смерть Блока.
- 21 августа Соглашение между советским правительством и американской филантропической организацией АРА о поставке продовольствия голодающим.
- 31 августа Роспуск общественного Комитета, арест его членов. Процесс т. н. Петербургской боевой организации – последнее „крупное дело” ВЧК. Среди расстрелянных ученые и поэт Н. Гумилев.

1922

- апрель Избрание И. В. Сталина генеральным секретарем ЦК. Подписание в Рапалло договора с Германией.
- июнь Процесс социалистов-революционеров: первый показательный процесс, организованный ГПУ, которому в феврале были переданы все функции ВЧК.
- 8 июня СНК учреждает Главное управление по делам литературы и искусства (Главлит), объединяющий „все роды цензуры”.
- август Решение о высылке из Советской республики „людей мысли”.
- октябрь Начало денежной реформы: госбанк получает право выпуска червонцев – банковских билетов, приравненных к 10 дореволюционным золотым рублям.
- декабрь Второй приступ болезни Ленина.

1923

январь Введение спиртоводочной монополии.
июль Принятие Конституции СССР.

1924

21 января Смерть Ленина.
31 января Вступление в силу конституции.
февраль - март Завершение денежной реформы: устойчивость рубля способствует восстановлению экономики.
„Ленинский призыв“: партия принимает 200 тыс. новых членов.
Руководство партией и страной в руках „триумвирата“: Зиновьев – Каменев – Сталин.
октябрь Франция „признает“ Советскую республику: на протяжении 1924 г. СССР был признан Великобританией, Италией, Норвегией, Австрией, Грецией, Швецией, Китаем, Данией.

1925

апрель Бухарин призывает крестьян „обогащаться“, формулируя аграрную политику Сталина в этот момент.
август ЦК принимает первую резолюцию „в области художественной литературы“.
ноябрь В ночь на 28 покончил самоубийством С. Есенин.

1926

апрель Зиновьев выводится из Политбюро – Сталин начинает восхождение к единоличной власти.
октябрь Утверждается новый кодекс семейного права, окончательно разрушающий „буржуазную семью“.
Троцкий исключается из Политбюро.

1927

июль „Объединенная оппозиция“ (Троцкий – Зиновьев – Каменев) в письме ЦК критикует политику Сталина в партии.
11 июля Тайная встреча Каменева и Бухарина, обнаружившего порочность политики Сталина.

осень Крестьяне сокращают продажу хлеба государству, протестуя против низких заготовительных цен.
ноябрь Троцкий и Зиновьев исключаются из партии.

1928

январь Сталин совершает поездку по Сибири. Дает директиву о насильственной заготовке хлеба.
28 мая Высылка Троцкого в Алма-Ату.
Первый временный приезд Горького в СССР.
май-июль Шахтинский процесс.
июль Шестой конгресс Коминтерна: главный враг — социалистические партии (социал-фашисты).

1929

январь Высылка Троцкого из СССР.
апрель Шестнадцатая партконференция утверждает первый пятилетний план, выполнение которого должно было начаться в октябре 1928.
сентябрь - Вооруженный конфликт с Китаем в Маньчжурии.
декабрь Бухарин выведен из Политбюро: „правая опасность” объявляется главной.
ноябрь
21 декабря 50-летие со дня рождения Сталина — рождение культа Вождя.
27 декабря Сталин объявляет на конференции марксистов-аграрников об окончании НЭПа, о переходе к политике коллективизации и ликвидации кулака как класса.

1930

2 марта *Правда* публикует статью Сталина „Головокружение от успехов”, задерживающую на короткий срок „сплошную коллективизацию”.
14 апреля Самоубийство В. Маяковского.
август Закрытый процесс группы бактериологов во главе с проф. Каратыгиным, обвиненных в организации конского падежа. Обвиняемые приговорены к расстрелу.

- сентябрь Закрытый процесс работников пищевой промышленности во главе с проф. Рязановым, обвиненных в организации голода населения. 48 обвиняемых приговорены к расстрелу.
- 15 ноября *Правда* и *Известия* публикуют статью Горького „Если враг не сдастся его уничтожают”.
- ноябрь-декабрь Процесс „Промпартии”: группа инженеров и техников обвиняется во вредительстве и заговоре с целью свержения советской власти.

1931

- март Процесс меньшевиков, обвиненных во вредительстве в области планирования.
- август Постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе: отменяются все реформы школьного обучения, осуществленные после революции.
- сентябрь Коллективизировано ок. 60% сельских хозяйств.
- октябрь *Пролетарская революция* публикует статью Сталина „О некоторых вопросах истории большевизма”. Она знаменует установление идеологического самодержавия Сталина.

1932

- 23 апреля Постановление ЦК ВКП(б) „О перестройке литературно-художественных организаций”: ликвидируются все ассоциации, группы, течения в литературе, живописи, музыке, архитектуре.
- 15 мая Объявляется „антирелигиозная пятилетка”, намекающая ликвидацию к 1 мая 1937 г. всех молитвенных домов в СССР и „изгнание самого понятия Бога”.
- 7 августа Закон „Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и коопераций и укреплении общественной (социалистической) собственности”: закон предусматривал как меру наказания — расстрел, а при наличии смягчающих обстоятельств — 10 лет лагерей.
- декабрь Введение паспортов, отмененных после революции: право на паспорта имели только жители городов.

1933

- январь Сталин информирует о выполнении „по основным показателям” первой пятилетки в 4 года.
- апрель Последний большой показательный процесс „вредителей” – в числе обвиняемых 7 английских инженеров.
- 16 ноября Установление дипломатических отношений между США и СССР.

1934

- январь Семнадцатый съезд партии – „съезд победителей”.
- 8 июня Принят закон об „измене родине”: предусматривает единственное наказание – смертную казнь, вводит коллективную ответственность членов семьи.
- август Первый съезд советских писателей.
- 18 сентября СССР вступает в Лигу Наций.
- 1 декабря Убийство С. Кирова.

1935

- 1 января Отмена продовольственных карточек, введенных в 1930 году.
- 1 февраля Начинается „обмен партийных билетов” – продолжение чистки, шедшей с 1931 года.
- 23 марта Подписание соглашения о продаже КВЖД Японии.
- 2 мая Подписание с Францией Договора о консультации в случае агрессии.
- 16 мая Подписание аналогичного договора с Чехословакией.
- июль Первый физкультурный парад на Красной площади: „жить стало лучше, жить стало веселее”.
- июль-август Седьмой конгресс Коминтерна. Новая линия: объединение демократических сил против фашизма.
- 30 августа А. Стаханов добывает 102 т. угля вместо 7 т. Начало „стахановского движения”.
- сентябрь В Красной армии вводятся новые звания: лейтенант, капитан, майор, полковник, маршал.

1936

- 27 января Публикация „Замечаний” по поводу учебников истории Сталина, Жданова, Кирова, написанных в 1934 году: завершение огосударствления духовной жизни общества.
- 28 января *Правда* публикует статью „Сумбур вместо музыки”, громящую оперу Д. Шостаковича *Катерина Измайлова*.
- 27 июня Закон о запрещении аборт. Введение нового кодекса о семье и браке.
- 4 июля Постановление ЦК ВКП(б) „О педагогических извращениях”: ликвидируется наука педология.
- август Первый „московский процесс”: на скамье подсудимых Зиновьев, Каменев и 14 подельников: все приговариваются к смертной казни.
- 4 октября Сталин посылает телеграмму Хозе Диасу, выражая поддержку Испанской республике, в которой 18 июня вспыхнул мятеж Франко.
- 5 декабря Принята Конституция СССР.

1937

- январь Второй „московский” процесс. Среди 17 обвиняемых Л. Пятаков и К. Радек.
- март Выступление Сталина на „февральско-мартовском” пленуме, посвященном „усилению борьбы с врагами”.
- 1 апреля Сообщение о выполнении второй пятилетки в 4 года и 3 месяца.
- 13 июня Опубликован приказ наркома обороны об аресте группы высших военачальников, в том числе Михаила Тухачевского. Приказ сообщал о суде и расстреле всех арестованных.
- 25 сентября Телеграмма Сталина и Жданова о необходимости замены Ягоды на посту наркомвнутдела. Его место занимает Н. Ежов.
- 12 декабря Первые выборы в Верховный Совет СССР. За „блок коммунистов и беспартийных” голосовало 98,6% избирателей.

1938

- 13 марта Русский язык становится обязательным во всех школах национальных республик и автономных областей.
- март Третий „московский процесс”: главные обвиняемые Н. Бухарин и А. Рыков.
- июль Бои с японцами в районе о. Хасан.
Ежов снят с поста наркома внутренних дел.
- сентябрь Публикация *Краткого курса истории ВКП(б)*.
- декабрь Наркомом внутренних дел назначен Л. Берия.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Авербах Л. Л. – 286, 287
Агабеков Г. С. – 222, 236, 266
Алданов М. А. – 39, 98, 152
Александр II – 295
Александр III – 70
Александр Невский – 315, 316
Алексеев М. В. – 24, 80, 87
Аманулла-хан – 266
Амундсен Р. – 231
Андреева М. Ф. – 145
Андропов Ю. В. – 8
Антонов А. С. – 107, 108, 110
Антонов-Овсенко В. А. – 40, 41, 172, 195
Арманд И. – 180
Армстронг Л. – 305
Афиногенов А. Н. – 238, 273, 279
Ахматова А. А. – 209, 290

Бабель И. Э. – 209, 211, 277, 287, 324
Бажанов Б. Г. – 236
Базилли А. Н. – 298
Бакунин М. А. – 257
Барбюс А. – 264, 265
Бармин А. – 236, 266

Бахрушин С. В. – 308
Бедный Д. Е. – 215, 283, 286, 312
Безыменский А. И. – 231, 287, 289
Бейлис М. – 13
Белинков А. В. – 310
Белинский В. Г. – 286
Белый А. – 70, 205, 209
Бенкендорф А. Х. – 7, 8, 208, 286
Бердяев Н. А. – 48, 150, 153
Берзин Я. К. – 222, 294
Берия Л. П. – 323, 324, 327, 328, 336
Бернштам М. – 249
Беседовский Г. Э. – 236
Блок А. А. – 17, 43, 54, 153, 205, 206, 208, 286
Блюмкин Я. – 69, 70
Блюхер В. К. – 224, 265
Богданов А. А. – 185, 204, 205
Болн Ч. – 321
Бонч-Брусевич В. Л. – 26, 27, 30, 36, 45, 46, 50-52, 59, 62, 122, 123
Брехт Б. – 141
Брусилов А. А. – 97, 152, 153
Бубнов А. С. – 278
Булгаков М. А. – 132, 152, 212, 227, 231, 290, 310
Буллит У. – 329
Бунаков-Фондаминский И. – 332
Бунин И. А. – 152, 192, 257
Бухарин Н. И. – 35, 36, 49, 50, 78, 138, 164, 166-170, 176, 181, 193, 199, 200, 210-219, 228, 231, 232, 234-236, 239, 261, 262, 284, 293, 299-303, 305, 308, 309, 321, 328, 335

Вавилов Н. И. – 308
Валентинов (Вольский) Н. В. – 213, 214, 216, 305
Вардин И. Г. – 211
Вацетис И. И. – 69, 89, 91
Введенский А. И. – 144
Вениамин Казанский (митрополит) – 144
Венцель К. – 181
Вересаев В. В. – 207

- Веселый А. – 214, 215
 Вильсон В. – 128
 Вильсон Э. – 271, 272
 Витте С. Ю. – 13, 245
 Войков П. Л. – 228
 Вольский А. (Махайский Я.) – 55
 Воронский А. К. – 211, 285
 Ворошилов К. Е. – 202, 324
 Вышинский А. Я. – 306
- Гаммер А. – 226, 227
 Ганецкий Я. С. – 31, 32
 Гастев А. К. – 56, 230
 Геббельс И. – 269, 281, 311
 Гейдрих Р. – 325
 Гельц М. – 222
 Геринг Г. – 331
 Гиммлер Г. – 300
 Гитлер А. – 29, 62, 246, 268, 282, 289, 293, 294, 304, 314, 316, 317, 325, 327, 328, 330, 335
 Гладков Ф. В. – 239
 Гнедин Е. А. – 331
 Говард Р. – 296
 Горький А. М. – 8, 20, 29, 32, 45, 47, 51, 53, 116, 122, 126, 137, 145, 153, 203, 205, 206, 250, 264, 282, 287-291, 297
 Гредескул Н. А. – 152, 155
 Грушевский М. С. – 72
 Гувер Г. – 124
 Гумилев Н. С. – 146, 206
 Гучков А. И. – 21, 24
- Д'Абернон, лорд – 100-102
 Дан Ф. И. – 309
 Деборин А. М. – 280
 Девис Д. – 329
 Де Местр Ж. – 155
 Деникин А. И. – 80, 84-88, 90, 96, 113, 155
 Дзержинский Ф. Э. – 52, 65, 67, 78, 99, 121, 147, 148, 161, 181, 183, 216, 233, 333, 334
 Дмитриевский С. – 236, 252, 258-260, 262-265, 283, 290
- Довженко А. П. – 290, 316, 333
 Достоевский Ф. М. – 151, 289
 Драйзер Т. – 231
 Дурново П. Н. – 13
 Дюранти У. – 270
 Дядькин И. Г. – 256
- Ежов Н. И. – 286, 322-324, 328, 336
 Есенин С. А. – 208, 211, 231
 Ефремов С. А. – 319
- Жаров А. А. – 208
 Жданов А. А. – 283, 302, 311, 313, 319, 323
 Железняков А. – 51, 52
 Жид А. – 312
 Жордания Н. – 118
 Жюли М. – 307
- Залкинд А. Б. – 309
 Залыгин С. П. – 258
 Замятин Е. И. – 54, 207-209, 285, 286
 Запорожец И. – 293
 Засулич В. И. – 67
 Зиновьев Г. Е. – 30, 34, 35, 37, 44, 84, 129, 130, 134, 138, 144, 168-170, 193, 195, 196, 199-202, 204, 218, 222, 224, 235, 262, 268, 269, 294, 324
- Иван IV Грозный – 8, 305, 314, 316
 Иван Калита – 8
 Иванов В. В. – 257
 Иден А. – 328
 Инбер В. И. – 334
 Истмен М. – 169, 272
 Истрати П. – 272
- Каганович Л. М. – 281, 287, 318, 323, 325
 Казем-Бек А. Л. – 190, 191
 Каледин А. М. – 80
 Калинин М. И. – 104, 109, 123, 166, 218

- Каменев Л. Б. – 19, 25-27, 29, 31, 34, 35, 37, 44, 48, 64, 101, 124, 130, 133, 144, 166, 172, 193, 195-197, 199, 200, 202, 203, 219, 235, 262, 294, 324, 326
- Каменев С. С. – 90, 100, 108, 114
- Канделаки Д. В. – 331
- Канегиссер Л. А. – 64
- Каплан Ф., – 64, 65
- Керенский А. Ф. – 23, 24, 29, 33, 42, 43, 64, 86, 192
- Кестлер А. – 9, 269-271, 282, 327, 328
- Киров С. М. – 117, 118, 202, 260, 264, 265, 283, 291-295, 302, 311, 313, 319, 321, 324
- Клемансо Ж. – 61, 93
- Ключников Ю. В. – 152, 155, 209, 210
- Коверда Б. – 228
- Коган П. С. – 208
- Козинцев Г. М. – 290
- Козловский А. Н. – 113, 114
- Коковцев В. Н. – 13
- Колаковский Л. – 304
- Коллонтай А. М. – 31, 37, 60, 180
- Колчак А. В. – 86, 88, 90, 93, 94, 113, 155
- Кольцов М. Е. – 186
- Коммодов Н. В. – 220, 221
- Кондратьев Н. Д. – 242
- Конквест Р. – 220, 256, 294, 321, 326
- Корнилов Л. Г. – 33, 34, 44, 80
- Короленко В. Г. – 91
- Косарев А. В. – 277
- Косиор В. В. – 325
- Красин Л. Б. – 118, 127
- Краснов П. Н. – 42, 43, 80, 85, 90
- Кривицкий В. – 222, 244, 249, 252, 260, 292, 293, 325, 331, 332
- Крыленко Н. В. – 220, 279
- Крылов А. Н. – 280
- Крымов А. М. – 34, 42
- Крупская Н. К. – 42, 175, 183, 193
- Курелла А. – 264
- Кускова Е. Д. – 122-124, 150
- Кутепов А. С. – 333
- Кюстин де А. – 305, 306
- Лайонс Ю. – 280
- Ларин Ю. – 295
- Ларсонс М. – 177
- Лацис М. Я. – 66, 68, 81
- Ленин В. И. – 8, 19, 20, 22, 25-52, 55-71, 76-78, 82, 84-86, 89-91, 96, 97, 99, 100, 104, 110-123, 126-139, 143, 145-151, 155-158, 160, 161, 165-176, 180, 182, 185, 193, 194, 196, 201, 205, 211, 213, 214, 216, 226, 227, 232, 235, 248, 249, 261, 267, 280-282, 289, 290, 298, 304, 309, 311, 327
- Леонов Л. М. – 257, 302
- Леонтьев К. Н. – 153, 155, 158, 201
- Лермоло Е. – 292, 294
- Лец С.-Е. – 172
- Либединский Ю. Н. – 136
- Либерман С. И. – 134, 173
- Литвинов М. М. – 124, 329, 330
- Ллойд-Джордж Д. – 94, 101, 127, 128
- Ломинадзе Б. В. – 222, 225, 260
- Лосский Н. О. – 150
- Лукин Н. М. – 280
- Луначарский А. В. – 31, 37, 50, 203, 205, 209, 278
- Людвиг Э. – 273, 276, 291, 315
- Люксембург Р. – 128, 381
- Лысенко Т. Д. – 308
- Львов Г. Е. – 25
- Макавеев Д. – 174
- Макаренко А. С. – 301
- Макиавелли Н. – 295, 306-308
- Маклин Ф. – 321
- Малевич К. С. – 207
- Малиновский Р. В. – 19
- Мандельштам О. Э. – 209, 212, 290
- Манн Г. – 272, 288
- Мануильский Д. Э. – 295
- Маркизова Геля – 297
- Маркс К. – 8, 25, 41, 48, 60, 155, 175, 280-282, 304, 309, 318
- Марти А. – 94
- Мархлевский Ю. – 96, 99

- Махно Н. И. – 102, 111, 112
 Маяковский В. В. – 54, 206, 212, 231, 238, 286
 Медведев С. – 221, 294
 Мейерхольд В. Э. – 54
 Микоян А. И. – 141, 178, 196, 215
 Миллер Е. К. – 333
 Милюков П. Н. – 189, 192, 261
 Миронов Л. Г. – 326
 Миронов Ф. – 105
 Молотов В. М. – 166, 178, 248, 255, 256, 320, 323, 325, 326, 330
 Морозов Павлик – 301
 Муссолини Б. – 201, 266
 Мюнценберг В. – 221
 Мясников Г. – 174, 203

 Набоков В. В. – 334
 Набоков В. Д. – 192
 Наполеон I – 36, 154, 172
 Наполеон III – 307
 Наукс А. – 325
 Нейман Г. – 222, 225, 267
 Николай I – 305, 306
 Николай II – 13, 16, 17, 19, 22-24, 66, 71, 178, 245
 Николаев Л. – 292
 Николаевский Б. И. – 293, 302, 303, 305, 309
 Никулин Л. В. – 270
 Носке Г. – 289

 Орвелл Д. – 220, 313
 Орджоникидзе Г. К. – 117-119, 161, 164, 245, 325
 Орешин П. В. – 230
 Орлов А. М. – 288, 292, 325, 326, 334
 Осинский В. В. – 170, 172
 Осоргин М. А. – 122, 150
 Оссовский Я. – 217

 Павленко П. П. – 316, 322
 Павлов И. П. – 148, 280, 308
 Парvus А. Л. – 31, 32
 Паскаль П. – 36
 Пастернак Б. Л. – 209, 258

 Переверзев В. Ф. – 285, 287
 Петерс Я. Х. – 65
 Петлюра С. В. – 97
 Петр I – 8, 70, 314-317
 Петр III – 8
 Печерин В. С. – 306
 Пилсудский Ю. – 96, 97, 99, 100
 Пильняк Б. А. – 218, 219, 285, 286
 Платонов А. П. – 58, 257, 290
 Платонов С. Ф. – 308
 Плевицкая Н. – 333
 Плеханов Г. В. – 26, 27, 66, 171, 280
 Покровский М. Н. – 7, 107, 116, 183, 284, 311, 314, 315, 318
 Поповский М. – 308
 Постышев П. П. – 319, 325
 Преображенский Е. А. – 170, 172, 181, 200, 219
 Примаков В. М. – 266, 324
 Пугачев Е. И. – 102, 108
 Пудовкин В. И. – 290
 Путна В. К. – 324
 Пушкин А. С. – 208
 Пятаков Ю. Л. – 72, 78, 172, 193, 196, 218, 304, 324

 Радек К. Б. – 98, 129, 130, 246, 268, 278, 302, 311, 324, 331
 Разин С. Т. – 102, 155
 Райс И. – 335
 Раковский Х. Г. – 165, 228
 Ракоши М. – 222
 Рамзин Л. В. – 241, 242
 Распутин Г. Е. – 16, 17, 24, 25
 Рейснер Л. М. – 54
 Рид Д. – 39, 170
 Родзавевский К. – 335
 Родзянко М. В. – 22
 Розанов В. В. – 269
 Розенгольц А. П. – 328
 Рудзутак Я. Э. – 258
 Рузвельт Ф. – 330
 Рыков А. И. – 41, 44, 134, 148, 166, 179, 202, 235, 261, 321, 328
 Рютин М. Н. – 260

- Савицкий П. – 189, 190
 Сакулин П. Н. – 209, 210
 Салтыков-Щедрин М. Е. – 175
 Сапронов Т. В. – 294
 Свердлов Я. М. – 62, 79, 170
 Сельвинский М. Л. – 231
 Семашко Н. А. – 148
 Сергей, митрополит, затем патриарх – 186
 Серж В. – 292
 Скрыпник М. А. – 158, 160, 161, 319
 Скуратов М. – 8
 Слонимский А. – 327
 Смирнов Н. Г. – 230
 Сокольников Г. Ю. – 170
 Солженицын А. И. – 9, 220, 246, 291, 302, 326, 327
 Сольц А. А. – 137, 179
 Сосновский Л. С. – 206, 230
 Спиридович А. И. – 20
 Спиридонова М. А. – 46, 70
 Спирин Л. М. – 10
 Сталин И. В. – 8, 25-27, 29, 34-36, 39, 41, 62, 78, 87, 89, 90, 95, 99, 100, 117, 131, 135, 139, 161, 163, 165-176, 179, 187, 193-202, 205, 209, 216, 218, 219, 222-225, 228, 229, 231, 235-241, 244, 246-257, 260-269, 273, 276-297, 300, 302-305, 309, 311-335
 Стаханов А. Г. – 297
 Стеффенс Л. – 271
 Столыпин П. А. – 214
 Стронг А.-Л. – 272
 Струве П. Б. – 153, 155, 189, 192
 Струмилин С. Г. – 239, 297, 298
 Суварин Б. – 169, 171, 172, 203, 262, 277, 286, 287, 307, 322, 324, 330
 Султан-Галиев М. – 162, 163
 Сун Ят-Сен – 224
 Суханов Н. Н. – 27, 262, 288
 Сырцов С. И. – 259, 260
 Таганцев В. Н. – 145, 146, 242
 Тагор Р. – 241
 Таиров А. Я. – 54
 Таккер Р. – 259, 281
 Тарле Е. В. – 308
 Тельман Э. – 267
 Тендряков В. Ф. – 250
 Тийон Ш. – 94
 Тихвинский М. М. – 146
 Тихон, патриарх – 142, 143, 188
 Ткачев П. Н. – 153
 Токвиль А. – 13
 Толстой А. Н. – 152, 211, 315, 316
 Томский М. П. – 55, 166, 235
 Трауберг Л. З. – 290
 Третьяков С. М. – 284, 285
 Троцкий Л. Д. – 30-32, 34-44, 49, 62, 64, 65, 82-84, 86, 90, 92, 96, 98-100, 105, 113, 115, 118, 120, 134, 135, 137, 156, 164-174, 176, 179, 193-200, 202, 203, 206, 211, 218, 224, 229, 231, 237-239, 261-263, 267, 268, 279, 281, 282, 286, 299, 311
 Трубецкой Н. С. – 189, 190
 Трумен Г. – 329
 Тухачевский М. Н. – 99, 100, 108, 114, 324, 325, 327, 328
 Тэри Э. – 10
 Угланов Н. А. – 235, 260
 Урицкий М. С. – 64
 Урланис Б. Ц. – 256
 Устрялов Н. В. – 152-158, 201, 217, 283
 Фабр-Люс А. – 234
 Фадеев А. А. – 327
 Федин К. А. – 257
 Федотов Г. П. – 332, 334
 Фишер Л. – 228, 259
 Форд Г. – 227, 230
 Франк С. Л. – 150
 Франко Ф. – 331
 Френсис Д. – 38
 Фридрих-Вильгельм I – 317
 Фридрих II – 317

- Фриновский М. – 251
Фриче В. М. – 280
Фрунзе М. В. – 102, 108, 116, 202, 285
Фуше Ж. – 322
- Хильгер Г. – 331
Хмельницкий Б. – 320
Хрущев Н. С. – 252, 321, 323, 327,
328, 332
- Цвейг С. – 322
Цветаева М. И. – 79, 192, 209, 334
Цедергольм Б. – 233
Церетелли И. Г. – 29
Цеткин К. – 119, 180, 206
- Чан Кай-ши – 224, 225, 265
Чапаев В. И. – 85
Чаянов А. В. (И. Кремнев) – 242
Чемберлин У. – 255
Чернов В. М. – 46
Чернышевский Н. Г. – 153
Черчилль У. – 91, 94, 256, 269
Чилига А. – 217, 219, 241, 261, 292,
294
Чичерин Г. В. – 117, 228
Чхеидзе Н. С. – 22, 24
- Шагинян М. С. – 177
Шаумян С. Г. – 90
Шестаков А. В. – 320
Шестов Л. И. – 150
Шкловский В. Б. – 206, 289, 308
Шляпников А. Г. – 23, 24, 29, 32, 41,
134, 140, 221, 294
Шолохов М. А. – 231
Шостакович Д. Д. – 310
Шоу Б. – 271, 297
Шпенглер О. – 317
Шульгин В. В. – 16, 17, 24, 154
Шульгин В. Н. – 181, 185
- Щербаков А. С. – 290
Щорс Н. А. – 327
- Эберлейн Г. – 128
Эберт Ф. – 289
Эйдук А. В. – 125
Эйзенштейн С. М. – 209, 290, 316
Эйнштейн А. – 288
Энвер-паша – 160
Энгельс Ф. – 8, 41, 48, 53, 280-282,
309
Эренбург И. Г. – 152
Эфрон С. – 334, 335
- Юденич Н. Н. – 86, 87, 113
Юренев К. – 266
Юрий Долгорукий – 8
- Ягода Г. Г. – 287, 321-324, 335
Якир И. Э. – 324, 327, 328
Якубович М. П. – 243
Ярославский Е. М. – 186, 242

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	7
---------------------------	---

Глава первая

<i>КАНУНЫ</i>	10
1. Первая мировая война	10
2. Весна 1917	20
3. Осень 1917	34

Глава вторая

<i>ИЗ ЦАРСТВА НЕОБХОДИМОСТИ В ЦАРСТВО СВОБОДЫ</i> <i>(1918 – 1920)</i>	48
1. „Похабный мир”	48
2. Дух разрушающий	51
3. Рождение диктатуры	60
4. ... вплоть до отделения	70
5. Красные и белые	79
6. Интервенция	91
7. „Даешь Варшаву!”	95
8. Крестьянская война	102
9. Крестьянская война – Кронштадт	112

Глава третья	
ПОИСКИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ	116
1. Шаг назад	116
2. Двухэтажная политика.	128
3. Рыжий цвет времени	131
4. На штурм духа	142
5. Смена вех	150
6. Союз нерушимый	159
7. „Кафтан Ленина”.	166
8. Годы ожидания	175
9. Эмиграция	187
10. Кто кого.	193
11. Что делать с культурой?	203
Глава четвертая	
ПОИСКИ КОНФЛИКТОВ (1926 – 1928)	213
1. Смерть НЭПа.	213
2. Внешняя политика.	221
3. Заря новой цивилизации	229
Глава пятая	
ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ (1929 – 1934)	235
1. Пять в четыре	235
2. „На всех парах через болото”	246
3. Неудержимое восхождение Иосифа Сталина.	259
4. Спокойствие на всех границах	265
5. „Жить стало веселее...”	272
Глава шестая	
СОЦИАЛИЗМ ЗАВОЕВАН (1935 – 1938)	292
1. Убийство Кирова.	292
2. Сталинская демократическая	302
3. Обыкновенный террор.	321
4. На путях к войне.	329
ПРИМЕЧАНИЯ	337
ХРОНОЛОГИЯ	365
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	374